

ТАРЕТ

ПАТТЕРСОН

*Там, где
бродит лев*



Annotation

Жизнь диких животных в заповедных уголках Южной Африки, судьба вымирающей фауны и исчезающего коренного населения – обо всем этом увлекательно и эмоционально рассказывает англичанин Г. Паттерсон, который был другом всемирно известных зоологов Джорджа и Джой Адамсон. Автор стал продолжателем благородного дела по спасению и воспитанию молодых львов.

- [Гарет Паттерсон](#)
 - [Книга первая](#)
 - [Введение](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Постскриптум](#)
 - [Книга вторая](#)
 - [Пролог](#)
 - [Введение](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)

- [Глава двенадцатая](#)
 - [От автора](#)
-

Гарет Паттерсон
Там, где бродили львы

Книга первая

*Там, где
бродили львы*



Введение

Охрана природы... становится делом этики, от которого зависит все будущее человечества. Это своего рода религия, основывающаяся на моральных, эстетических и практических ценностях, для которой не существует какого-либо объекта почитания; но она тем не менее взывает к святым сущностям, к духовному единству всего живого.

Джордж Б. Шаллер. «Золотые тени и летящие копыта»

Меня мучает страх. Я очень обеспокоен происходящим в Африке. В глубинах моего сознания таится ужасное предчувствие – предчувствие, которое, хочется верить, не сбудется. Африка – это моя любовь, моя страсть – африканские львы, и я страшусь того, что лев как вид прекратит свое существование в вихре коренных изменений, охвативших весь африканский континент.

То, чего я так боюсь, уже случилось в Азии. Туда я приглашаю вас для начала, чтобы показать, какого рода опасность подстерегает Африку и ее львов.

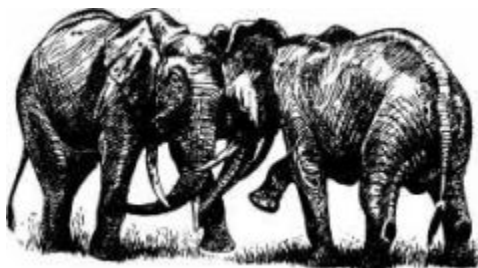
Близ селения Сасан-Гир, где делает остановку поезд, следующий на северо-запад Индии, еще живут последние в Азии львы. Сасан-Гир – это процветающий многолюдный поселок, численность населения которого выросла в три раза с начала нашего века. Знаменитый Лес Гир, где путешественник только и может увидеть сегодня азиатского льва, представляет собой восемьсот квадратных километров разреженных, низкорослых

насаждений тикового леса, остатки ранее существовавших здесь девственных лесов. Некогда предки местных львов населяли все пространство от Греции до западных пределов Центральной Азии. Сегодня они выжили на маленьком клочке земли, бывшем в прежние времена охотничьими угодьями мусульманского правителя. Здесь львы нашли временное убежище под защитой правительства Индии. Эти две сотни зверей – все, что осталось от библейского льва, того льва Иудеи, что символизировал собой храбрость и величие сильного, что делил свое жилище с Даниилом и согласился служить ему.

Львы Леса Гир лишились ныне прежнего положения, более того, утратили возможность охотиться на свою природную дичь – на пятнистых оленей. Хищники существуют теперь за счет буйволов, разводимых местными жителями. Эти люди бедны, все, что они имеют, – это молоко буйволов, из которого здесь изготавливают своеобразное сливочное масло. Местные индусы не сеют хлеб. Один буйвол, убитый львом, порой приравнивается по стоимости к трети годового заработка его хозяина. Буйволы – единственная ценность крестьянина. Поэтому не будет пощады азиатским львам в их вековом конфликте с человеком.

В начале семидесятых годов местность, где расположен Лес Гир, подверглась засухе, сильнейшей с начала нашего века. Чтобы помочь бедствующим крестьянам, индийское правительство пренебрегло статусом Леса Гир как охраняемой законом территории, и вскоре эти места заполонили свыше пятидесяти тысяч голов скота, пригнанного из обширных соседних областей пришлыми скотоводами и их семьями. Результат этого нашествия оказался поистине разрушительным. Когда вся трава и кусты были съедены скотом, крестьяне начали обрубать ветви деревьев, чтобы сохранившимися на них листьями

кормить своих голодающих коров. Корень за корнем, ветка за веткой – так они уничтожили все, оставив после себя буквально камни.



Вполне очевидно, что ни буйволы, ни львы не могли уже нормально существовать в этом разоренном и опустошенном крае. Пришла новая засуха, и то испытание, которое опять выпало на долю злосчастной земли, не успевшей оправиться от предыдущего насилия, оказалось еще более разрушительным. Как писал один из очевидцев, «люди и их скот разделили свою печальную участь со львами в умирающем лесу».

Когда я вспоминаю об этом кошмаре, свидетелями которого мы совсем недавно были в Азии, меня страшит возможность повторения того же самого с африканскими львами. Нечто подобное уже произошло со многими крупными животными, населяющими африканский континент. Дурные предчувствия не отпускают меня, ибо в эту самую минуту Африка теряет свой единственный невозобновимый естественный ресурс – дикую природу и неповторимый животный мир.

Так, менее чем за тридцать лет черный носорог – этот гигант, пришедший к нам из доисторических времен, – потерял почти все после появления на сцене человека, чей возраст как вида – в сравнении с эволюционным возрастом зверя – может быть определен лишь как младенческий. В шестидесятые годы примерно 100 000 черных носорогов населяли просторы Восточной, Центральной и Южной Африки. Сейчас их осталось менее 3 500, и численность вида стремительно сокращается. Еще совсем недавно, в

восемидесятих годах, в Замбии насчитывалось 2 750 животных, сегодня же их количество не превышает 95 особей. Носорогов преследуют ради их высоко ценимого рога, так что мы становимся очевидцами вымирания этих зверей исключительно из-за человеческой корысти.

Африканский слон тоже на пороге исчезновения. В Центрально-африканской Республике прекрасно вооруженные банды уменьшили численность местной популяции с 11 000 до 3 000 особей. В Чаде, где всего лишь шесть лет тому назад бродили 15 000 слонов, сейчас их осталось меньше чем 2 500. За время кровавого режима Иди Амина в Уганде было уничтожено 20 000 этих животных. Судан недосчитывается сегодня девяти десятых своих слоновьих стад. Слоны Заира потеряли 60 процентов своего первоначального состава. Исчезли 80 процентов слонов Кении. Вероятно, наиболее многочисленная популяция слонов обитала сравнительно недавно в труднодоступном заповеднике Силоуса в Танзании. Пока мир не ведал, что творится в Африке, массовое уничтожение постигло целые большие стада слонов. Ян Дуглас-Гамильтон, знаток этих животных и соавтор прекрасной книги «Среди слонов», писал недавно: «Сейчас существует опасность уничтожения 95 процентов мировой популяции африканских слонов. И это не пустые слова. Если так будет продолжаться, мы будем иметь несколько редких популяций, состоящих из молодых животных, панически боящихся человека».

Несомненно, именно рост народонаселения определит судьбу природы в Африке. Численность людей увеличивается с устрашающей скоростью, и за пределами охраняемых законом заповедников дикие животные будут очень скоро обречены на исчезновение. Люди и принадлежащий им скот расширяют сферу своей жизнедеятельности в борьбе за пропитание. Никто не вправе упрекать крестьянина за его

недовольство, когда он натывается на ограждение заповедника и не имеет возможности позволить своему голодающему стаду миновать преграду и пройти на тучное пастбище. Следовательно, давление на администрацию будет неизбежно усиливаться, и последнее слово окажется за реальными нуждами людей.

Это – мрачные пророчества, и картина будущего африканской природы выглядит угнетающе. Многие старейшины из числа защитников диких животных уже ушли от нас, и немало молодых специалистов покинули континент. Джой Адамсон, которая своей книгой «Рожденная свободной» и лекциями, прочитанными по всему свету, сделала так много для ознакомления людей с девственной жизнью Африки, убита жуликом, работавшим до этого у нее. Самоотверженная Диана Фосси, отдавшая четырнадцать лет делу защиты самых крупных человекообразных обезьян – горных горилл, – была избита до смерти теми же людьми, которые зверски убили ее любимую Дигит – гориллу, которая в семидесятых покорила сердца любителей животных во всем мире. Основатель Серенгети, Бернгард Гржимек, тоже умер, и его пепел, согласно последнему желанию натуралиста, развеян над равнинами, которые он так любил и сделал столь известными.

Меня страшит также, что чрезмерная нагрузка на сохранившиеся еще островки дикой природы может привести к их разрушению. Туризм – это деньги. Он увеличивает число рабочих мест, что оздоравливает экономику и способствует росту жизненного уровня. Дикая природа оправдывает свое существование, вознаграждая общество тем, что открывает возможности развития экономики. Однако природные «зоопарки» могут быть задушены туристами и сооружениями, воздвигаемыми для них, – роскошными гостиницами и кемпингами, учреждениями для

проведения экскурсий и смотровыми площадками, рассчитанными на массовую эксплуатацию. Огромный наплыв визитеров и их непомерные запросы угрожают затруднить нормальную жизнь открытых для туризма парковых территорий. Не будет большой фантазией представить себе, как микроавтобусы и автомобили снуют туда и сюда по равнине, проделывая в сезон дождей глубокие колеи и вызывая образование оврагов и дальнейшую эрозию почвы в местах, где ранее не ступала нога человека. Уже сегодня в некоторых заповедниках Восточной Африки нередко можно увидеть одновременно до шестидесяти автомашин, из которых туристы глазят на единственного отдыхающего гепарда.

Гепарды оказались одними из первых, кто пострадал от такого чрезмерного внимания приезжих в парках Восточной Африки. Автомобили окружают зверя в ранние утренние часы и по вечерам, когда тот при нормальных условиях существования должен охотой добывать свое пропитание. Хищники даже приспособились к этому, выходя на охоту днем, чтобы не пересекаться с туристами. В это время их толпы покидают равнины, поднимая целые завесы клубящейся пыли: настало время ленча, и все устремляются в лагерь. Но даже эти вновь приобретенные повадки не спасают гепардов полностью. В дневные часы зоркие грифы, парящие в вышине, камнем падают на тушу задранной гепардом антилопы. Таким образом, гепард, охотящийся в несвойственное ему время, волей-неволей уступает часть добычи своим естественным конкурентам. Борьба гепардов за выживание оказывается явно неравной. Опыт туристских поездок «на природу» может сыграть скверную шутку. Если такие поездки поощряются фирмами материально, чтобы привлечь как можно больше народу, даже тот, кто, в общем, не склонен к участию в сафари,

соблазнится просто потому, что ему предлагают выгодную сделку. И заповедник может превратиться в огромный балаган, где туристы играют роль зевак. Чем больше толпа, тем больше мусора. Так что в недалеком будущем визитерам придется фотографировать гиен, вылизывающих консервные банки, и шакалов, обнюхивающих коробки от сигарет.

Если эта мрачная картина станет реальностью – а я боюсь, что так может случиться, – то орды туристов начнут доводить до бешенства гидов, которые в результате перестанут относиться к своему делу с прежней ответственностью. Печально, но, с точки зрения гида, клиент всегда прав, пока он платит. И гиды начнут отступать от принципов своей работы, думая лишь о том, чтобы получить вознаграждение, небрежно брошенное клиентом в конце сафари. Благополучие животных перестанет быть главным в работе проводника. Природа окажется купленной за пачку банкнот, протянутых праздным туристом.

И тогда нашествие схлынет так же быстро, как началось. Гостиницы и кемпинги не смогут больше окупать свое существование. Начнется сокращение штатов, и снижение уровня обслуживания с последующей за этим социальной нестабильностью сделают туры непривлекательными для путешественников. Невежественные туристы во всем мире решат, что эти поездки – пустая трата времени, что они уже «посмотрели» Африку, – ажиотаж спадет. Теперь их толпы заполонят Азию, Австралию и Южную Америку, оставляя позади себя хаос и опустошение. Над измученной землей вновь воцарится тишина, туристские лагеря опустеют, бизнесу придет конец, безработица станет расти. Шум и гам в парках уляжется. И я уже вижу львят, резвящихся среди старых полиэтиленовых пакетов, гонимых ветром по

опустевшим равнинам. Люди в машинах покинули эти места, но вместе с ними ушли и доллары.

Снова начнется разгул браконьерства. Обыватель немедленно воспользуется ситуацией, и слоновая кость станет распространяться из заповедников и экспортироваться на Восток. Беспомощное правительство не в силах будет предпринять какие-либо меры, ибо нищета не позволит идти навстречу очередным «причудам белых». Население, выросшее за предыдущие годы процветания, потребует из-за наступившего экономического кризиса больше земли, чтобы прокормить себя и скот. И в самом деле, ранее, когда экономика была сильна, достать продукты не составляло труда, ибо немало их импортировалось из-за границы; но теперь настало время использовать внутренние ресурсы, и дельцы обратят жадные взгляды на островки дикой природы, которые еще не приносят доходов. Когда начнется голод, внешний мир предоставит помощь в виде зерна, которое решат посеять на пустующих, еще не освоенных землях. С уменьшением площади девственных пространств фермеры начнут самовольно расширять свои владения, а бизнесмены и чиновники кинутся делить между собой новоиспеченный пирог прибылей. А природа тем временем будет безропотно гибнуть, как раненый бездомный лев на раскаленном песке пустыни.

У нас мало, возможно, слишком мало времени, чтобы разрешить далеко зашедший конфликт между человечеством и еще сохранившимися островками девственной природы. Политиканство, алчность и коррупция словно объединились, чтобы привести к дальнейшему упадку умирающую природу континента. Когда времени в обрез, уже не место для сентиментальных размышлений и для скрупулезных подсчетов тех выгод, что может дать нам здоровая окружающая среда. Стрелки часов движутся слишком

быстро, отсчитывая последние часы умирания африканской природы.

Чтобы читателю стало понятно, ради чего я затеял путешествие в замечательные уголки дикой Африки в поисках львов, я должен сказать несколько слов о себе и своем прошлом.

Я дитя Африки, потомок завербовавшихся на работу англичан, которые в начале шестидесятых привезли меня и моего младшего брата в Нигерию, на западные берега Африки. Я вырос в Африке, играя с африканскими детьми. Я плавал в прозрачных водоемах и видел бескрайние девственные земли, которые – увы! – быстро сокращались по воле человека.

Я вырос в Африке, и я – дитя Африки. Мной овладела непреодолимая, всепоглощающая любовь к этой земле и к ее необыкновенной природе. Я уже не мог не думать о местах, где я провел детство, как об истинном своем доме. В те годы родителям и в голову не могло прийти, что один из их сыновей станет настолько предан новой родине, что будет мечтать прожить здесь до конца своих дней. Можно ли сравнивать ощущения человека, выросшего в Африке, и другого, приехавшего сюда жить, уже будучи взрослым? Едва ли. Вероятно, во многих семьях завербованных их выросшие дети приводят в изумление своих отцов и матерей, заявляя им, что не собираются возвращаться «домой» и навсегда остаются в Африке. Для меня это было самоочевидно, и я был бы счастлив никогда не покидать гостеприимный континент.

Это обычная история, что контрактники не приживаются в Африке, не поддаются ее прелести, а замыкаются на короткое время контракта в узкой среде близких и знакомых. Многие из них – не самые выдающиеся специалисты или чуть способнее других в своем деле (чаще, скорее, наоборот). Они едут на работу за границей, привлеченные значительным

вознаграждением за сравнительно недолгий период неудобств и «страданий». Я помню, что ребенком, играя с черными сверстниками, я нередко слышал, как друзья родителей жаловались на туземцев и на их леность. Многие приезжие цепляются за свое привычное окружение, даже не помышляя о том, чтобы ближе познакомиться со страной, ее народом, культурой и традициями. Они предпочитают держаться предвзятых мнений по поводу туземцев и их страны. Эти люди продолжают грезить о «родине» – там царит комфорт, там цивилизация – не то что временное место жительства с его жарой, пылью и угрюмыми черными лицами аборигенов.

Но мне повезло. Я не перенял от окружающих их настроения. Я чувствовал себя хорошо и привольно в окружении коренных жителей этой земли. Ребенком я побывал вместе с родителями в Кении и Танзании, да еще в том возрасте, когда впечатлительность столь развита; я стал свидетелем миграций огромных стад гну в Серенгети, побывал в величественном кратере Нгоронгоро и наблюдал за львами, дремлющими на ветвях высоких деревьев близ озера Маньяра. Я рос среди дикой природы и дышал ее воздухом.



Позже мы переехали в Малави – поистине удивительную страну в самом центре Африки. С порога

нашего дома открывался вид на торный хребет Мичиру и там я проводил все свое свободное время, выслеживая скачущих антилоп, взбиравшихся на почти вертикальные скалы, и сопровождая стада желтых павианов. Однако, чтобы я мог успешно закончить школьное образование, меня оторвали от Мичиру и отправили в Англию. Мама и отчим поступили, как им казалось, самым разумным образом, но через полтора года пребывания в холоде и вечной сырости я лучше, чем когда-либо раньше, начал понимать, где мое настоящее призвание.

Кое – как окончив среднюю школу, я словно на крыльях Вернулся домой и в свои восемнадцать лет начал стажироваться в качестве объездчика в заповеднике Саби-Сенд, примыкавшего к национальному парку Крюгера в ЮАР. Отсюда я переехал в Наталь, где в Дракенсберге прошел обучение в школе проводников для детей-натуралистов. Спустя полтора года я был уже в Ботсване, и здесь мое увлечение львами переросло во всепоглощающую страсть. В качестве объездчика я провел четыре года в заповеднике Северного Тули на юго-западе Ботсваны. Эта суровая, иссушенная солнцем страна в изобилии населена слонами, львами, леопардами, гепардами и множеством других крупных животных. Именно в это время мне предложили приступить к серьезному изучению состояния львов в заповеднике, о чем в то время почти ничего не было известно. На первых порах звери были пугливыми и скрытными, наученные предыдущим горьким опытом общения с охотниками. Но со временем они перестали бояться меня и моего автомобиля. Результатом моих исследований стала книга «Плач по львам» – рассказ о жестокости браконьеров и о том вреде, который они нанесли львам Тули.

За время моей работы численность львов в заповеднике сократилась с пятидесяти пяти до двадцати девяти особей, причем основной причиной этих потерь оказался отлов львов браконьерскими петлями. Обдумывая раскрывшиеся передо мной проблемы и воюя с браконьерами, я неожиданно понял, насколько уязвимой может оказаться популяция диких животных даже на охраняемых законом землях. Боль, которую я испытывал при гибели каждого льва, которого я знал иногда с самого его рождения, привела меня к мысли сделать все возможное для того, чтобы предотвратить их полное вымирание. Я надеюсь, что моя настойчивость, многочисленные отчеты о проделанной работе и опубликованная книга принесли значительную пользу для сохранения львов заповедника Тули.

Жалкое состояние популяции львов в этом заповеднике открыло мне глаза на общую проблему угрожающих перемен во флоре и фауне континента. Именно поэтому я поставил своей целью выяснить, что происходит со львами в сегодняшней Африке, и изложить все, что мне удастся узнать о жизни и трагедии этих животных, символизирующих собой девственную природу материка.

Когда я начинал свою работу в Тули, никому и в голову не проходило, что львы этого заповедника находятся под потенциальной угрозой исчезновения, – но лишь потому, что не было никаких реальных сведений об их точном количестве и о структуре их прайдов [семья львов – от англ. pride]. Путешествие, которое я собираюсь описать в этой книге, – естественное продолжение моих прежних исследований. Я намеревался выяснить для себя, каким образом вторжение человека в природу, его деятельность и общественное законодательство влияют

на благополучие львов, ибо когда я пишу о львах, я пишу о жизни девственных островков Африки в целом.

Львы нуждаются в обширных пространствах нетронутой земли, в животных, которыми они питаются, и в источниках воды, хотя последний фактор кажется наименее значимым. Главное, что нужно льву – его пространство, а оно-то как раз и становится дефицитом в меняющейся и развивающейся Африке. Мне хотелось посетить, по крайней мере, часть из тех мест, где львы еще сохранились, чтобы своими глазами увидеть, каково состояние этих земель, и прочесть написанный невидимыми письменами их рассказ о своем прошлом, настоящем и будущем.

Места обитания львов не всегда были ограничены только Африкой и Азией. Еще в исторические времена они населяли Балканский полуостров. По подсчетам ученых, львы вымерли в Греции между 80 и 100 годами нашей эры. Широко распространен был лев и в Азии, и последние следы его пребывания здесь сохранились ныне лишь в истерзанном Лесу Гир в Индии.

Лев более ста тридцати раз упоминается в Библии. Особенно многочисленна была популяция львов в Ливане и в долине реки Иордан. Ко времени крестовых походов львы здесь вымерли окончательно. Это произошло по многим причинам – совсем иным, чем те, что ставят под удар африканские популяции львов. Между тем Южная Африка дает, бесспорно, наиболее пугающий пример сокращения численности львов в самые последние годы.

Основатель Кейптауна Ян ван Рибек положил начало конфронтации человека со львами уже в самые первые годы колонизации Южной Африки. Прогуливаясь 16 июня 1659 года в своем саду, вокруг которого позже разросся нынешний Кейптаун, он увидел льва, внезапно появившегося перед ним и тут же обратившегося в бегство. В те дни голодные львы

нередко нападали на лошадей и скот первых колонистов, которые вынуждены были по ночам жечь огромные костры в расположении своих гарнизонов.

Один из людей ван Рибекка подвергся жестокому нападению льва во время экспедиции колонистов к северу. Зверь ворвался в лагерь и, повалив путешественника, прижал его к земле. Попутчик пострадавшего не растерялся, схватил пицаль и убил хищника. Во время другой экспедиции врач отряда, по имени Миллер, отправившись на охоту, увидел «живого монстра с тремя кошачьими головами и тремя длинными хвостами». Миллер был потрясен до глубины души, но видел-то он наверняка трех львов, шествующих в низовьях реки.

Львы были вполне обычны в Капской провинции еще в 1707 году, и их видели в Кару в 1801 году. Но, по мере того как колонизация продолжалась, нашествие поселенцев, охотников и исследователей природы стало причиной стремительного сокращения численности львов. Сначала постепенно, а затем все быстрее львы начали вымирать.

В конце 1830-х годов началось движение буров на повозках, запряженных волами, по направлению к северу, через реку Оранжевую, в нетронутые еще, девственные местности. На своем пути первопроходцы убили свыше трехсот львов. В те дни многие охотники считали честью уничтожить как можно больше львов, создавая себе тем самым славу храбрецов. Бур по имени Кота Дафел застрелил более ста львов – поистине редкое достижение, принимая во внимание несовершенство оружия в те времена. Другой известный охотник на львов, Петрус Якопс, также знаменит тем, что за время своих странствий оборвал жизнь более чем ста львов. В преклонном возрасте, семидесяти трех лет от роду, он подвергся нападению раненого зверя и был жестоко искалечен им. Спасла

старика его собака, которая бросилась на льва и заставила его отступить. Пострадавший получил одиннадцать сильнейших укусов в бедра, были страшно изодраны зубами льва и его руки. Но все это ничему не научило охотника: уже через два месяца старый крепкий бур снова был в седле, вознамерившись отомстить своему обидчику.

Европейские «спортсмены», наводнившие Южную Африку, также отняли жизни у сотен львов, хотя основной целью их притязаний были слоны. В числе наиболее известных из этих искателей приключений можно назвать Гордона Каммингса, шведа Чарлза Джона Андерссона, Уильяма Чарлза Болдуина и Уильяма Каттана Освелла. Все эти люди охотились во многих районах Южной Африки и оставили после себя интереснейшие очерки о тех местах, где они побывали и где сегодня уже нет никакой достойной дичи.

Одним из наиболее знаменитых охотников того времени был Фредерик Картни Силоус, приехавший в Южную Африку в 1871 году. Силоус добыл тридцать львов, но в число его трофеев входило также множество других самых разнообразных животных. Некоторые добытые им экземпляры по сей день украшают витрины Британского музея и музеев Южной Африки. Силоус во многих отношениях отличался от большинства спортсменов-охотников своего времени. Он с научной тщательностью вел наблюдения за животными, не упускал из внимания особенности мест их обитания и методически записывал все интересное в отношении флоры и фауны тех мест, которые посещал. Вот какие советы Силоус адресовал другим охотникам за львами: «Выследив льва, вам следует стрелять с небольшого расстояния, и выстрел должен быть расчетливым и метким, чтобы уложить зверя с первого раза. Не пытайтесь стрелять навскидку или палить наугад, ибо вы, в лучшем случае, только раните льва, и

разгневанный хищник уже не подпустит вас близко, чтобы добить его». Не все в дальнейшем пользовались этим полезным советом, и многие пострадали из-за своего легкомыслия.

Последний лев был убит в Калекой провинции в 1850 году, а в 1865-м закончилось уничтожение львов в тогдашней колонии Наталь. Менее чем за двести лет эти крупные кошки были полностью истреблены на большей части первоначальной области своего распространения в Южной Африке. По мере того, как безжалостное преследование львов продолжалось, а пригодные для них места обитания менялись к худшему, чудом уцелевшие, разобщенные популяции оказались словно запертыми в тех немногих местностях, где они сохранились по сию пору. В наши дни на территории Южной Африки львы живут в относительной безопасности только в национальном парке Крюгера и прилежащих к нему частных заповедниках, в природоохранном комплексе Умфолози – Хлухлуве в Зулуленде и в национальном парке Калахари-Хемсбок [Хемсбок – английское название антилопы орикс – *примеч. пер.*] в ЮАР.

Враждебное отношение к хищникам начало формироваться у населения уже во времена Яна ван Рибека, когда львы стали нападать на домашний скот, привезенный колонистами. Эта неприязнь сильна и сегодня, хотя есть надежда, что она постепенно ослабевает. В наши дни возможность убить льва с разрешения властей в Южной Африке появляется нечасто, но это не останавливает многих, приверженных пагубной страсти прошлых лет. За то время, что я посвятил изучению львов в заповеднике на севере Тули, ловцы львов нанесли серьезный ущерб местной популяции этих хищников. Коль скоро львы обитают здесь только на территории заповедника, некоторые белые с соседних фермерских земель вместе

с приглашенными друзьями из города время от времени противозаконно убивали наших ботсванских львов. По ночам они транслируют через громкоговоритель запись голосов пирующих гиен, выманивая львов из заповедника. Те переходят через пограничное сухое русло реки Лимпопо, отделяющее Ботсвану от ЮАР, двигаются к приманке (обычно это туша осла либо козла). Здесь львы и находят свою гибель от пули стрелка, убивающего льва ради того самого садистского «удовольствия», которое в свое время руководило его предками.



Подобное бессмысленное уничтожение львов любого возраста и пола – вот главная причина того, что сегодня в Южной Африке эти животные сохранились лишь в нескольких национальных парках и заповедниках. Из-за эгоистичного мышления людей, которое не меняется к лучшему даже в наши просвещенные времена, львы существуют сейчас только на охраняемых законом территориях.



Глава первая

Начало путешествия: Южная Африка

Я был в Африке, но, я знаю, то была не настоящая Африка.

Марион Каплан. «Внимание, Африка!»

После трех долгих месяцев, ушедших на планирование маршрута и на поиски спонсоров, мы с моей помощницей Джейн Хантер получили все необходимое, чтобы пуститься в путешествие. За шесть месяцев мы должны будем покрыть расстояние в двадцать пять тысяч километров – от морского побережья до пустынь и лесов, разыскивая повсюду львов, еще сохранившихся в Африке.

Средства на путешествие мы получили от публикации некоторых моих рисунков и от великодушных спонсоров, которые сознавали всю важность затеи, разделяли мой энтузиазм и рассчитывали на самую скромную отдачу с моей стороны.

Мы решили посетить сначала равнинные вельды восточного Трансвааля, проехать к югу через Свазиленд и Зулуленд, а затем по длинной дуге вернуться назад – через Трансвааль в Ботсвану, захватив пространства до пустыни Калахари на юге и до Намибии на западе, чтобы достигнуть в конце концов северной точки пути в Кению, где мы рассчитывали познакомиться с человеком, известным как «отец африканских львов» – с легендарным Джорджем Адамсоном.

Для меня, кто чувствовал себя по-настоящему дома лишь в девственном буше [заросли, кустарники – *англ.*], было нелегким испытанием провести несколько месяцев подготовки к экспедиции в городской обстановке Йоханнесбурга, но я пошел на это, ибо во что бы то ни стало решил выполнить задуманное. Именно по возможности полное осуществление нашего плана занимало нас в первую очередь, так что у нас не было времени раздумывать и выслушивать благоразумные советы о соблюдении всех норм безопасности, которые исходили от людей, привыкших к городской жизни.

Задачей же своей мы поставили познакомить цивилизованный мир с угрожающим положением африканских львов и всей дикой природы континента. Нарисованная нами картина должна была получиться настолько впечатляющей, чтобы каждый человек, независимо от рода своих занятий, вынужден был всерьез задуматься над тем, что же в самом деле творится сегодня в Африке. Ознакомление людей с истинным положением вещей всегда казалось мне чрезвычайно важным делом, и я считал, что только таким образом можно добиться изменений в сознании обывателя и, соответственно, каких-либо преобразований к лучшему.

Наконец мы с облегчением почувствовали, что можем двинуться в путь. Для меня все предшествовавшее оказалось наиболее долгим за последние годы пребыванием в каменных джунглях города. Мы оба, Джейн и я, хорошо отдавали себе отчет в том, какое это благо – возможность выполнить наш замысел, оставив друзей и знакомых, опутанных рутиной повседневных дел в своих конторах и домах.

Мы покидали Йоханнесбург, взяв с собой лишь самое необходимое. Ехать предстояло на нашем маленьком «фольксвагене», которому было уже

пятнадцать лет. Разумеется, что-нибудь вроде лендровера устроило бы нас больше, но времени было в обрез, как и денег, и мы решили обойтись тем, что имели на данный момент. В последующие шесть месяцев нашим домом должна стать палатка – к счастью, достаточно вместительная, чтобы нам там было хорошо. Палатка имела такие размеры, что позволяла не только разместить все запасы и оборудование, но и оставалась достаточно просторной, если бы пришлось подолгу работать в ней во время затяжных дождей. Мы располагали необходимым запасом посуды, кухонной утвари, везли с собой пишущую машинку и своеобразный «сейф» – картонный ящик, набитый писчей бумагой, блокнотами, красками, кистями и карандашами. Чтобы надежно документировать все увиденное, у нас были две фотокамеры с наборами разнообразных объективов; и наконец, помимо всевозможных запасных частей к автомобилю и двух складных стульев, мы погрузили в машину две большие сумки с нашими личными вещами. Нам казалось, что у нас есть все, и с этим нехитрым скарбом я чувствовал себя более богатым, чем если бы унаследовал целое состояние.

Ранним утром 7 января 1988 года мы выехали из еще сонного Йоханнесбурга и покатали через ровную, монотонную, почти безлесную равнину по направлению к городкам Уитбенк и Миддельбург. Приключения начались: мы ехали через Африку, меняющуюся в наши дни и, по всей видимости, к худшему. Перед нами была страна, некогда открытая миссионерами и охотниками, которые затем уступили свое место фермерам, обосновавшимся здесь окончательно и шаг за шагом осваивавшим непокорную землю.

Моросил дождик, осядая на землю ядовитые частицы, выбрасываемые к небу трубами хромовых рудников. В утреннем тумане эти серые трубы

вызывали в памяти силуэт дредноута, неведомо как оказавшегося посреди серо-зеленого ландшафта. Мы держали путь в сокровищницу дикой природы – национальный парк Крюгера в восточном Трансваале, но для этого нам предстояло миновать места, где атмосфера была наполнена вредоносными химикалиями, затруднявшими дыхание и горчившими во рту.

Эти ощущения исчезли как-то сразу, как только дорога пошла под уклон и перед нами внезапно открылся обширный золотистый откос, круто падающий вниз. Мы въехали в трансваальскую часть обширной территории Дракенсберг, к отрогам Драконовых гор, где некогда жили и охотились давно ушедшие из этих мест бушмены. Все окрасилось в золотистые тона, как только остались позади промышленные дымы, а облака поднялись кверху. Живописные склоны покрывала пышная растительность, звенящие горные потоки были холодными и прозрачными. Мы ехали через вельд, где порой царит влажная жара, и который одно время был широко известен как место нездоровое. Впрочем, особая форма малярии еще и сегодня гнездится здесь. Незадолго до нашего отъезда в экспедицию заголовки всех местных газет известили о «тысячах случаев малярии», распространившейся в обширной зоне от Каприви на западе до того самого вельда, по которому пролегал наш путь. Некогда эти места жили по своим собственным законам, временами процветая, временами подвергаясь упадку – в соответствии с мерно раскачивающимся маятником бесстрастной природы.

В девятнадцатом веке сюда пришел белый человек. На этих землях обосновались фермеры, которые совместно с ордами неразборчивых охотников с самого начала оказали разрушительное воздействие на местные популяции животных. Из окна машины я

увидел на обочине дороги знак, предупреждающий водителей о возможности появления диких животных. Знак был продырявлен пулевыми отверстиями – трагическое свидетельство того, что потомки первых разрушителей природы, распираемые жаждой уничтожения, готовы стрелять даже в изображение зверя на металлической табличке. На заре освоения Трансвааля не существовало никаких ограничений, вызванных опасениями за завтрашний день. Возможно, первые поселенцы просто не допускали мысли, что гигантские стада могут когда-либо исчезнуть полностью. Позже, когда сокращение дичи стало уже заметным, каждый пытался поскорее урвать свое, пока охотничий «спорт» еще имеет право на существование.

К концу 1870-х годов свыше двух миллионов шкур были переправлены на кожевенные заводы Европы, но массовая бойня на этом не кончилась. Облавы на крупную дичь продолжались, и еще сотни жизней окончились под пулями, в западнях и петлях. Нанесенный ущерб был столь велик, что парламент Трансвааля ввел запреты на уничтожение последних выживших слонов, и охотникам отныне возбранялось «отстреливать больше дичи, чем им необходимо для обеспечения себя мясом». Усиление этих ограничений казалось в то время попросту невозможным. Многие охотники становились поистине ненасытными – не в отношении мяса для пропитания, а в жажде невинной крови.

Поль Крюгер, которого многие считали мистической личностью из-за жутких предсказаний, сделанных им еще в пору детства и юности, 26 марта 1898 года принял поистине историческое решение. Он объявил местность между реками Крокодайл и Себи заповедной зоной под названием Себи, которая в дальнейшем превратилась во всемирно известный ныне национальный парк Крюгера. Во время кровопролитной

англо-бурской войны (1899–1902) никто, разумеется, не принимал заповедный режим местности во внимание, и она разорялась солдатами обеих сторон. И только с окончанием противостояния территория наконец стала охраняться законом, как того требовали обстоятельства.

Некто Джеймс Стивенсон-Гамильтон, бывший армейский офицер, который в свое время занимался охотой и слыл знатоком природы Центральной Африки, взял на себя руководство заповедником. Будучи натурой сильной, он приобрел в то время нескольких верных друзей и еще большее количество врагов. Африканцы называли его Скукуза, что означает «человек, сметающий все на своем пути», и в результате его деятельности и усилий его команды объездчиков численность животных в заповеднике начала потихоньку восстанавливаться. 31 мая 1926 года парламент издал постановление о национальных парках, в результате чего обширные земли были прирезаны к заповеднику, переименованному в национальный парк Крюгера.

На подъезде к воротам Нумби, открывающим вход в парк со стороны его юго-западного ограждения, наш путь лежал через Кангнаве – территорию-резервацию южноафриканского народа свази, одну из многих резерваций такого рода в стране. Мне стало немного не по себе, когда совсем неподалеку, на расстоянии ружейного выстрела от национального парка, я увидел тысячную толпу бедно одетых людей, часть из которых были пьяны, а также разбитые автомашины, детей, купающихся в грязном пруду, и коров, уныло бродящих в поисках пищи по голым склонам холмов. Контраст с тем, что так радовало наши взоры за минуту до этого, был слишком велик. Я подумал о том, многие ли из этих детей видели или хотя бы имели надежду увидеть

живого слона, слышали крик скопы, падающей с небес в воду, или внимали гроыхающему рыку льва-самца.

Многие ли из них имели возможность заглянуть в тот прекрасный мир, который простирался перед их холмами? На окраине девственных пространств дети жили в жалком поселке городского типа. «Урбанизированные чернокожие» – так называют их в этих районах Африки. Передо мной были дети, символизирующие будущее Африки, те, в чьих руках находилась судьба их поселения и их земель. Увы, все это мало волнует правительство и администрацию ЮАР.

Прошло несколько дней нашего пребывания в национальном парке Крюгера, но я вновь и вновь ощущал горечь и чувство боли, когда вспоминал о тех детях. Сам же парк предстал перед нами как колоссальный заповедник, управляемый на научной основе высокообразованными людьми. Это, бесспорно, блестящий пример разумного использования и содержания искусственной, в целом, экосистемы. Я говорю «искусственной», поскольку из-за того, что территория надежно огорожена и защищена изнутри, она не является экологически самостоятельной и способной сколь угодно долго поддерживать свою целостность. Южная Африка – это такая страна, которая может полностью окупить свое существование подобными национальными парками – в гораздо большей степени, чем полагаясь, скажем, на запасы полезных ископаемых. Парки – это сокровищница, которую следует охранять как зеницу ока, но охраняемая территория должна быть доступна и для животных, обитающих за ее пределами. Но в те дни меня больше занимала история создания парка Крюгера и события, непосредственно с нею связанные. Казалось, что после короткой передышки, следовавшей за бойней прежних десятилетий, девственная природа и сама ее душа вновь оказались под страшной угрозой на

этой южной окраине заповедной зоны. Ощущение нетронутости естества пока еще сохранялось, но оставалась тревога, что мрачные тучи начинают сгущаться над этим резко отграниченным от внешнего мира оазисом первобытной природы.

Пока мы пробирались покрытыми гравием дорогами в сторону лагеря Крокодайл-Бридж, это ощущение неполноценности местной природы продолжало крепнуть. На одном из поворотов мы увидели через прогалину между двумя рощами акации еще один зловеющий знак нависшей угрозы: то были плантации. Ряд за рядом тянулись шеренги сосен – деревьев, привезенных сюда совсем из других земель.



Плантации отделяла от парка непрочная линия раздела – русло реки Крокодайл. Никто не предусмотрел надежной буферной зоны между натуральным африканским ландшафтом и геометрической правильностью нашего человеческого мира. Южная часть парка Крюгера неестественно обрывалась в пустоту, словно нож отхватил кусок ландшафта, отгороженного от изуродованной окружающей местности изгородью и ложем реки. По другую сторону этих преград жил своей жизнью совершенно иной мир, здесь была иная эпоха: кругом простирались фермерские земли, сновали люди, гудели машины. Что касается меня, то мне контраст казался

чрезмерным и зловещим. Мы ехали по земле, где из недр первобытной природы в мир пришел первый примитивный человек. И свидетельства тысячелетнего продвижения людей по пути так называемого прогресса были слишком уж очевидными – стоило лишь бросить беглый взгляд с одного берега реки на другой. И я был не в силах почувствовать себя наедине с природой, осознавая, что на расстоянии короткого полета ласточки поработенный человеком мир бесцеремонно громоздился у самого священного порога нетронутых девственных земель.

Тем не менее сегодня национальный парк Крюгера может служить примером того, как можно вернуть к жизни почти дотла разрушенное человеком. Это парк – величественное и впечатляющее дело все тех же человеческих рук, и его можно считать одним из наиболее эффективно работающих природоохранных учреждений такого рода во всем мире. На площади почти двадцать тысяч квадратных километров находят надежное убежище сто тридцать семь видов млекопитающих, четыреста пятьдесят видов птиц, сто четырнадцать видов рептилий, сорок видов рыб и свыше двухсот двадцати видов бабочек. В этой низинной местности, расположенной на высоте трехсот метров над уровнем моря, крупные животные водятся в изобилии, и те цифры, которые я сейчас приведу, служат лучшим свидетельством успехов в восстановлении прежнего величия. Сегодня наиболее процветающий вид в парке Крюгера – это антилопа импала, популяция которой насчитывает сто тридцать тысяч голов, далее следуют тридцать одна тысяча зебр, двадцать семь тысяч буйволов, семь тысяч восьмисот слонов и многие тысячи других млекопитающих, в том числе полторы тысячи львов.

Но нас прежде всего интересовали львы, и мы без колебаний направились на восток, во всемирно

известные места обитания этих зверей, находящиеся по нижнему течению реки Себи. Сама река стремительно несла свои коричневые воды, полноводная и бурлящая после обильных летних дождей. Сейчас она выглядела совсем по-другому, чем зимой, когда поток превращается под лучами солнца в тоненький ручеек, текущий между отдельными сохранившимися озерцами. Всевозможные происшествия с участием львов в этой части заповедника сделали ее популярным местом для туристов, которые, подобно нам, в конечном итоге более всего надеются увидеть царя зверей. Он всегда был персонажем местного фольклора. Я уверен, что причина, по которой именно лев служит наиболее выгодной приманкой для посетителей парка, может быть понята при взгляде в далекое прошлое рода людского. Человек всегда относился ко льву с почтительным восхищением, ибо зверь на заре истории был одним из главных конкурентов наших далеких предков, деля с ними одну и ту же охотничью территорию. Даже и по сей день возможна конфронтация между львом и человеком, когда речь идет о пропитании. Известно, что бушмены в пустыне Калахари при случае решаются приблизиться к кормящемуся прайду, чтобы криками и угрожающими жестами прогнать львов от их добычи. С другой стороны, присутствие львов таит в себе несомненную опасность для людей. Когда солнце садится за горизонт и воцаряется темнота, человек – неважно, первобытный или современный – предпочитает примоститься среди подобных себе у костра либо прячется в пещеру или под крышу, невольно вздрагивая при звуке громогласного рыканья льва-самца, разрывающего мрак ночи. В эти часы земля да и сама распростертая над ней ночь принадлежат льву, а не человеку, главенствующему здесь в светлое время суток.

Для туристов лев – это главный приз всего путешествия. Немало людей разыскивают львов, чтобы просто посмотреть на них, фактически из тех же самых побуждений, которые руководили спортсменами – охотниками на львов. Истоки этих побуждений – хотя кое-кто и не отдает себе в этом отчета – коренятся в том, что лев – своего рода символ нашего прошлого, в нем – истоки животного начала в человеке, от которого он постепенно отказывался в эпоху становления рода людского. Так или иначе, присутствие львов – это основа заманчивости парка Крюгера для его посетителей.

Между тем в первые годы существования заповедника львов отстреливали здесь как вредителей, поскольку уничтожение хищников считали тогда наилучшей мерой для сохранения численности крупных травоядных животных. Львы, так же как леопарды и гепарды, уничтожались сразу же, как только попадались на глаза человеку, и та же судьба постигала выдр, хищных птиц, сов и даже павианов. В наши дни кажется непонятным, что сам Стивенсон-Гамильтон подвергался суровой критике за то, что он не принимал достаточно жестких мер, чтобы держать под контролем популяции хищных млекопитающих. Газеты посвящали целые статьи «отсутствию ответственности» у этого человека. «Не будет ли истиной, если мы скажем, что вредители должны быть уничтожены полностью?» – писали тогда. «Все хищные животные могут продолжить свое существование исключительно в зоопарках наших городов», – провозглашал один из журналистов, а другой заявлял во влиятельном журнале следующее: «Хотелось бы привлечь внимание наших читателей к скандальной ситуации в заповеднике Себи, где его владельцы в течение последних двадцати лет способствовали размножению львов!

Позиция Стивенсона-Гамильтона оставалась далекой от популярности, и в 1903 году он, в значительной степени под давлением своих оппонентов, вынужден был высказаться таким образом:»... к сожалению, мы вынуждены будем не только уменьшить численность хищных млекопитающих до определенного уровня, пропорционально к численности их жертв, но, на первых порах, даже более радикально, чтобы дать время размножиться животным, на которых хищники охотятся». В соответствии с этой программой между 1903 и 1927 годами были убиты 1272 льва, и их уничтожение практиковалось даже на границах национального парка. Множество гну и зебр, мигрировавших через заповедные территории, были застрелены для того, чтобы стать приманкой для преследуемых львов. Туши этих животных оставляли посреди вельда, и охотники трудились здесь день и ночь. Только за 1937 и 1938 годы, по приблизительным подсчетам, они застрелили сто пятьдесят львов, и примерно столько же ушли тяжело раненными.

В последующие годы отстрел львов ради снижения их численности становился менее интенсивным, и наконец в 1960 году подобного рода контроль над популяциями хищников был полностью запрещен законом. За период длительностью около шестидесяти лет более четырех тысяч львов, обитавших в парке Крюгера, погибли во имя осуществления этой страшной программы. Спасла местную популяцию львов их высокая плодовитость. Вопреки безжалостному уничтожению в начальный период существования парка, львов стало здесь даже больше, так что массовые отстрелы не оказали на них заметного влияния. Численность животных, которыми львы кормятся, также возросла, и в результате всего этого отношение обывателя и тех, от чьих решений зависела

судьба львов, стало меняться в их пользу. С тех пор как первый автомобиль въехал на территорию парка с целью продемонстрировать туристам диких животных, лев стал среди участников этого шоу персоной номер один.

Сравнительно недавно, в начале семидесятых, львов начали отстреливать снова, на этот раз в рамках исследовательской программы, проводившейся на территории парка. На этот раз общественность гневно реагировала на происходящее, не слишком стараясь разобраться в сути дела. В центральной части парка уменьшилось количество зебр и гну, и ученые задались целью узнать причину такого хода событий. Они намеревались первым делом точно оценить число обитающих здесь львов, а затем изъять определенную часть особей. Предполагалось, что таким образом удастся выяснить, почему зебр и гну становится все меньше. Как раз в это время усовершенствовали метод массового усыпления и отлова львов живыми – та самая процедура, которая в дальнейшем принесла так много пользы как в самом парке Крюгера, так и во многих других заповедниках по всей Африке. Она сослужила хорошую службу и нашему коллективу во время моей работы в заповеднике Северного Тули.

Вкратце суть этого метода в следующем. Прежде всего следует обнаружить льва в том районе, где зверь, скорее всего, живет постоянно. Затем тушу крупного животного-жертвы протаскивают на буксире по земле, оставляя след, на который льву предстоит наткнуться. Ночью около туши проигрывают через громкоговоритель голоса пирующих гиен. Если аппаратура достаточно совершенна, эти звуки могут быть услышаны львами за много километров от приманки. В случае удачи звери приходят на голоса гиен, и их усыпляют, поражая ампулой из специального ружья. Когда эту методику только начали применять,

заснувшему льву вкалывали успокоительное, метили его особой «ушной меткой» либо тавром, а затем оставляли в покое, давая зверю возможность очнуться и уйти свободным.

В период с декабря 1974 года по 1978 год подобным образом было изъято из популяции 335 львов. Обездвиженному животному вводили очень большую дозу того самого препарата, которым обездвиживают буйволов и слонов. Результаты проведенного таким образом разреживания популяции львов оказались противоречивыми. Правда, количество зебр и гну кое-где увеличилось, но территории, откуда изымались львы, вскоре оказывались занятыми другими. Чаще всего новоселами были звери-бродяги. В итоге спустя некоторое время здесь насчитывалось примерно столько же львов, как и до начала эксперимента. Выяснилось также, что новые поселенцы размножались даже быстрее, чем старожилы. Сегодня изучение хищников в парке продолжается под руководством профессора Гаса Миллса. Исследования по этой программе, в центре которой стоит выяснение взаимосвязей между хищниками и их жертвами, проводятся в богатом дичью южном секторе парка, между нижней Себи и Крокодайл-Бридж. В свете тех результатов, которые были получены во время разреживания популяции львов, кажется маловероятным, что нечто подобное когда-либо повторится в национальном парке Крюгера.

Так или иначе, за все эти годы начала складываться новая наука, имеющая дело с охраной природы в целом и основанная на возросшем понимании принципов сосуществования биологических видов. Мы сильно продвинулись вперед в осознании того, насколько многообразны и сложны связи в дикой природе и как много нам еще предстоит узнать. Однако время не

терпит, и его быстротечность может свести на нет многие из наших усилий.

Мощь технологии двадцатого века, расширение фермерских хозяйств, политические коллизии и рост народонаселения – все эти факторы развиваются с устрашающей скоростью и грозят воспрепятствовать научно обоснованным мерам по охране природы. Нам попросту может не хватить времени, чтобы прочесть и глубоко осознать бесчисленные страницы безбрежной библиотеки, таящейся в недрах природы. Производимые разрушения грозят оказаться слишком сильными, чтобы можно было быстро восстановить потерянное. Мы можем лишиться всего. Впрочем, будущее львов парка Крюгера выглядит сегодня более оптимистичным, нежели у львов в большинстве других районов Африки. И роль царя зверей – дарить глубокое эстетическое наслаждение наблюдательному человеку – служит достаточным оправданием его существования в глазах немалого числа людей.

Всевозможные легенды о львах стали неотъемлемой частью самой атмосферы парка Крюгера, и здесь вы можете услышать немало историй, повторяющихся на разные лады. Вероятно, во всем мире известен рассказ о приключении Гарри Волхутера, испытавшего жестокое нападение двух львов-самцов. В библиотеке имени Стивенсона-Гамильтона в Скукузе, где располагается главный офис парка, можно созерцать шкуру льва, которого Волхутер заколол ножом во время этого столкновения. Мы зашли туда посмотреть на шкуру и прочесть рассказ об этом эпизоде.

Случилось это 26 августа 1904 года, когда Волхутер в сопровождении четырех помощников-африканцев, ведущих навьюченных ослов, обходил дозором границы парка.

Наступили сумерки, короткие африканские сумерки, которые как-то сразу сменяются здесь полной

темнотой. Внезапно собака Волхутера залаяла и бросилась вперед, а он сам увидел два неясных силуэта, которые принял сначала за пару болотных козлов. Он сразу же сообразил, однако, что перед ним два льва и находятся они на расстоянии одного прыжка от него. Недолго думая, Волхутер прищипорил свою лошадь, но в этот момент когти одного из львов вонзились в ее бок. Человек потерял равновесие и рухнул на землю, и в это время второй лев бросился на него. В следующее мгновение Волхутер в панике осознал, что лев тащит его за собой. Правая рука и плечо были в пасти льва, а тело волочилось по земле между лапами зверя. Лев, не переставая рычать, тащил свою жертву, выискивая, по-видимому, удобное место, где можно было бы приступить к ужину.

Боль была невероятной. Вот что писал сам Волхутер позже: «Я страдал сверх всякой меры и надеюсь, что мне никогда больше не случится пережить то страшное состояние ума, в котором я находился. Что может быть ужаснее, чем погибнуть подобным образом! И в то же время я не имел ни малейшего шанса спастись, никакого выхода, чтобы уйти от грозящего мне трагического конца».

Внезапно Волхутер вспомнил, что у него есть нож для обрубания веток, и потянулся за ним свободной рукой, пока лев продолжал тащить его дальше. Нащупав оружие, человек вонзил стальное лезвие в то место, где, по его расчетам, находилось сердце льва. Второй удар пришелся позади плеча зверя, а третьим он проткнул горло хищника, разрезав яремную вену, после чего кровь струей хлынула на тело жертвы. Лев отпустил свою добычу и отступил в сторону, с угрозой глядя на поверженного человека с расстояния в три метра. Волхутер дико заорал на него, и тот скрылся из глаз, обреченный на смерть.

Жестоко израненный, Волхутер все же не потерял присутствия духа и кое-как взобрался на ближайшее дерево. Обрывками своей одежды он привязал себя к толстой ветви. В это время из мрака ночи появился второй лев, которого осаждала разъяренная собака Волхутера. Лев пришел сюда по кровавому следу человека и уставился на него, сидя под деревом, в то время как несчастный пытался криками подзадорить пса, чтобы тот смелее нападал на хищника. В конце концов собаке каким-то чудом удалось прогнать льва. Подоспевшие африканцы, спутники Волхутера, помогли ему спуститься с дерева.

Эта история словно символизирует собой конфликт между Человеком и Зверем, в котором сила характера первого, его физическая закалка и воля к жизни помогли ему перебороть поистине ужасающий натиск смертельного врага. Таковы были люди, причастные к первым дням существования парка Крюгера. Волхутер работал здесь на протяжении сорока четырех лет.

В те времена здесь произошел и другой такой же инцидент. Обходчик-африканец по имени Манкоти подвергся нападению льва, когда в одиночку совершал обход территории парка. Защищаясь от нападавшего хищника, Манкоти выстрелил в него и попал зверю в грудь, но тот не остановился, а кинулся на обидчика и вцепился в него. Терзаемый львом человек дотянулся до ножа и заколол зверя насмерть. Во время борьбы лев страшно искалечил свою жертву. Хотя Манкоти был не в состоянии подняться, он нашел в себе силы разложить свои пожитки на труп льва – видимо, в соответствии с каким-то ритуалом, а затем пополз в сторону видневшегося неподалеку русла, рассчитывая, очевидно, найти там воду. Здесь он вскоре и скончался.

Агрессивное поведение некоторых львов в те времена можно объяснить жестоким преследованием, которое звери испытывали со стороны человека.

Некоторые из них страдали от полученных ранее ран и вынуждены были стать людоедами. Так или иначе, описанные случаи были не единственными. Сам Волхутер снова подвергся нападению льва, но на этот раз ушел невредимым. В южной части парка неопознанный человек был убит и съеден хищником. В центральной зоне заповедника лев напал ночью на спящего и нанес ему смертельное ранение в голову. На железнодорожной станции Дуба атакованный львом человек успел захлопнуть перед ним дверь своей хижины и по счастливой случайности уцелел.

В последние четыре года в парке снова были отмечены у львов случаи людоедства. На этот раз причиной их необычного поведения стали трагические события в соседнем Мозамбике, где жители деревень жестоко уничтожались отрядами воюющих между собой повстанцев фрелимо и регулярных войск. При этом гибли посевы, и народ начал голодать. Тысячи пострадавших беженцев пустились в поисках еды и безопасности за семьдесят и более километров в Газанкулу, что в Южной Африке, где рассчитывали в резервациях найти своих соплеменников.

Беженцам предстояло миновать на пути девственные просторы парка Крюгера. Среди странников были старики и подростки, маленькие и грудные дети, и многие из них умерли во время этого перехода. Один из встреченных мною туристов рассказал мне, как он однажды наткнулся на семью беженцев, умиравших от жажды. За время странствия в парке они уже потеряли двоих домочадцев. Турист снабдил несчастных питьем и пищей и тем самым практически спас им жизнь. Тела тех, кому не повезло, стали добычей всевозможных плотоядных – грифов, гиен, шакалов и львов. Следует сказать, что лев – наименее требовательный из всех животных, поедающих падаль, он довольствуется даже мясом,

находящимся на последней стадии разложения. Как-то мне рассказали, что видели льва с окровавленной рубашкой в зубах. Этот трофей зверя был, видимо, последним, что осталось от человека, который, зная, чем ему грозит дикая безлюдная местность, все же решился пересечь эти зловещие места в поисках пищи и свободы. Увы, вместо этого его душа нашла успокоение в грозном безлюдном вельде.

Пока мы путешествовали по парку в поисках львов, иногда проводя на колесах весь день напролет, я все больше подпадал под очарование парка, поистине прекрасного в это время года. В начале декабря прошли обильные дожди, и сейчас, в январе, южная часть парка оделась пышной растительностью. Местами высокая трава доходила мне до пояса. Обилие зелени было просто поразительным. Живя в Ботсване, я привык к виду сухой, потрескавшейся земли, безводных речных русел и угнетенных, низкорослых деревьев. В заповеднике Северного Тули мне никогда не приходилось видеть такого буйства свежей растительности. В лучшие годы моего там пребывания дожди мгновенно преображали природу, но, если они оказывались непродолжительными, растения сразу же увядали и ландшафт вновь становился серым и унылым. Здесь же, в парке Крюгера, напоенная влагой зелень выглядела сочной и блестящей, и это отражалось на состоянии местных животных, их поведении и привычках.

Как-то утром, в первую неделю наших странствований, мы наткнулись на небольшое стадо самок антилоп куду с их детенышами. Они стояли в пышных зарослях посреди кольца деревьев. Медленно, плавными скользящими движениями куду начали двигаться кругами, словно совершая ритуальный танец. Их хвостики были задраны кверху, выставляя напоказ пушистую белую шерсть, окружающую хвост. Антилопы

время от времени останавливались как вкопанные с таким видом, точно прислушивались, после чего одна, а вслед за ней и все другие возобновляли танец «карусели» во славу животворному дождю.

Млекопитающие выглядели упитанными: некоторые еще носили в себе детенышей, у других животы были переполнены после сытной кормежки. Птицы не переставая пели и перекликались, разыскивая пропитание среди невысоких кустов. В эту пору здесь было много перелетных птиц из других стран, прибывших сюда на зимовку – вроде большого улита, этого обитателя сырых, болотистых мест, прилетевшего в Южную Африку аж из самой Скандинавии. Степной сарыч проделал длинный путь из России, а белый аист оставил на зиму свое гнездо, выстроенное где-нибудь на крыше европейского дома. Он миновал разоренный войной Афганистан и измученную засухой Эфиопию – и вот путешественник здесь и наслаждается всеобщим изобилием.

Стоя на высоком берегу Себи, мы следили взглядом за стайками карминных щурок, выделяющих забавные пируэты в воздухе. Они быстро взмахивали крыльями, зависая почти что на одном месте, затем стремительно проносились над нашими головами и штопором взмывали вверх, точно уносимые ветром клочки красной материи. Словом, вокруг нас все выглядело как в сказке. Однажды вечером, возвращаясь в лагерь, мы остановились на нижнем течении Себи, чтобы понаблюдать за группой бегемотов. Обычно крайне малоподвижные, сейчас они словно ожили. В сумерках угасающего дня молодняк играл в догонялки, плескаясь на мелководье. А в это время двое взрослых раз за разом спаривались в неглубокой заводи поодаль, тяжело кружась друг подле друга, сталкиваясь телами и сопя, погружаясь в воду и вновь поднимаясь на поверхность. Лишь одна старая

самка оставалась невозмутимой. Она держалась на плаву, наполовину скрытая водой, которая бурлила вокруг от игр ее соплеменников. В другой раз, в послеполуденные часы, мы стали свидетелями турнира двух молодых самцов жирафов, задумавших испытать свои силы. Стычка жирафов – это, вероятно, самая медлительная и грациозная битва, какую только можно увидеть в африканском буше.



Жирафы не бодаются, скрестив шиловидные рога и упершись в землю всеми четырьмя напряженными ногами, как это делают самцы антилопы импала, когда каждый старается побороть соперника, зацепив рогами его рога и силясь повалить врага на бок. Нельзя сравнить бой жирафов и с дракой львов, наносящих друг другу молниеносные удары могучими лапами и раздирающих гриву и морду противника. Будучи столь же разгневаны, как и прочие сошедшиеся в схватке животные, жирафы, тем не менее, ведут себя довольно необычным образом. Они дерутся так же, как и бегают, – словно в замедленном фильме. Пока я с интересом наблюдал за происходящим, яркий, сверкающий синими переливами зимородок пронесся у

меня над головой и скрылся вдали. Жирафы стояли вплотную друг к другу, прижавшись бок к боку, как если бы каждый пытался оттолкнуть и повалить недруга. Вслед за этим медленно, неописуемо медленно один из них опустил шею вниз и мягким движением, напоминающим качание ветки под легким бризом, столь же неторопливо нанес точно рассчитанный и весьма сильный удар головой как раз в середину брюха другого самца. Сразу же шея «нападавшего» вернулась в исходное положение и вытянулась кверху. Теперь он стоял абсолютно неподвижно и казался слишком пассивным, чтобы как-то отразить точно такую же ответную атаку второго бойца.

В одну из наших ежедневных поездок мы увидели перед собой двух белых носорогов в стаде пасущихся буйволов. В сознании возникла ассоциация с неприступной белой крепостью, окруженной темной зубчатой стеной. За поворотом дороги показался одинокий буйвол, стоящий почти по колено в грязи. Он в ярости бросился по направлению к машине, разбрызгивая черную жижу, но сразу же остановился, сопя и проделывая угрожающие движения головой в нашу сторону. На плоском черном носу буйвола зияла открытая кровоточащая рана. Мне показалось, что это повреждение могло быть результатом столкновения со львом, безуспешно попытавшимся одолеть буйвола. Бык, судя по всему, отразил атаку и спасся, но этот инцидент обозлил его и заставил держаться агрессивно. Он нетерпеливо топтался на месте, осаждаемый тучей летних мух, роившихся около раны. Наверное, пешеходу, не подготовленному к такой встрече, было бы весьма неприятно оказаться с глазу на глаз с таким могучим зверем. Мы тихо проехали в стороне от буйвола, оставив его наедине с назойливыми мухами около прохладной грязевой ванны.

В период летних дождей не все обходится благополучно, и многие обитатели вельда погибают в это время. Тысячи новорожденных детенышей импалы становятся жертвами хищников: могучему воинственному орлу удастся высмотреть ненадолго оставленных матерями, прячущихся в траве малышей. Шакалы непрерывно снуют вокруг стада, высматривая миндалевидными глазками зазевавшихся, готовые атаковать их при первой возможности. Прочие хищники также настороже: гепард, леопард, гиеновая собака и, разумеется, лев взбудоражены обилием юных травоядных и матерей на сносях и не упустят случая отогнать беременную самку от стада и задрать ее.



Таковы законы природы, предписывающие максимально использовать кратковременное изобилие белковой пищи; но уцелевшие в этой борьбе упорно осуществляют свое предназначение в очередном цикле.

Я заметил также, что дороги в парке представляют собой своего рода эшафот для мелких существ, нечасто попадающихся нам на глаза. Хамелеоны, чьи движения напоминают колыхание древесных листьев, довольно обычны здесь, и мы раз за разом наблюдали, как эти ящерицы пересекают наезженную дорогу. Как-то раз черный коршун, зимний пришелец из Северной Африки, спикировал на шоссе прямо перед нашей машиной и схватил хамелеона, оказавшегося на трассе. Лапки ящерицы еще некоторое время лихорадочно искали ушедшую опору, когда коршун уносил рептилию ввысь. Это замечательное создание зачастую становится

также жертвой беззаботных водителей, которые смотрят по сторонам в надежде увидеть среди зарослей крупного зверя, не замечая медленно ползущего по дороге хамелеона. Я с жалостью провожал глазами трупики этих легендарных существ, превращенных в лепешку тяжелыми шинами автомобилей и медленно изменяющих под горячими лучами солнца свой цвет – от ярко-зеленого к мертвенно-черному.

Потратив целую неделю на обследование южного участка заповедника, мы наконец нашли то, что искали до этого к западу от реки Себи. Перед нами были львы. С большого расстояния я заметил молодую львицу, а когда, мы подъехали ближе, услышал взлаивание шакалов – бесспорный признак того, что где-то поблизости находится убитое львами животное. И вправду, менее чем в пятнадцати метрах от дороги лежала наполовину съеденная туша зебры. Трава вокруг нее шевелилась и раскачивалась, сквозь нее виднелись движущиеся желтые силуэты, а позади них, ворча на молодых львиц, стоял полный уверенности самец – глава прайда. Ему было около семи лет, и находился он в самом расцвете сил. Здесь было еще не менее десяти львов. Они возлежали вокруг, с окровавленными мордами, сытые и довольные жизнью.

Скорее всего, зебра не была единственной жертвой, добытой этой ночью, поскольку туша была съедена лишь частично и много мяса оставалось нетронутым. Будь зебра первой поживой прайда, такое количество львов сожрало бы ее за час или около того. Позже, когда солнце пробилось сквозь тонкий слой облаков и над разогретой землей задрожало дневное марево, я заметил высоко в небе крошечные силуэты грифов, обнаруживших, по всей видимости, более раннюю добычу львов.

Мы находились рядом со львами больше двух часов, испытывая несказанное удовольствие от возможности

снова побыть с ними. Мы наблюдали, обращая внимание на каждый звук и каждое движение и радуясь их довольному виду и мощному дыханию. Когда жара стала усиливаться не на шутку, они все вместе направились под тень невысоких деревьев, а мы неохотно покинули прайд, дав себе слово вернуться сюда вечером.

К тому времени, как мы возвратились, львы под жаркими лучами предзакатного солнца перешли в более густую тень придорожных зарослей. Позже я узнал от одного из своих знакомых, который довольно долго изучал этот прайд, рассчитывая получить диплом квалифицированного природоохранителя, что группа включала в себя взрослого самца, двух львиц (одна из которых была снабжена особым ошейником с радиопередатчиком) и два выводка подрастающих молодых. Этот человек рассказал мне, что в ноябре прошлого года прайд более двенадцати дней вынужден был поститься. Это показалось мне странным, учитывая изобилие крупной дичи, в частности зебр и гну, по всей округе. По мнению рассказчика, неудачи львов при охоте объяснялись большим количеством молодняка, который перевозбуждается при виде потенциальной жертвы и раньше времени устремляется вперед, спутывая карты взрослым львам.

Недолго мы наблюдали за львами, страдавшими от одышки в знойной атмосфере. Внезапно окрестности превратились в нечто ужасное. Микроавтобус, битком набитый туристами, резко затормозил недалеко от нас. Множество фото – и кинокамер показалось в окнах автобуса вместе с головами их владельцев. Камеры защелкали на все лады, и, как только съемка закончилась и желанные фототрофеи были гарантированы, зеваки, как это обычно бывает, принялись болтать, перекликаться и издавать всевозможные другие звуки. Подъехал еще один

микроавтобус, а за ним – следующий. Гудели кондиционеры, раздавался какой-то скрип. Туристам было уже неинтересно смотреть на отдыхающих львов. Они требовали от них каких-нибудь действий, и звери начали нервничать. Толпа стучала и свистела, и какой-то дурак, демонстрируя свою отвагу, приоткрыл дверь автомобиля, к ужасу всех прочих пассажиров. Стали открывать банки с пивом, смех становился все громче. Потеряв уже всякий интерес ко львам, люди начали разговаривать во весь голос. Один из туристов, обнаружив своего земляка среди присутствующих, закричал в его сторону: «Черт возьми, парень, какая погода была в Блемфантейне, когда вы уезжали? Бьюсь об заклад, страшная жара!» – и снова хлопки открываемых банок с пивом.

Вся магия исчезла. Мы снова оказались в человеческом балагане, мы уже не были почтительными зрителями перед лицом совершенного творения многовековой эволюции. Оказавшись в этой шумной компании, мы стали не более чем частицей бесцеремонной толпы, вновь утверждающей свое превосходство над миром природы. Люди приехали сюда смотреть спектакль с участием львов, они платили за это и хотели окупить свои затраты сполна. Когда автобусы отъезжали, все чувствовали себя удовлетворенными.

К счастью, далеко не все посетители заповедника демонстрируют столь полное отсутствие понимания природы и уважения к ней. Я встречал здесь и вполне почтенных натуралистов-любителей. Один из них, удалившийся от дел джентльмен из Кейптауна, с благоговением возвращался в парк каждый год и проводил здесь целых семь недель. Он очень интересовался птицами, а страстью его были наблюдения за так называемым четырехцветным кустарниковым сорокопутом и его фотографирование.

Эта крикливая птица необыкновенно яркой окраски живет в труднопроходимых речных зарослях. Другие посетители парка просто хотят побыть среди диких обитателей парка. К сожалению, многие дни этих энтузиастов оказываются отравленными гвалтом неумемной толпы, разрушающей все очарование тишины буша и восторга от фантастической встречи с царем зверей.

В наш последний день пребывания в парке мы поехали в главное управление заповедника в Скукузе. Его директор, профессор Саломон Джауберт, блестящий эколог современного направления, был, к сожалению, в отъезде. Впервые я встретился с ним в заповеднике Северного Тули, когда экспертная комиссия посетила его, чтобы провести там точный подсчет запасов дичи. Эта комиссия возвращалась к нам еще дважды и собрала за время своей работы огромное количество ценных сведений. Среди членов этого научного коллектива, посетившего Тули в последний раз, был и Петри Вильоин, знаток львов, позже назначенный начальником отдела исследований в парке Крюгера. Петри и я изучали две популяции львов, обитавшие в противоположных концах Ботсваны. Как-то раз в одном и том же журнале были опубликованы его интервью по поводу исследуемых им львов Савути и мой очерк о прайдах Северного Тули. Забавно, что, занимаясь одним и тем же вопросом, мы никогда не встречались ранее.

Помимо административной работы в парке, Петри был поглощен подготовкой исчерпывающего отчета о тех исследованиях, которые он провел в Савути. Хотя мы не были знакомы, он встретил меня очень сердечно, и мы более двух часов обсуждали особенности здешних мест, делились своими планами и вспоминали общих знакомых. Но более всего было сказано о нашей общей привязанности – о львах.

Когда мы покидали парк на следующий день, я не переставал думать о том, насколько приятной и содержательной была эта беседа, и как это здорово, что парком Крюгера руководят энтузиасты вроде Петри. Это интеллигентные, знающие и приветливые люди, и, что особенно важно, они глубоко понимают насущные проблемы охраны природы Африки – дело, которому коллектив парка отдает все силы.

Важность существования парка Крюгера трудно переоценить. Это прежде всего один из храмов дикой природы, красота которого предоставляет душевный и интеллектуальный отдых перегруженному заботами горожанину. Парк важен и в научном отношении: здесь удобно решать многие проблемы, постоянно возникающие перед теми, кто занят охраной окружающей среды, а полученные результаты могут быть использованы как в самом парке, так и для улучшения ситуации в других районах Африки. И наконец, пребывание в парке Крюгера открывает современному человеку уникальную возможность вернуться к своим истокам, побыть в окружении всего того, чего мы так давно лишены, и попытаться восстановить утраченные знания, ныне сохранившиеся лишь у «примитивных» народов, вроде бушменов, которые сами находятся на грани исчезновения, – знания о самих основах жизни.

После десяти дней, проведенных в парке Крюгера, мы направились в Свазиленд. Мы сделали короткую остановку в городе, по контрасту с которым в нашей памяти с особой силой воскресла вся прелесть пребывания среди девственной Природы. Мы вспоминали названия разнообразных животных, прошедших перед нашими глазами, их излюбленные места обитания, поведение и привычки. Нам казалось, что мы побывали в обществе близких друзей, которых до этого долго не видели. Мы освободились от этой

вечной тревоги, преследующей горожанина; почувствовали себя отдохнувшими и удовлетворенными, способными снова воспринимать радость окружающего мира.

Нашей целью при посещении Свазиленда было восстановить старые дружеские отношения с моим соратником по Ботсване, Кимом Волхутером, внуком того самого Гарри Волхутера. Ныне Ким стал директором одного из самых молодых заповедников Свазиленда под названием Млавула.

Свазиленд – маленькая страна, окруженная в основном территорией ЮАР и лишь на востоке граничащая с Мозамбиком. Я никогда не посещал эти места раньше и был в восторге от открывшейся перед нами панорамы при выезде из городка под названием Коматипоорт. На востоке тянулись невысокие длинные цепи горного хребта Лебомбо, этой естественной границы между Свазилендом и раздираемым гражданской войной Мозамбиком. Через полтора часа езды мы остановились у пропускного пункта на границе ЮАР и Свазиленда. Чиновники обоих государств были весьма любезны, особенно со стороны Свазиленда, где они были извещены о нашей договоренности с руководством заповедника Млавула. Дорога, хотя и асфальтированная, была вся в ужасных рытвинах, а кругом, насколько хватало глаз, тянулись гигантские плантации сахарного тростника.

Через тридцать километров от границы мы въехали на территорию заповедника, где растительность стала намного богаче. Проезжая по извилистой дороге, ведущей к лагерю, мы увидели самку белого носорога с маленьким детенышем. Они стояли под сенью раскидистой акации. Детенышу было никак не больше четырех месяцев. Животные не выказывали ни малейшего страха, укрывшись в тени дерева от безжалостного солнца, низвергавшего зной на наш

автомобиль. Никто не посещал этот суровый прекрасный парк на протяжении последних пяти дней, и лагерь был пустынен.

Не прошло и часа после нашего прибытия на место, как мы пешком отправились по звериной тропе в северо-западном направлении, вдоль берега сухого русла реки. Стояла жара, но воздух казался не столь насыщенным влагой, как в южной части парка Крюгера. Мы подошли незамеченными к стаду импал, показавшемуся нам весьма многочисленным. Увидев людей или почуяв наше присутствие, антилопы золотистыми тенями рассыпались вокруг нас. На тропе со множеством V-образных отпечатков копыт импал мы наткнулись на «уборную» носорога – большую кучу помета, которую животное регулярно посещает и пополняет, используя ее в качестве своеобразного пограничного столба на принадлежащей ему территории.

Неясные царапины на утоптанном грунте тропы подсказали нам, что взрослый носорог еще утром щипал траву на высоком берегу. Когда мы пересекли русло и повернули назад к лагерю, я услышал над собой пронзительный писк. Угодившая в желтую сеть паука-кругопряда, над землей висела маленькая птичка, молодая райская мухоловка. Ловчая сеть этого паука необыкновенно прочная – каждая нить паутины напоминает на ощупь рыболовную леску. Паутина к тому же очень липкая, и птичка запуталась в ней основательно, повиснув вверх ногами. Я вытащил ее из липкой сети и положил на руку.



В стремлении освободиться мухоловка по неосторожности лишилась всех оранжево-рыжих перьев своего роскошного хвоста, ее крылья были опутаны паутиной, а ножки беспорядочно дергались в сплошном клубке липких нитей. Я, как мог, очистил птицу от паутины, собираясь отпустить ее и посмотреть, сможет ли она подняться в воздух. Несмотря на утрату хвоста, мухоловка мгновенно унеслась прочь, издавая ликующие крики. Вскоре я услышал ее перекличку со своими родителями. Те терпеливо перепархивали все это время неподалеку от пленницы и приветствовали освободившееся дитя – пример того, насколько сильны родительские инстинкты в мире животных.

Мы пошли в сторону лагеря, то и дело вспугивая компании импал, которые выскакивали из высокого тростника на берег реки и скрывались под сенью приречного кустарника.

Когда мы проснулись на следующее утро, то обнаружили самку носорога с ее детенышем прямо у себя в лагере. Подкравшись ближе, мы с близкого расстояния наблюдали за ними некоторое время. Когда же солнце поднялось выше, наши гости неторопливо проследовали под густые тенистые кущи. К завтраку подоспел и Ким Волхутер, который горел желанием показать нам свою вотчину, а также расположенный по соседству заповедник Элани.

Ким Волхутер – один из последних могикан в ряду поколении «прежних» белых хранителей природа в черной Африке. Он представитель третьего поколения, следующий по стопам своего деда, Гарри Волхутера. Его отец также был главным хранителем в национальном парке Крюгера. Черные объездчики уважают Кима за его основательность. Им нравится его энергичный характер, умение находить решение в любых ситуациях и то, что он ожидает от них таких же действий, которые он предпринял бы и сам. Ким – неустомимый борец с браконьерами, и этим он завоевал уважение и местных жителей, и за пределами заповедника. Белых хранителей сокровищницы природы становится с каждым годом все меньше, и с ними умирает старая колониальная Африка. Заповедники этого континента есть, по существу, наследие колониализма. Вскоре заповедники перейдут в руки коренного населения, черных африканцев, на которых ляжет теперь ответственность за островки девственной природы, вроде Млавула, по всей Африке, чтобы их внуки и правнуки смогли лелеять и изучать сокровища своей родной земли. Ким рассказывал нам о Млавула и о своеобразии этих мест. Заповедник занимает свыше двадцати трех миллионов гектаров и представляет собой сочетание сухой саванны с колючими древовидными кустарниками на западе и сырых низкорослых лесов прибрежного типа на востоке. Из-за такого разнообразия ландшафтов фауна млекопитающих и птиц здесь чрезвычайно разнообразна. Антилопы, красный дукер и ориби, а также обезьяна саманго столь же характерны для заповедника, как куду, импала и гну. Здесь есть также немного гиен, но вездесущий леопард встречается в изрядном количестве.

В первый день путешествия, когда мы оказались в Элани, Ким поведал нам об основании заповедника и о

тех потерях, которые природа понесла в прошлом. Эта местность являлась прибежищем множества крупных животных, так что белые не стали терять времени зря и буквально набросились на местные богатства. В Элани гну были в свое время столь многочисленны, что отношение количества голов к площади даже превышало тот же показатель для Серенгети в Восточной Африке. Охотники опустошали земли на своем пути, а вслед за ними двигались фермеры, оседавшие здесь на жительство. Масштабы уничтожения импалы превышали всякую меру. Один фермер, осознав, что он не в силах реализовать все добываемое им мясо антилоп, начал кормить им свиней.



Немыслимый абсурд, характерный, однако, для поведения фермеров: кормить мясом животных, в свою очередь идущих на мясо! И это при том, что, если вести бизнес разумно и расчетливо, на диких животных можно было бы заработать намного больше, чем на разведении свиней.

В те давние годы никто и не думал о том потенциальном богатстве, которое представляет собой крупный зверь, и фермеры предпочитали разводить домашних животных – свиней, овец и коров, совершенно не приспособленных ни к африканскому ландшафту, ни к климату. Коренные же виды животных за тысячелетия идеально приспособились к местным условиям и находились в естественном равновесии со средой и друг с другом – и все это для того, чтобы быть бесцеремонно вытесненными скотом, привезенным с другого материка.

По мере того как мы продвигались вперед, контраст между разными типами растительности становился все более заметным. Мы ехали среди насаждений бледной акации, дающих приют множеству самых разнообразных существ. В то же время по склонам холмов растительность была совершенно иной. Здесь произрастали леса железного дерева, и среди стволов мелькали антилопы ориби, скачущие среди красноватых злаков, которые покрывали склоны до самых вершин. Дело охраны природы в Свазиленде находится сейчас на подъеме. Люди осознали наконец свою ответственность за наследуемую ими от уходящих европейцев страну и за природу как важнейшую часть ее. В главном управлении Элани нам показали молодых слонов, которых привезли из расположенного неподалеку парка Крюгера, чтобы со временем выпустить их здесь. Эти животные, все не старше десяти лет, были восхитительны и с любопытством встретили нас с Кимом, когда мы перелезли через загородку в загон, чтобы угостить их. Некоторые из юнцов приняли при этом особую позу, закинув хвосты вверх, словно копируя поведение взрослых слонов, а одна парочка начала с угрозой приближаться к нам – точно так, как это делают рассерженные бывалые звери. В данном случае это была, скорее, игра, но мы тем не менее не забывали об осторожности, которая едва ли могла повредить при близком общении с семисоткилограммовым «детенышем». Сила этих животных не идет ни в какое сравнение с их кажущимися не столь уж большими размерами.

Есть надежда, что и лев, подобно этим слонам, будет рано или поздно выпущен в заповедник в качестве благодеяния властей ЮАР. Прежде, однако, окружающие территории должны быть защищены от этих хищников ограждением под электрическим током. Если эти замыслы будут реализованы, природа

Свазиленда только выиграет, ибо лев известен как исконный обитатель этих мест.

Пока машина неслась вперед сквозь палящий полуденный зной, Ким, знающий буквально все об этой стране, обратил наше внимание на те изменения, которые произошли в заповеднике.

Редкость дождей в сочетании с избытком травоядных животных пагубно сказались на состоянии травяного покрова. Там, где всего лишь десять лет назад волновались высокие густые травы, ныне простиралась почти голая земля. Для того чтобы уменьшить численность диких копытных животных, их частично изымают из популяции, что, в свою очередь, дает доходы в казну заповедника. Эти деньги используются для восстановления земель, и хочется надеяться, что со временем их можно будет вернуть к первоначальному состоянию.

Захват колючими акациями пространств, где ранее колосились травы, идет с неслыханной скоростью. Трава уже не может расти на оголенной земле под широкими кронами деревьев. Представьте себе, что работники заповедника вынуждены вручную выкорчевывать каждое дерево и покрывать оголенную почву ветками колючих кустарников, чтобы под их покровом семена взойшли и дали начало возобновлению травяного покрова. Только неустанными усилиями таких людей, как Ким и его команда, богатая растительность – эта основа всякого ландшафта – может быть восстановлена на благо многих животных. Это – поистине адская работа, и остается лишь пожелать, чтобы на нее хватило времени в бурно меняющейся Африке наших дней.

Из окна машины Ким показал нам так называемую Скалу Охотника – место, где последний властелин Свазиленда, Собхуза II, видел последнего в этой стране льва. Это напомнило мне древнюю традицию народа

свази: прежде, чем новый владыка будет коронован на царствование, он должен убить льва. Когда Собхуза скончался, выбрали нового короля, но в Свазиленде к тому времени уже не было львов. Народ свази отличается большим достоинством и богатством национальной культуры, так что льва надо было найти во что бы то ни стало, чтобы соблюсти традиции предков. Изложение последовавших за этим событий отчасти противоречиво. По одной версии, льва доставили в Свазиленд под наркозом, и юный наследник заколол его своим традиционным копьем-ассагаем. Более правдоподобную историю мне рассказал Петри Вильоин в парке Крюгера: молодой король отправился в один из заповедников близ парка Крюгера и здесь с разрешения властей застрелил-таки своего льва (ограниченное количество львов разрешается здесь отстреливать по лицензиям). Итак, властелину пришлось выполнить традиционный обряд своего народа в другой стране, поскольку этих зверей уже не было в его собственной.

На следующий день Ким повез нас в своем тряском лендровере в восточном направлении к хребту Лебомбо, находящемуся совсем рядом с границей Мозамбика. Машина карабкалась вверх между краем леса железного дерева и руслом горного потока. Несколько раз мы вспугивали затаившихся в подлеске антилоп бушбоков, убегавших от нас под аккомпанемент криков калао-трубачей [один из видов птиц-носорогов], более всего похожих на отчаянный плач ребенка. Трава росла в изобилии до самого гребня хребта, миновав который мы оказались около старого коттеджа, выстроенного уже на восточном склоне горной гряды. Там, всего в шестидесяти километрах от этого первобытного места, начинался Индийский океан. На берегу его, словно мираж, сквозь дымку неясно виднелись очертания современного города – Мапуту, столицы Мозамбика.

Можно было разглядеть серые силуэты небоскребов, серые, как дым войны, поднимающийся над этой страной.

То, что мы видели на противоположной территории, не укладывалось в голове. Какая трагедия, какие невзгоды разыгрались там? Я смотрел в бинокль вниз, на одинокую ферму. Ее строения были разрушены и оставлены жителями. Мозамбик сначала был разграблен колонизаторами, а затем их самих изгнали революционеры. Они выиграли гражданскую войну, но в наследство от нее им досталась страна с искалеченной экономикой. Хотя с тех пор число посещающих школы утроилось, города стали чистыми и половина населения численностью в десять миллионов человек получила прививки против холеры, сельское хозяйство так и не смогло восстановиться, а туристы, ранее приносявшие государству миллионы долларов, перестали приезжать сюда, чтобы вкушать роскошной жизни в стране былого великолепия.

Русские, получившие исключительные права на рыболовство в богатейших прибрежных водах Мозамбика, стали вылавливать здесь все без разбору. И, как это ни парадоксально, худшие сорта рыбы они прессуют в блоки и продают сюда же, в Мозамбик. Вновь природные богатства оказались в руках чужаков. Все это происходило в тот самый момент, когда мы с горных высот Свазиленда обзревали сквозь серую дымку просторы соседней африканской страны.

Земля перед нами казалась обманчиво спокойной, но мы почему-то переговаривались вполголоса. Когда мы повернули назад, на восток, и направились вниз, в сторону саванны, мрачное настроение от увиденного еще долго не отпускало нас, словно потерявший надежду нищий хватал уходящих лихорадочно трясущимися руками.

На следующее утро мы упаковали наши пожитки, неохотно расстались с Кимом и с его заповедником и направились дальше на юг. Страна Лебомбо стала теперь знакома нам как старый дружище. Почти две недели мы пробыли здесь, продвигаясь с севера на юг по просторам юго-восточной Африки. Мы держали свой дуть через страну сахарного тростника и спустя некоторое время вновь пересекли границу ЮАР. Опять мы оказались близ желтых приморских пляжей синего Индийского океана, в низовьях впадавших в него рек. Через территорию Тонга мы въехали в Зулуленд, в страну могущественных Шаха, которая стала свидетелем успешного восстановления популяции львов.

По белой, словно гофрированной дороге, ведущей в сторону океана, мы спустились к заливу Содвана и остановились на ночевку под писк носящихся туда и сюда летучих мышей. Утром нас разбудило громкое «кок-кок-кок» – голос великолепно окрашенного шлемоносного турако.

Исследователь Африки Уильям Чарлз Болдуин, много охотившийся в этом районе, в своей книге «Охота и приключения в Африке», вышедшей в 1863 году, дал яркую картину местности, как она выглядела в то время. Он писал:

«Взошло солнце, и я увидел трех львов, уходящих от туши гну. Я хотел последовать за ними, но Ааматонгас представил дело таким образом: „Что я буду делать со львом, если мне вдруг удастся убить его?“ – хотя наиболее вероятным исходом казалась неудачная охота. Кроме того, львы были друзьями туземцев, постоянно снабжавшими их мясом своих жертв, так что мой спутник не хотел принимать участия в насилии над зверем. Как это ни кажется странным, аборигены в самом деле чувствуют себя обязанными львам за многочисленные угощения, получаемые от них...

Я пересек Сант-Люе (Хлухлуве) – одну из лучших известных мне рек в окрестностях колонии Наталь как места для спортивной охоты. Она начинается где-то у подножия Омбомбо (Лебомбо) и течет по чудесной лесистой долине. Везде в этих местах львы весьма многочисленны».

Львы и в самом деле водились некогда в Зулуленде, но после прихода колонистов и появления скотоводческих ферм их число быстро пошло на убыль. Последнего льва видели в Умфолози в 1938 году. Одиночные звери продолжали жить немного далее к востоку, в горной стране Того и в горах Лебомбо, но их истребили во время второй мировой войны. Последним из зулусских львов был, вероятно, старый самец, который в конце тридцатых годов вел жизнь одиночки в заповеднике Мкузи. Зверь был крайне скрытным, и, хотя его следы видели неоднократно и столь же часто слышали мрачную песнь отшельника в ночи, никому не удавалось хотя бы мельком увидеть льва-одиночку. Так продолжалось до 1937 года, когда объездчик капитан Поттер внезапно оказался буквально лицом к лицу со старым хищником. Как писал Гуггисберг, известный автор повествований о львах, «человек и зверь с минуту пожирали друг друга глазами и затем как по команде разошлись в разные стороны. Это был первый и единственный раз, когда лев из Мкузи соизволил предстать перед взором человека».

На следующий день мы направились в заповедник Хлухлуве. Когда мы подъехали к его границе, нашим взглядам предстало множество овец и коз, пасшихся у самой изгороди. Снова стало ясно, что это зрелище олицетворяет собой угрозу будущему буквально всех заповедников Африки: люди и скот готовы были вторгнуться уже в самое сердце дикой природы.

Заповедники Хлухлуве и Умфолози, вместе с неподалеку расположенным приморским заповедником

Сан-Люсия, – это старейшие резерваты крупных зверей в Африке, основанные еще в 1897 году. Территория комплекса Умфолози – Хлухлуве площадью свыше девяноста тысяч гектаров представляет собой плодородную холмистую местность с густыми лесами по долинам рек и с саванной растительностью в ее юго-западной части. Деятельность заповедников Зулуленда направлена, в первую очередь, на охрану носорогов, тогда как львы долгое время оставались на втором плане. Резерват насчитывает сейчас около тысячи шестисот белых и примерно двести сорок черных носорогов, оставаясь в течение многих лет главным оплотом этих видов на африканском континенте. Процветание здешних белых носорогов позволило расселить их из Зулуленда во многие другие заповедники Африки, где этот вид ранее был полностью уничтожен.

В шестидесятых – семидесятых годах множество белых носорогов было отловлено здесь и перевезено в национальный парк Крюгера, в Свазиленд, Мозамбик и Зимбабве, а также в маленькие заповедники ЮАР и в зоопарки и заказники всего мира. В эти годы из Умфолози и Хлухлуве вывезли более трех тысяч носорогов. Это обеспечило большую надежность выживания белых и черных носорогов, поскольку теперь ядро поголовья этих двух видов не сосредоточено уже в каком-то одном месте.

К несчастью, в борьбу за спасение видов, находящихся под угрозой вымирания, вмешались политики. Я вспомнил, что еще в шестидесятые годы читал о том, как несколько черных носорогов, еще многочисленных в то время в Кении, были пойманы и перевезены в небольшой слоновий заповедник Аддо в ЮАР. Спустя двадцать лет, из-за страшного браконьерства в Кении, здесь осталась горстка черных носорогов, тогда как Аддо и другие заповедники ЮАР,

благодаря надежной охране своих зверей, были уже готовы экспортировать черных носорогов в районы Африки, где те были ранее уничтожены. Однако, несмотря на то что в Кении эти животные находились тогда на грани вымирания, правительство этой страны отказалось принять «расистских» черных носорогов из ЮАР. Так или иначе, энтузиастам из коллектива, предпринявшего «Операцию „Носорог“», удалось внести огромный вклад в будущее вида, который в противном случае был бы почти определенно обречен на исчезновение.

Проезжая по территории Хлухлуве, я заметил, что растительность здесь стала гораздо обильнее, чем пять лет назад, когда я последний раз посещал эти места. В Умфолози и Хлухлуве проблема агрессивного расселения кустарников стоит столь же остро, как и в других заповедниках Южной Африки. Между 1937 и 1975 годами площадь, занятая кустарником, увеличилась с 56 до 80 процентов, в то время как участки, заросшие травой, уменьшились с 35 до 15 процентов. Из-за этих изменений облика ландшафта отсюда исчезли многие виды мелких животных – такие, как африканская сова, антилопа стенбок, горный редунка и водяной козел. В борьбе с разрушительным вторжением кустарников руководство парков Наталя вынуждено прибегать к масштабным мерам по их выкорчевыванию. Деревья и кусты приходится удалять ручным способом, ибо других мер противодействия им еще не придумали. Правда, применяется еще контролируемое выжигание древесно-кустарниковой растительности, проводимое одновременно с чрезвычайно трудоемким выкорчевыванием кустов.

Недавно в Умфолози и Хлухлуве ввезли сорок шесть слонов, которые в прежние времена жили и благоденствовали здесь. Последний слон был застрелен в Зулуленде в 1880 году. Отсутствие слонов в этих

заповедниках в последние десятилетия сильно способствовало распространению кустарников. Дело в том, что слоны повреждают кусты и деревья, объедая с них ветки, и тем самым вносят свой вклад в превращение непроходимых кустарниковых зарослей и низкорослых лесов в разреженные саванны. Разумеется, на первых порах роль ввезенных сюда немногих слонов не должна быть слишком заметной в плане изменений растительного покрова, но в дальнейшем, когда количество их увеличится, они постепенно преобразуют ландшафт в соответствии со своими естественными потребностями.

Как я уже упоминал раньше, львы в Зулуленде исчезли к 1928 году. Суперхищник вымер здесь, не выдержав неравной борьбы с сообществом фермеров. Однако с появлением в этих местах в 1958 году одинокого льва с темной гривой ситуация начала меняться. Два самца, вероятно, сравнительно молодых, вытесненных из своего прайда, предприняли выдающийся марш-бросок на юг из более северных районов. Первоначально полагали, что они пришли на восточное побережье Зулуленда из Мозамбика, но сегодня есть больше оснований считать их выходцами из национального парка Крюгера. Прodelать путь в триста пятьдесят километров скорее под стать птице, чем льву.

Можно думать, что эти два льва прошли на юг вдоль горной гряды Лебомбо, через территории с процветающим скотоводством, но не относящиеся, однако, к числу густонаселенных районов. Одного из пришельцев застрелили фермеры, но второй благополучно достиг заповедника Умфолози и жил здесь, не нуждаясь ни в чем, с 1958 по 1962 годы. Эти два льва были единственными представителями своего вида на территории в сотни квадратных километров, в той самой земле, которая всего сто лет назад считалась

одним из самых «львиных» мест. Не правда ли, странное совпадение между судьбами скрытного одиночного льва в заповеднике Мкузи в 1938 году и самца, завладевшего единолично центральной частью Умфолози двадцать лет спустя?

В 1962 году две взрослые львицы и три львенка были пойманы, минуя официальные каналы, в Тимбавати, неподалеку от национального парка Крюгера, и перевезены в комплекс Умфолози – Хлухлуве. Истинная история этих львов долгое время оставалась покрытой тайной. Сначала руководство заповедников публично заявило, что они пришли сюда тем же самым путем, что и черногривый самец несколько лет назад. Но это показалось сомнительным жителям Зулуленда, поскольку за время предполагаемого путешествия львов не поступило ни одной – жалобы местных фермеров на хищение у них скота. Однако в то время было бы опрометчивым откровенно признаться, что львов вселили сюда специально, поскольку заповедник Умфолози был окружен множеством ферм, владевших тысячами стадами коров. Положение оказалось щекотливым, и на этой почве вскоре возник конфликт между встревоженными фермерами и коллективом заповедника. А между тем объездчики сообщили, что львицы поладили с одиноким самцом и очень быстро принесли потомство. В 1966 году один из объездчиков-следопытов удостоился привилегии увидеть двоих первых львят, родившихся в Умфолози – первый львиный приплод в Зулуленде за последние тридцать лет.

Постепенно количество львов увеличивалось, и образовавшийся таким образом прайд начал широко кочевать по округе, возвращаясь тем не менее неизменно в долину реки Белая Умфолози, ставшую сердцевинной зоной никем пока не оспариваемой

территории этой группы львов. Глава охраны заповедника Ник Стили, особенно опекавший львов, описал в своей книге «Жизнь зрителя дичи в буше» эти дни возвращения львов в Зулуленд. Вот выдержка из его рассказа:

«Невзгоды и опасности, которые мы пережили при восстановлении популяции львов, были столь велики, что по сравнению с ними искусственное вселение в заповедник гепардов представляется детской игрой. На памяти здравствующих еще ныне людей гепард, лев, леопард и гиеновая собака во множестве водились в Центральном Зулуленде. Но только леопарду удалось пережить волну истребления; все прочие звери были уничтожены полностью. Эта трагедия была обязана предубеждению против, плотоядных, столь распространенному тогда по всей Африке, да и во всем мире; каждый зверь, потреблявший мясо, считался конкурентом самого алчного из всех хищников – человека, и должен был сойти со сцены».

Именно Ник Стили, обладавший недюжинной силой воли и упорством, вынес на себе основную тяжесть борьбы за восстановление популяции львов в комплексе Умфолози – Хлухлуве. Он стоял в то время во главе этого учреждения и в первые два года после того, как львы прижились и стали размножаться, не испытывал особых неприятностей из-за отсутствия надежной ограды вокруг заповедной территории. Коровы с земель, принадлежавших местным племенам, заходили в северо-западные участки Умфолози и смешивались здесь со стадами буйволов, но не подвергались при этом нападениям львов – вероятно, потому, что пастухи не спускали с них глаз, а на ночь собирали скот в огороженные частоколом загоны.

Вскоре, однако, небольшие группы юных львов в возрасте трех-четырех лет, вытесненные, очевидно, из прайда, повадились выходить из заповедника и

нападать на коров. Под страхом нависшей беды коллективу заповедника предстояло теперь прожить целые годы.

По мере того, как львы продолжали резать коров, напряженность росла, и в округе начали создаваться охотничьи отряды для уничтожения хищников. Белые фермеры также ополчились против львов. Когда троих из них в конце концов застрелили, это вызвало страшный шум, причем голос общественности звучал отнюдь не в пользу львов. Эти животные, защита которых законом была провозглашена в 1966 году, оказались сразу же вычеркнутыми из списка охраняемых видов. Белые фермеры выиграли первый раунд и получили официальное разрешение отстреливать скитающихся львов.

Ник Стили, однако, вскоре смекнул, что только деревенские жители, фермеры, приветствуют отстрел львов, в то время как горожанам это совсем не по душе. Он свел знакомство с журналистами, симпатизирующими львам и его затее, и те также сыграли заметную роль в деле охраны львов Зулуленда. В то время Стили и его сотрудники очень опасались, что исполнительный персонал Совета по руководству парками постарается решить проблему уничтожения скота львами раз и навсегда – декретом об уничтожении всех львов.

Тем временем львы расширяли свою территорию, и нападения на скот продолжались. В одном случае три зверя пересекали плантации сизаля неподалеку от заповедника, преследуемые группой разгневанных фермеров. Двое из этих львов успели зайти во владения заповедника Мкузи, оказавшись там первыми преемниками осторожного самца, обитавшего здесь до 1938 года. Совет по руководству парками приказал убить этих львов, что, в сущности, было мудрым решением. Мкузи – очень небольшой заповедник, к тому

же не имевший в то время надежного ограждения. Таким образом, и здесь неминуемо должны были возникнуть те же проблемы со скотом, что и в окрестностях Умфолози и Хлухлуве. Так что, если бы этих львов оставили в покое, неприязнь фермеров по отношению к хищникам стала бы еще более непримиримой.

Настал день, когда было решено откладывать деньги на строительство ограды, которая смогла бы воспрепятствовать нападениям львов. Иными словами, хищников следовало запереть в заповеднике. Примерно в то же самое время еще одна тройка зверей вышла за его пределы и стала резать коров почти ежедневно. За короткий срок эти львы, которых пытались настичь смотрители из Совета по управлению парками, покрыли большое расстояние и уничтожили более тридцати голов крупного рогатого скота. Львы были словно заколдованы и неизменно сбивали с толку людей, пытавшихся выследить их. В конце концов звери обосновались в верховьях реки Мсундузи, в холмистой местности Эбомболо. Смотрители продолжали преследовать их и в один прекрасный день увидели вдали городок Нонгома. Оказалось, что львы, уходя от охотников и петляя на своем пути, покрыли более двухсот километров. В конце концов их все же удалось повернуть назад, и двух зверей все же настигли пули фермеров недалеко от деревни Мкузи.

Однако во время этой охоты на львов случилось худшее из того, что только мог представить себе Ник Стили. Лев покалечил одного из своих обидчиков, и спустя несколько дней газеты вышли с кричащими заголовками: «Лев-убийца искалечил директора школы». Произошло как раз то, чего Стили все это время более всего боялся. Еще через несколько дней он получил инструкцию от своего начальника, в которой говорилось, что все львы, оказавшиеся на территории

заповедников к северу от дороги в Хлабису, должны быть отстреляны. Это значило, что речь идет о всем племени львов Хлухлуве и о части незаповедных земель, отделяющих этот заповедник от Умфолози. Тем временем львы продолжали свои вылазки из Умфолози, и дальность этих экскурсий достигла критической точки. Как-то вечером обходчик Гордон Бейли позвонил Стили и сообщил, что прайд из пятнадцати львов находится почти рядом с зулусской деревней в местности Мона, северо-западнее заповедника. О душевном состоянии Стили в тот момент говорит следующая выдержка из его книги:

«Я расспросил Гордона о подробностях происходящего и в отчаянии опустился в кресло в своем кабинете. Как могли мы справиться с этой ситуацией? Несколько зрителей дичи уже после наступления темноты подъехали на лендровере к месту событий и пришли в ужас от увиденного: туша коровы была буквально облеплена львами самых разных размеров...»



Тут же, всего в каких-нибудь ста шагах, собралась большая компания зулусов – мужчины, женщины и дети. Один из объездчиков застрелил льва, и прайд разбежался в разные стороны.

Расплата пришла в 1973 году, когда Стили получил приказ сократить популяцию львов заповедника,

уничтожив сорок животных. Он попытался возразить, что эта мера не отвечает задачам охраны природы, поскольку образ жизни львов никто не изучал, и в данный момент неизвестно, какое влияние они оказывают на численность своих естественных жертв. И в самом деле, было неразумно требовать такого отстрела, пока роль львов в заповеднике оставалась неизученной. Стили утверждал также, что уничтожение сорока зверей может сказаться на всех остальных, так что есть опасность распада прайда и массового ухода львов из Зулуленда. Это означало крушение всего того, что было сделано ранее. К счастью, благодаря нажиму сторонников сохранения львов, Совет отменил свое распоряжение.

Сам Стили таким образом подытожил суть всех этих пертурбаций:

«Забавно было то, что столкновение интересов коренилось в самой организации. Ни зулусы, которые страдали от львов более всех других, ни белые владельцы ранчо никогда не ратовали за полное уничтожение львов. Они требовали только, чтобы был установлен контроль за хищниками, нападающими на скот».

Стили и его помощники работали не покладая рук, и им удалось устоять против мощного давления своих противников. Стили получал выговор за выговором от Совета попечителей, и, как мог, пытался выйти из порочного круга неразрешимых, на первый взгляд, проблем. Судьба львов была в его руках, и он всячески сопротивлялся угрозе их истребления.

После множества инспекций, предпринятых Советом, львы были временно «оправданы». В натальской «Дейли ньюс» эту новость обнародовали кричащим заголовком: «Львы Наталя будут сохранены». Совет управления парками Наталя принял решение поддерживать жизнеспособную популяцию львов в

заповедниках Умфолози и Хлухлуве. Та же газета вышла 2 апреля 1974 года с передовой статьей «Прайд Наталя».

Я закончу повествование о борьбе за выживание зулусских львов следующими словами Ника Стили:

«Это историческое, хотя и несколько запоздалое решение было встречено с восторгом сторонниками охраны природы по всей стране. Что касается меня, я впервые вздохнул с облегчением. Случившееся, однако, не означало для меня, что пришел конец изнурительной работе по контролю за бродячими львами. Однако политическая борьба по вопросу о сохранении зверя была на этом завершена».

Исколесив Хлухлуве вдоль и поперек и вдоволь вкусив очарование этой местности, мы направились в Умфолози. Мне хотелось сравнить два соседних заповедника и поговорить с их директорами – Германом Бентли и Симоном Пиллингером.

Готовясь к встрече с ними, мы сделали остановку на реке Умфолози, где нашим глазам предстали последствия разрушительного воздействия природной катастрофы, не исходившей на этот раз от человека. В начале 1984 года над Южной Африкой пронесся циклон Демоина, бушевавший в течение пяти дней и нанеший существенный урон южному Мозамбику, северному Наталю и Свазиленду. Река, на берегу которой мы стояли сейчас, в те дни поднялась более чем на восемнадцать метров выше обычного уровня. Несущаяся вода вырывала с корнем вековые деревья, и роскошная приречная растительность была почти полностью смыта разбушевавшимся потоком. Наводнение уничтожило 96 процентов долинных лесов: гигантские фиговые деревья, могучие, покрытые темной корой скотий, – все это подверглось страшному разрушению. Под напором разбушевавшейся стихии погибло целое растительное царство, дотоле дававшее

приют таким редким видам животных, как черный носорог, антилопа бушбок, буроголовый длиннокрылый попугай.

Буроголовый попугай сегодня местами действительно вымер, но перспективы восстановления растительности выглядят обнадеживающе, хотя, возможно, пройдут века, прежде чем вернется прежнее величие. Уже появились молодые фиговые деревья, новая поросль укоренилась на принесенной наводнением почве, и вылизанные могучим потоком берега вновь оделись густым ковром травы и низкорослых пока кустарников. Мы нашли Бентли и Пиллингера в лагере Мпила в центре заповедника Умфолози. Я полагал, что оба они как никто другой знают природу Умфолози и Хлуклуве, и хотел узнать у них о современном состоянии популяции местных львов, чтобы из первых рук получить последнюю информацию о передвижении зверей и о применяемых здесь мерах контроля за ними. Хотя я никогда не встречался с Бентли и Пиллингером раньше, мы, как это обычно бывает у зоологов, быстро нашли общих знакомых и стали вспоминать места, где бывали в прошлые времена. Завязался оживленный разговор.

Один из первых моих вопросов, который я задал, расположившись в кабинете Бентли, касался того, удастся ли удержать в границах заповедника львов, склонных посещать земли местных племен. Бентли ответил, что первоначально заповедник покидали только молодые самцы, вытесняемые из прайда в результате конкуренции со старшими. Но позже заметили, что самки, взрослые самцы и даже целые группы львов могут на время уходить из заповедника, а затем возвращаются сюда вновь. Известен даже случай, когда львица родила детенышей – за пределами охраняемой зоны, а один крупный самец ушел на север, в Свазиленд, и не вернулся. Впрочем, по словам Бентли,

проблема бродячих львов перестала в последние годы быть столь острой, как прежде, поскольку их численность установилась на некоем постоянном уровне – как по естественным причинам, так и благодаря тому, что заповедник обнесли более надежной оградой. Кроме того, если лев все же покидает заповедник, за ним тут же организуют погоню, и зверя отстреливают, чтобы избежать возобновления острых конфликтов прошлых лет. «Если прайд начинает доставлять нам неприятности, мы пытаемся управлять им; когда же это не помогает, мы изымаем возмутителя спокойствия из прайда, чтобы он не смог передать свой скверный характер потенциальным потомкам», – без обиняков признался Бентли.

Я спросил также, не угрожает ли местным львам обеднение генофонда, коль скоро все они произошли всего от трех производителей. Не приводит ли это к мутациям – таким, например, как отсутствие у самцов гривы? В ответ мне было сказано, что ничего такого здесь не наблюдали. Пиллингер добавил, что «вселение первых львов осуществлялось как тайная операция». Очевидно, мой собеседник имел в виду возможность негласного ввоза других львов – помимо тех трех, о которых сообщалось, но, это не сочли нужным предавать огласке. Если все было действительно так, я узнал то, что и требовалось: генофонд был не столь уж бедным, так что всех связанных с этим проблем просто не существовало. Мы оставили эту интересную тему и обратились к вопросу о львах – убийцах скота. Оказывается, руководство по управлению парками иногда выплачивало компенсацию хозяину коровы, зарезанной львом. Бентли добавил, что зулусы, в целом, настроены доброжелательно: они отдают себе отчет в целях и задачах заповедника, так что, несмотря на выходы львов, между заповедником и аборигенами

сохраняются добрососедские отношения. Зулусы стали понимать, что заповедник охраняет не что иное, как исконную сокровищницу их народа. Подобное взаимопонимание может быть, в принципе, достигнуто повсюду на континенте при определенной настойчивости. Оно должно сыграть главную роль в преодолении широко распространенного мнения, что заповедники – это ничем не оправданная причуда для развлечения белых ценой лишения коренных жителей принадлежащих им земель.

Продолжая свой рассказ, Бентли поведал нам, что изучение львов всячески поощряется. Сейчас осуществляется серьезное трехмесячное исследование численности львов и структуры их прайдов в Зулуленде. Эта работа чрезвычайно важна, поскольку она позволит выработать стратегию охраны львов, направленную на безопасность их будущего.

Итак, в Зулуленде возвращение львов в природу свершилось. Животное, которое было истреблено человеком, его же настойчивостью восстановлено в своих правах. Отныне жизнеспособная популяция будет поддерживаться здесь вопреки жестокому противодействию животноводов и недальновидных политиков. Столь давнее предубеждение против хищников удалось во многом преодолеть в Зулуленде. Львы вновь вернули себе исконное право осуществлять важнейшую экологическую роль в природе Африки.



Восстановление львов в Зулуленде было достигнуто усилиями горстки благородных, просвещенных людей. Я очень надеюсь, что со временем нечто подобное произойдет и в других частях континента, где львы

были истреблены и уничтожены. Если это стало возможным в Зулуленде, почему бы не повторить то же самое повсюду в других местах? Все зависит лишь от умонастроения населения и от настойчивости тех, в чьих руках находится дело охраны природы.



Глава вторая

Ботсвана: просторы пустынь и дельта Окаванго

... лев тоже ищет смысл сущего, без чего ему не выжить.

Лоуренс ван дер Пост. «Сердце охотника»

Мы вынуждены были временно прервать наше путешествие и на неделю вернуться в Йоханнесбург. Здесь мне предстояло утрясти кое-какие последние приготовления к выходу моей первой книги «Плач по львам». Несколько взволнованный этим важным для меня событием, я вздохнул свободно, когда все благополучно закончилось, и лишь с нетерпением ждал очередного бегства в просторы дикой Африки.

Следующим пунктом нашей программы была Ботсвана. Эта страна – мой второй дом, и я никогда не изменю такого отношения к ней. За время моей работы в Тули в течение трех с половиной лет я сросся душой с этой жаркой землей и с ее уравновешенными, полными спокойного достоинства людьми. Ботсвана имеет примерно такую же площадь, как и Франция, хотя природа здесь, скорее, негостеприимна. Это страна пустынь и знаменитых болот Окаванго. Богатейшие запасы алмазов сделали Ботсвану одним из передовых государств Африки. Ее потенциал огромен, учитывая изобилие минеральных ресурсов, сравнительно скромное население численностью около миллиона человек и отсутствие межнациональных конфликтов. Западные страны с симпатией относятся к Ботсване и, осуществляя различные проекты благоустройства

страны, вкладывают миллионы долларов в ее экономику. Но самое большое богатство Ботсваны – ее природа, отличающаяся разнообразием ландшафтов и населяющих их животных.

Мы уезжали из города с более легкой душой, чем в предыдущий раз, когда направлялись в вельды Трансвааля. Меня беспокоило лишь одно – справится ли наш автомобиль с трудностями предстоящей дороги. Мы вынуждены были везти с собой запасы горючего и воды, поскольку нас ожидали места, где единственным питьем будет вода из наших канистр. Я знал, что наш «жучок» перегружен, и не был вполне уверен в его способности выполнить столь трудную задачу.

Выехали мы очень рано, в предрассветной прохладе, и были уже далеко от города, когда восходящее солнце внезапно озарило небосвод. Мы ехали на северо-запад, по направлению к провинции Ватерберг, где места стали заметно живописнее на подъезде к городку Нилстроом. Территории Ватерберга, Блауберга и Саутпансберга простираются с запада на восток северного Трансвааля – земли, некогда славившейся изобилием крупных животных. Я знал эти места и сейчас, убаюканный ездой, начал возвращаться в своих мыслях к главной цели нашего путешествия – ко львам. В дни моей работы в Ботсване мне несколько раз приходилось сотрудничать с властями соседней Южной Африки по вопросам борьбы с браконьерством на границе этих двух государств. Как-то раз мне удалось услышать здесь любопытную историю, передававшуюся местными жителями из уст в уста. В горах севернее дороги, по которой мы сейчас ехали, в недавние времена существовала замкнутая компания львов – вероятно, единственная, которой удалось выжить в ЮАР вне пределов охраняемых законом резерватов.



В самом начале XIX века местные львы, подобно большинству других диких животных, без разбору уничтожались охотниками, фермерами и спортсменами в таких масштабах, что со временем звери перестали попадаться на глаза. Было решено, что их выбили окончательно. Оказалось, однако, что немногочисленным потомкам огромных кошек, некогда населявших все эти земли, удалось все же уцелеть. Вероятно, не более трех-четырех львов живут сегодня в непроходимых зарослях колючих кустарников и деревьев по крутым склонам хребта Саутпансберг. У подножия скалистой горной гряды раскинулись скотоводческие земли, где на просторах вельда пасутся тысячные стада коров. Хозяева этих стад – богатые люди, считающие свое живое состояние не на единицы, а на сотни голов.

Время от времени чрезвычайно скрытно живущие местные львы загрызают отбившуюся от стада корову и пируют много дней, прежде чем пастух набредет на ее останки. Но в это время львы успевают уже уйти высоко в горы. Все, что предстает перед глазами человека, – это раздробленные кости и неясные отпечатки мягких лап на почве – следы призрака в облике льва. В силу их немногочисленности и необычайной скрытности эти львы не вызывают особых пересудов у местных жителей. Ущерб, наносимый ими, ничтожен, и можно полагать, что количество зверей медленно увеличивается. Итак, где-то там, на севере, бродят

последние представители уничтоженного здесь вида, нашедшие прибежище в совершенно несвойственных львам местах – на склонах гор.

В той же самой гористой местности некогда нашли убежище бушмены, которые в дальнейшем были вытеснены и отсюда белыми поселенцами. Племена бушменов ушли тогда на запад, в районы, куда мы теперь направляли свой путь – в Калахари, эту Пустыню Великой Жажды.

Миновав перевал через горную гряду, мы покатали вниз по ровной дороге, ведущей в сторону древней долины Лимпопо. Следующая остановка была в городке Эллисрас, который еще совсем недавно находился под страхом местных террористов с их разрушительными бомбами. Городок жил своей жизнью, его обитатели выглядели беззаботными, и это представляло странный контраст с их прошлым, когда они на каждом шагу подвергались опасности встретиться со смертью – например, возвращаясь домой после утомительного трудового дня. Бомба действует столь же неразборчиво, как и петля браконьера. Каждый, наехавший на мину, будет убит либо изувечен. Поэтому в Эллисрасе все легковые машины и грузовики предусмотрительно укреплены крепкими стальными листами, а смотровое окно для водителя уменьшено до узкой щели. Такие жуткие семейные танки, на которых мамы везут детей из школы домой, а дамы отправляются на досуге посетить выставку цветов. Покинув Эллисрас, мы свернули с убаюкивающего асфальтового шоссе и поехали по грязному проселку – этому излюбленному полигону террористов. Здесь каждый почти инстинктивно избегает даже картонной коробочки, да и любого другого предмета, ибо никогда не известно, что кроется внутри, – разумеется, до того момента, когда станет уже слишком поздно. Мне удалось отделаться от всех этих неприятных мыслей и вздохнуть с

облегчением, когда мы наконец достигли долины Лимпопо, отделяющей ЮАР от Ботсваны.

Когда мы переезжали мост через «великую реку крокодилов» близ Паррс-Халт, я почувствовал себя так, словно никогда и не покидал Ботсвану. Мы находились в пути уже более восьми часов, и хотя был всего лишь час пополудни, я решил подыскать место для лагеря, где можно было бы провести ночь. Хотелось вновь побыть наедине с природой.

Та часть Ботсваны, так называемый Рубеж Тули, очень много значила для меня, ибо именно на северо-западном ее участке, на расстоянии двухсот пятидесяти километров отсюда, я изучал львов в заповеднике Северного Тули.

В истории Ботсваны эти места были зоной длительных конфликтов, а сам Рубеж представлял собой не что иное, как союз фермерских хозяйств на границе с Южной Африкой. Оскудение природы района и ее животного мира произошло сравнительно недавно: первый слон был убит здесь португальцами-исследователями в первом десятилетии прошлого века. Охотники за слонами из Южной Африки продолжали истреблять этих животных, и уже в семидесятых годах прошлого века стали продвигаться далее к северу в поисках лучшей слоновой кости. Через двадцать лет после этого слоны здесь полностью исчезли.

Там же находился центр конфликта между двумя местными владыками – Великим Кхамой, властелином Бамангвата, и Лобенгулой, вождем племени Матабеле. Несмотря на то, что реально Тули входило в территорию Бамангвата, Лобенгула рассматривал этот район как место своей королевской охоты. К 1895 году англичане провозгласили его частью владений Кхамы, а мудрый старый вождь подарил Тули королеве Виктории, надеясь, что здесь возникнет буферная зона между его страной и чрезмерно агрессивной Республикой

Трансвааль. Англоязычные поселенцы начали осваивать эти места, получившие, таким образом, название Рубеж Тули.

Формирование поселений и развитие сельского хозяйства, как и следовало, пагубно сказались на популяции местных львов. На месте нынешнего заповедника Тули только в пятидесятые годы нашего века было отстреляно сто пятьдесят особей этих зверей.

Хотя местная история казалась цепью вражды и печальных недоразумений, да я и сам был свидетелем многих трагедий в жизни ее исконных обитателей – животных, я, оказавшись так близко ко всем этим событиям, остро переживал происходящее и всей душой отдался многострадальной земле. Здесь присутствовало особое настроение, и со временем я глубоко проникся им. Оказавшись в Тули снова, я почувствовал, что, несмотря на свое долгое отсутствие, мне удалось сохранить многое, пережитое в этой знойной стране, внутри себя.

Мы успели проехать всего лишь тридцать километров по территории Тули, когда я заметил прекрасное место для лагеря в ста метрах от грязной разбитой дороги. Съехав на обочину, я заглушил мотор под огромной бледной акацией, крона которой бросала обширную круглую тень на иссохшую землю.

С наступлением сумерек я по своей старой привычке начал, подражать мелодичному голосу жемчужного воробьиного сыча. Я надеялся услышать ответный сигнал, но в этот момент совершенно другая птица – траурный дронго – опустилась в крону над нами. Совка не ответила мне, зато ее постоянный преследователь, смелый пересмешник дронго, тут же примчался на мой зов и теперь подозрительно рассматривал нас, сидя на нижней ветви дерева. Недоумевая, почему здесь оказались эти существа вместо маленькой крикливой

совки, дронго поглядывал на нас рубиново-красными глазами, сиявшими, словно маленькие драгоценные камни, на фоне его иссиня-черного оперения. Когда же сумерки сгустились, птица улетела, хлопая крыльями, и ее черный силуэт растворился во мраке умирающего дня. Этой ночью мы не видели ни огонька, не слышали никаких посторонних звуков остро ощущали, что мы единственные человеческие существа на много километров вокруг. Звезды казались сверкающими бриллиантами на чернильно-синем небе, а затем полная луна показалась над горизонтом и залила округу мягким голубоватым светом. Мы приготовили ужин на углях, оставшихся после сгорания скрюченных сухих веток акации, этого благородного дерева, дающего своеобразный ароматный дым. Дрова горели ровно и жарко, и лишь временами сноп искр вырывался наружу при воспламенении особого смолистого вещества, пропитавшего хворост.

Ни разу за предыдущие недели странствий по просторам Африки мы не испытывали того восхитительного чувства, что посетило нас этой ночью в стране зарослей мопаны на просторах Тули. Мы вновь были в истинной Африке, в Африке прошлых веков, все еще находящейся во власти древнего духа этой земли.

Утро пришло вместе с отдаленным лаем шакалов, и солнце еще только вставало над горизонтом, когда мы свернули лагерь, уничтожили все следы своего пребывания и выехали на дорогу, ведущую во Францистаун, центральный город восточной Ботсваны. Нам предстояло преодолеть двести пятьдесят километров пути, чтобы затем отправиться на некогда великое африканское озеро Макгадикгади.

Следующую ночь мы намеревались провести в кемпинге неподалеку от Францистауна. Разумеется, контраст с нашей предыдущей ночевкой оказался не в пользу нынешней. Мотель расположен в искусственно

созданном оазисе на берегу реки Тати. Коттеджи построены здесь из местного тикового дерева, известного среди туземцев под названием «муква». Вокруг зеленеют свежие газоны. Кемпинг был полон народу. Один из грузовиков следовал из Найроби, ему оставалось проделать последний отрезок пути до Йоханнесбурга. Шум и гам, суeta людей и лай собак, плач детей и звуки музыки слегка раздражали и заставили с тоской вспомнить чудесные мирные часы, которыми мы наслаждались не далее как прошлой ночью.

Отдохнув и пообедав, мы, чувствуя себя не в своей тарелке, направились к сверкающему синевой плавательному бассейну. Мы шли мимо людей, загорающих на солнце, закусывающих и выпивающих, и остановились посмотреть на происходящее вокруг нас. Черные и белые детишки играли вместе, что было особенно приятно видеть, вспоминая о существовании совершенно иного мира всего в каких-нибудь двухстах двадцати километрах к югу, за границей ЮАР. Чернокожие семьи расположились рядом с «цветными», а те непринужденно переговаривались с людьми европейской внешности. За стойкой бара восседали двое буров-африкандеров, которые явно чувствовали себя неуютно, хотя и по совсем иной причине, нежели я. Они выглядели угрюмыми и настороженными, с особым вниманием просматривая поданный им счет. Внимательно наблюдали за суетившимся барменом, когда тот наливал двойную порцию водки из сахарного тростника в их бокалы и добавлял туда же апельсиновый сок. Явно чувствовалось, что этим двоим не по себе среди дружелюбной многонациональной толпы, и они жались в тень, словно не доверяя своему росту и физической силе. Они довольно быстро ушли, став, несомненно, много разговорчивее наедине друг с

другом и возмущаясь на все лады сценой, свидетелями которой оказались.

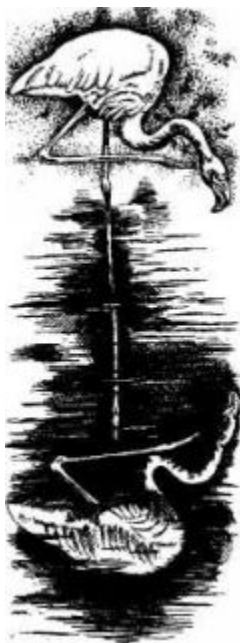
Славно искупавшись, я уселся в шезлонг и стал наблюдать за этим разношерстным сообществом, проводящим пикник на окраине городка, еще совсем недавно бывшего заброшенной деревушкой. Свесив ноги в бассейн, массивного сложения англичанин болтал с молоденькой француженкой; его тон казался сдержанным, и он неторопливо отвечал на игривую речь собеседницы, которая явно флиртовала с ним, бегло касаясь его колена и жалуясь на то, как трудно было отделаться от замбийской валюты. Было ясно, что девушка рассчитывает на помощь англичанина.

Здесь, у края огромной пустыни, предо мной предстали, словно на ладони, многие положительные и отрицательные стороны нашего общества. Казалось, сконцентрированный фрагмент городской жизни оказался неведомо как перенесен сюда, на берег безводной реки в восточной Ботсване. Происходящее сильно заинтриговало меня, но я думал больше о том, что рано утром надо ехать дальше и что мне следует заняться совсем другими делами, хотя трудно было отделаться от мысли, насколько парадоксальна сцена, развернувшаяся перед моими глазами. На следующий день мы с рассветом покинули Францистаун и направились в Ната, находящуюся примерно в двухстах километрах к северо-западу. Внезапно густые насаждения мопаны и комбретума окончились, уступив место пальмам, разбросанным там и тут по обширной травянистой равнине. Мы немного задержались в Ната, чтобы пополнить запасы горючего и воды. Нам постоянно следовало иметь с собой пятьдесят литров бензина и две большие фляги с водой. Затем мы взяли на запад в сторону Гветы, опрятного поселка из традиционных туземных хижин, где только и можно остановиться для передышки на пути из Ната в Маун.

Позже мы переждали полуденную жару и даже заночевали перед дальнейшей дорогой в заповедник Макгадикгади. Место, где мы остановились, расположено поблизости от высохшего озера, чаша которого ныне формирует котловину под тем же названием. В далеком прошлом Макгадикгади было одним из самых крупных озер Африки, сопоставимым по размерам с восточно-африканским озером Виктория. Оно вбирало в себя воды трех больших рек – Кванго, Окаванго и Оква. Это огромное озеро, некогда расстилавшее свои колышущиеся воды насколько хватало глаз, сегодня уже не существует – как и те люди, что в древности населяли его берега. Площадь поверхности озера составляла около шестидесяти тысяч квадратных километров при глубине его порядка двадцати пяти метров. Бурение грунта в окрестностях погибшего озера показало, что толща его осадков достигает местами ста метров. Перемещения земной коры, и сегодня происходящие в Африке, отодвинули ложе озера от питавших его могучих рек, и гигантский водоем высох, перестав существовать. А река Окаванго, утратив сток, куда она впадала до этого, разбросала свои воды по многим протокам, которые, словно пальцы руки, распространились по обширной территории, образуя дельту. Поступающая сюда вода впитывается в песок пустыни и исчезает под землей.

Когда котловина наполняется водой после сильных ливней, на время воссоздается прежнее великолепие, словно призрак Макгадикгади посещает нас вновь. Даже фламинго стаями прилетают сюда кормиться обильными в это время мелкими водными существами. С течением времени водоем понемногу сходит на нет, и птицы переселяются на другие крупные африканские озера, оставляя на иле свои розовые перья в память о некогда великом Макгадикгади.

За час до восхода солнца мы уже шли в сторону исчезнувшего озера. Я внимательно рассматривал почву в поисках следов диких животных, но обнаружил лишь старые отпечатки копыт антилопы дукера. Увы, все вокруг было истоптано коровами, козами и домашним скотом. В этой части Ботсваны, как и во многих других, скот давно превзошел по численности и вытеснил диких травоядных – таких, как антилопы орикс и спрингбок. Мы продвигались, минуя островки mopan, причем кольцо этих деревьев каждый раз окружало могучий баобаб.



Достигнув берега бывшего озера, мы замерли при виде того, что открылось перед нами. Я даже не представлял себе ранее, что вообще возможно существование столь огромных и абсолютно пустых пространств. Дно озера казалось бескрайним. Оно простиралось до горизонта, окруженное полосой зеленой волнующейся травы. В небе над ним громоздились тяжелые кучевые облака. Масштабы котловины казались невероятными, и нам пришло в голову, что, возможно, Серенгети выглядело бы примерно так же, если бы там исчезли все животные. И

вновь дурные мысли и предчувствия охватили меня и долго не оставляли.

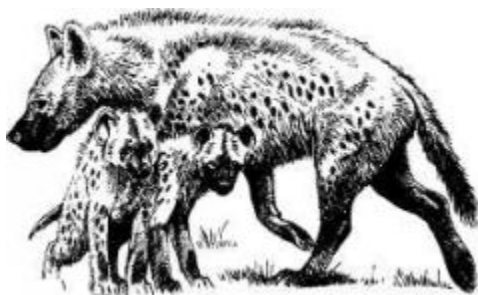
На расстоянии я заметил двух мальчишек, ехавших на ослах к загону для скота. Их черные силуэты четко рисовались на желтом фоне пустыни. Видны были также многочисленные коровы и козы, и я подумал, как было бы хорошо, если бы на их месте паслись ориксы и спрингбоки. После полудня подул сильный ветер, и облака начали сгущаться, обещая дождь. Однако ближе к вечеру, когда с наступлением сумерек мы направились к лагерю, ветер стих, а дождевые тучи не оправдали наших надежд и распались на маленькие облачка, розовые и пурпурные в свете заходящего солнца.

В эту ночь мне пришлось услышать не звуки девственного буша, а только шум автомобилей, направлявшихся в Маун в попытке преодолеть дальнюю дорогу до наступления дневного зноя. В глубине души я надеялся, что, когда мы приедем в Макгадикгади, вместо рева машин окрестности огласятся рыканьем льва-самца.

В девять часов следующего утра мы свернули с трассы Маун – Ната и повернули на юг к заповеднику Макгадикгади. Кругом расстилалась травянистая равнина с растущими там и тут одиночными пальмами млала, из перебродившего сока которой многие африканские племена изготавливают крепкий алкогольный напиток. Сок этот, пока он свежий и не успел перестояться, кисловат на вкус и прекрасно утоляет жажду.

Вдали я заметил маленькую группу ориксов, этих мнимых «единорогов» пустыни, которых легковуры считают способными существовать без воды. Малая черная дрофа, внешне больше напоминающая миниатюрного страуса, проводила нашу машину звуками, напоминающими тьяканье щенка. У этих птиц

наступила пора размножения, и агрессивно настроенные самцы угрожали всему, что могло двигаться, даже проезжающим автомобилям, желая произвести благоприятное впечатление на своих подруг. Высоко над нами скользил степной сарыч, и его крылья слегка изгибались под порывами встречного ветра.



Проехав свыше тридцати километров по закрепленным пескам, я решил остановиться на отдых. Мы нашли тень под усеянным красными ягодами деревом терминалии в ста метрах от дороги. По привычке я бегло осмотрел окрестности временного лагеря и обнаружил следы зебр и гну. За день до нашего приезда орикс бодал своими длинными острыми рогами маленький красновато-лиловый куст. Неподалеку я набрел на отпечатки копыт дукера и на следы бурой гиены с детенышем, которых сопровождала парочка шакалов.

В благоприятные сезоны в Макгадикгади в изобилии встречаются травоядные, и всевозможные хищники, наподобие льва, следуют за их стадами. С юга и севера приходят на обильные пастбища Калахари зебры и гну, утоляющие жажду из заполненных дождевой водой котловин и реки Ботети, долина которой протекает далее к западу. Обозревая окрестности, я вспоминал все то, что читал прежде об этих районах Ботсваны, где расположена цепь некогда великих озер Макгадикгади, Нксаи и Нгами.

Дэвид Ливингстон, один из первых белых, проникших в эти места, был попросту потрясен открывшимся ему зрелищем местных природных богатств, едва ли сопоставимых со всем известным в то время. Но когда Ливингстон вернулся из своего путешествия, он невольно оказался в числе тех, кто так или иначе, внес свои вклад в уничтожение этого прекрасного райского сада. Он восхищенно рассказывал и писал об изобилии местных животных, всячески превознося красоты экзотической природы, а внимали ему люди, обуреваемые алчностью. Вскоре сюда хлынули охотники и торговцы, движимые жаждой наживы, столь свойственной двуногим. К своему изумлению, пришельцы увидели, что местные племена используют бивни слонов для оград вокруг своих жилищ. И пока купцы выменивали слоновую кость на мушкеты и пищали, охотники развернули настоящую бойню. Но это было лишь самое начало кровавой резни. Всего лишь два года спустя после появления здесь Ливингстона свыше девятист слонов было погублено браконьерами в долинных лесах у реки Ботети. В общей сложности за короткий промежуток времени перед 1865 годом в этом районе истреблено пять тысяч слонов, три тысячи леопардов, столько же страусов, двести пятьдесят тысяч мелких пушных зверей, две тысячи львов и более ста тысяч травоядных, использованных для пропитания. Не прошло и десяти лет, как свыше четырех миллионов животных пали жертвами безумной алчности двуногих хищников. Если бы земли, расположенные далее к северу, не были бы столь труднодоступны и не охранялись непримиримым маленьким стражем – мухой цеце, – вся обширная страна оказалась бы полностью разграбленной и лишенной природных сокровищ на протяжении всего лишь нескольких лет.

Вечер не принес прохлады, но с наступлением сумерек я возликовал, услышав в отдалении переключку стай шакалов, извещавших друг друга о местоположении своих территориальных границ. Один раз мне даже показалось, что издали донесся голос льва, но я довольно быстро понял, что это в действительности «буханье» самца страуса. Это поразительно, насколько сходны голоса двух столь различных существ. Только проведя месяцы в африканском буше, вы сможете научиться распознавать эти звуки. Страусиное «буханье», как я называю его, лишь немного отличается по высоте и тону.

Наша остановка в котловине Макгадикгади оказалась краткой, и позже выяснилось, что в этом отношении нам просто-таки повезло. Поутру мы взяли направление в центральную часть заповедника. Когда перед восходом солнца горизонт запламенел, как это обычно бывает в Калахари, снова поднялся ветер.



Не проехали мы и пятнадцати километров, как песчаная дорога стала плохо видна в траве и колеса начали буксовать в мягком и сыпучем грунте. Мы тем не менее упрямо двигались вперед.

Я начал разворачивать машину, и в это время колеса глубоко завязли в сыпучем песке. К счастью, эту проблему нам удалось решить быстро. Подкладывая коврик под задние колеса, мы вскоре вытолкали автомобиль обратно на дорогу. Мы решили ехать к границе заповедника. Спустя некоторое время мы влезли на крышу автомобиля и с восхищением обзоредали окрестности, радуясь, раннему солнечному

утру и легкому прикосновению сухого, еще прохладного ветерка к нашим лицам. Мы увидели небольшую группу ориксов, пустившихся вскачь при виде нас. Испуганные, они словно на крыльях неслись вперед. Красный песок летел из-под их копыт, придавая светлым силуэтам антилоп оранжевый оттенок. Меня удивило, что животные не подпустили нас ближе чем на двести метров.

Хотя мы пробыли в Макгадикгади очень недолго, мы были счастливы, что посетили эти места, где ощущение первобытности природы ощущается столь полно и неотразимо. Здесь природа, как и в незапамятные времена, сама охраняет свою неприкосновенность дикой неприступностью, отсутствием питьевой воды и невыносимым, словно иссушающим душу полуденным зноем. Я уезжал с надеждой вернуться сюда вновь, на более долгий срок, чтобы более основательно познакомиться с местностью и с живущими здесь львами.

Уже за пределами заповедника мы сделали короткую остановку на кордоне, выстроенном на трассе Ната – Маун, которая служит границей резервата. Здесь я встретил Титуса, одного из главных объездчиков Макгадикгади. Это знающий и интеллигентный человек, служивший в ботсванском Департаменте охраны природы почти с самого момента его основания в шестидесятых годах. Титус работал в самых разных заповедниках Ботсваны – в Тули, восточные фермерских земель Ганзи, в Кхутсе, у восточных пределов обширного резервата в центральной Калахари, и во многих других местах. Его познания относительно южноафриканской флоры и фауны казались поистине безграничными, и он с энтузиазмом отвечал на все мои вопросы по поводу заповедника Макгадикгади и обитавших здесь львов. По его словам, они водились в заповеднике в изобилии, но причиняли много

неприятностей соседним скотоводческим хозяйствам. Случаи мщения со стороны фермеров львам, истребляющим скот, также были вполне обычными. Именно в силу подобного рода событий и был подготовлен декрет о контроле над численностью хищников.

Из-за увеличения количества скота и установки в Калахари буровых скважин богатые пастбища этих мест стали доступными и для аборигенов. Это еще более усложнило и без того трудноразрешимую проблему уничтожения скота хищниками. По мере того, как стада крупного рогатого скота все дальше проникают в новые пастбищные земли, львы и прочие крупные плотоядные, испытывающие в определенные сезоны года трудности с пропитанием, нападают на «экзотических» животных, пришедших с человеком. В Ботсване богатство людей издавна оценивается числом голов скота, а сегодня эти традиции усугубляются еще одним стимулом: правительство страны получило от Европейского сообщества рекомендацию производить больше мяса. Декрет о контроле над хищниками предусматривает определенные компенсации скотоводам. Если лев зарезал корову или же продолжает досаждать фермеру, постоянно нападая на его скот, владелец теперь имеет право застрелить хищника. С него снимают шкуру и доставляют в ближайшее охотничье управление. Здесь, если действия скотовода признают оправданными, шкуру возвращают ему вместе со специальным документом, по которому фермер может отныне продать трофей за любую предложенную ему цену, использовав деньги в качестве компенсации.

Если не вникать глубже, этот декрет представляется, на первый взгляд, вполне разумным, что с ростом поголовья скота он еще более усложняет проблему «лев – корова». В первые годы после провозглашения декрета было не совсем ясно, как он

может повлиять на природные ресурсы. Львы продолжали размножаться, восстанавливая свои потери. Если же смотреть в будущее, этот декрет может оказаться – как это уже произошло в некоторых районах – чрезмерно пагубным для популяции львов Ботсваны. Вероятно, лишь серьезное изучение численности львов и структуры их прайдов раскроет нам истинный масштаб конфликта между скотоводами, браконьерами и профессиональными охотниками.

Марк и Делия Оуэнсы, авторы блестящей, весьма поучительной книги «Плач Калахари», ясно очертили проблему, показав, каким образом неизбежный конфликт между фермерами, браконьерами и охотниками вносит смятение в прайды львов, населяющих заповедник центральной Калахари. Более трети львов, находившихся под наблюдением Оуэнсов и снабженных специальными метками в радиопередатчиками (в том числе и несчастный Банис, история жизни и смерти которого как бы символизирует весь трагизм ситуации), погибли от рук человека.

Гибель львов-самцов от руки человека поистине разрушительна для структуры прайдов. От знающих людей я слышал, как трудно встретить сейчас в Калахари взрослого льва с густой и пышной гривой. Большинство попадающих под выстрел – это молодые бродячие звери с ожерельем жидкой клочковатой шерсти вокруг шеи. И это их головы украшают сегодня жилища зажиточных персон в Америке и в Европе.

Один из своих прайдов Оуэнсы потеряли целиком. Все львы были убиты владельцами ранчо, когда звери, движимые сезонной нехваткой корма, вышли за границы заповедника в поисках пропитания. Такого рода сезонные перемещения львов в очередной раз иллюстрируют призрачность границ, устанавливаемых людьми для заповедных территорий.

Я не собираюсь описывать сделанное Оуэнсами, поскольку их научные изыскания и их книга говорят сами за себя. Работа этих ученых вынесла все существующие проблемы на суд широкой публики, а также специалистов, планирующих ход событий либо принимающих конкретные решения. Следует, однако, заметить, что вмешательство сторонних наблюдателей лишь усугубляет трудности. Правительство Ботсваны критикуют из-за океана. Большая часть этой критики зачастую безосновательна и бестактна, ибо следует помнить, что руководство Ботсваны отдало более 17 процентов своих земель под природные резерваты. Департамент охраны природы медленно, но верно усиливает свою деятельность. Школа для будущих работников в области охраны природы создана в Мауне, и молодые следопыты получают стипендии для поездок в Восточную Африку для прохождения учебных курсов. С моей точки зрения, все это обнадеживает. Люди слишком склонны критиковать, а также извлекать выгоду. Несмотря на постоянные конфликты вроде тех, что касаются львов и скотоводов, я воодушевлен деятельностью, дающей реальные результаты, программами обучения молодых специалистов. Нам, пришельцам, не следовало бы судить о том, что сделано не нами, и впадать в пессимизм, если прогресс почему-либо не слишком заметен.

Африка – это быстро меняющийся континент, и его население вынуждено так или иначе приспосабливаться к сиюминутным обстоятельствам, подчас поистине чудовищным. В Ботсване необходимость охраны природы, по крайней мере, осознана правительством, и в нем существует Департамент охраны природы. Многие другие африканские страны уже утратили значительную часть своих богатств – зачастую из-за политических конфликтов. Примеры я уже перечислял во введении к этой книге. Ботсвана же с момента

приобретения независимости остается государством политически стабильным и смогла за эти годы организовать несколько национальных парков – в отличие от того, что происходит, скажем, в Судане. В этой самой большой африканской стране еще несколько лет назад не было государственного учреждения, ведающего охраной природы, и единственная попытка организовать национальный парк не увенчалась успехом из-за действий правительственной оппозиции. Ботсвана пошла совершенно иным путем.

В первые годы независимости Ботсвана получала доход исключительно за счет производства сравнительно небольшого количества мяса. Сегодня ее оборот составляет многие миллионы в год в результате использования совершенно иного источника – ископаемых алмазов. Уровень жизни вырос, появляется средний класс, и число рабочих мест постоянно увеличивается. В самых удаленных районах работают школы, и дети доверчиво подходят к белому и обращаются к нему по-английски со словами: «Доброе утро. Куда вы идете?» Ребенок расскажет вам о своей школе и о новой системе образования, которой здешние дети очень гордятся.

Богатство Ботсваны разнообразными ландшафтами и дикими животными привлекает сюда туристов со всего света, стремящихся познакомиться с экзотической африканской природой. Со временем поступающие по этому каналу средства пойдут в фонд Департамента охраны природы, бюджет которого в настоящее время еще слишком мал.

Титус, несомненно, гордился своей работой и той ролью, которая принадлежит ему в заповеднике. Правда, для постороннего эта организация не выглядела достаточно сильной. В период нашего пребывания здесь Титус даже не имел автомобиля, а ведь он должен был контролировать огромную

территорию площадью в несколько тысяч квадратных километров. Хотелось надеяться, что со временем все эти трудности и недостатки будут устранены. Это Африка, и только время может решить, к лучшему или худшему повернутся события. Я верю, что в Ботсване дела будут идти все лучше и лучше.

Я уже упоминал, что наш преждевременный отъезд из Макгадикгади в итоге обернулся для нас большой удачей. Сейчас самое время продолжить эту тему. Распрощавшись с Титусом, мы рискнули предпринять короткую разведывательную поездку в расположенный неподалеку к северу национальный парк в котловине Нксаи. Однако, как и в Макгадикгади, пески Калахари и здесь оказались слишком опасными для нашей маленькой машины. Мы повернули назад и вскоре остановились под неким экзотическим деревом, чтобы рассмотреть неизвестные плоды. Когда же я попытался тронуться вновь, мотор не завелся, и я решил, что сел аккумулятор. В конце концов мы все же поехали. Позже мы сделали остановку в Гвета и убедились здесь, что аккумулятор действительно не работает. С помощью нескольких местных жителей мы завели машину, толкнув ее под уклон, двинулись в сторону Ната и вскоре остановились в маленькой деревушке.

Здесь я разговорился с коренным жителем народности тсвана – назову его Дэвидом. Позже вам станет ясно, почему мне не хотелось бы открывать его настоящее имя, коль скоро он так много сделал для меня. Дэвид прекрасно разбирался в механике и с радостью согласился помочь мне. Мы совместными усилиями заменили реле, проверили стартер и снова попробовали завести машину. После безуспешной попытки мы использовали сильно севший аккумулятор с допотопного лендровера Дэвида, но мотор, сделав несколько оборотов, каждый раз упрямо останавливался. Нам все время казалось, что машина

вот-вот поедет, и я уже четыре раза пожелал счастливо оставаться Дэвиду и множеству собравшихся зевак. Но каждый раз вслед за этим приходилось вытаскивать все из автомобиля, чтобы извлечь из-под сиденья злополучный аккумулятор. Не надо было быть квалифицированным механиком, чтобы понять: поломка в самом генераторе, и починка займет гораздо больше времени, чем я предполагал. К счастью, у меня были запасные части, и, благодаря содействию Дэвида, я мог надеяться, что кое-как доберусь до Ната, ибо не хотелось далее втягивать его в мои проблемы. Все же с помощью нашего любезного помощника, позволившего нам подзарядиться от его изрядно истощенного аккумулятора, мы через три часа смогли отправиться в путь.

Когда я сел за руль и Дэвид почувствовал, что на этот раз мы действительно уезжаем, он отозвал меня в сторону и спросил: «Тебе нужны шкуры – лев, леопард, зебра?» Я пришел в замешательство, но он, истолковав мои колебания по-своему, добавил с выражением: «У меня есть и бивни слона, много бивней». Итак, мой благодетель, человек, столь охотно оказавший мне дружескую помощь, в свободное время занимался браконьерством. Я спокойно ответил ему, что, хоть он и друг мне, не следовало бы обращаться ко мне с такими вопросами. Я поведал Дэвиду, что моя профессия – это охрана природы и что в свое время моим основным занятием здесь, в Ботсване, было ловить людей вроде него. На этот раз не по себе стало моему собеседнику. Он, должно быть, подумал в тот момент, насколько жестокой оказалась судьба по отношению к нему. Как можно мягче я сказал ему, что я ценю его сегодняшнюю работу по достоинству. Но, добавил я, он не должен так безрассудно рисковать, и его обязанности перед семьей требуют прекратить противозаконную деятельность. Напуганный этим эпизодом, он, возможно, и прекратил

бы браконьерство. Но, случись ему оказаться в нужде, он, увы, снова возьмется за дело, смертельно угрожающее дикой природе всего континента.

К своей досаде, я знал, что, не будь заманчивых предложений со стороны, добросердечный Дэвид, будучи человеком благородного склада, никогда бы не ввязался в опасное дело и не стал бы зарабатывать шальные деньги незаконной охотой на животных и продажей всего того, что нельзя было использовать в пищу. Как всегда, основную выгоду извлекает делец, нанимая на грязную и рискованную работу людей наподобие Дэвида и почти ничем не рискуя.

В Африке до сих пор существует большой спрос на шкуры и слоновую кость. Легальная продажа по номинальной стоимости вторичного сырья, получаемого при изъятии излишков животных местными охотничьими управлениями, в принципе полезна, поскольку дает дополнительные средства для деятельности заповедников. При этом, однако, такая практика создает определенную альтернативу для покупателя. Если, к примеру, неразборчивый в средствах человек может законно приобрести шкуру льва за тысячу двести фунтов, упустит ли он возможность купить через знакомых такую же шкуру всего за четыреста фунтов? Увы, такова человеческая натура.

Я покидал Дэвида с горьким чувством. Была ли простой случайностью моя встреча с ним и его рассказ о том, что у него есть шкуры и что он сам убивал животных?

Другой похожий случай произошел со мной, когда я попытался несколькими днями позже купить в другом месте вяленое мясо, по-местному «билтонг». Я спросил хозяина магазинчика, не мог бы я купить у него законно заготовленный билтонг, приготовленный из мяса диких копытных (ограниченное число лицензий на отстрел

дичи продается гражданам Ботсваны). Мой собеседник был якобы шокирован вопросом и, насторожившись, резко ответил: «Конечно, нет. Здесь поблизости нет диких животных, да и охотничий сезон давно закрыт». Он вытащил вяленое мясо и, указывая на него, сказал: «Вот есть говядина». Я поблагодарил его, но продолжал думать о том, чем была вызвана его недружелюбная реакция на столь невинный, казалось бы, вопрос.

Мясо оказалось прекрасно проявленным и в меру постным. Однако, поскольку я питался мясом диких животных почти ежедневно во время работы в заповеднике Северного Тули, дегустация покупки не оставила у меня ни малейших сомнений в том, что передо мной была дичь. Теперь мне стало понятным поведение торговца. Мясо попало к нему окольными путями.

Печально, что закон, позволяющий местным жителям использовать естественные природные запасы разумным и организованным путем, недостаточно совершенен. Но, опять же, все мы люди, и, вероятно, в этом-то и таится корень зла.

Пока мы ехали в сторону Ната, нам вдруг стало ясно, насколько счастливо мы отделались тогда в Макгадикгади, вовремя повернув назад. Если бы неполадки с мотором начались в заповеднике, мы бы оказались воистину в угрожающей ситуации. Мы находились тогда примерно в сорока пяти километрах от главной дороги, а питьевой воды у нас оставалось всего на пять-шесть дней. Если бы мы не встретили здесь никакой другой машины (а именно это и было наиболее вероятно в такое время года), нам предстояло бы, опасаясь остаться без воды, идти пешком к шоссе, двигаясь ночью во избежание дневного зноя. Такое путешествие трудно было бы назвать приятным.

Мы провели день в Ната, заменяя двигатель. Пришлось также промывать карбюратор и чистить

кондиционер, засорившийся тонким летучим песком Калахари. Машина снова шла как новая, и мы выехали рано утром, взяв курс на Казенгула, Касане и национальный парк Чобе. Он расположен на крайнем севере Ботсваны, там, где встречаются воды двух легендарных африканских рек – Замбези и Чобе. Ливингстон, побывавший здесь, назвал водопад, низвергающийся вниз примерно в ста километрах ниже слияния этих рек, в честь своей королевы водопадом Виктория. В районе Чобе сходятся в одной точке границы четырех государств: с запада, словно указующий палец, простирается так называемая Полоса Каприви, принадлежащая Намибии; с севера, востока и юга сюда подходят владения Замбии, Зимбабве и Ботсваны. Эти места лежали впереди примерно в трехстах километрах, и недавно заасфальтированная дорога делала их неправдоподобно доступными, если сравнивать с тем, что было во времена Ливингстона.

Огромные пространства земли между Ната и Касане почти не населены людьми. Вероятно, думал я, примерно так выглядела Африка в те дни, когда ее ландшафты и животный мир не подверглись еще разрушительному воздействию человека. Почти на выезде из Ната мы увидели самца жирафа, стоящего прямо на асфальтовом шоссе. Поодаль промчалась антилопа орикс. Затем на обочине дороги нашим глазам предстала задавленная автомобилем гиена, чей раздувшийся труп казался ужасным в этой обстановке. Очевидно, по крайней мере первая часть нашего пути проходила через места с разнообразной фауной почти не тронутые цивилизацией.



По словам Титуса в окрестностях Ната водятся и львы, нападающие здесь на домашний скот. В отличие от того, что мы видим во многих африканских странах, львы широко распространены в Ботсване – благодаря низкой численности населения и из-за безводности обширных территорий этой страны. Однако преследование этих зверей все усиливается, и, возможно, наступит день, когда потомков ныне живущих здесь львов можно будет найти только в заповедниках и национальных парках, как это уже случилось в других африканских государствах.

Мы ехали километр за километром, практически не видя вокруг себя людей – если не считать отдельные ветеринарные пункты. Поэтому я был очень удивлен, заметив вдали крытые травой примитивные жилища народа сан, как здесь называют бушменов. Потом на обочине дороги показались три женщины-метиски, явно принадлежащие к местным бушменам. Они умоляюще жестикулировали, очевидно, в надежде выпросить у нас табаку. Сегодня в Ботсване проживает около двадцати тысяч человек народности сан – остатки бушменских племен, составлявших некогда коренное население

Южной Африки. Здесь следует сказать несколько слов о бушменах и об их бедственном положении, ибо эти люди, подобно львам, символизируют прошлое Африки и будущее ее дикой природы.

Почти одновременно с приходом белых поселенцев, осваивавших в середине семнадцатого века; во времена Яна ван Рибека, район будущего Кейптауна, началось движение негритянских племен из Центральной Африки на юг континента. Эти два события ознаменовали начало конца коренных обитателей Южной Африки, бушменов сан. Слово «война», которого дотоле не существовало в лексиконе этих миролюбивых племен, стало для них реальностью, когда пришельцы с юга и севера начали присваивать облюбованные ими земли бушменов. Собственность на землю также оказалось понятием, чуждым бушменам, поскольку они считали, что земля может принадлежать только звездам, луне и солнцу. Чужаки уничтожали фауну, опустошали земли, насаждали растения и разводили животных, привозимых из других стран. Бушмены стали сопротивляться, имея на вооружении только отравленные стрелы, которые до этого они использовали лишь во время охоты на дичь, чтобы прокормить себя. Но численное превосходство завоевателей, не знающая границ жестокость не оставляли бушменам никаких надежд. Хотя отравленные стрелы равным образом страшили и белых, и чернокожих, они не значили ничего по сравнению с мощью огнестрельного оружия – мушкетов и пищалей, и не могли противостоять несметным ордам чернокожих племен. Бушмены уничтожались целыми семьями, подчас просто из спортивного интереса, а их хижины и жалкая собственность сжигались и сравнивались с землей. Безжалостно преследуемые и истребляемые, бушмены стали уходить на запад, в районы, где сама природа могла защитить их от

захватчиков – далеко в пески и колючие заросли пустыни Калахари. Скрыться туда удалось, к несчастью, лишь немногим.

Уничтожение, бушменов продолжалось и позже, прекратившись лишь сравнительно недавно. Сесил Джон Роде, основатель Родезии, бывший в свое время самым могущественным человеком в Южной Африке, издал закон, согласно которому бушмены и гиеновые собаки должны были отстреливаться при первой встрече с ними, причем и за человеческий скальп, и за собачий хвост выплачивалась денежная премия. В те дни было довольно обычным делом, что группа фермеров во время охоты, наткнувшись на стоянку бушменов, полностью уничтожала всю их семью.

Такова неутешительная история белых колонизаторов и почти истребленных ими коренных жителей. Бушмены, подобно львам, были стерты с лица земли сильными, конкурирующими с ними хищниками. Остатки их племен оказались полностью вытесненными из холмистых районов у мыса Доброй Надежды, из земли Дракенсберг, из их давних прибежищ равнины Вельда в глубь пустыни Калахари, но даже здесь они не нашли полного спокойствия, сопоставимого с их прежним мирным существованием.

Миниатюрные бушменские женщины с их кожей персикового цвета пользовались большим успехом у чернокожих пришельцев, так что немало их оказалось в плену после набегов завоевателей. Сегодня осталось не так уж много чистокровных бушменов. Считается, что все население их не превышает двадцати тысяч человек, и кажется почти невероятным; чтобы хоть кое-кто из них остался в стороне от «преимуществ» европейской цивилизации. Яркий пример сказанного – женщины, останавливающие на шоссе машины в надежде выпросить горстку табаку. Сан – это разгромленная и вымирающая народность; они не

только сильно сократились в численности, но и утратили свои естественные образ жизни и традиции, складывавшиеся тысячелетиями. Удручающе звучит сегодня мнение специалистов, что традиционный образ жизни бушменов можно рассматривать как пример наиболее рационального и приемлемого для обеих сторон сосуществования человека с его природным окружением.

Мирно и с пониманием естественных законов бушмены осваивали отведенную им природой экологическую нишу.

Мне приходилось встречаться с потомками выживших бушменов в холмах Тсодило на северо-западе Ботсваны. Организаторы сафари подчас презирали этих людей за то, что их европеизированная одежда, состоящая из изодранных сорочек и мятых шляп, не походила на наряд аборигена пустыни, которого требовали клиенты-визитеры. Однако и в этом нищенском одеянии бушмен сохраняет в себе ауру некой тайны. Я впервые познакомился с этими людьми в то время, когда обслуживал лагерь туристов в дельте Окаванго, сопровождая приезжих в их поездках в холмы Тсодило. Последние замечательны тем, что возвышаются посреди абсолютно плоской равнины и представляют своеобразную первобытную художественную галерею. Здесь вы можете увидеть более трех тысяч наскальных рисунков, оставленных некогда местными бушменами.

Для меня было удовольствием показывать приезжим холмы и наскальную живопись, но я не любил приводить своих капризных клиентов в деревню бушменов. Дело обычно выглядело так, словно пришельцы обладают неким божественным правом бесцеремонно вторгаться в личную жизнь аборигенов. Туристы заглядывали в крытые травой круглые хижины, пяля глаза на предметы ремесла и фотографируя все

вокруг. Я всегда пытался объяснить, что в селение нужно приходить тихо и уважительно, однако мои спутники сразу же забывали об этом и начинали возбужденно метаться туда и сюда, стараясь любыми средствами запечатлеть жителей на фотопленку. Все это сильно напоминало экскурсию в зоопарк, вот только экспонатами были люди...

Как – то раз, чтобы немного сдержать туристов и предотвратить их буйное вторжение в деревню, я пересказал им одно место из книги Лоуренса ван дер Поста «Потерянный мир Калахари». Автор писал, что его фотокамеры постоянно выходили из строя в Холмах Бушменов, делая невозможным фотографирование местности. По мнению ван дер Поста, это дух Холмов наказывал его за греховное несоблюдение некоей древней неписаной клятвы. Закончив свой рассказ, я повел приезжих в деревню.

Один из клиентов подступил к старейшей из клана, полуслепой женщине, чья иссушенная временем кожа висела складками на лице и теле. Она была погружена в себя, но почувствовала интерес к себе со стороны туриста. Как только он поднял свою камеру, она грубо закричала на него, требуя табаку. Мой клиент был уже готов сделать снимок с помощью полностью автоматизированного 25-миллиметрового объектива, который, к изумлению фотографа, начал вращаться в обратном направлении, не фокусируясь и не позволяя нажать спусковую кнопку. Я наблюдал за этой сценой, стоя неподалеку. Не будучи слишком удивлен, я подошел и без всяких проблем сделал три снимка старухи своей собственной камерой. Потом подошел к старой женщине и дал ей немного табаку. Она мгновенно успокоилась и начала набивать свою трубку. Все это время неудачливый турист пытался справиться с непокорной фотокамерой.

Старуха закурила и глубоко втянула дым, задержав его на несколько секунд в легких и выдохнув затем в виде густого облака. Это выглядело как сигнал к изменению обстановки. Старая женщина улыбнулась, и камера моего попутчика снова заработала как ни в чем не бывало. Вся группа посетителей была явным образом взволнована происшествием, но меня самый большой сюрприз ожидал позже. Спустя несколько недель мои пленки были проявлены, и, просматривая слайды, я обнаружил, что три из них, где должны были находиться изображения старой бушменки, оказались абсолютно черными.

Другую странную историю мне рассказали о холмах Тсодило. Два опытных пилота, много работавшие в буше, хотели посадить самолет на ровный участок между холмов, но по непонятным причинам так и не смогли сделать этого, и после четырех попыток вернулись в Маунт с недоумевающими туристами на борту. Когда беседуешь с людьми тсвана о неведомой силе, свойственной бушменам, ваши собеседники лишь пожимают плечами с таким видом, будто это вполне естественно для исконных обитателей этих мест – выводить из строя фотокамеры и препятствовать посадке самолетов. Тсвана побаиваются бушменов из-за их неведомого дара и неуверенно усмеваются, когда вы пытаетесь побольше узнать об этом.

Эти замечательные маленькие люди, мягкие и деликатные от природы, в особенности со своими детьми, ныне исчезают с лица земли, унося с собой многое, еще не понятое наукой. Мне кажется, что упомянутые мной странные способности бушменов унаследованы ими от наших далеких предков. Бушменам удалось сохранить этот дар, а мы, европейцы, утратили его за тысячелетия нашей противоречивой и драматической эволюции. Поскольку на путях изменений стиля нашей жизни не нашлось

места для использования подобных способностей, в какой-то момент прошлого мы утратили их, несомненно, много потеряв от этого. Когда бушмены исчезнут окончательно, они унесут с собой многие секреты происхождения человека.

В конце этого отступления, посвященного «кроткому народцу», я перескажу одну бытующую в его среде историю, которая показывает, что даже сегодня бушмены могут поставить в тупик современного выходца из нашего большого мира. Существует поверье, что бушмены обладают способностью превращаться в льва. В этом отношении особенно славятся бушмены клана макаукау, населяющие район Гханзи в Ботсване и вызывающие всеобщий суеверный страх за свое умение осуществлять подобную трансформацию.

Не далее как в 1982 году человек по имени Эд Флеттери, имевший ферму в названном районе, дважды терял своих коров, павших жертвой льва. После второго инцидента он и двое его помощников-бушменов решили выследить зверя. Я должен добавить, что Флеттери вырос в обществе бушменов и даже неплохо говорил на их языке. Они прошли по следу льва вдоль оград нескольких ферм и вышли к тому месту, где лев направился в глубь пустыни Калахари. Продолжив преследование, они вскоре заметили дымок, поднимавшийся над землей как раз в том направлении, куда вели следы зверя. Тут спутники Флеттери внезапно отказались идти дальше, сказав, что это не лев прошел здесь, а макаукау. Они рассказали фермеру, что макаукау на время ночной охоты превращаются во львов. Отказавшись поверить спутникам, Флеттери настаивал на продолжении погони, не переставая внимательно разглядывать отпечатки львиных лап. След вывел преследователей к двум небольшим хижинам из травы. Около одной из них виднелось

кострище, дым от которого и был виден издалека. В центре расчищенного пространства около хижин возвышалась объемистая куча пепла, и львиный след вел прямо к ней. След пересекал груды пепла и бесследно исчезал на ее противоположной стороне. Хотя Флеттери буквально не мог поверить своим глазам, продолжения следа не было нигде. Тогда бушмены, спутники Флеттери, обратили его внимание на обитателей хижин: двоих мужчин, двух женщин и нескольких детей. У одного из мужчин была повреждена грудь, у второго голова. У бушменов – спутников Флеттери – не оставалось сомнений, что раны нанесены рогами коров. Мне трудно что-либо добавить по поводу этой истории.

До середины пути на Казенгулу мы ехали через местность, казавшуюся вполне первобытным бушем. Затем деревья и кустарник внезапно исчезли, и перед нами открылись обширные пространства обработанных человеком земель. Бесконечными рядами стояли ярко зеленеющие посевы сорго. И снова мне стало не по себе, как в тот раз, когда я увидел посадки сосны и австралийских эвкалиптов на том берегу реки Крокодайл, текущей по самой границе национального парка Крюгера. словно прочерченные по линейке, рукотворные картины технологического века как будто невзначай, но с тайной угрозой, вторгались в девственные ландшафты древней Африки.

Мы миновали три громадные секции фермерских земель, прежде чем снова оказались среди нетронутых лесистых пространств непосредственно перед Казенгулой. Мы находились сейчас примерно в тридцати километрах к югу от этого городка, и здесь впервые почувствовали, что начинаются земли, населенные примерно тридцатью тысячами слонов, нашедших защиту в заповедном комплексе Чобе. Прямо на асфальте лежали кучи слоньего помета, а затем

показались и объединенные, поломанные и растоптанные этими животными деревья. Слоны повреждают их на своем пути в национальный парк Хванге в соседней Зимбабве, куда они в определенные сезоны года перемещаются из Чобе.

Наконец мы въехали в долину Замбези, и взгляду открылось место впадения в нее другой могучей реки – Чобе. Казенгула лежит как раз в месте слияния этих легендарных водных путей, соединяющих и в то же время разделяющих Зимбабве, Замбию, Намибию и Ботсвану – естественное пересечение маршрутов, связывающих эти страны артериями рек. Из-за своего положения, делающего его перевалочным пунктом между Зимбабве, Замбией и Ботсваной, Казенгула буквально напичкан воинскими частями.

Это скорее деревня, чем город, и жизнь его обитателей проходит на фронтовой линии партизанской войны, идущей прямо через границу, в Зимбабве. Как раз сейчас родезийские военные суда блокировали границу, полностью нарушив нормальную жизнь населения соседних государств. Жителям лишь остается терпеливо дожидаться конца войны, страдая от постоянных угроз со стороны воинственных и ужасных отрядов Силауса. Эти тяжелые годы оставили глубокий след в душах местных жителей, но сейчас они понемногу приходят в себя, и мрачные мысли уходят, словно уносимые медлительными водами Замбези.



Два дня мы провели в Касане, маленьком поселке, расположенном на берегу Чобе, в нескольких

километрах ниже Казенгулы по течению реки. Долго собиравшийся дождь хлынул в то утро, когда мы намеревались отправиться в национальный парк Чобе, и мы сразу ощутили отличие этих мест от иссушенного солнцем Макгадикгади.

Национальный парк Чобе очень обширен. Он занимает площадь в одиннадцать тысяч квадратных километров. Здесь есть болота, временно заливаемые дождевой водой котловины древних, ныне высохших, озер и редкостойные леса. Последние сосредоточены в западном участке резервата, и часть их отведена под сезонно работающее охотничье хозяйство. Охота в Ботсване относится как бы к двум разным категориям. Во-первых, здесь осуществляются хорошо подготовленные сафари: дошлые профессиональные компании организуют их для богатых клиентов из-за океана.



Месяц пребывания здесь с предоставлением возможности получить двадцать три различных охотничьих трофея, лицензии, помощь профессионального проводника – все эти удовольствия обходятся приезжему в сорок пять тысяч американских долларов. Он будет жить в комфортабельно оборудованных лагерях, пользоваться услугами поваров, официантов, следопытов и водителей, каждый из которых готов выполнить любую прихоть клиента. Его будут перевозить на частном самолете из лагеря в лагерь, из пустыни в дельту и обратно. Профессиональный охотник защитит его в буше,

ответит на каждый мельчайший вопрос, а по вечерам разделит с ним компанию за выпивкой, думая в основном о том, какую часть суммы он получит в конце сафари. Суть второй разновидности легальной охоты состоит в том, что каждый житель Ботсваны может получить соответствующее разрешение – о чем я уже упоминал ранее. Правительство ежегодно предоставляет возможность отстрелять по лицензиям определенное количество животных. Это во многих отношениях разумная система, открывающая каждому гражданину Ботсваны доступ к ее природным богатствам, из чего он может извлечь известную выгоду для себя. В конце концов, фауна – это достояние страны и в этом смысле принадлежит всем и каждому. Такая практика не наносит ущерба природе страны, но позволяет ее жителям использовать имеющиеся природные запасы.

Во время остановки в Касане у меня установились дружеские отношения с неким молодым человеком, принадлежащим к местным тсвана. Он обслуживал один из охотничьих домиков на берегу Чобе. Как-то раз я расположился здесь, наблюдая за группой бегемотов, обосновавшихся посреди реки, и рассматривая в бинокль снующих вокруг птиц. Кеннет же (так звали юношу) сидел с удочкой и рассказывал мне, как именно организована охота у местных жителей. Стоимость лицензии на удивление низка, если сравнивать ее с затратами богатых американцев и европейцев. Лев стоит сто пятьдесят фунтов, буйвол – пятьдесят, а слон – пятьсот. Кеннет постоянно покупал лицензии и выезжал на охоту вместе с семьей, отстреливая преимущественно буйволов. Семейство располагало прекрасным оружием – карабинами различного калибра и несколькими дробовиками. Охотились они в районе Линьанти, к западу от национального парка Чобе.

Кеннет также рассказал мне, что жителям их деревни Сатау часто досаждали львы и гиены, в уничтожении которых он в таких случаях тоже принимал участие. Если гиена повадилась нападать на телят либо ослов, ее немедленно ликвидируют с помощью яда. Допустим, вы нашли хищницу, поедающую зарезанную корову. Тогда ее прогоняют с места трапезы ближе к вечеру и закладывают в мясо большую порцию яда. Гиена, по словам Кеннета, непременно вернется ночью к туше, чтобы продолжить пир – в отличие от «умного» льва, как выразился рассказчик. Уже к утру гиена погибает от яда в страшных муках.

По-иному обстоит дело со львами, которые, по словам юноши, часто оказываются источником поистине драматических событий. Кеннет поведал мне о нескольких таких случаях, один из которых особенно запал мне в память. В прошлом году хорошо известный всем одинокий лев-самец зарезал корову, и группа мужчин из деревни Кеннета отправилась на его поиски. На этого льва здесь уже охотились ранее, но безуспешно, и многие крестьяне верили, что зверь «заколдован». Они утверждали, что льва убить невозможно, поскольку тут замешана нечистая сила.

Тем не менее охотники пошли по следу, продвигаясь со всеми возможными предосторожностями. Внезапно они увидели льва, расположившегося на отдых в тени просвечивающего насквозь кустарника. Один из преследователей выстрелил и попал зверю в хвост. Лев прыгнул вперед и схватил обидчика, остальные же разбежались кто куда.



Челюсти зверя сомкнулись на плече и руке жертвы. Находясь на пороге смерти, человек все же ухитрился просунуть вторую руку в пасть льва, чтобы не дать ему разжевать плечо, и продолжал почти бессознательно отбиваться от хищника. К счастью для пострадавшего, один из членов отряда, его юный родственник, заставил себя вернуться. Он был безоружен, но тем не менее смело схватил льва за хвост, что было весьма болезненно для зверя из-за полученной им раны. Как это ни поразительно, лев оставил свою жертву, а мальчишка удрал. Лев скрылся в буше, оставив израненного охотника лежать на земле.

Убедившись, что опасность миновала, охотники вернулись на место происшествия и доставили раненого в деревню, откуда он был переправлен в Касане на попечение медиков. Тем удалось каким-то чудом выходить пациента. Его престиж, по словам Кеннета, необычайно вырос среди односельчан, и подобно другим персонам в Ботсване, кто счастливо вышел из опасного столкновения со львом, человек этот получил прозвище Ра-ди-Тау, что значит «близкий к львам».

Поистине Ботсвана – удивительная страна. Я сидел рядом с человеком, который, работая официантом и разнося напитки туристам, в свободное время зарабатывает деньги, охотясь на законных основаниях на крупного зверя вроде буйволов и слонов, а на защиту своего стада выходит с оружием против льва. Для меня, пришельца со стороны, такое сочетание занятий

кажется невероятным, а для него эта жизнь – такая же повседневность, как ежедневная поездка на работу чиновника-лондонца.

Въехав наконец в национальный парк Чобе, мы направились в Серонела, где приедем разрешено останавливаться временным лагерем. Было на редкость приятно вести машину по плотно утрамбованной песчаной дороге, видя вокруг сменяющие друг друга чудесные картины природы. Мы решили устроиться на краю пологого каменистого спуска в долину Чобе, в тени огромного дерева бледной акации, окруженного кустами кротона. Когда располагаешься лагерем в африканском буше, полезно подумать о том, какого рода топливо можно будет использовать для вечернего костра. Кротон, например, обладает полезными свойствами как лекарство от малярии, но если вы долго будете вдыхать дым его древесины, вам обеспечены длительная тошнота и неприятное ощущение в желудке. В этом отношении с кротонем сходно дерево тамботи – одно из немногих, побеги которых избегают поедать слоны, чего, кстати, нельзя сказать о черных носорогах. Когда вы срубаετε свежую ветвь этого дерева, выделяется особая млечная жидкость. Если капля ее попадет вам в глаз и вы не смоете ее в тот же момент, это грозит слепотой. Как и в случае с кротонем, если вы надышитесь дымом тамботи или даже приготовите еду, используя его сучья в качестве хвороста, это грозит вам жестоким расстройством желудка и сильной рвотой. Бесспорно, лучшее топливо в буше – это комбретум. Его деревья с необычайно твердой древесиной достигают порой возраста двух тысяч лет. Дрова, полученные из комбретума, дают прекрасное пламя и ровно горят на протяжении целой ночи.

Наша первая автомобильная экскурсия по Чобе ошеломила нас. Зверья было множество, но более всего

производил впечатление разгром, учиненный здесь слонами. Вдоль берега реки, насколько хватало глаз, стояли огромные деревья, голые и безжизненные. Среди них были деревья, известные под местным названием марула, желтые плоды которых служат любимым кормом многих африканских животных. Но сейчас с их стволов кора была содрана кольцами, и деревья медленно умирали.



Бледные акации, чьи ветви и побеги составляют основу питания копытных, использующих в качестве корма листья, стояли вокруг, словно обтесанные телеграфные столбы. Сама основа существования целой экологической системы подвергалась уничтожению основательно и бесповоротно.

Проблема непомерного увеличения численности слонов в Чобе в значительной степени связана с охотой на этих животных в ближайших окрестностях национального парка. Слоны – весьма интеллектуальные существа. Я думаю, что по уровню интеллекта они не уступают человекообразным обезьянам и, вероятно, дельфинам. Как только ту или иную территорию отводят под заповедник, местные слоны, хорошо знакомые с округой, тут же наводняют охраняемые уголья, понимая, что здесь они будут в безопасности. Именно это и произошло в Чобе, куда слоны собрались в огромном числе из окрестных мест, уходя от тамошних охотников. Правительство Ботсваны

затем запретило отстрел слонов вокруг Чобе, надеясь, что после этого стада их вновь рассредоточатся по более обширным территориям. Таким образом попытались уменьшить концентрацию слонов в Чобе, где их разрушительная деятельность настолько изменила растительность в долине реки, что это создало угрозу существованию других обитателей национального парка. К примеру, бушбок – эта бойкая антилопа средних размеров, чья отвага хорошо известна любителям природы, – лишился своих убежищ в густом подлеске, вытоптанном тысячами стадами слонов. Мужественный бушбок, который, будучи раненным, способен убить собаку, человека и даже леопарда, стал жертвой сложного и непредсказуемого стечения обстоятельств.

Когда становишься свидетелем подобного разрушения ландшафта, первое, что приходит в голову, – это мысль об искусственном разреживании популяции путем выбраковки части животных. И действительно, ученые уже думали об этом, но никакого решения относительно регулирования численности слонов до сих пор не принято, поскольку существует слишком много привходящих обстоятельств, так что последствия могут оказаться непредсказуемыми. Слоны Чобе живут на неогороженном пространстве и при желании могут переходить куда им вздумается, например, в национальный парк Хванге в Зимбабве. По существу, здесь мы имеем единственное место во всей Африке, где слоны сохранили свои вековые трассы миграций и пользуются ими, сообразуясь с общей обстановкой. Решение о выбраковке легче было бы принять, если бы Чобе имел сплошное ограждение. В национальном парке Крюгера численность слонов удерживают на постоянном уровне – около семи с половиной тысяч голов, поскольку уже известно, что именно это их

количество оптимально согласуется с площадью территории резервата и тех или иных его угодий. Коль скоро парк Крюгера обнесен оградой, слоны лишены возможности странствовать, но они, по крайней мере, могут существовать здесь в безопасности. Этот резерват, будучи заключен в жесткие рукотворные границы, представляет собой искусственную экосистему, и люди здесь сами контролируют ситуацию. Чобе же лишен ограды, и, хотя это очень здорово с теоретической точки зрения, что слоны могут свободно перемещаться туда и сюда, как это тысячелетиями проделывали их предки, будущее этой популяции не внушает оптимизма. Слоны быстро изменяют среду своего обитания, и далеко не всем прочим обитателям этих мест удастся приспособиться к столь быстрым изменениям. Да и сами слоны могут внезапно оказаться перед крахом, когда окончательно уничтожат все вокруг себя. Запрет на отстрел слонов может на время уменьшить пагубное их влияние на долинные леса Чобе, но если вдруг охота будет вновь разрешена, все те же самые проблемы с неизбежностью возникнут вновь.

В общем, дело это весьма запутанное, и я не уверен, что даже широкомасштабная выбраковка слонов может решить вопрос. Коль скоро нам неизвестны все возможные последствия, не исключено, что такое мероприятие окажет длительное отрицательное воздействие на тех животных, которые останутся в живых. То, что мы называем «выбраковкой», в действительности может оказаться слепым орудием судьбы. Пуля, отправляющая на тот свет старую слониху, стоящую во главе стада, уносит с собой мудрость опытного зверя и его познания о местности, накапливавшиеся десятилетиями. Маршруты, которыми слоны пользовались веками, уже не смогут служить им, и нерасчетливый винтовочный выстрел может привести к тому, что животные окажутся неспособными

согласовывать свои передвижения с циклической сменой сухих и влажных лет или предвидеть наступление очередных засух, регулярно наступающих в Ботсване. Увы, выбраковка хороша лишь для уменьшения числа животных, но массовый отстрел грозит тем, что слоны просто уйдут из резервата и окажутся в тех местах, которых они десятилетиями избегали, не чувствуя себя здесь в безопасности. Вопрос о судьбе слонов Чобе находится в критической стадии, и мы не знаем, сколько времени отвела природа для его решения. Можем ли мы ждать, пока еще одна ветвь сломается и еще одно искалеченное дерево рухнет на землю?

В этот вечер по возвращении из истерзанной долины Чобе я мирно любовался далекой рекой, когда донесшийся с расстояния менее километра вибрирующий призыв льва-самца нарушил плавное течение моих мыслей. Было еще светло – львы обычно не подают голос в это время, – и я решил спуститься поближе к воде и пройти к излучине, за которой надеялся увидеть зверя. Разумеется, он не попался мне на глаза, но я вновь услышал его рыканье, словно олицетворявшее собой дух девственной природы. В эту ночь, внимая визгливым крикам множества павианов, снующих туда и сюда в кронах деревьев, я с нетерпением ожидал утра. Я надеялся найти отпечатки мягких лап на песке, которые вывели бы меня на скрытного хищника.

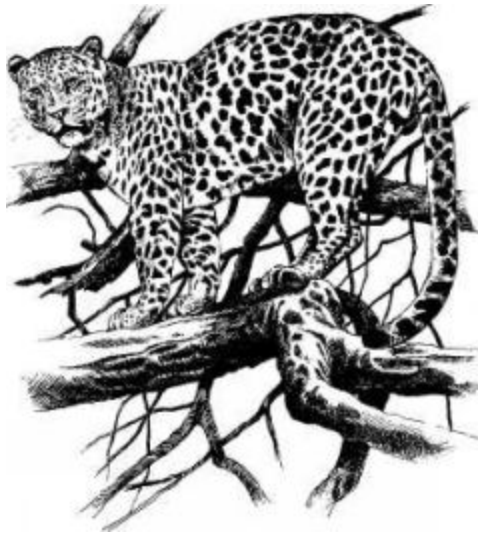
Мы вышли из лагеря на рассвете, и вскоре на дороге я увидел следы льва. Когда выслеживаешь животных в буше, разгадывая неясные знаки на грунте и раздумывая о мотивах действий того, кого ищешь, включаются в действие уголки сознания, редко используемые современным человеком. Все чувства обостряются, и интуиция приходит вам на помощь. По следам я определил, что два крупных самца прошли

этой ночью не далее как в ста метрах от нашей стоянки. Следы вели на восток, и мы вскоре потеряли их в том месте, где звери свернули к реке. Тогда мы вышли на дорогу, которая через десять минут привела нас на илистую отмель, где следы снова были видны прекрасно. Впрочем, зная, как протяженны маршруты львов, я не надеялся, что мы сможем догнать и увидеть этих двух самцов. К тому же звери прошли здесь довольно давно, и я решил отказаться от преследования, тем более что следы затерялись на поросшей травой почве.

Так или иначе, я вновь пережил радость чтения знаков, оставленных дикими животными, и был доволен тем, что правильно определил направление, в котором проследовали львы. Позже этим же утром я вышел на след еще двух львиц и детеныша, оставленные около полудня накануне. Вдали множество грифов, явно чем-то испуганных, сорвались с ветвей дерева и взмыли кверху, плавно кружа в синеве неба. Очень возможно, это львицы вернулись к своей добыче после утреннего отдыха и согнали испуганных грифов с полусъеденной туши.

Сколь непохожи друг на друга пустынные пространства Макгадикгади и напоенный водой парк Чобе, столь же различны и повадки львов в разных условиях существования. Ботсвана вообще замечательна многообразием своих ландшафтов, и в каждом из них львы на редкость умело приспосабливаются к окружающей обстановке. В пустынях наподобие Калахари львы не требовательны к присутствию воды и могут месяцами обходиться без нее. Удалось выяснить, что львы пустыни время от времени поедают плоды местной дыни тсама, которые очень богаты влагой и служат любимым лакомством для многих травоядных – таких, например, как прекрасно приспособленная к жизни в пустыне антилопа орикс. И

все же у львов, живущих в пустыне, очень велика смертность детенышей. В одном из прайдов, который изучали на протяжении трех лет, лишь один львенок из каждых одиннадцати доживал до восемнадцати месяцев.



В Чобе, с его буйной и сочной растительностью и с изобилием всевозможной крупной дичи, смертность львят обычно не столь значительна. Стандартными жертвами львов здесь оказываются иные животные, нежели в пустыне, где эти гиганты зачастую, чтобы выжить, вынуждены поедать мелких грызунов, долгоногов, немного напоминающих азиатских тушканчиков, и дикобразов. В противоположность этому в Чобе девяносто процентов добычи львов составляют животные величиной с импалу или даже крупнее, и среди последних семьдесят восемь процентов – это телята буйвола. Много ценных сведений о жизни львов в Чобе собрал Петри Вильоин. Если бы он написал популярную книжку о своих наблюдениях, она оказалась бы ценнейшим дополнением к повести Оуэнсов «Плач Калахари» и дала бы нам возможность сравнить две независимые и совершенно различные популяции львов Ботсваны.

Помимо львиных следов мы видели в парке немало других интересных вещей. Как-то вечером мы наткнулись на свежий след леопарда, пересекавший старую слоновью тропу. Поверх круглых, аккуратных отпечатков лап были видны какие-то царапины. Очевидно, зверь тащил за собой убитое им животное величиной с дукера или детеныша импалы. Леопарды вполне обычны здесь, но на редкость скрытны. Они ухитряются выжить даже там, где человек уничтожил почти всю фауну. Известно, что леопард в плохие для него времена не брезгует мышами и мелкими птицами, а иногда поедает даже насекомых. Но в тех случаях, когда удача сопутствует этой находчивой кошке, ей хватит сил, чтобы свалить куду, водяного козла или молодого гну. Одно время сходились на том, что любимая добыча леопарда – это павианы, но исследования ученых опровергли это мнение. Стадо павианов – грозная сила, и я уверен, что взрослый самец вполне способен помериться силами с хищной пятнистой кошкой. В нормальных обстоятельствах хищник берет лишь такую добычу, которая заведомо по силам ему, и не пойдет на риск быть израненным в столкновении с врагом, вполне способным защитить себя.

Что касается павианов, мне никогда не приходилось видеть так много этих дерзких обезьян, как в Чобе. В некоторых группах присутствовало, по нашим подсчетам, свыше пятидесяти особей. Павианы были везде – на отмелях реки, в лесу и даже у нас в лагере, где они создавали немыслимый хаос. В отличие от зеленых мартышек павианы большую часть времени проводят на земле и лишь на ночь находят укрытие в кронах деревьев. Нам посчастливилось, правда, увидеть редчайший случай взаимоотношений между зеленой мартышкой и юным самцом павиана, которого мы хорошо знали в лицо, – он постоянно пытался украсть у

нас что-нибудь и, кроме того, научился расстегивать молнию палатки. Как-то вечером Джейн позвала меня посмотреть, как этот юнец обнимается с мартышкой. И я действительно увидел, не веря своим глазам, что эти двое перебирают друг у друга шерсть. Позже они гонялись друг за другом и вместе играли на земле и в кроне дерева. До этого молоденький павиан всегда находился в одиночестве, и нам казалось, что его по той или иной причине вытеснили из стада. Тогда-то и возникла дружба между одиночкой и отзывчивой зеленой мартышкой.



Забавные выходки столь многочисленных в Чобе павианов напомнили мне притчу об умственных способностях этих обезьян, которую рассказывают буры. Один из проводников, с которым я работал в заповеднике неподалеку от национального парка Крюгера, пересказывал ее, желая повеселить своих клиентов либо подшутить над ними. Павианы, говорил он, в действительности умеют болтать. Они знают большую часть африканских языков, а также английский и африкаанс. Но всюду в Африке павианы прикидываются неучами и не произнесут ни слова, пока

находятся рядом с людьми. И все это потому, что если белый узнает, что павианы способны разговаривать, он тут же завербует их на работу в золотые рудники.

Во время наших путешествий по Чобе стало ясно, что в этом году дожди были особенно обильны и животворны. Повсюду зеленела буйная растительность, а серые облака ежедневно на время затягивали небо. Прогуливаясь по пойме, мы видели множество водных птиц. Вдоль берега расхаживали, переваливаясь, шпорцевые гуси – иногда до двадцати особей сразу. Зелеными переливами вспыхивали крылья гребенчатых уток, когда стайки их проносились над полноводными заводами реки. Забавные кулики – так называемые пигалицы-кузнецы – щеголяли своими черно-белыми униформами. Отовсюду слышались их ритмичные крики, напоминающие стук молотка о наковальню. На редкость многочисленными оказались здесь орлы-рыболовы – огромные птицы, окрашенные в контрастное сочетание черного, шоколадного и белого цветов. Замечательны они тем, что наиболее строго среди всех африканских орлов охраняют границы своих индивидуальных территорий. Они произошли, вероятно, от орланов, добывающих крупных угрей и пингвинов у южного побережья Африки. Постепенно предки орлов-рыболовов приспособивались охотиться в устьях рек и продвигались все дальше в глубь материка по их течению. Сегодня же, если их корм достаточно обилен, этих птиц можно встретить на больших реках и озерах по всей Африке.

Популяция орлов-рыболовов в Чобе, где они живут уже несколько столетий, может служить ярким примером умения этих птиц приспособиваться к новым условиям. В заповеднике они обитают за тысячу триста километров от тех мест, где некогда жили их предки. Пронзительный крик орла-рыболова для многих символизирует сам дух африканской дикой природы.

Этот воинственный клич, как и яркая окраска головы и груди орла, используются им как сигнал, который заставляет других орлов-рыболовов держаться подальше от занятой семейной парой гнездовой территории. Она включает в себя не только землю, но и все воздушное пространство над ней, также весьма строго охраняемое: собственники позволяют пришельцам своего вида пролетать над своими владениями не ниже, чем в 150 метрах от поверхности земли. Если же непрошенный гость начнет снижаться, оба члена пары либо один из них немедленно бросаются в атаку.

По ту сторону поймы Чобе, где заканчиваются владения этих орлов-рыболовов, лежит так называемая Полоса Каприви. Странно было видеть, как по одну сторону этого участка сотни слонов, двигаясь компактными семейными группами, приходили из парка на водопой, в то время как на противоположном берегу паслись стада коров, виднелись деревни и слышались удары топора дровосека или плотника. Временами оттуда доносился шум мотора военной машины, патрулирующей приграничную полосу ЮАР, откуда пристально следили за малейшими признаками враждебной активности со стороны территорий четырех соседних стран. Река Чобе не пересыхает круглый год, и ее пойма предоставляет прекрасные пастбища для скота, который здесь столь же многочислен, как вокруг заповедников Умфолози и Хлухлуве в Зулуленде. Но вид пасущихся коров постоянно напоминает нам, что может случиться в дальнейшем с природой заповедников и парков, если вдруг закон отменит охрану их территорий.

Однажды утром мы спозаранку выехали из лагеря, заслышав доносящийся с востока призыв льва. Лучи восходящего солнца с трудом пробивались сквозь тяжелые серые облака: снова сильные дожди

собирались пролиться над Северной Ботсваной. Я осматривал окрестности в поисках львиного следа, когда увидел перед собой стадо буйволов. Оно было не так уж велико по местным стандартам – около ста голов, в то время как в некоторые сезоны года здесь можно видеть одновременно около двух тысяч и даже до трех тысяч буйволов. Каждый день эти животные приходят на водопой на отмели Чобе, и глубокие отпечатки их раздвоенных копыт видны повсюду на красной почве резервата. Возможно, именно здесь, на открытых местах между лесистыми угожьями и рекой, львы охотятся на этих внушительных травоядных.

В конце концов я все же нашел следы хищника и по форме отпечатков понял, что это была небольшая самка. След вел в сторону нашей стоянки и в пятидесяти метрах от нее пропадал в густом кустарнике. В эту ночь мы снова слышали – правда, всего один раз – далекий призывный крик львицы.



На следующее утро мы решили повторить попытку выследить львов. На этот раз не прошло и десяти минут, как мы наткнулись на совершенно свежие отпечатки лап трех львиц и одного самца средних размеров. Судя по состоянию следов, можно было точно сказать, что звери неподалеку. Вокруг еще царил предутренний сумрак, но я ликовал, зная, что сегодня мы наконец встретимся со львами Чобе.

С севера, со стороны реки, внезапно послышался хор встревоженных голосов. Взглянув туда, я заметил силуэт главного стража этих диких мест: павиан вскарабкался на сухое дерево и уселся в верхних его

ветвях. Мы повернули машину по направлению к нему. Несколько импал, стоя тесной группой, напряженно вглядывались в густой подлесок поодаль. В неподвижности застыл водяной козел, не обращая внимания на самку с детенышем, бросившихся наутек при виде нашего автомобиля. И даже уравновешенный рогатый ворон, обычно разыскивающий пропитание на земле, вопреки своему обыкновению взлетел на дерево и неуклюже взгромоздился на ветку, раз за разом повторяя свое навязчивое «ду-ду-туту».

Итак, все вокруг уже проведало о присутствии львов. В опасности находились лишь те животные, которым хищники не были видны. Те же, кто доподлинно знал, где именно находятся их враги, не отрываясь, вглядывались и принюхивались в сторону нарушителей спокойствия. Миновав эту зону всеобщей настороженности, я увидел львов в ста пятидесяти метрах впереди нас.



Мы медленно приближались к ним, не имея представления о том, насколько звери знакомы с автомобилями и подпустят ли они нас вплотную или будут спасаться бегством. Так или иначе, здесь было четыре зверя: три юные львицы и массивный молодой самец, все примерно трех лет от роду. Ближайшая ко мне львица насторожилась, но осталась сидеть неподвижно, когда машина была уже в пятнадцати метрах от нее. Я заглушил мотор и залюбовался прекрасным мускулистым животным. Тут же мне вспомнилась моя группа полувзрослых львов, которые к тому моменту, когда мне пришлось оставить заповедник Северного Тули, как раз вступали в этот

возраст. Те мои львы страшно бедствовали от преследования браконьеров: за два с половиной года их количество сократилось с одиннадцати до шести. Сидевшая передо мной львица очень походила на Зону, которая выступала в качестве лидера группы и инициатора всех охотничьих вылазок. Она в конце концов тоже угодила в петлю браконьера, но нам удалось снять с нее проволоку, после чего львица быстро оправилась. Наблюдая за юными львами, которых нам посчастливилось найти здесь, в Чобе, я вспоминал свои ужасные переживания в Тули и гадал, что же случилось сейчас с тамошними моими питомцами. Мы разглядывали прекрасных животных, наслаждаясь звуками раннего утра, когда появился гроыхающий автобус с туристами, управляемый беспечным гидом. Заметив нашу машину, стоящую, по существу, прямо посреди прайда, он сразу же затормозил. Вслед за этим, в нарушение всех правил, существующих в национальных парках, автобус прямо через кусты двинулся в нашу сторону. Посетители громко разговаривали и перегибались друг через друга, чтобы взглянуть на львов. Мне вдруг захотелось, чтобы львы не вызывали столь большого интереса у людей. Пришельцы вели себя наподобие павианов, которые при виде льва взбираются на дерево и осыпают оттуда зверя непристойными павианьими ругательствами.

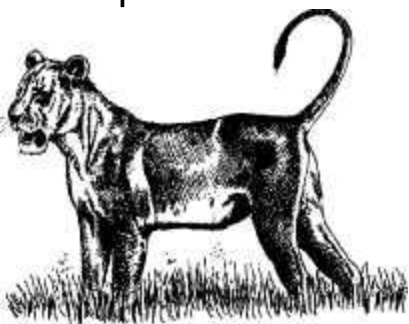


Нашим львам, разумеется, тоже стало не по себе. Молодой лев угрожающе метнулся к автобусу, имитируя гнев, а две львицы, находившиеся до этого поодаль от нас, встали и молча пошли прочь. Та же, что сидела

ближе всех к нашей машине, лишившись приятной компании, тоже поднялась на ноги и скрылась в густом кустарнике.

Итак, все было кончено. Я медленно направил машину в ту сторону, где мы могли бы снова увидеть львов, если бы они продолжали двигаться в первоначальном направлении. Автобус пробороzdил кустарник, выехал на дорогу и продолжал свой путь под громкую болтовню туристов. Наконец назойливые голоса утихли вдали. Автобус скрылся, оставив за собой столб клубящейся пыли.

Нам повезло, и мы нашли львов снова именно там, куда они должны были проследовать, по моим предположениям. Они разлеглись на небольшом возвышении, наблюдая за рассыпавшимся поодаль стадом пасущихся импал. Я был счастлив еще раз увидеть компактную группу. Особенно радовало меня, что мы, как истинные следопыты, обнаружили львов по следам на песке и руководствуясь звуками буша. Мы пробыли со львами еще некоторое время, а затем вернулись в лагерь, удовлетворенные и полные впечатлений от этой встречи.



В святилищах дикой природы – таких, как Чобе, – хотелось бы видеть людей, пришельцев из мира цивилизации, скромными, насколько возможно, и соблюдающими законы и правила, которые диктует сама природа и люди, ее охраняющие. Увы, здесь, как и в других местах, которые нам пришлось посетить, мы зачастую сталкивались с грубостью и

бесчувственностью, столь неуместными посреди девственной красоты сущего, но как нельзя точнее отражающими дух безответственности многих наших соплеменников.

Однажды вечером в Серондела появилась группа юных африкандеров. Они приехали на джипе, доверху загруженном лагерным снаряжением и всяческими запасами. Они разговаривали между собой не громче, чем все остальные, но так продолжалось только до наступления темноты. Как только солнце село за горизонт, молодые люди затеяли грандиозную пьянку. Девицы начали взвизгивать, юноши старались перекрычать друг друга, и их не в меру громкие голоса разносились по всей округе.

Со стороны было видно, что молодые люди чуть ли не впервые путешествуют самостоятельно, и то, что юнцов сопровождали девушки, означало для тех и других, но не для окружающих, что они уже взрослые люди. По мере того как становилось темнее, шум и гам нарастал. Неумелое хвастовство юнцов звучало громче и настойчивее. Девицы ломались сквозь кустарник, визжа, смеясь и делая вид, что на них напали. В этом шуме, производимом пришельцами, потонули украшающие ночной буш голоса сов и сверчков.

Затем приезжие развели огромный костер, расположились вокруг него и вновь начали пить. Они запели патриотические песни о ЮАР, ее величии, ее триумфах и победах в войне восьмидесятых годов прошлого века и в тех войнах, которые страна ведет и по сию пору.

На душе у меня было беспокойно. Здесь, в черной Африке, хотелось бы видеть молодежь из ЮАР более осмотрительной, более уважительно относящейся к природе и ее величию. Вместо этого молодые выходцы предаются пьянству и, потеряв над собой контроль, выставляют напоказ заблуждения свои собственные и

всей своей страны. Возможно, они чувствуют себя в безопасности, зная, что только узкая Полоса Каприви отделяет их от территории ЮАР, и ведут себя так, словно приехали на ферму своего дядюшки в свободный штат Оранжевой республики.

Наутро они были тише воды и приветствовали нас вежливо и даже застенчиво. В их поведении не было ничего, что напоминало бы бесшабашную ночь, когда все нечистые помыслы выплеснулись наружу под влиянием алкоголя. В эту ночь разгула до меня донесся издалека, покрываемый болтовней юнцов, чуть слышный, вибрирующий, печальный призыв льва. К счастью, компания отправилась восвояси на следующий день, и лагерь, к нашему облегчению, вновь зажил своей тихой и мирной жизнью.

В последние два дня нашего пребывания на севере Чобе над землей повисла серая пелена. Лишь время от времени в конце дня солнце пробивалось сквозь тучи, и закат выглядел угрожающе из-за тяжелых облаков, громоздившихся на горизонте. Ночью пошел сильный дождь, продолжавшийся в сером сумраке предрассветных часов. За несколько часов выпало свыше восьмидесяти миллиметров осадков. Сквозь пелену дождя местность казалась мозаикой темно-зеленых и красноватых пятен, а черная разбухшая земля тут и там была покрыта серебристыми лужами, превратившимися местами в небольшие озерца. Прошедшие дожди еще раз убеждали в непостоянстве природы, словно компенсирующей сейчас скудость осадков в предшествующие годы.

Хотя дождь не переставал моросить, издали до нас несколько раз доносились голоса львов, но мы не могли пуститься на их поиски, поскольку большие территории стали недоступными из-за вязкости почвы. И мы радовались, что все же успели познакомиться с

несколькими представителями местной популяции львов.

Состояние погоды и дорог ясно давало понять, что было бы опрометчивым продолжать путь в заповедник Мореми к юго-западу отсюда. Нас устраивало все то, что нам удалось записать и сфотографировать в Ботсване, поэтому мы решили ехать на север, через Полосу Каприви, а затем на запад, во всемирно известный национальный парк Это-ша, где обитает уникальная популяция львов. Оттуда мы должны были направиться к Атлантическому океану, где львы приспособились охотиться на тюленей, пингвинов и пожирать выброшенных морем китов. И наконец мы собирались проехать на юг, в Калахари, и посетить там национальный парк Хемсбок, обиталище антилоп ориксов.

Мне не хотелось покидать Чобе и уезжать из Ботсваны. Хотя мы выполнили здесь все наши планы, Чобе и Макгадикгади вернули мне то ощущение причастности к духу истинной Африки, которое впервые посетило меня в детские годы в Нигерии. Как всегда, когда я покидал Ботсвану, в душу закрадывался страх, что мне уже никогда не придется вернуться сюда. Я сроднился с этой страной, я отдыхал и становился спокойнее в ее нетронутых цивилизацией уголках. Но я не оставил своего намерения получить ясную картину современного состояния и будущего львов в Южной Африке, и потому должен был вернуться в Ботсвану. Эта земля входила в число тех, где далеко не все было благополучно, и, минуя которую, было бы невозможно воссоздать истинную историю судьбы львов.

Нам, бесспорно, очень повезло в том, что мы имели возможность осмотреть ту небольшую часть территории Чобе, которую мы пересекли в наших странствиях. Стада слонов были огромны, буйволы не поддавались счету, но самым большим удовольствием казалось

свидание со львами. Чудесен был и наш полевой лагерь. Мы вспоминали игры и шалости мартышек и павианов; непуганое семейство бородавочников с их крошечными поросятами, которые безбоязненно и шумно обнюхивали машину и палатку; посещавшие нас компании полосатых мангустов, шумно суетившихся в поисках насекомых, которых зверьки извлекали буквально из-под земли и с треском раскусывали острыми как иголки зубами.



Будущее Чобе и других убежищ дикой природы в Ботсване внушало оптимизм. Немало работы еще предстоит, чтобы усовершенствовать их инфраструктуру, но все, что требуется для успеха, уже есть, и в конце концов необходимое равновесие установится и укрепится в резерватах. Тогда, возможно, удастся достичь согласованности между потребностями людей и нуждами дикой природы. Как я уже упоминал, в Ботсване пока существуют серьезные проблемы: все увеличивающаяся численность скота, который следует как-то отгородить от находящихся под охраной заповедных земель; переэксплуатация сельскохозяйственных угодий и требующий корректировки декрет о контроле над хищниками. Но хорошо уже то, что суть этих проблем известна и понята всеми заинтересованными сторонами, так что можно надеяться на успешную работу по согласованию противоречий. Черная Африка провозглашает в свою защиту: «Мы еще молоды, дайте нам время!» Это заявление отнюдь не безосновательно, особенно если речь идет о Ботсване. Это страна экономического бума, ее правительство придерживается разумной и

стабильной политики, и вдумчивое отношение к сохранению природных богатств можно рассматривать как яркий пример всего самого лучшего, что происходит сегодня в новой Африке. Я всей душой надеюсь, что сказанное – это не заблуждение.



Глава третья

Войны и дикая природа: Намибия

... в сегодняшней Африке скотоводы используют гораздо более разрушительные средства – такие, как яд и винтовки. И львов становится все меньше.

Эдвард Р. Ричити. «Животные-убийцы»

Последняя наша ночь в Чобе снова была сырой и холодной. Дождь лил не переставая, и среди всех наших пожитков не оставалось ни одной сухой вещи. Вода пропитала брезент палатки и тонкие поролоновые матрасы, и мы то и дело просыпались, словно от прикосновений чьих-то холодных липких пальцев. Я предвидел, что дорога, по которой нам предстояло ехать, будет труднопроходимой, ибо те дожди, что шли последние три дня, не были обычными ботсванскими дождями. Стихия разбушевалась и грозила непредсказуемыми наводнениями.

Нам следовало сначала проехать пятнадцать километров до расположенного на берегу реки городка Касане и выполнить там все формальности, связанные с переездом через границу. Дело в том, что на мосту в Каприви не было пограничного поста со стороны Ботсваны. Между тем дорога между Серондела и Касане оказалась почти затопленной. Ее пересекали огромные лужи шириной до ста пятидесяти метров. Несколько раз мы вынуждены были сворачивать с дорожного полотна на целину и петлять между

кустами, чтобы вновь выехать на дорогу в том месте, где промоины не были столь глубокими.

Нам понадобился целый час, чтобы достигнуть Касане. Сначала мы подъехали к банку, где нам рассказали о том, каких дел натворили дожди по всей округе. Любезный директор банка, чья физиономия была украшена неправдоподобно пышными усами, сообщил, что повсюду в районе Францистауна вода смыла мосты; к тому же более четырехсот человек остались без крова. Перспективы также выглядели неутешительно. За двое с половиной суток в Касане выпало свыше трехсот миллиметров осадков – более трети стандартного их годового количества. Я даже стал сомневаться, сможем ли мы вообще доехать до пограничного городка Катима-Мулило в Полосе Каприви, от которого нас отделяли сто пятьдесят километров размытой дороги, которая могла стать еще хуже под непрекращающимся дождем.

К тому моменту, как мы выполнили все пограничные формальности, снова начало моросить. Мы остановили машину около магазина, чтобы купить кое-какие мелочи из провизии. У дверей стоял бушмен народности сан, работавший, очевидно, в этом магазине. На нем был зеленый халат, из-под которого виднелись модная рубашка и длинные брюки. Бушмен оживленно болтал, возбужденно жестикулируя, с двумя девицами тсвана. Проходивший мимо юноша тсвана по-свойски приветствовал девушек, мимоходом обхватив их руками, и бушмен сразу стушевался и отступил к стене, молча наблюдая за происходящим. Когда тсвана удалился, бушмен вновь стал заигрывать с девицами, явно пытаясь произвести на них впечатление своими хорошими манерами и любезной беседой. Я вновь стал свидетелем укрепившихся предубеждений против коренных обитателей буша. Хотя и явно заинтригованные разговором с любезным бушменом,

девицы словно по команде демонстративно переставали обращать на него внимание при первом же появлении в компании мужчины тсвана. Мне кажется, я никогда не забуду миниатюрную фигурку бушмена в зеленой спецодежде под серым небом, сочащимся мелким дождем. Он стоял подавленный, спиной к парню тсвана – маленький человечек с кожей цвета меда перед почти иссиня-черным и кажущимся непомерно высоким молодым негром.

Сделав необходимые покупки, мы повернули назад и направились в национальный парк Чобе, где нам следовало забрать из лагеря палатку и прочие наши пожитки. Оттуда мы поехали по шоссе в сторону Нгома-Бридж. Повсюду дорогу пересекали разливы, и каждый раз Джейн вынуждена была вылезать из машины и идти перед ней вброд, чтобы убедиться, действительно ли наш маленький автомобиль сможет преодолеть очередное препятствие. Первое время нам удалось сравнительно легко справляться с разливами и наносами песка, но когда мы въехали в более лесистую местность, песчаный грунт стал вязким, так что приходилось удерживать два левых колеса на более плотной полосе посередине дороги, тогда как два правых шли по ее обочине. Я то и дело переходил с третьей скорости на вторую, а подчас и на первую, пока наконец не стало ясно, что уже через два километра мы достигнем Нгома-Бридж.

Мне несколько раз приходилось пересекать границу между Ботсваной и ЮАР, и я хорошо знал, насколько подозрительно относятся чиновники к путешествующим. Было неприятно думать, что все это ожидает нас в Нгома-Бридж, тем более что вокруг шла война и строгости могли быть усилены.

К нашему облегчению, таможенный чиновник в зеленой униформе и при галстукe более всего интересовался тем, сможем ли мы обменять нашу

ботсванскую валюту пула на его южноафриканские ранды с их низкой покупательной способностью. Его мало интересовало, есть ли в нашей машине что-либо запрещенное к провозу – например, оружие или слоновая кость. Сослуживцы таможенника тайком пытались продать нам очень красивый глиняный сосуд, который они прятали под конторкой. Когда же мы вернулись к машине и открыли ее дверцы, чтобы пограничник в военной форме смог осмотреть наш груз, он стал умолять нас отдать ему две наши драгоценные буханки хлеба. «Мы так обездолены», – причитал он, хотя эти слова никак не вязались с его откормленной физиономией. Уяснив себе всю нелепость ситуации, я, разумеется, отказался. Тогда он стал настаивать, чтобы мы купили у него еще одну порцию южноафриканских рандов. Я отъехал от пропускного пункта слегка сконфуженный, хотя и очень довольный тем, что чиновники оказались не столь мелочными и неподатливыми, как обычно.

Нам предстояло миновать шестьдесят девять километров ужасающей, грязной и размытой дороги, ведущей в Катима-Мулило. Все это напоминало езду по смазанной жиром доске. Попадавшие нам по пути машины шли юзом и сползали на обочину, увязая в глине. С серого неба лило не переставая, и трижды мы тоже едва не потеряли управление.

На полпути к нашей цели дорогу преградили несколько увязших в грязи грузовиков. Пришлось остановиться, и вскоре длинная шеренга разномастных машин и трейлеров выстроилась позади нас. Я договорился с хозяином легкого грузовика, остановившегося следом за нами, что мы совместными усилиями попытаемся проложить новую колею по целине, в обход загородивших дорогу машин. С помощью других водителей нам удалось кое-как вытолкать грузовик на целину, а затем – на дорогу,

миновав таким образом возникшую пробку. Затем мы двинулись дальше, ободряемые энтузиазмом и прощальными гудками менее удачливых водителей. Как непохоже было все это на безводный Макгадикгади, лежащий всего в трехстах пятидесяти километрах к югу отсюда!

Более трех с половиной часов ушло на то, чтобы проехать какие-то сто двадцать километров до Катима-Мулило. На подъезде к нему один из участков дороги оказался особенно неблагоприятным. Миновав его, я остановился, чтобы посадить отставшую Джейн, которая перед этим прошла вперед по грязи, определяя проходимость дороги. В это время к машине подошел пожилой негр в поношенной фетровой шляпе с полоской леопардовой шкуры вокруг тульи. Наш разговор состоял из обрывков английского, тсвана, фанакало и зулу. Речь зашла о животных, и я спросил прохожего, есть ли в округе львы. Он решительно покачал головой и указал на юг, из чего следовало заключить, что львы сохранились только по ту сторону реки, в Ботсване. «А как насчет слонов, леопардов, гепардов?» Негр снова сделал отрицательный жест и ткнул пальцем на юг этой столь богатой скотоводческими хозяйствами части Каприви. Негр наверняка упомянул бы о нападении зверей на скот, если бы львы еще оставались здесь.

Этот разговор напомнил мне другой, что произошел у меня накануне с комендантом кемпинга в Чобе. Мы созерцали противоположный берег реки, и я с одобрением отозвался о состоянии местных коров, пасшихся там. Мой пожилой собеседник согласился с моим замечанием и произнес, указывая через реку: «Там место лучше». Я спросил его, почему так, и он продолжал: «Нкомо (коровы) тучные, и там нет тау (львов), чтобы убивать их. Жизнь там лучше».

Вот мнение лишь одного из местных жителей, но оно указывает, насколько здесь сильно предубеждение против львов. Старик стал развивать свою мысль: «Только дикие животные и шатин (девственный буш) есть на моей стороне». Вполне понятно, что, с его точки зрения, местность с изобилием зелени, с толстыми женщинами и тучными коровами, богатая едой и пивом и, разумеется, без львов казалась райским садом. Возможно, я стал бы придерживаться того же мнения, испытав засуху, голод собственного скота и постоянную угрозу со стороны львов, слоняющихся вокруг моего крааля. И я понял, почему мой собеседник смотрит с завистью на Полосу Каприви с ее откормленными коровами.

Наконец мы достигли Катима-Мулило. Город расположен на берегу Замбези, отделяющей его от Замбии; к востоку лежит Зимбабве, а к югу, откуда мы приехали, – Ботсвана. Как только мы оказались в городе, грязная дорога внезапно закончилась, и я увидел справа от себя великолепное поле для гольфа с разноцветными флажками, развевающимися над ярко-зеленой травой. Мы проезжали мимо гостиницы «Замбези» – вычурно выстроенного современного отеля, стилизованного под архитектуру черной Африки. Было как-то не по себе смотреть в сторону Замбии в то время, как позади нас ревели южноафриканские военные грузовики, разъезжавшие взад и вперед по дороге. Около полицейского поста громоздились остатки искореженного трейлера. Было ли это следствием дорожного происшествия или взрыва мины? Скорее, наверное, второе.

Город, окруженный поселениями чернокожих, жил, по всей видимости, в атмосфере национальной терпимости, хотя повсюду чувствовалось присутствие и влияние ЮАР. Все это создавало ощущение нагромождения противоречий, которые приводили в

замешательство. Каждый дом был оборудован для защиты. Многие жилища имели вычурный вид, и, вероятно, потребовалось много труда и денег, чтобы превратить их в этакий мрачный экспонат напоказ – защищенное от обстрела укрытие и к тому же единственное в своем роде.



В этот вечер мы решили наконец просушить наши вещи и с этой целью остановились в небольшой гостинице на берегу реки. Вообще-то комнаты сейчас не сдавались внаем, но хозяйка португальского происхождения любезно разрешила нам переночевать. Ночью дождь пошел снова и не переставая лил на протяжении всего следующего утра.

За завтраком один из путешественников вроде нас сообщил, что дорога между Понгола и Бангани, по которой мы рассчитывали ехать, местами непреодолима. Другой из присутствующих добавил, что на своем пути он видел семь увязших в грязи грузовиков, а сам большую часть пути ехал на малой скорости с обоими включенными ведущими мостами. Мы планировали держать путь на Поппа-фоллс, находившийся в трехстах двадцати километрах к западу, и нам надо было при этом пересечь милитаризованную зону между Понгола и Бангани. Хотя на протяжении первых ста двадцати километров от Катима дорога была асфальтированной, дальше опять начинался разбитый и грязный проселок. Места, через которые мы должны были ехать, составляют значительную часть заповедника Каприви. Их площадь – около одной тысячи квадратных километров, и нам

предстояло пересечь этот район напрямик на пути в Бангани. И хотя, как уже было сказано, здесь располагалась милитаризованная зона, львы продолжали существовать в этих местах.



Всего в сорока километрах от Катима через асфальтовую дорогу метнулись какие-то темные силуэты. Я слегка притормозил, в надежде, что это были гиеновые собаки – хищные животные, которым более, чем всем прочим африканским плотоядным, грозит опасность вымирания. Некогда гиеновая собака была распространена по всему африканскому континенту, но сегодня, хотя они еще встречаются там и тут, численность их резко сократилась. Эти животные, подобно львам и бушменам, первыми приняли на себя удар белых и черных колонистов, когда в середине семнадцатого века те и другие двинулись навстречу друг другу, «выжимая» коренных обитателей с их насиженных мест. Звери и люди уничтожались в те времена в огромных количествах.

Собаки неслись на полной скорости, страшно возбужденные. Без сомнения, они преследовали дичь и были близки к успеху. Прежде чем скрыться в густых кустах, звери остановились, глядя в нашу сторону. Одна из собак отстала от стаи и, видимо, была в нерешительности – то ли следовать за собратьями, то ли познакомиться поближе с автомобилем, к чему зверя толкало столь свойственное гиеновым собакам любопытство. Затем собака подпрыгнула, продемонстрировав нам свою пеструю окраску – смесь

угольно-черного, золотистого, белого и коричневого, этих характернейших цветов пустыни, – и исчезла среди пропитанных водой зеленых зарослей. Включая зажигание, я подумал, что в своих странствиях эти гиеновые собаки могут оказаться в Ботсване, Анголе, Зимбабве, а возможно, и в Замбии. Всюду в этих местах они будут уничтожены, если изберут в качестве добычи домашний скот.

Там, где дорога снова становилась труднопроходимой, нас остановили военные, которые вручили нам разрешение проехать через милитаризованную зону в Бангани. В бумаге было написано, что мы берем весь риск на себя, что нам не следует подсаживать попутчиков и что вся поездка должна быть закончена за четыре часа. Мы были сейчас примерно в десяти километрах от раздираемой противоречиями, охваченной войной Анголы, хотя окружающий нас буш выглядел обманчиво мирным и повсюду на дороге лежал помет слонов. Все говорило о том, что мы и в самом деле едем через заповедник, но чувство неясной тревоги не покидало нас.

Как и накануне, машина шла с трудом, и вскоре весь кузов покрылся неровным белым слоем известковой жижи. Не доезжая Бангани, мы еще раз остановились у военного поста, где наше разрешение проверили и разрешили нам ехать дальше. Пока мы стояли здесь, мое внимание привлекло миниатюрное золотистое личико юной бушменки, которую вместе с ее чернокожими спутницами согласилась подвезти шедшая перед нами машина. Девушка выглядела хорошенькой, она держалась с достоинством и казалась неожиданно элегантной по сравнению с негритянками. На ней был головной платок, широкая юбка и рубашка местного покроя из домотканой материи, и походила она на сильно загорелую цыганочку, странно равнодушную ко всему, что происходило вокруг, и к

окружающим ее людям. Я спрашивал себя, что должны чувствовать ее соплеменники, не связанные с цивилизацией, по поводу вражды и войны, в которые оказалась втянутой эта местность. Сегодня южноафриканские военные, зная о необыкновенных способностях бушменов как следопытов, завербовали их несколько тысяч в качестве лазутчиков и диверсантов. Как же будут относиться новые черные лидеры после того, как наступит мир, к бушменам, взявшим во время конфликта сторону белых? Веками бушменов равным образом уничтожали, эксплуатировали и угнетали и черные, и белые, и вот теперь выходцы из Европы вновь используют их в своих целях, внушая, что «настал черед бушменов отплатить черным за свои прошлые невзгоды». Маленький народец оказался в самом центре хитросплетений конфликта, и я боюсь, что в конечном итоге месть воюющих падет на потомков нынешних бушменов.

Юная бушменка, направлявшаяся в Бангани, живет сейчас, вероятно, в военном лагере, куда завербован ее отец. Но что ждет девушку и ее детей в последующие двадцать лет? Возможно, то же, что и тех промелькнувших мимо нас гиеновых собак, что без разрешений свыше пересекают государственные границы.

К трем часам пополудни, миновав последний военный пост, мы выехали к реке Окаванго. По мосту мы пересекли ее русло шириной в пятьсот метров – могучую водную артерию, определяющую собой пульс жизни дельты Окаванго в Ботсване. Эта дельта представляет собой уникальную систему сложного переплетения протоков и лежащих между ними островов. Уникальность ее в том, что это единственная дельта в мире, не имеющая выхода к морю. Дельта занимает площадь около восьми с половиной тысяч километров и включает в себя изобилующий дичью

заповедник Мореми. Переехав русло Окаванго, мы решили передохнуть после двухдневного барахтанья в жидкой грязи, остановившись в великолепной местности Поппа-Фоллс в нескольких километрах ниже по течению от моста Бангани.

Река была полноводной из-за дождей, прошедших в Анголе и напоивших горные ручьи в сотнях километров отсюда. Эти воды пересекли Полосу Каприви и сейчас мощным потоком текли через Ботсвану в дельту Окаванго. Этот процесс повторяется ежегодно в разгар сухого сезона в Ботсване: дождевые воды приходят издалека, чтобы в очередной раз заполнить многочисленные русла дельты и напоить земли, на сотни километров окруженные иссушенной солнцем пустыней. Пришедшие потоки возвращают дельту к жизни – повсюду появляется высокая густая трава, пернатые и зверье начинают пировать и размножаться на оживших берегах и в руслах дельты. Мы с восторгом смотрели на волнуемую поверхность могучей реки, устремляющейся в Ботсвану. Лишь ничтожная часть этой воды, всего лишь около трех процентов, достигнет местности Маун в трехстах пятидесяти километрах ниже по течению. Почти вся она через четыре-пять месяцев будет поглощена песками пустыни Калахари.

Окаванго – настоящий рай для естествоиспытателя. Мне посчастливилось довольно долго побыть здесь год тому назад, когда я руководил лагерем рыболовов, откуда, как уже упоминалось, мы посещали селения бушменов в холмах Тсодило. Эти места не имели ничего общего с другими районами Ботсваны, известными мне по моей работе в заповеднике Северного Тули в восточном углу этой страны. Располагался лагерь в местности под названием Пенхендле, которая, как и Поппа-Фоллс, буквально пропитана водой. К этой повсеместной сырости и к обилию влаги приспособлена вся местная флора и фауна. Птичье население сильно

отличается от того, что можно увидеть южнее, в засушливых районах Калахари. Большинство видов пернатых обитают здесь в густых тростниках и по берегам илистых протоков. На заросших плавучих островах, сложенных из многочисленных слоев стеблей и листьев папируса, в большом количестве водится ситатунга – болотная антилопа, формой рогов напоминающая куду, но отличающаяся от всех прочих антилоп длинными и широко расставленными копытами. Ситатунга прячется от врагов в воде, и ее редко можно увидеть на суше, где эти животные чувствуют себя беззащитными. День они часто проводят в неподвижности, прижавшись спинами друг к другу на утоптанном ковре папируса и настороженно оглядывая окрестности. Особенно опасен для них леопард.

Этому хищнику удастся выжить даже среди затопленных водой тростников. Пока я работал на болотах, мне редко удавалось увидеть следы леопарда. Обычно зверь все время странствует, переходя с одного острова, где есть термитники, на другой и пробавляясь охотой на ситатунг, а подчас даже на мелких грызунов.

Другие характерные обитатели дельты – это крокодил, бегемот и выдра. Несмотря на труднодоступность этих мест, крокодилы в Окаванго были почти полностью уничтожены. Более 50 000 этих животных охотники застрелили, вторгшись в места, их размножения, в поисках ценной шкуры с брюха крокодила. При таком массовом отстреле дельта утратила было жизнеспособную популяцию крокодилов, но этим современным динозаврам, просуществовавшим на Земле вот уже шестьдесят миллионов лет, все же удалось и на этот раз восстановить свою численность. Когда в свою бытность в Окаванго я выезжал ночью на катере, мне нередко удавалось насчитать тридцать, а то и сорок крокодилов за час пути. В свете фонаря их

глаза вспыхивали над водой, точно тлеющие огоньки сигарет.

Последние из оставшихся здесь монстров-гигантов встречаются теперь, увы, не часто. Тем не менее мне попадались экземпляры длиной до четырех метров, а один раз мой катер прошел в трех метрах от истинного исполина почти шестиметровой длины.



Крокодилы питаются главным образом «усатыми» африканскими кошачьими рыбами, которые также достигают изрядных размеров. Мне приходилось ловить экземпляры весом до двенадцати килограммов. Крокодилы Окаванго кроме того, берут дань и с местного населения. В Африке само слово «вода» ассоциируется с крокодилами. Они, как и люди, полностью зависят от воды, так что те и другие вынуждены встречаться здесь. Только за один год, пока я работал в Окаванго, семь человек пали жертвами крокодилов. Крокодил непривередлив: для него нет разницы, человек или какое другое живое существо оказались около воды или зашли в нее – мясо есть мясо, и это пища для крокодила. В отличие от льва крокодил рассматривает человека как свою естественную добычу.

и без колебания схватит зазевавшегося, утопит его, а затем съест столь же непринужденно, как проглатывает кошачью рыбу, пойманную им в заводи. Уничтожение крокодилов в Окаванго в сороковых – пятидесятых годах отразилось и на местной популяции бегемотов. Сегодня поведение последних непредсказуемо: они или страшно пугливы, или, напротив, не в меру агрессивны. Дело в том, что охотник, желавший приманить к месту своей засады как можно больше крокодилов, убивал бегемота из ближайшего стада. Когда спустя немного времени раздувшийся труп всплывал на поверхность, он становился желанным лакомством для крокодилов, нетребовательных к качеству пищи.

Агрессивность бегемотов я объясняю передающимися от поколения к поколению воспоминаниями об их преследовании людьми. Бывало, проезжая на моторной лодке по водоемам дельты, я ощущал, как ледяная рука страха сжимает мне сердце при виде огромного бегемота, загородившего узкую протоку, где я не мог развернуть свое судно. Как-то раз, когда я привез клиента на рыбалку на озеро с сильными водоворотами, мне в очередной раз пришлось стать свидетелем дурного характера и неожиданной агрессивности этих громадных созданий. Я заглушил мотор, и катер дрейфовал по течению, а мой спутник мирно удил, временами переговариваясь со мной. Внезапно что-то сильно ударило в самый центр днища катера, который накренился и был подброшен кверху. Мне оставалось только порадоваться, что наше судно достаточно велико. Рыболов опешил, его стул покатился по палубе, а удочка упала за борт. Я быстро побежал на нос, и тут все повторилось снова – глухой удар, крен катера и испуг моего клиента. Мне сразу стало ясно, что это бегемот пожелал всплыть, находясь прямо под днищем катера. Я завел мотор и отошел на некоторое

расстояние от опасного места. Сразу же вслед за этим метрах в семидесяти от нас показалась голова нашего обидчика с глазами, по форме напоминающими лягушачьи, и с пастью шириной с хорошую бочку. Видение было моментальным: зверь лишь вдохнул воздух, взметнул столб воды и тут же исчез в бурлящем водовороте.

Некогда болота между нашей теперешней стоянкой в Поппа и тем местом, где я работал раньше, примерно в ста километрах к югу, были вотчиной мухи цеце – зловредного насекомого, которое веками не допускало людей и коров в эти плодородные девственные земли. Сегодня, благодаря постоянной работе по искоренению цеце, стада крупного рогатого скота смогли освоить значительные пространства пойменных пастбищ дельты до самого Пенхендле.

Коренными обитателями дельты издавна были так называемые «речные бушмены». Мне посчастливилось встретиться с одним из последних людей этой народности и даже узнать его поближе. Среди местных жителей он был известен как Доннашоу. Этот человек жил со своей семьей в недоступных дебрях Пенхендле еще до того, как здесь появились белые, начавшие распылять яды против мухи цеце, и чернокожие, заполонившие своими стадами исконные земли бушменов. Доннашоу уже не мог распрямить спину после десятилетий, которые он провел в своем макоро (каное), скользящем по протокам дельты. Все в округе уважали старика за его возраст и, возможно, еще более за то, что он олицетворял собой загадку исчезающего, почти мифического народа. Я частенько расспрашивал Доннашоу о годах прошлого, о природе его родины и о львах, которые некогда водились здесь. Уже много лет прошло с тех пор, когда старик бушмен последний раз слышал голос льва. Львы исчезли с приходом толп новых поселенцев и их скота, наводнившего дотолу

нетронутые пастбища дельты. Зверей убивали всякий раз, как они нападали на домашних животных, захвативших те земли, где до этого можно было встретить только диких травоядных. Вскоре практически все хищники были уничтожены – если не считать немногих на редкость изобретательных бродяг, научившихся за время своих странствий ловко избегать человека и ружейной пули. Этим львам-одиночкам время от времени удавалось зарезать корову, отбившуюся от громадного стада, после чего они сразу же уходили в просторы верховьев дельты. На глазах Доннашоу все здесь изменилось неузнаваемо, но он продолжал жить, как в дни своей молодости, оставаясь независимым от пришельцев всех мастей. Пройдет немного времени, и здесь не будет ни Доннашоу, ни его народа, как уже нет львов, и все эти прошлые обитатели дельты оставят лишь неясный след в памяти современного человека.

Несмотря на нашествие скота, на рост народонаселения и варварскую эксплуатацию рыбных ресурсов дельты, она сохраняет еще в себе дух речных бушменов и «болотных» львов. Места здесь чистые, почти стерильные; повсюду струятся прозрачные потоки воды, и воздух заполнен звонким пением птиц. Орел-рыболов упадет с неба в кристально чистую воду, высмотрев свою добычу в сиянии предзакатного солнца, а ночью уступит эти охотничьи уголья сове. В траве зашуршат генетты и выдры, разыскивающие пропитание. Когда же солнце вновь появится над горизонтом, вездесущий орел провозгласит наступление нового дня своим пронзительным кличем, и треугольник белолицых уток пронесется у вас над головой.

На песчаных косах дельты еще гнездятся африканские водорезы. При помощи удлинённой нижней челюсти они на лету зачерпывают из воды

мельчайшие микроорганизмы. В природе все подчинено регулирующим законам равновесия. Понятно, что часть птенцов водорезов падут жертвой орла-рыболова. Но теперь водорезам грозит новая беда: быстроходные катера, бороздящие воды протоков, поднимают сильную волну, которая смывает беспомощных птенцов и уносит их в стремительно несущиеся воды главного русла Окаванго.

Наше пребывание в Поппа-Фоллс, к северу от тех мест, где я работал ранее, родило в памяти множество воспоминаний и заставило задуматься над тем, как долго сможет еще просуществовать дельта Окаванго. Уже сейчас часть водных запасов реки забирают в Намибии, и существуют другие планы, пока лишь публично провозглашенные, предпринять то же самое в Ботсване. И хотя в наши дни река остается еще прекрасной, никто не знает, сколько времени будет позволено ей ежегодно приносить свои животворные воды в дельту и превращать в цветущий сад эту землю, лежащую в самом сердце бесплодной пустыни.

В Поппа-Фоллс я познакомился с двумя энтузиастами охраны природы из Намибии, которые, увы, подтвердили доходившие до меня слухи об угрожающей ситуации в этих северных окраинах Ботсваны. По ряду обстоятельств, связанных с деятельностью моих новых знакомых, я не стану называть их имен. Картина, которую они нарисовали, оказалась неутешительной, и я хочу рассказать об этом в надежде, что последующие обсуждения и споры могут привести к некоторому улучшению положения вещей.

Оказалось, что на заповедных территориях, которые мы пересекли на пути от Катима-Мулило до Поппа-Фоллс, процветает браконьерство, особенно усилившееся после прихода сюда намибийских и южноафриканских военных частей для борьбы с

повстанцами Народного фронта Юго-Западной Африки (СВАПО). Собственное население здесь до недавнего времени было немногочисленным, но вместе с армией пришли бушмены из Анголы, обосновавшиеся здесь в силу определенных обстоятельств. Как я уже упоминал, дар следопытов, которым обладают бушмены, оказался истинным подарком для военных, да и самих бушменов они стали рассматривать как прекрасную находку. Бушмены, основное занятие которых охота, ныне охотятся на людей, но уже не с первобытным луком и отравленными стрелами, а с современным автоматическим оружием.

Другие обитатели Каприви, чернокожие и белые, почем зря уничтожают местную природу. На территории числится около девяти тысяч охотничьих собак, и ежедневно используются около шестисот патронов. Мне рассказали, что за две недели до нашего приезда последний черный носорог Каприви пал жертвой браконьеров, и вместе с ним окончательно ушла в прошлое важная частичка здешней дикой природы.

Год за годом здесь складывается парадоксальная, противоестественная ситуация: военных, призванных отвечать за благополучие нации, ловят на месте преступлений люди, охраняющие природу. Я рассказал моему новому знакомому о стае гиеновых собак, виденных нами в районе Катима, и услышал в ответ: «И их убьют солдаты либо местные жители, если те попадутся им на глаза». И я сразу же представил себе ужасную сцену: солдаты палят из винтовок, стоя в несущемся грузовике, и гиеновые собаки одна за другой падают под их выстрелами. Идет тотальное разграбление природных богатств – попутно с войной, где люди хладнокровно уничтожают друг друга. Посреди клубка противоречий сошлись воедино военный режим, несовершенство природоохранного законодательства, разнузданное браконьерство,

двойственная роль бушменов – все это работает против людей, стремящихся сделать максимум для сохранения местной природы. Мы стали вспоминать, насколько распространилось браконьерство в конце семидесятых годов среди военных в Каоковельде (Намибия). В то время местные жители были почти убеждены, что даже чиновники высшего ранга и, в частности, работники кабинета министров замешаны в противозаконных охотах. Специальный уполномоченный по делам местного населения вынужден был тогда признаться, что он использовал военный вертолет южноафриканских вооруженных сил для охоты на слонов и на антилоп импала, находящихся в Каоковельде на положении особо охраняемого вида. Теперь мне рассказали, что в Намибии некоторые объездчики заповедников, соблазненные хорошими деньгами, негласно сотрудничают с белыми охотниками-спортсменами, позволяя им отстреливать все, что только возможно, на охраняемых законом территориях.

Вся тяжесть проблем, одолевающих Департамент охраны природы, стала мне еще более очевидной, когда в последний день нашего пребывания в Поппа-Фоллс я познакомился еще с одним природоохранителем. Беседуя с нашим новым знакомцем у него в лагере, мы оба – Джейн и я – видели при свете костра, насколько он подавлен всем происходящим. Будучи сотрудником Департамента охраны природы, он, разумеется, не мог рассказать нам все, что знал, хотя я подозреваю, что в его интересах было посвятить меня во все проблемы и использовать в качестве распространителя информации. Наш собеседник поведал нам, что хотя в Намибии осталось не более восьмисот гиеновых собак, их убивают при первой встрече, если хищникам случится причинить какой-либо вред стадам, а то вовсе без всякой причины. Зная, что гиеновая собака

особенно страдает от деятельности человека среди всех африканских плотоядных, я был попросту поражен, узнав, что зверя отстреливают здесь просто как вредителя. Для фермера гиеновая собака – это лишняя напасть, для спортсмена – еще одна живая мишень. У меня закружилась мысль, действительно ли мы научились чему-нибудь со времен Сесиля Джона Родса, который требовал одинаково систематично уничтожать бушменов и гиеновых собак. Гиеновые собаки, как и львы, нуждаются в обширных территориях для своей охоты. Но по мере того, как под воздействием человека сокращаются площади нетронутых земель, все вероятнее становится перспектива, что вскоре зрелище стремительно несущейся стаи этих хищников станет неясным воспоминанием прошлого. Вероятно, в недалеком будущем гиеновые собаки обречены продолжить свое существование в Африке на ограниченных участках, обнесенных проволокой под напряжением, то есть, по существу, просто в слегка приукрашенных зоопарках.

Стоя перед пляшущим пламенем костра, мы горячо обсуждали трагизм сложившейся ситуации и возможности выхода из нее. Мы с Джейн уже собрались ехать в наш лагерь, когда речь зашла о бушменах и об их исконных землях, лежащих между Каванго и Гереролендом. Мы внимательно выслушали рассказ нашего собеседника о том, как некий американец, Джон Маршалл, разработал план, согласно которому предполагалось способствовать переходу бушменов, обитающих на окраине заповедника Каудом, на занятие скотоводством и земледелием – что, надо сказать, никак не укладывалось в вековые привычки и традиции этого народа. Земля, о которой шла речь, имела в последние годы весьма причудливую судьбу. С точки зрения природоохранителей, Бушменленд – это истинный рай. Местность представляет собой довольно

хорошо обводненную часть Калахари. В отдельные сезоны года сюда приходят несколько сот слонов, ни в чем здесь не нуждающихся. Местная фауна включает в себя почти все виды крупных плотоядных, множество разнообразных антилоп и два особо ценных и охраняемых вида – лошадиную антилопу и гиеновую собаку. В семидесятых годах коренные обитатели этих районов – бушмены джуваси – постепенно покидали девственный буш и переселялись поближе к административному центру Бушменленда – городку Тсумкве. Почти сразу же они столкнулись с разрушительным влиянием культуры XX века и со всеми приносимыми ею сложностями. Сознание и телесное здоровье бушменов не смогли выдержать болезней, ранее им неизвестных, в их среде распространились алкоголизм и проституция. Джон Маршалл, прекрасно знавший бушменов по своему прошлому общению с ними, попытался воспротивиться их вырождению под влиянием «цивилизации». Он основал несколько резерваций и пробурил артезианские колодцы в местности, которая дотоле была провозглашена заповедником под названием Восточный Бушменленд. Под влиянием успешной кампании Маршалла по охране земельных прав бушменов началось давление международной печати и влиятельных американских политиков на правительство Намибии. Тогда оно отменило предложение создать здесь убежище дикой природы – и весьма неудачно, поскольку в противном случае бушмены могли, как и до нашествия чужаков, стать естественной и неотъемлемой частью природной экосистемы.

Маршалл рассчитывал, что его план сделать бушменов скотоводами получит дальнейшее развитие, и поэтому на этих землях не оставалось места для слонов и львов. Увы, к несчастью для бушменов, к этому времени в других районах Намибии стало ясно, что

планируемый Маршаллом способ скотоводства на общественных пастбищах ведет к их истощению и превращению в пустыни. В конечном итоге на месте пастбищ оставались бесплодные африканские «бедленды», непригодные для жизни человека и животных – как диких, так и домашних. Итак, возникшие, новые проблемы одинаково затрагивали и бушменов, и львов. Привлечение бушменов, испокон веков кормившихся охотой и собирательством, к разведению скота и насильственное их затягивание в сферу чуждых им традиций и культуры в очередной раз нарушило естественный ход событий в природе. Под бдительным оком Маршалла скот бушменов чувствовал себя прекрасно, но его появление в этих местах породило новый конфликт между людьми и их бывшими кормильцами и конкурентами – львами. Привлеченные обильной добычей в виде стад домашних животных, львы стали покидать охраняемые территории заповедника Каудом и начали нападать на бушменских коров. В ответ на это охотничьи инспектора, относящиеся с чрезмерным энтузиазмом к своей обязанности осуществлять контроль за хищниками, были только рады приступить к отстрелу провинившихся львов.

Сложилась на редкость нелепая и парадоксальная ситуация. Осуществление проекта, созданного с самыми лучшими намерениями, привело к тому, что львов словно нарочно начали выманивать с территории, где они находились под охраной закона; а уничтожали их люди, призванные всемерно охранять диких животных. И этот порочный круг остался за пределами внимания и понимания многих из тех, кто думает, что если организован заповедник либо национальный парк, то и с дикими животными здесь все в порядке. Случилось же вот что: пытаясь помочь одному гонимому объекту – бушменам, поставили под удар другой – льва.

От этого в конечном итоге пострадают не только львы, но и сама внутренняя сущность людей, населяющих этот уголок дикой природы под названием Бушменленд. К сожалению, перед нами еще один пример столкновения разных интересов, которое должно быть улажено, чтобы защитить от разрушения целый регион Африки и удержать от гибели ее диких обитателей и страдающий древний народ.

Вернувшись этой ночью в свой лагерь после всего, что было переговорено, я думал под шум стремнин Окаванго о львах и о маленьком народе, об их общем прошлом и о том конфликте, в который они были брошены волею судеб. Наконец мне удалось уснуть, и в полузабытии хотелось повернуть стрелки часов на несколько столетий назад, когда подобные противоречия, порожденные идеализмом мышления современного человека, попросту не могли возникнуть.

Утро было чудесным, и мы, несомненно, проснулись бы в приподнятом настроении, если бы не тот тревожный разговор накануне. Нам предстояло проехать четыреста шестьдесят километров на юго-запад, в сторону Гроотфонтейна, где должен был закончиться наш долгий путь в Этоша. Наш путь лежал по густо населенным зеленеющим долинам Окаванго, и мы с интересом разглядывали жилища, построенные в соответствии с традициями местных племен, и радовались смеющимся лицам их владельцев, чье прекрасное расположение духа бесспорно отражало красоту и благополучие тех мест, где они жили. Наше благодушное настроение испарилось сразу и бесповоротно, как только мы въехали в городок Рунду и спустились с небес на реальную землю. Рунду – это безрадостный пыльный город, расположенный на берегу Окаванго, противоположном Анголе, и служащий базой для многочисленных подразделений вооруженных сил Намибии и ЮАР. Присутствие военных

чувствуется здесь повсеместно – грохочущие грузовики, люди в униформе, – все это создавало предельно напряженную обстановку.

Мы остановились здесь, чтобы залить в баки горючее и закупить кое-какие продукты. Неожиданно перед нашими глазами возникло напоминание о буше и о далеком прошлом его обитателей. Ко мне подошел старик-бушмен в поношенной фетровой шляпе, в изодранной зеленой рубашке и в шортах того же цвета – весь словно покрытый плесенью многих длинных лет. Среди его неясного бормотания удавалось различить лишь одну фразу, которую старик произносил тихо, а затем стал выкрикивать: «Голодны, мы голодны». В руках он держал связку грубо сделанных луков с тетивами, свитыми из рыболовной лески, и несколько плоских наконечников стрел. Хотя, судя по всему, обитатели городка смотрели на него как на сумасшедшего, он просто пытался выжить за счет того единственного ремесла, которое знал, – изготовления луков.

Продукция старика-бушмена была ярким воплощением того общества, в котором он оказался, – пластик, скверная работа и настойчивое желание продать любой ценой. Не знаю почему, но я обернулся и увидел позади себя ватагу мальчишек – юных бушменов с их милыми монголоидными личиками, облаченных в обноски современного платья. Самый младший из них, мальчонка примерно пяти лет, пытался нацепить на ногу рваную балетную туфельку. Единственная балетная туфелька, лохмотья и коренные обитатели самого сердца Африки!

Мальчишки разглядывали старика и меня, их лица не выражали вроде бы никаких эмоций, в то время как проходящие мимо чернокожие нагло подсмеивались над нами. Они ухмылялись, поскольку им нечего было стыдиться, но в глазах мальчишек угадывалась

постоянно испытываемая ими боль унижения. Они были одеты в обноски европейской одежды и перенесены во времена цивилизации – «чтобы искоренить их первобытную дикость», как могли бы сказать некоторые в свое оправдание.

Мальчишки смотрели на меня, белого человека, а я думал, что же их ждет в будущем, их и старика, еще одного представителя несчастного племени. Он-то, по крайней мере, еще знает свое прежнее ремесло и пытается просуществовать за счет него, но что будут делать эти мальчишки в его возрасте? Все это неожиданно сильно ранило меня, и я в душе проклинал наше общество. Мне хотелось сорвать с ребятишек грязные лохмотья, отбросить в сторону рваную обувь и дать им в руки оружие, которое держал старик. Как хорошо было бы вернуть мальчишкам знания их предков и отправить их назад, жить свободной и естественной жизнью буша – если, разумеется, еще существует тот девственный буш, в котором некогда обитали бушмены.

Позже, неподалеку от этого места, я стал свидетелем еще одной сцены неприязненного отношения к бушменам. Маленький мальчик в школьной форме перебежал через дорогу, в то время как чернокожий мужчина, видимо, отвечавший за ребенка, попытался вернуть его назад. Маленький белый барчук, которого, судя по всему, интересовала единственная вещь – он сам, грубо закричал в ответ на африкаанс: «Бушмен, бушмен, пошел прочь, ты, бушмен!» Мальчишка использовал выражение, имеющее оскорбительный смысл в его стране. Он назвал негра «бушменом», желая побольнее уколоть его. Передо мной был юный представитель очередной генерации белых, использовавший в своем лексиконе те же самые оскорбительные словечки, которые так долго употребляли его отец и дед.

Находясь в этом неприятном городишке, я познакомился также с молодым солдатом южноафриканской армии, когда мы оба ждали своей очереди поговорить по междугородному телефону. Он не таясь рассказал мне, что год назад войска ЮАР оккупировали тридцатикилометровую полосу на территории Анголы после тяжелого кровопролития. Перед этим полоса шириной в триста километров уже находилась почти под полным контролем ЮАР. Я спросил собеседника, что представляет собой природа за рекой, в тех местах, которые видны отсюда. В ответ я услышал, что особой дикой природы он там не заметил, так что, скорее всего, от нее там уже ничего не осталось.

На территории, оккупированной войсками ЮАР, находилось несколько сообщавшихся между собой заповедников, но это было перед войной. Вместе с заповедными территориями исчезла и дикая фауна – прежде, чем кому-либо из заинтересованных организаций стало известно об этом. Воистину безумство войны было единственной господствующей силой в этой части Африки.

Неподалеку от меня и моего собеседника я увидел двух других солдат – «цветного» и бушмена. Они разговаривали на африкаанс с черным продавцом мороженого. Этот язык был единственным, которым владели все трое. С ними стояла миловидная чернокожая девушка, на которую оба солдата пытались произвести впечатление. Я немного понимал по африкаанс и, прислушавшись к их разговору, понял, что бушмен представляется девице как житель Йоханнесбурга. Он также пытался выдать себя за «цветного», хорошо знающего уличную жизнь и много поездившего. Увы, все, чем бушмен мог похвастаться – скорее в своих мечтах, чем на самом деле, – это то, что он «цветной» и «городской». Он говорил на языке белых

и принадлежал к наиболее гонимому народу Африки. Этот народ был издавна не любим чернокожими, а теперь он воевал на стороне белых, использующих бушменов, чтобы восстановить свое господство в Южной Африке.

Покинув Рунду, мы после полудня достигли Гроотфонтейна, где остановились заночевать. На рассвете следующего утра мы выехали по направлению к национальному парку Этоша. Я не переставал переживать по поводу последних могикан дикой природы, бушменов, которые пали жертвой цивилизации, но сохранили еще в себе дух первобытной свободы. Из тайных эгоистических соображений я был рад оставить позади маленький военный городок и те неприятные впечатления, которые так глубоко задели мою душу и мой разум. Хотелось поскорее забыть обо всем, что я там увидел.

Этоша – это огромное нетронутое пространство земли, где тысячелетиями бродят бесчисленные стада диких животных. Я не посещал Этоша ранее, но знал, что эта богатейшая сокровищница девственной природы означает для Южной Африки примерно то же, что Серенгети – для Восточной Африки. Этоша – вне всякого сомнения, наиболее впечатляющий резерват дичи в мире, и все же я совершенно не был готов увидеть здесь такое огромное скопление животных, которое предстало нашим глазам уже в первый день пребывания в национальном парке.

Котловина Этоша имеет поистине колоссальные размеры. Древнее белое днище высохшего озера простирается на 129 километров в длину и достигает местами 72 километров в поперечнике, покрывая таким образом территорию площадью 6 133 квадратных километра. Это в действительности «великое белое место», что означает слово «этоша» на языке местной народности овамбо.

У местных бушменов есть своя версия возникновения котловины Этоша. Пересказываемой ими миф гласит, что некогда группа их соплеменников кочевала в этом районе и подверглась нападению живших здесь чернокожих. Все мужчины были перебиты, но женщинам и детям удалось уйти невредимыми. Один ребенок, полный жалости к погибшим, принялся плакать, и вскоре его слезы затопили землю. Со временем она иссохла и покрылась коркой соли, оставшейся на месте озера слез.

Хотя местные жители часто посещали Этоша, европеец впервые бросил взгляд на ее сияющие белизной просторы лишь в 1851 году. Англичанин Фрэнсис Гальтон, двоюродный брат Чарлза Дарвина, позже разработавший способ опознания личности по отпечаткам пальцев, вместе со шведом Чарлзом Андерссоном пересек восточную окраину Этоша во время путешествия в Овамбо.

В своей книге «Рассказ исследователя о путешествии в тропическую Южную Африку» Гальтон писал: «Это место (котловина) замечательно во многих отношениях. Границы впадины резко обозначены лесом, ее плоское днище покрыто кристаллами соли, и здесь вы часто можете увидеть миражи». Молодые путешественники, однако, не уяснили себе истинных размеров котловины, посчитав, что длина ее составляла пятнадцать миль, а ширина – девять. Будучи в действительности невообразимо огромной, впадина составляет лишь часть так называемого Бассейна Этоша. Ученые считают, что тут некогда существовало огромное озеро. Затем из-за движений земной коры оно было приподнято над уровнем моря и потеряло связь с питавшими его реками. С течением времени великий водоем, лишившись притока животворной влаги, уменьшился в размерах, а затем и вовсе высох, оставив

после себя лишь слой кристаллической соли, на котором уже не могла развиваться растительность.

Подобно Макгадикгади, эта гигантская котловина мгновенно приобретает свое было величие с началом влажного сезона в конце года. Струи дождя размывают потрескавшиеся соляные шапки, жесткими пузырями покрывающие равнину, а затем медленно текущие ручьи начинают заполнять котловину с севера, принося с собой разлившиеся воды из Овамболенда и Анголы. Как и в любой пустыне, с приходом воды жизнь возобновляется не постепенно, а словно по мановению волшебной палочки – буквально за одну ночь. Микроорганизмы, покоившиеся среди кристаллов соли, сразу начинают бурно развиваться, и внезапно возникшее изобилие пищи привлекает сюда сотни фламинго, своего рода прообраз легендарной птицы Феникс. Эти розовые птицы, чьи красные с черным крылья вызывают в памяти геральдические символы, появляются неизвестно откуда, ведомые загадочной интуицией через просторы Африки к чудесно ожившему на короткое время древнему озеру. Здесь же, в Этоша, они приступают к размножению на возвышенных местах, выступающих из сверкающей под солнцем воды, в безопасности от наземных хищников.

Этоша, подобно многим другим землям Африки, замечательна своими контрастами. Объезжая котловину по берегу, мы время от времени видели вдали одинокого самца спрингбока, примостившегося на бесплодном клочке земли в мерцающей дымке полуденного зноя. В другом месте еще сохранилась вода от прошедших дождей, и здесь сотенное стадо слонов остановилось на вечерний отдых. Мимо плавно пробегали жирафы, и многочисленные розово-красные фламинго соперничали своей окраской с цветом заходящего солнца. Важные белые пеликаны группами по десять и более особей бродили вдоль кромки воды, а

каравайки с их глянцевым оперением зондировали ил длинными, изогнутыми наподобие луков клювами. А между водой и небом грациозно проносились стайки белошеких болотных крачек.

На первый взгляд, Этоша напоминает Африку из голливудских фильмов. Тысячные стада антилоп резвятся на равнине; сотни зебр пасутся в компании с резвыми спрингбоками; на горизонте видны силуэты медлительных жирафов, а слоны играют с детенышами на берегу кристально чистого озера. Идиллия эта, разумеется, обманчива. Не все столь благополучно в Этоша, как и в других диких районах Африки, находящихся под контролем людей, хотя те и руководствуются самыми лучшими намерениями. В последние годы здесь произошло резкое уменьшение количества зебр и гну, а численность слонов, жирафов и львов, напротив, возросла сверх необходимой меры. Ученые задались целью выяснить, в чем же причина этих изменений.

В 1955 году здесь обитало от пятидесяти до ста слонов, а сегодня их стало больше двух с половиной тысяч. Сейчас они кормятся ветвями и листьями деревьев, которых прежде почти не было в Этоша, поскольку здесь в определенные сезоны возникали естественные пожары, уничтожавшие; пламенем молодые побеги древесной растительности. Когда человек в силу необходимости возложил на себя роль хозяина Этоша, он начал контролировать происходящее здесь по собственному усмотрению. Первое время считалось, что от пожаров – один вред, и естественным возгораниям стали препятствовать. Сразу же вслед за этим местность начала превращаться из разреженной саванны в подобие лесистого ландшафта. Эти изменения были на руку слонам и жирафам, но они поставили в худшее положение травоядных животных – таких, как зебра и гну. Сегодня наконец всем стало

ясно, что пожары приносят не только вред, и каждый раз, когда молния воспламеняет траву или дерево, огню дают свободно распространяться до определенного предела, где прорыты противопожарные полосы.

Огораживание, без которого порой не обойтись, в других случаях оказывается истинным проклятием для диких животных. Вся территория Этоша обнесена изгородью, чтобы воспрепятствовать проникновению сюда вездесущего скота. Первоначально встреченное с одобрением, огораживание привело к тому, что миграционные пути антилоп гну оказались блокированными. В прежние времена огромные стада этих животных свободно перемещались по просторам котловины в поисках наиболее богатых в данное время пастбищ. Изгородь, пересекая от края до края северную часть котловины, в одночасье лишила гну их привычных маршрутов, складывавшихся тысячелетиями. В результате за последние двадцать лет местная популяция гну сократилась с двадцати пяти тысяч голов до двух тысяч трехсот.

Другая неприятность пришла в тот момент, когда возникла необходимость следить за качеством дорог, используемых все возрастающими в числе туристами. Глубокие ямы, появившиеся после ремонтных работ, стали заполняться дождевой водой и привлекать на водопой множество диких травоядных. Неожиданно оказалось, что эти искусственные водоемы сплошь и рядом заражены сибирской язвой – бактериальной инфекцией, смертоносной для млекопитающих. Огромное количество дичи – в основном гну – погибало, утолив жажду в таких местах.

Появление сибирской язвы породило еще одну проблему. Обилие больных и павших травоядных привело к резкому увеличению количества львов, чей корм оказался в изобилии. Львы, в свою очередь, начали вытеснять других крупных хищников, в особенности

гепарда. Когда же сокращение числа гепардов стало очевидным, было решено принять меры по сокращению популяции львов, рост которых был не чем иным, как следствием противоречащей законам природы деятельности человека. До того, как Этоша была обнесена изгородью, местные прайды львов были вынуждены добывать пропитание, следуя за странствующими стадами копытных, что нелегко давалось подрастающему потомству хищников. Этот естественный ход событий приводил к большой смертности львят и – из-за серьезных физических затрат – к уменьшению продолжительности жизни взрослых зверей. Но с установлением ограждения, которое преградило пути миграций травоядных, дело обернулось в пользу львов. Тому же способствовало и появление большого количества водопоев в тех местах, где львов до этого не было. Драгоценная влага привлекала сюда множество дичи, и эти скопления потенциальных жертв предоставили хищникам противоестественную богатую кормовую базу. В силу всех этих причин количество львов в округе резко увеличилось.

Немало львов продолжало вести бродячую жизнь. Будучи, по всей видимости, устойчивыми против сибирской язвы, они всегда могли полакомиться животными, гибнущими от страшного заболевания, которое получило здесь столь широкое распространение из-за неосторожности людей.

Профессор-биолог Хью Берри пришел к выводу, что комбинация всех перечисленных факторов явилась причиной совершенно ненормального соотношения в национальном парке числа хищников и их потенциальных жертв. Цифра эта оказалась, пожалуй, самой высокой во всей Африке. В Этоша на одного хищника приходилось 75-105 потенциальных жертв, тогда как в Маньяра в Танзании соотношение было

1:174, а на необъятных равнинах Серенгети – 1:250 – 1:300.

Берри приступил к выполнению уникального проекта, не имевшего дотоле аналогий в других районах Африки. Он решил воспрепятствовать дальнейшему росту численности львов, не прибегая к обычному средству – к выбраковке путем отстрела, которая грозит ухудшением генофонда. Вместо этого Берри предложил в 1981 году использовать в качестве эксперимента противозачаточные средства. И подобно тому, как это случается при постановке серьезных исследований, при осуществлении проекта всплыли очень интересные факты, ранее никому не известные.

Выполнение проекта позволило выяснить, обратимо ли воздействие противозачаточных гормонов на индивида и насколько изменяется поведение отдельных животных и популяции в целом под влиянием этих синтетических средств. Львицам из четырех прайдов были введены контрацептики двумя различными способами. Пяти львицам лекарство было впрыснуто с помощью ампул, посылаемых на расстояние из специального ружья, а девяти другим в мышечную ткань имплантировали капсулы, воздействие которых приводит к состоянию ложной беременности.

В тот период, пока львы находились под пристальным наблюдением ученых, из-за засухи произошло сезонное ухудшение пастбищ и уменьшение числа травоядных. Это заставило львов искать новые источники пропитания, и они стали выходить на фермерские земли, нападая здесь на многочисленные стада коров, что было вполне естественным в сложившейся ситуации. Удалось установить, что только один бродячий лев, все время менявший свои маршруты, за два года уничтожил свыше ста голов крупного рогатого скота, коз, лошадей и ослов, и только после этого сам пал жертвой охотников.

Выводы, сделанные Берри, оказались весьма впечатляющими. Их точность не вызывала сомнений, поскольку в популяции под действием контрацептиков не рождался молодняк. Оказалось, что в 1982 году фермеры убили 84 льва, то есть 21 процент всей тогдашней популяции. А в период между 1978 и 1986 годами было уничтожено 306 львов.

Один из прайдов, обитавший в урочище Омбика и находящийся под постоянным наблюдением, первоначально состоял из двух самцов, шести самок, двух полувзрослых самцов и одной полувзрослой самки. За время исследований эта группа особенно пострадала от малочисленности диких травоядных и от рук рассерженных фермеров. Бедствия этих львов начались примерно в 1982 году, когда один взрослый самец и два более молодых были убиты на фермерских землях. Второй юный самец позже исчез по неясным причинам. Вслед за ним пропала львица с имплантированной ампулой, и было решено, что она также погибла. Трагический конец постиг и всех прочих членов группы, которых фермеры отравили либо отстреляли.

Работа профессора Берри прояснила очень многое. Он продемонстрировал возможности бескровного сокращения популяции львов, если они оказывают отрицательное воздействие на те виды, что служат им естественным пропитанием, особенно в ситуациях, когда сам человек вызвал разрушительные изменения в экологической обстановке. Берри доказал, что в случае применения контрацептивов генофонд популяции не обедняется, как в случае выбраковки путем отстрела, и что предложенный им метод обратим в том смысле, что действие контрацептивов можно остановить, если окажется, что при планировании мероприятий была допущена какая-либо ошибка. Так что африканские львы могут контролироваться без кровопролития, что очень важно, имея в виду выводы, сделанные ранее в

национальном парке Крюгера. Там множество львов безжалостно уничтожили, но на смену им вскоре пришли другие бродячие звери из соседних мест. А между тем при отстреле генофонд потерял значительную долю своих резервов.

Исследования Берри показали, что в Этоша, как и во многих других районах Африки, львы неизбежно входят в конфликт с землевладельцами на границах заповедных территорий – печальный факт, к которому я еще раз буду вынужден вернуться в этой главе.

На третьи сутки нашего пребывания в Этоша ночная тишина была внезапно расколота громающим рыком африканского льва. Голоса доносились с востока, с расстояния примерно в шесть километров, и коль скоро они не затихали, я решил, что это территориальные самцы заявляли о своем присутствии. В эту ночь я несколько раз просыпался, чувствуя, что львы, не перестававшие реветь, постепенно продвигаются в сторону нашего лагеря в местечке Намутони.

С приближением рассвета я уже с нетерпением ожидал возможности увидеть зверей, находившихся, по всей видимости, совсем недалеко от нашей стоянки. Искать долго не пришлось, и мы вскоре встретились с нашим первым львом в Этоша у водного источника не далее чем в полутора километрах от старого форта Намутони. Это был самец, жадно лакавший воду в свете первых лучей, пробившихся сквозь тонкий слой утренних облаков. Это был настоящий пустынный лев – именно такой, каким я представлял его себе, – не слишком массивный, стройный и мускулистый. Шерсть его отливала золотом, словно сохранив на себе солнечный свет, отраженный от белого грунта котловины. Позади него на песке лежал второй самец, а вскоре и третий показался из густого кустарника справа. У всех трех были короткие, как будто коротко постриженные светлые гривы цвета песка пустыни, и

мне подумалось, что эти самцы – родные либо двоюродные братья.



У львов молодой самец часто оказывается связанным неразрывными узами с другим самцом из того же выводка либо из другого, относящегося к тому же прайду. Такие связи обычно могут быть разрушены лишь смертью одного из друзей. Юные звери растут вместе и совместно учатся искусству быть настоящим взрослым львом; В возрасте около трех с половиной лет их обычно изгоняют из прайда, подчас весьма свирепо, ибо взрослые самцы уже давно ощущают, что подрастающая молодежь может со временем поставить под угрозу их привилегированное положение в прайде.

Будучи изгнаны отсюда, молодые самцы, с детства связанные узами товарищества, становятся бродягами и ведут трудную борьбу за существование, не получая тех выгод, которые дает львам жизнь в сплоченной группе на принадлежащей ей территории. Странники время от времени вторгаются во владения других прайдов, где хозяева нападают на них и могут даже убить пришельцев. Бездомные львы сами добывают себе пропитание, не пользуясь услугами львиц, добычей

которых они могли бы поживиться, оставаясь членами прайда. В конце концов, закаленный трудностями, такой лев-бродяга превращается в некоронованного пока еще короля некоего будущего прайда. Наступит время, и связанные узами братства странники, почувствовав неустойчивость местных владык, станут все настойчивее внедряться в свято охраняемую ими территорию. Столкновение следует за столкновением, и вот наступает момент, когда закаленные битвами пришельцы вытеснят-таки прежних властелинов и займут их место, став наконец хозяевами собственного прайда. Встреченная троица уже, казалось мне, добилась своего. Они выглядели как лидеры прайда, судя по их настойчивому желанию громогласно заявить о себе и по той самоуверенности, с которой они метили мочой кусты. И рыканье львов, и оставляемые ими пахучие метки адресовались всем прочим львам-самцам и должны были известить, что место уже занято.

Нередко первыми проявлениями в поведении новых хозяев прайда, принимающих шефство над группой тамошних львиц, оказываются акты инстинктивной жестокости. Самцы-новички зачастую убивают всех присутствующих здесь львят. Такого рода инфантицид – обычное явление в сообществе львов, и хотя, с человеческой точки зрения, он отвратителен, речь здесь идет о наилучшем выживании вида. Уничтожая львят, самцы-завоеватели устраняют все гены их отцов, а львицы, которым теперь уже не о ком заботиться, через пятьдесят дней приходят в состояние течки. По запаху мочи самок новые самцы узнают, что произошло, и спариваются с львицами, закладывая начало новому поколению, которое, как полагают, будет более совершенным генетически и внесет свой вклад в непрерывное совершенствование вида.

Три самца, которых я встретил у родника, выполняли роль, предназначенную хозяевам прайда.

Они не потерпели бы здесь других самцов и вступили бы с ними в жестокую схватку, чтобы защитить свою территорию. Каждый из моих новых знакомых приближался к вершине своей жизни. Лев-самец ведет трудное существование, так что редко кто из этих зверей живет дольше восьми лет. Всего лишь через несколько коротких лет эти три юных принца окажутся лицом к лицу с более молодыми и более сильными противниками и, если не падут смертью храбрых в битве с ними, будут вынуждены вернуться к бродячей жизни юных лет, существуя на границе территории своих победителей. Такой бесславный конец – нелегкое испытание для зверя, некогда бывшего владыкой сильного и сплоченного прайда.

Таковыми предстали передо мной эти три молодых льва: постоянная смена жизненных успехов и трагедий, диктуемых природой и гарантирующих конечный успех львов как биологического вида.

Ранним утром в буше Этоша всегда удавалось увидеть много интересного и впечатляющего. Обычно мы покидали лагерь на рассвете и двигались в восточном направлении, в сторону равнин. Как-то в самом начале дня, когда солнце еще едва пробивалось сквозь пелену облаков, мы увидели одинокую львицу, возлежащую на берегу родника. Она напоминала статуэтку, вырезанную из золота, и прошло несколько долгих минут, прежде чем великолепный зверь зашевелился. Львица медленно потянулась всем своим изящным телом, широко зевнула и направилась прочь через равнину. Она прошла не более двадцати метров, когда донесшееся издалека громкое львиное ворчание нарушило окружающую тишину. Львица мгновенно остановилась. Призыв исходил, вероятно, от другой львицы, находившейся в направлении, прямо противоположном тому, куда собиралась идти первая. Вновь прозвучало низкое ворчание; находившаяся

перед нами львица развернулась и решительно пошла в ту сторону, откуда доносились звуки.

Знатоки природы многие годы спорили о том, могут ли львы узнавать друг друга персонально по голосу, но для меня это вопрос праздный. Уж если я сам без труда различал голоса львов, находившихся под моим наблюдением, уж они-то сами как-нибудь смогут опознать друг друга по характерным звукам. Поведение львицы в это раннее утро вновь подтвердило мою мысль, что львы постоянно пользуются звуковой связью, которая помогает им гораздо чаще, чем думали ранее. Эта львица среагировала на призыв члена своего прайда – иначе зачем ей было останавливаться, прислушиваться и идти в направлении звуков. Если бы голос принадлежал чужаку, львица проявила бы осторожность и скорее всего продолжала бы свой первоначальный путь.

В это же утро, распрощавшись со львицей, мы повстречали типичнейшего обитателя сухих районов вроде Этоша – большеухую лисицу. Перед нами было целое семейство из пяти особей – двух взрослых и трех первогодков, суетливо разыскивающих насекомых. Эти некрупные, слегка сутулые существа с непомерно большими ушами – наверно, самые милые создания среди африканских млекопитающих. Это зверьки с длинным серым мехом и остроконечной мордочкой, украшенной блестящими черными глазами и увенчанной огромными, как раструбы, ушами. Большеухие лисицы – животные преимущественно насекомоядные, и их великолепный слух помогает зверькам определять местонахождение насекомых и их личинок глубоко в почве. Насторожив свои уши-воронки по направлению к земле, миниатюрные лисички точно опознают положение своей жертвы, после чего безошибочно выкапывают ее из почвы лапами.

Оставив эти очаровательные создания, мы вскоре лицом к лицу столкнулись с одним из трагических событий, ежедневно случающихся в девственном буше. Не более чем в двадцати метрах от дороги на песке лежала погибшая зебра, а в нескольких шагах от нее мы увидели жеребенка, которому едва исполнилось три месяца. Вскоре появились два шакала и начали подозрительно обнюхивать все вокруг. Их осторожность казалась вполне оправданной, ибо этим нахлебникам редко удается найти подобный подарок, на который не предъявляет прав никто из крупных хищников. Тем временем жеребенок нерешительно пытался приблизиться к суетливым шакалам, словно хотел отогнать их подальше от тела матери. Пасшееся поодаль стадо зебр оставалось безучастным к происходящему. Лишь время от времени та или другая из них поднимала голову и всматривалась в бескрайнюю даль котловины.

Трудно было понять, почему погибла мать жеребенка. Она определенно не была убита крупным хищником, так что причиной смерти могли стать бациллы сибирской язвы. Однако я не исключал возможности, что зебру укусила змея. Уже были известны случаи гибели травоядных, в том числе и крупного рогатого скота, от смертельного укуса толстенной африканской гадюки, не замеченной пасущимся животным в густой траве. Именно это казалось наиболее вероятной причиной смерти зебры.



Мы поехали дальше, намереваясь возвратиться на место событий на обратном пути. Мы хорошо знали, что суесящиеся шакалы привлекут к трупам внимание грифов, которые начнут слетаться сюда, оставив восходящие потоки горячего воздуха, что удерживают этих птиц высоко в небесах. Возможно, обнаружат тушу также гиены и львы. И в самом деле, вернувшись через три часа, когда солнце стояло, уже в зените, мы нашли здесь множество грифов, окружавших мертвую зебру сплошным плотным кольцом. Из неопрятного грязно-бурого оперения вездесущих любителей падали выступали розоватые оголенные шеи. Еще несколько этих птиц кружились неподалеку и тяжело опускались на землю у места пиршества. Пока шакалы выедали глаза зебры, белоспинные грифы принялись за мягкие ткани жертвы поближе к ее хвосту.

Все это время жеребенок оставался тут же, иногда подходя ближе и тем самым беспокоя грифов. Затем он с безнадежным видом поплелся прочь, туда, где паслись другие зебры. По-моему, мы недооцениваем силу чувств и эмоций диких животных, когда наблюдаем за их поведением бесстрастными глазами ученого. Я подумал об этом, видя, насколько подавлен жеребенок смертью матери. Особенно трогательными казались его старания оттеснить жадных нахлебников от трупа павшей зебры.

Я и до этого был как-то раз свидетелем эмоционального поведения зебр в отношении погибших особей своего вида. Однажды, разыскивая интересующий меня прайд в заповеднике Северного Тули, мы с моим проводником, сами того не желая, спугнули группу из шестнадцати львов, поедавших добычу. По виду жертвы было ясно, что хищники убили ее всего за несколько минут до нашего появления, а увидев нас, сразу скрылись в окрестных зарослях. На этот раз добычей львов стала взрослая зебра – одно из

многих ослабевших животных, медленно погибавших от страшной засухи 1982 года.

Невольно спугнув зверей, мы решили спрятаться неподалеку и, если нам повезет, дожждаться их возвращения. Мы просидели в густом кустарнике, стараясь не выдавать своего присутствия, около полутора часов, и были сильно удивлены, увидев, что к трупу пришли не львы, а небольшая группа истощенных зебр. Животные двигались с видимым трудом, их гривы безжизненно свисали набок. Одна из кобыл потерлась носом о морду мертвой зебры, а затем несколько раз попыталась подцепить и приподнять ее голову, которая вновь и вновь с безжизненным стуком падала на землю. Вскоре зебры сгрудились в компактный табун и покинули место событий, направившись в сторону высохшего речного русла.



Нечто подобное мне приходилось видеть и у слонов – вплоть до того, что самец пытался спариваться с мертвой слонихой, словно пытаясь оттеснить смерть символическим актом деторождения. Однако мне никогда не приходилось слышать о том, что и зебры способны к проявлению эмоций – подобных тем, что я наблюдал у них в той долине реки в Ботсване. Оказавшись свидетелем настойчивости жеребенка, не уходившего от трупа матери в Этоша, я еще раз убедился в том, что бессловесные животные могут испытывать гораздо более сильные чувства, чем те, что мы склонны допускать у них. Около двух часов дня, когда солнце безжалостно палило с небосвода, я еще раз вернулся к останкам зебры и нашел здесь более шестидесяти грифов. Среди них выделялся малиновой кожей головы и шеи мощный африканский ушастый

гриф, который всякий раз угрожающе выставял когтистую лапу, когда кто-либо из пернатых конкурентов пытался приблизиться к нему. Огромная птица терзала голову зебры массивным крючковатым клювом.

Уже более девяти часов жеребенок оставался около останков матери, видя, как падальщики истязают и рвут на части ее тело. Он ни разу не отошел от места расправы далее, чем на сорок шагов. Временами он ненадолго останавливался, изнуренный зноем, а затем вновь принимался бегать вокруг стаи шумно пирующих птиц, лишь изредка пытаясь подойти к ним поближе.

Насколько же сильны должны быть связи между матерью и ее отпрыском! Защитница и кормилица жеребенка была мертва, но он продолжал цепляться за последнюю надежду, не понимая до конца безнадежности своей потери и не зная, что делать дальше. Он слонялся вокруг, ожидая, видимо, что мать встанет и поведет его, как обычно, за собой. Часами наблюдать за такой сценой – тяжелое испытание для натуралиста, но такова жестокая действительность в жизни неумирающей природы.

Наступила ночь, а жеребенок все не уходил от погибшей матери, хотя оставаться здесь стало уже опасным. С наступлением темноты у богатого источника корма собралось множество шакалов. Соблазненные изобилием еды, они забыли на время о границах своих территорий и стекались сюда со всей округи, ссорясь и огрызаясь друг на друга у трупа зебры. А жеребенок все стоял среди грызущихся плотоядных и лишь изредка опускал голову, обнюхивая останки матери.

Хриплый хохот гиены – самый верный провозвестник смерти на африканских равнинах, но из всех животных наиболее восприимчивы к нему львы. Итак, шакалы своей возней привлекли на место пиршества гиен, а вслед за теми и три льва, которых я повстречал два дня

назад, почувствовали возможность поживиться даровым мясом. В предвкушении трапезы они направились в направлении шакальего лая, где жеребенок пытался отбиваться маленькими копытцами от назойливых нахлебников, мохнатыми тенями сновавших вокруг него. Когда последние отблески дня окончательно поглотил мрак африканской ночи, львы поспешно пересекли островок кустарников, где до этого пережидали дневной зной, и в спустившейся прохладе проследовали к останкам зебры.

Тогда-то жеребенок, уже освоившийся с присутствием грызущихся шакалов, почувствовал приближение львов и стал беспокойно переступать с ноги на ногу. Когда же звери выступили из темноты, он в страхе подался назад, отскочив примерно на метр в сторону. Львы бесцеремонно приблизились к туше, заставив шакалов отступить в полном беспорядке. Они рассыпались кто куда, и жеребенок отбежал чуть поодаль вместе с ними. Однако, словно не ведая страха перед царем зверей, он не мог заставить себя уйти совсем и трижды даже пытался подойти поближе к пирующим хищникам. Те заметили, наконец, необъяснимое присутствие жеребенка, и один из львов сделал угрожающий бросок в его сторону, прежде чем вновь приняться за еду. И лишь теперь детеныш окончательно решил оставить погибшую мать.

К утру на месте трагедии можно было видеть лишь большое пятно засохшей крови да остатки грудной клетки зебры, которую глодала одинокая гиена. На протяжении нескольких последующих дней мы не теряли надежды увидеть жеребенка, но так и не встретили его. Скорее всего, он вернулся в стадо, но удалось ли ему приблизиться к какой-нибудь самке, которая стала бы кормить его молоком? Увиденное нами было лучшей демонстрацией прочности связей между матерью и детенышем: их трудно было

разрушить десяткам грифов, орде шакалов и даже свирепым львам.

Здесь больше нечего было делать, и мы поехали к ближайшему водному источнику. Там каждое утро попадался на глаза щенок шакалов. Обычно выводок у этих зверей состоит из четырех-пяти детенышей, изредка – девяти, так что было неясно, то ли перед нами единственный детеныш, родившийся в семье, то ли все прочие пали жертвой хищников. Так или иначе, этот щенок неизменно оставался в одиночестве и был известен уже всем туристам в округе. Всегда было приятно видеть, как юный зверек резвился в траве, покрывавшей каменистую площадку близ источника.

В это утро, однако, дело обстояло по-иному, и мне посчастливилось стать свидетелем последнего звена в цепи события, началом которых послужила смерть зебры. К детенышу-шакалу наконец возвратились его родители в сопровождении еще одного полувзрослого зверя. Шакалы-старики пришли, видимо, с ночного пира и накормили детеныша мясом, которое отрыгнули перед ним на землю. Потом щенок и полувзрослый шакал принялись гоняться друг за другом, а родители, утратив свою обычную степенность, шумно возились друг с другом, беззаботно наслаждаясь сытостью после обильного ужина. В жизни африканской природы смерть есть, по существу, обратная сторона жизни, ибо не будь первой, не было бы и второй. Во всяком случае, не погибни зебра, жизненная энергия не светила бы столь радостно в блестящих глазах щенка шакалов, скачущего сейчас среди желтой травы.

По всем признакам, что были у меня перед глазами, становилась очевидной странная разреженность популяции львов в Намутони. Отдельные их небольшие группы держались особняком друг от друга. Однажды я наткнулся на равнине на взрослую самку в расцвете сил, которую сопровождал полувзрослый самец

примерно полуторалетного возраста. В тот же день мне сообщили, что видели одиночного молодого самца в урочище Чудоп. Я слышал также о каких-то львах, встреченных далее к северу. Все эти звери обитали в пределах территории площадью около ста пятидесяти квадратных километров, но ни разу никому не удалось увидеть весь прайд целиком. На основе всего, что стало мне известно, я пытался понять причину такой обособленности зверей и того антисоциального поведения, которое прямо-таки бросалось в глаза. По собственному опыту я знал, что разделение прайда на мелкие группы зачастую бывает вызвано скудостью крупной дичи в данной местности, что сплошь и рядом случается в определенные сезоны года в разных районах Африки. Если сравнительно большой прайд раз за разом вынужден довольствоваться жертвами не слишком крупных размеров – такими, как импала либо спрингбок, в дело вступают природные антисоциальные мотивы, и прайд расщепляется. В конечном итоге это выгодно для прайда как целого, и даже разбившись на группы, его члены остаются на родной территории, а позже вновь объединяются, когда условия жизни становятся более благоприятными. Однако эта моя теория, как оказалось, лишь частично объясняла происходящее в Намутони. Более важной причиной в данном случае оказалась, как можно было предположить с самого начала, деятельность человека. Дальнейшее подтверждение этому я получил после обстоятельной беседы с одним из местных объездчиков. Он прекрасно знал обстановку в восточном секторе Этоша и рассказал нам о проблемах и конфликтах, нарушающих нормальное течение жизни в подведомственных ему участках парка. Здесь-то и коренилось потерянное звено в моих рассуждениях об антисоциальности львов Этоша.

Менее чем за год до нашего приезда здесь существовал стабильный прайд, хорошо известный всем в окрестностях Намутони. В его составе было девять львов, из которых один взрослый самец выступал в роли патриарха. За свою жизнь этот зверь пережил немало, но один из неприятнейших инцидентов закончился тем, что убежавшая от него зебра рассекла ему копытом морду. «Лицо» патриарха осталось изуродованным, но сил от этого у него не убавилось. С тех пор он получил у объездчиков прозвище «Губастый».

Прайд Намутони посещали и фотографировали сотни приезжих со всего света. Губастый и его подопечные стали любимцами туристов, а объездчики рассматривали этих зверей как особую достопримечательность Намутони.

Однако по прошествии нескольких месяцев до главного объездчика дошли слухи, что на фермерских землях убит какой-то лев. Как только этот работник охраны точно выяснил, что произошло, по виду просушиваемой шкуры он сразу же с негодованием понял, что фермеры убили старика Губастого. С гибелью своего лидера прайд, вскоре утратил единство и распался на отдельные группы, чему, вероятно, способствовал и тогдашний дефицит корма. На территорию прайда стали заходить посторонние бродячие самцы, травмировавшие львиц с детенышами. И хотя члены некогда единого прайда еще придерживались границ его территории, они разбрелись по разным ее участкам и вели себя наподобие неуверенных в себе бродяг. Все это стало следствием того, что где-то кто-то необдуманно нажал на курок винтовки.



Зловещий лик постоянной угрозы львам со стороны фермеров, обосновавшихся у границ охраняемых островков дикой природы, вновь стал реальностью. Как я уже упоминал ранее, многие другие львы, рискнувшие, подобно Губастому, выйти за ограждение Этоша, были уничтожены фермерами, оставив после себя осиротевшие прайды с противоестественно измененной структурой. Так непродуманность планов охраны природы вкупе с неблагоприятными событиями естественного порядка приводит к нарушению экологического равновесия в резерватах.

Когда мой собеседник показал мне карту фермерских хозяйств, граничащих с южным сектором Этоша, я был попросту шокирован увиденным. Границы хозяйств шли в разных направлениях подобно ходам какого-то кошмарного лабиринта, устремляясь со всех сторон к национальному парку, словно стрелы пигмеев, атакующих могучего Гулливера. Большинство владельцев этих ферм настроены весьма решительно. Каждый лев, осмелившийся выйти за черту национального парка, будет застрелен либо отравлен. Здесь широко распространена ненаказуемая, по всей видимости, практика использования стрихнина, и

употребляют его фермеры в прямо-таки угрожающих количествах. Фермеры Намибии ежегодно получают столько стрихнина, что он смог бы за один раз уничтожить в пять раз больше людей, чем все нынешнее население этой страны. Теперь вы можете представить себе, сколько же яда употребляется местными жителями, воюющими с дикой природой. Если, к примеру, лев задрал корову, ее на шпагуют стрихнином в надежде на то, что зверь вернется к своей добыче и будет убит ядом. Однако первыми здесь появляются шакалы, гибнущие затем в страшной агонии. С наступлением темноты к туше приходят львы, и поутру их находят лежащими неподалеку и уже окоченевшими. Но и на этом смертоубийство не заканчивается. Когда фермеры увозят с собой трупы львов, они зачастую оставляют гниющие останки коровы. Сюда позже слетятся грифы, а вместе с ними и другие пернатые любители падали – мастер воздушных пируэтов орел-скоморох, степные орлы и желтоклювые коршуны. Отведав отравленного мяса, все они обречены на гибель: кто-то рухнет на землю с ветви дерева, другой почувствует себя плохо в воздухе и без сил опустится на равнину, где под палящими лучами солнца примет медленную смерть от беспощадного действия стрихнина.

Цепь смертей продолжается, множа число несчастных зверей, полакомившихся, на свое несчастье, трупом коровы. И тот самый яд, что служит причиной огромного и неконтролируемого числа смертей, продается повсюду совершенно свободно. Можно ли придумать лучшую иллюстрацию безответственности современного человека?

Был здесь и такой случай. Группа фермеров на первых порах проявила понимание ситуации, сообщив работникам Этоша, что неосторожный лев забрел в их владения. Но не успели объездчики собраться, чтобы

подъехать к месту событий, как фермеры приняли «для смелости» изрядную долю алкоголя и, войдя в раж, сами отправились в ночь на поиски льва. Они расстреляли зверя из окон автомобиля и бросили его труп, буквально изрешеченный. Это было все, что увидели объездчики, прибывшие по вызову. Еще один лев, находившийся на их попечении, был зверски убит неуправляемыми людьми с отравленными алкоголем мозгами.

По нынешним законам Намибии, лев меняет своего «собственника» в тот самый момент, когда он пересекает границу резервата и оказывается на территории фермерского хозяйства. Иными словами, зверь становится теперь собственностью хозяина участка, который обычно стремится лишь к одному – лишить незваного гостя жизни.

Видимо, единственное средство против бессмысленного отстрела львов, равно как и страшных последствий травли их ядом – это обнесение резерватов проволокой под напряжением, на что, как обычно, в большинстве случаев нет денег. Так или иначе, эта мера хорошо оправдала себя в некоторых заповедниках, но, очевидно, грозящая парку трагическая потеря одной из его главных достопримечательностей – львов, не слишком волнует тех, от кого зависит дееспособность Управления охраны природы в Намибии.

Возникающие трудности могут быть хотя бы отчасти разрешены, если будет издан закон, заставляющий фермеров доказать, что львы и в самом деле уничтожают скот. Если это будет подтверждено, лицам, ответственным за охрану среды, придется устранить зверя гуманными способами. Тогда будет положен конец варварскому уничтожению живого, практикуемому сегодня. Кроме того, лев, даже убитый, должен оставаться собственностью резервата – его

останки служат источником важной научной информации, которая в дальнейшем может быть использована во благо будущих поколений львов.

Коль скоро Этоша окружен густонаселенными фермерскими землями, актуальность и необходимость такого рода законов не вызывают сомнений. Я чувствовал, что даже в одиночку смог бы организовать компанию по сбору средств для возведения электрифицированной изгороди – а ведь я не единственный, кто проникся бы этой идеей. Ясно, что и сам административный отдел правительства Намибии мог бы положить начало подобной кампании и собрал бы при этом вполне приличную сумму. Можно только удивляться и переживать, почему план обнесения Этоша оградой под током не был осуществлен прежде.

В Этоша существует множество сложных проблем – например, стихийное распространение сибирской язвы.

Нерегулярность дождей в последние годы также создает свои трудности, с которыми почти невозможно бороться. Однако та единственная проблема, из которой виден простой выход, остается тем не менее нерешенной, и львов продолжают расстреливать из винтовок и почем зря травить проклятым стрихнином.

И, наконец, страшную опасность для Этоша представляет быстро нарастающая волна браконьерства, нацеленного, кстати сказать, на самые ценные виды – черного носорога и льва. О браконьерах и их разрушительной деятельности здесь рассказывают легенды. Люди эти неразборчивы в средствах, а их операции планируются и осуществляются целыми организациями. Один человек сказал мне, что бороться с браконьерами – это все равно, как если бы вы задумали противостоять небольшой армии. С моей точки зрения, успех здесь может быть достигнут лишь в том случае, если Управление по охране природы возьмет на вооружение стратегию и тактику военных.

Сами браконьеры вооружены полуавтоматическим оружием и передвигаются по хитро продуманным маршрутам сплоченными отрядами. Более того, следом идут несколько человек, которые умело устраняют все следы пребывания браконьеров.

Львов по ночам выманивают с территории парка записями голосов на кормежке, транслируемых через мощные громкоговорители. Более того, проделывают бреши в ограде, облегчая тем самым доступ львам на фермерские земли. Для этого иногда мимо бреши протаскивают на буксире тушу мертвого животного, оставляющую, за собой пахучий след. Затем, ночью, львов отстреливают в свете сильного фонаря.

Одна из историй, которую мне рассказали, касалась львов, помеченных во время осуществления проекта профессора Хью Берри. Чтобы зверей можно было узнавать персонально, их пометили тавром, в надежде, что охотники станут избегать отстрела клейменных зверей. И в самом деле, кто купит шкуру льва с хорошо видным выжженным на ней знаком?

Вопреки этим ожиданиям браконьеры ухитрились придумать способ, которым можно было обойти возникшие перед ними трудности. Они стреляли львов, не обращая внимания на то, клейменные они или нет. Если зверь имел тавро, этот кусок шкуры они вырезали и заменяли другим. Все это проделывалось с таким искусством, что подделку удавалось заметить, лишь вывернув шкуру наизнанку и тщательно разглядывая ее. Если продавца спрашивали по поводу круглой заплатки, он, не задумываясь, отвечал, что здесь было выходное отверстие пули и что пришлось отреставрировать поврежденный участок шкуры.



Здесь процветала также незаконная охота на черных носорогов, поскольку рог этого животного продолжал пользоваться повышенным спросом. Рассказывали, что у одного из местных землевладельцев за один раз нашли пятнадцать рогов. Все это особенно прискорбно, ибо в Этоша сейчас обитает одна из последних устойчивых популяций этих животных в Африке.

Я уверен, что проблему браконьерства в Этоша и в других районах Африки удастся решить лишь в том случае, если натренированные патрульные отряды будут при встрече с браконьерами применять тактику «стреляю без предупреждения». Это уже осуществляется в бассейне Замбези в Зимбабве и в национальном парке Крюгера, и тот же порядок собираются ввести в Ботсване. Использование в качестве членов патрульных нарядов людей, прошедших военную подготовку и умеющих хорошо стрелять, – вот единственный способ искоренить браконьерство. Разумеется, печально сознавать, что требуются столь жесткие меры, но сегодня идет война, в полном смысле этого слова, в которой мы должны защитить братьев наших меньших. И воевать при этом люди вынуждены друг с другом.

С этими невеселыми мыслями мы покидали Этоша после двухнедельного пребывания здесь и с надеждой, что когда-нибудь нам посчастливится вернуться сюда снова.

Теперь нам предстояло проехать шестьсот двадцать пять километров в западном направлении, туда, где на берегу Атлантического океана покоятся останки потерпевших крушение судов. Это место известно под названием берег Скелетов. Во мне же название местности вызывало представление о разбросанных повсюду костях львов, которые давно уже исчезли из этого района. Наш путь туда лежал через изолированные от мира городки Оучо и Хориксас. Именно на этом отрезке маршрута я повстречал семью, которая относится, как я полагаю, к обширной группе «мыслящих» людей в современной Южной Африке. Они имеют собственную точку зрения на многие вещи, в том числе и на значение дикой природы в нашей жизни, и я собираюсь рассказать об этой встрече, поскольку она существенно повлияла на мои размышления об Этоша. Для каждого человека в слове «Африка» содержится свой особый смысл. Даже точки зрения, касающиеся одного и того же предмета, различаются необыкновенно широко. Именно эти различия во взглядах и в той настойчивости, с которой они проводятся – в разговоре, в действиях, даже во время войны, – и определяют многое из того, что происходит сейчас в Африке. Человек, о котором я собираюсь рассказать, родился и вырос в стране, принадлежащей сегодня к так называемой «независимой черной Африке». Люди этого сорта с видом превосходства сообщат вам, что они знают африканцев и относятся к ним жестоко, но справедливо. Война и политики заставили многих из этих людей с неохотой покинуть места своего рождения, во многом из-за постоянно растущего неприятия «черных», и переселиться в

последнюю «родину белых», сохранившуюся в Африке, – в ЮАР.

Билл – так звали человека, о котором идет речь, – оказался типичным представителем обрисованной категории людей, но при этом он по-настоящему любил африканскую природу и пользовался каждым случаем оказаться наедине с ней. Билл почти удалился от дел – но не в том смысле, в котором это выражение применяется к чиновникам из категории «белых воротничков». Он занимался охотой в Восточной Африке, фермерством в Малави, воевал наемником во время кризиса в Конго и вернулся к себе домой, в Родезию, сражаться за нее против черных, вместе с которыми он вырос. Он считал себя африканцем как раз в такой степени, в какой им может быть белый человек.

Жизнь в постоянной борьбе сделала Билла человеком, считающим, что его позиция – это трезвое и практическое отношение ко всему происходящему. Когда я рассказал ему о моей работе в заповеднике Северного Тули и о проблемах в деле охраны природы, его ответ был краток: «Отбраковывайте их». Он имел в виду браконьеров. «Ловите их и дайте самой Африке наказывать их за ошибки». Он продолжал: «Поймайте черного, делающего что-либо не так, и он скажет вам: „ошибка“. Стало быть, предоставьте Африке иметь дело с ошибками. Поймайте его и позвольте физи (гиене) и шакалам разнести ошибки по всей Африке в такой форме, которую не сможет распознать даже самый выдающийся патологоанатом».

Все это прозвучало прагматично, но могло быть применено не только к браконьерам. Билл не знал только одного: в стране, откуда он уехал, закон сегодня решил безнадежную, казалось бы, проблему незаконного уничтожения черных носорогов, разрешив стрелять в браконьеров без предупреждения согласно декрету самого президента, Роберта Мугабе.

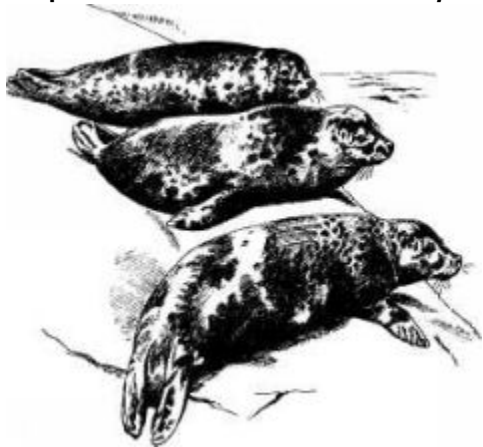
Вообще говоря, Билла следовало бы назвать убежденным проповедником расизма, но подобные ему люди оказывают определенное влияние на события, происходящие на континенте. Как мы видели повсюду, где проезжали, природа находится сегодня в состоянии кризиса. Если люди не в состоянии избежать конфликтов в своей собственной среде, как можем мы надеяться вывести дикую природу из-под пресса, давление которого есть результат нашей собственной деятельности? Не хочется верить в это, но трудно удержаться от мысли, что Африка медленно умирает под тяжестью многих трудно совместимых друг с другом причин. Среди них не последнее место занимает первоначальная позиция, занятая в отношении Африки белым человеком. Он разделил континент множеством пересекающих ее во всех направлениях границ, ранее отделявших одну колонию от другой. Создается впечатление, что и сегодня эти искусственные границы не дают расправить крылья современной Африке.

Эти печальные размышления о будущем Африки словно эхом откликнулись на узкой полосе побережья, куда мы держали свой путь. Мы ехали через бесплодные земли. Эта безмолвная, нетронутая страна песчаных пустынь и мрачных скал известна как Дамараленд. По другую сторону пустыни лежит узкая прибрежная полоса, не имеющая аналогов в других районах Африки. Здесь проходит холодное океаническое течение и произрастают уникальные растения. Некогда в этих местах жили львы – единственная в Африке прибрежная популяция этих хищников.

Так называемый Парк берега Скелетов был заложен не по эстетическим либо биологическим соображениям. Просто здесь лежала пустая, никому не нужная земля. Парк создали по политическим и экономическим причинам, и экологи не принимали в этом участия.

Впрочем, эти засушливые территории дают приют многим уникальным биологическим видам, среди которых в первую очередь следует назвать растение *Вельвичия необыкновенная*. Это единственный вид в роде вельвичия и семействе вельвичиевых, стоящем особняком от большинства известных растений. Это карликовое дерево сформировалось под влиянием сурового климата пустыни и устроено таким образом, что большая часть его массы покоится под землей.

Когда мы остановили машину, чтобы как следует рассмотреть вельвичию, я понял, что поверить в существование такого растения можно, лишь увидев его собственными глазами. За всю свою жизнь оно дает всего два листа. Они длинные, плоские, извилистой формы и достигают порой длины полутора метров [Очень редко встречаются гигантские экземпляры с максимальной длиной листа 8,8 м. У растения с листьями длиной 6,5 м ширина каждого составляет 1,8 м, а полезная, питающая растение поверхность одного листа была равна 21 кв. м. – *примеч. пер.*].



Растение выглядит ссохшимся и умирающим, но жизнь не останавливается в его уплощенном основании, уходящем глубоко в землю. Эти разбросанные там и тут, кажущиеся поврежденными растения относятся к числу самых замечательных долгожителей. В среднем возраст вельвичий составляет пятьсот – шестьсот лет,

но самые крупные экземпляры существуют уже не менее двух с половиной тысяч лет. Стоя около одного такого растения, я подумал, что оно представляет собой необыкновенное проявление жизни, плохо укладывающееся в сознание человека. И в самом деле, такое вот «Деревцо», возможно, плодоносило в год рождения Иисуса Христа.

Уникальная экосистема этой прибрежной полосы сформировалась под совместным воздействием двух противоположных начал – сухой пустыни Намиб и Атлантического океана. Однако необыкновенная природа местности много претерпела от недальновидной, разрушительной деятельности людей, для которых на первом месте стоят удовольствие и выгода. Я имею в виду рыболовов-спортсменов, а также тех, кто ищет обогащения, организуя рыболовный туризм, создание причалов и гаваней для рыболовецких судов и другие виды промысла. Места, которые мы проезжали, своим необычным видом произвели ошеломляющее впечатление на нас обоих. Экосистема находится под влиянием трех определяющих факторов – подъема глубинных вод на поверхность океана, морских течений и туманов. Действуя совместно, они создают почву для развития поистине замечательного разнообразия жизненных форм. Берег омывается холодным Бенгальским течением, которое берет свое начало в Антарктике и, устремляясь на север, приносит ее ледяные воды в субтропики Западной Африки. Эти воды богаты микроорганизмами, создающими изобилие корма для рыб, а те в свою очередь на протяжении веков служили пищей для процветающей популяции тюленей, дельфинов и морских птиц, численность которых превосходила все известное в других районах Африки.

Тысячелетиями эти животворные воды предоставляли обильное и устойчивое пропитание для

плотоядных животных. Это продолжалось до недавнего времени, но около тридцати лет тому назад обстановка резко изменилась. Сюда вторглись люди, гордящиеся своей мудростью, но не осознавшие вовремя, насколько уязвимы для постороннего вмешательства земли, омываемые студеными синими водами Атлантического океана. Уже в пятидесятые годы здесь началась хищническая добыча рыбы, продолжающаяся и по сию пору. Очень быстро представлявшие неисчерпаемыми рыбные запасы оказались сильно подорванными, а вслед за этим стала уменьшаться численность рыбоядных птиц, так что некоторые их виды потеряли свыше шестидесяти процентов способных к размножению особей. Из-за деятельности неразборчивых рыболовов очковому пингвину и капской олуше грозит полное вымирание в последующие десять лет.

Эти угрожающие изменения – не единственные в экосистеме, которая медленно и неуклонно разрушается, хотя и кажется вечной из-за того, что здесь вроде бы и есть-то лишь морская вода, песок и скалы. Однако за видимой устойчивостью этих трех могучих слагаемых ландшафта таится скрытая угроза всем его обитателям. Узкая полоса побережья служит прибежищем птицам, не встречающимся фактически больше нигде в мире – китовым крачкам, девяносто процентов популяции которых гнездятся именно здесь. Избегая хищных млекопитающих, таких, как гиены и шакалы, что бродят вдоль прибойной полосы в поисках пропитания, китовые крачки приспособились гнездиться глубже в материковых районах, на расстоянии не менее двух километров от берега. Как раз эти самые места в последние годы привлекают все большее количество любителей-рыболовов. Они стекаются сюда со всей Южной Африки, привлеченные обилием рыбы в прибрежном холодном течении, и

наносят страшный урон девственным ландшафтам, разъезжая туда и сюда на высокопроходимых автомобилях с двумя ведущими мостами. Из-за постоянного беспокойства со стороны туристов китовые крачки уже перестали гнездиться на этом берегу, и им также грозит вымирание. Эти птицы могут полностью исчезнуть с лица земли в ближайшие двадцать лет.

Я был ошеломлен и подавлен, узнав обо всем этом. Я упрекал себя в том, что не был знаком с ситуацией ранее. И в самом деле, будучи специалистом по охране природы, я обязан был знать о том, что происходит здесь, в юго-западной Африке. Но мне стало ясно и другое: если уж мне известно так немного о проблемах, существующих в этой части континента, что может знать широкая публика? И снова мое желание привлечь внимание общественности к плачевному состоянию окружающей среды начало крепнуть. Я понял, что просто обязан предупредить людей об опасности, нависшей над природой.

Истинным источником жизни в этой местности оказываются туманы, возникающие в результате того, что теплый воздух с материка приходит в соприкосновение с холодными водами Бенгальского течения. Возникающая при этом повышенная влажность позволяет существовать здесь многим организмам, которых нет нигде больше. Это относится ко многим видам лишайников, разнообразие которых поразительно. Эти «растения», в действительности представляющие собой тесное содружество гриба и водоросли, разноцветными коврами покрывают скалы и каменистые участки равнины. Необыкновенно яркие зеленые «лужайки» видны повсюду в ранние утренние часы, но они быстро исчезают после восхода солнца. Дело в том, что за ночь грибная «часть» лишайника адсорбирует влагу тумана, а на рассвете водоросль использует эту воду для выработки энергии под

действием света. Увы, и лишайники терпят бедствие от гроыхающих машин, разъезжающих туда и сюда вдоль побережья. За рулем сидят люди, способные думать лишь о том, чем бы поживиться у моря, слепо уничтожая при этом бесценные творения органической жизни.

Мы недолго пробыли в этой суровой стране, но узнали очень многое. Нам поведали также подробную историю исчезновения прибрежных львов – животных, особый интерес к которым и привел нас в эти заброшенные места. А теперь я расскажу о том, что случилось с местными львами.

Тысячелетиями группы пустынных львов совершали сезонные переходы между суровыми, почти безводными внутренними районами материка, известными ныне как Каоковельд и Дамараленд, и пляжами берега Скелетов, бомбардируемые могучими, белогривыми океанскими волнами. В долгий сухой сезон они используют немногочисленные родники по древним речным руслам, идущим под уклон в сторону океана. Сюда же приходят утолить жажду спрингбоки, ориксы, жирафы и другие травоядные, служащие в это время пропитанием для местной популяции львов, чьи сезонные миграции определяются изменениями климата на протяжении года.

Но после кратковременных дождей стада антилоп рассредоточиваются по обширным пространствам внутренних районов материка. Тогда расщепляются и прайды львов, которым теперь уже не удастся прокормиться травоядными, ранее концентрировавшимися около водных источников. Время от времени некоторые львы появлялись на побережье, охотясь на одиночных спрингбоков, но использовали также из-за бескормицы непривычный для них корм: выброшенных волнами на берег китов, тюленей и других морских животных. С течением

времени эти не слишком разборчивые звери стали проводить на берегу все больше времени, медленно приспособливаясь к тем трудностям, с которыми им приходилось сталкиваться в этой местности.

И вот всего несколько лет тому назад в песках Намиба появились на свет настоящие береговые львы – своего рода созревший плод длительного приспособления зверя к местным условиям. Их родителями были львы, странствующие между побережьем и внутренними районами континента, однако новорожденным была предназначена судьба стать основателями нового, уникального племени береговых львов. Их было двое – самец и самка, и на протяжении всего года этих зверей видели либо на побережье, либо среди ближайших к нему песчаных дюн и скал.

Парочка уже не возвращалась в глубь пустыни, как это делали другие их сородичи под влиянием меняющихся погодных условий. Вместо этого нашим двум львам пришлось сосредоточиться на добывании корма, доставляемого на берег морем. Они скрадывали неосторожного тюленя и предпринимали длительные экскурсии вдоль пляжей в поисках выброшенной на берег туши кита. Достигнув половой зрелости, эти двое принесли потомство. Из числа родившихся котят один позже ушел в северном направлении, а другой – на юг. Молодые оставили родителей, вероятно, из-за того, что пищи было слишком мало, чтобы прокормить всех. Оставленные своими отпрысками, львы спарились снова, и их очередное потомство должно было заложить основу целой популяции береговых львов, которых еще нигде и никогда не было во всем мире.

Поскольку эти два зверя представляли собой поистине уникальное явление, работники парка решили временно обездвигить их и снабдить ошейниками с радиопередатчиками. Это было частью программы,

задуманной Управлением охраны природы для тщательного изучения перемещений крупных хищников в пустыне Намиб. Сотрудники парка, непосредственно занятые исследованием львов, надеялись не упустить рождения нового выводка; они собирались пометить всех молодых, чтобы продолжить изучение их приспособления к новому образу жизни, никогда прежде не описанному у львов.

Однако как раз в это время случилось непредвиденное. Произошел трагический инцидент, который достоин служить еще одной яркой иллюстрацией вредоносного вмешательства людей в жизнь дикой природы. Забавно, что неприятности исходили, по крайней мере частично, от Управления охраны природы, принявшего непродуманное и опасное решение.

На берегу в пределах парка появился одиночный лев-самец, никак не связанный родством с двумя местными, оседлыми зверями. На свою беду, этот лев попался на глаза рыболову-туристу, который и стал причиной безвременной гибели зверя. Турист, имевший, по всей видимости, связи в кругу главных лиц в Управлении охраны природы, поднял панику из-за того, что лев грозил испортить ему рыболовный сезон. От начальства Управления поступило распоряжение убить льва. Сделать это приказали одному из объездчиков, который сначала не поверил своим ушам, но вынужден был подчиниться и застрелил льва.

Этот нелепый и трагический эпизод, произошедший по прихоти горстки «избранных», проложил дорогу последующим событиям, которые надолго или навсегда воспрепятствовали становлению популяции береговых львов. К сожалению, сейчас дело выглядит так, что прогрессу в приспособлении львов к жизни на берегу океана не суждено сбыться. Будущее местной популяции было сокрушено винтовочными выстрелами,

положившими конец единственной в Африке популяции, береговых львов.

В июне 1987 года новый служащий концессии по организации туризма на берегу Скелетов разместил свое стадо коров в сухом русле реки Хоаниб и приступил к строительству дома около выхода непересыхающего родника. Место было выбрано таким образом, что дикие обитатели пустыни, в том числе и слоны, были вынуждены приходить на место строительства, чтобы утолить жажду. Вода и посещающие водопой травоядные привлекли сюда и двух прибрежных львов, о которых я упоминал ранее. И хотя львы не нанесли никакого урона стаду, новый хозяин решил, никого не спрашивая, уничтожить этих зверей. Он убил их, не имея никакой другой причины поступить так, кроме укоренившегося в людях предубеждения против хищников и ни на чем не основанной ненависти к ним.

Человек этот выследил пару и несколько раз выстрелил в самца, прежде чем тот повалился на песок. Самку он смертельно ранил, и она уползла прочь, чтобы затем медленно умереть, унося в могилу и жизни детенышей, развивавшихся в ее утробе. Лишь по чистой случайности работник парка позже обнаружил останки самца. Затем нашли и самку, которая была еще жива, так что пришлось пристрелить ее, чтобы не продлевать муки. Когда львицу вскрыли, в ее чреве обнаружили четыре эмбриона – загубленное будущее племени береговых львов.

Вполне понятно, что смерть этих двух уникальных зверей была воспринята с горечью и негодованием. Для всех заинтересованных лиц это стало трагедией, но, как это ни странно, с точки зрения закона, здесь не было никакого преступления. В декрете под номером 4 об охране природы, изданном в 1975 году, сказано, что если некое животное создает угрозу жизни человека,

его семье, работникам, стаду либо ферме домашней птицы, оно подлежит уничтожению.

Скороспелый и чрезмерно обобщенный указ, естественно, не принимал во внимание береговых львов – этот уникальный продукт приспособления царя зверей к суровым условиям побережья Намиба. Для чиновников лев всегда и останется просто львом, живет ли он на берегу океана или в каком-либо другом районе Намибии. Два береговых льва, уникальные представители своего вида, годами приспособившиеся к жизни в одном из наименее гостеприимных уголков планеты, ныне мертвы. Пройдут многие годы, прежде чем такой же эксперимент природы сможет повториться – если повторение подобного уникального события вообще возможно.

Первые два отпрыска береговых львов были недавно обездвижены в противоположных друг другу концах парка, перевезены и выпущены вместе. Пройдет время, и мы узнаем, остались ли они на бывшей территории своих родителей.

Печальная история береговых львов иллюстрирует непродуманность законов, издаваемых людьми в отношении дикой природы. Снова, как мы видели это повсюду в Южной Африке, вся сложность проблемы – в росте народонаселения и в широком распространении скотоводства. Нашествие скота все основательнее ставит под удар крупных хищников, оказавшихся по той или иной причине за пределами так называемых охранных земель. Остается лишь с тревогой размышлять, какие плоды могут принести нам будущие изменения в политической ситуации, особенно в Южной Африке.

После двухдневного пребывания на берегу Скелетов мы на рассвете оставили волны Атлантического океана и, покинув страну высоких дюн и неприветливых скал, двинулись внутрь материка – сначала на восток, а затем

на юг, в знаменитый своей суровой красотой амфитеатр песчаниковых возвышенностей, известных как Твайфелфонтейн.

Машину подбрасывало на неровной дороге, и постоянное раскачивание автомобиля, в котором дребезжала каждая деталь, не способствовало хорошему настроению. На полпути до Твайфелфонтейна, когда мы пересекали безводный скалистый хребет, безмолвным стражем стоявший на пути к океану, машина совсем заикалась. Я остановился и при осмотре обнаружил, что карбюратор плохо закреплен и бензонасос протекает. На протяжении полутора часов мы прочищали воздушный насос и карбюратор, а затем заменили бензонасос. Потом пришлось остановиться в городке Хориксас, чтобы залить баки горючим, и из-за всех этих задержек мы прибыли в Твайфелфонтейн лишь в пять часов вечера, проехав за все это время не более 250 километров.

Твайфелфонтейн – это старый бушменский поселок, лежащий в восточной части обширного и почти не населенного района Намибии под названием Дамараленд. Место это широко известно благодаря замечательным изображениям, в давние времена высеченным на скалах бушменами. Среди этих произведений первобытного искусства особенно славится так называемая «плита льва», которую я мечтал увидеть много лет.

В тот же вечер мы разыскали гида, принадлежащего к группе из пяти человек, нанятых Управлением охраны природы в качестве надзирателей. В их задачу входила охрана наскальных изображений от вандализма, возможность которого в наши дни всегда реальна. Мы направились к отрогам хребта, порода которого отсвечивала оттенком старой бронзы, и вскоре вышли к двум непересыхающим водоемам, благодаря

которым издревле только и была возможна жизнь в этих местах. Один из них напоминал глубокий колодец, а второй представлял собой небольшое озерцо, вода в которое сочилась из трещины в скале. Несмотря на свою малую величину, эти два родника являли собой жизненный центр обширного сектора пустыни, поддерживая существование слонов, носорогов и жирафов, удивительным образом приспособившихся к существованию в этой засушливой местности.

Затем гид повел нас к скальным стенкам, видневшимся на полпути к основному хребту. Мы вступили на выровненную ветрами платформу из красноватого песчаника, которую считают местом ритуальных церемоний древних бушменов. Здесь мы увидели небольшие пирамидки, сложенные из камней еще в те незапамятные времена. Вероятно, только те, кто создавал эти сооружения, смогли бы объяснить их мистический смысл. Неподалеку от этой первобытной театральной сцены нам показали и первое на скальное изображение. Это был пляшущий куду, окруженный всевозможными символическими знаками. Как и во всех произведениях искусства древних бушменов, изображения сохранили в себе частицу души художника. Выбитое на скале животное выглядело необыкновенно динамично.



Мы с интересом разглядывали одну фреску за другой и тщательно фотографировали их. Наконец мы подошли к входу в пещеру, где в свое время обитало местное племя бушменов. Она была просторной и хорошо проветриваемой и предоставляла своим обитателям надежную защиту от дождя и ветра. Немногочисленные естественные отверстия в стенах были заложены каменными плитами, чтобы воспрепятствовать сквознякам. Здесь, как и при виде изображений, создавалось ощущение незримого присутствия самих хозяев пещеры. Словно вы видели перед собой весь клан, удобно расположившийся здесь после трудного дня. Кто-то машинально чертит пальцем по скале, точно так же, как это делает современный человек, когда, задумавшись, рисует на листе бумаги случайные узоры.

Солнце уже склонялось к горизонту, опустившись между двух почти одинаковых вершин далекого хребта, и в его пламенеющих лучах мы увидели наконец знаменитую львиную плиту. Мое сердце дрогнуло от восторга: фреска запечатлела две главные и наиболее совершенные составные части первобытной природы Южной Африки: коренных обитателей этой земли, бушменов, и их конкурента и кормильца – льва. Ведь, как я уже упоминал, бушмены нередко грабили львов, забирая у них часть добычи – практика, сохраняющаяся еще и сегодня в некоторых удаленных районах Африки. Бушмены не отбирали у львов все до крошки, но в благодарность за подарок оставляли им изрядную часть мяса.

Плита льва была обращена прямо к заходящему солнцу. Изображение льва окружали со всех сторон рисунки, запечатлевшие других обитателей пустыни. Здесь были и орикс, и носорог, и жираф. Но над всем доминировал лев. Художник точно схватил эту тяжелую, круглую голову и пышную гриву матерого

самца. Но, интересно, на месте ступней были выбиты – очевидно, с символическим значением – точные изображения отпечатков лап зверя. Длинный хвост был подчеркнуто стилизован, что также, вероятно, имело свой тайный смысл для мастера. Хвост у основания слегка изгибался, а его конец поднимался вертикально вверх – точно как у зверя в момент охоты на дичь. И что особенно замечательно, самый кончик хвоста увенчивало глубоко выбитое изображение львиного следа.

Мне страшно не хотелось уходить от этих фресок. Они, бесспорно, олицетворяли собой саму суть и глубинное значение нетронутой природы. Все здесь казалось воплощением первобытной мудрости: бушмен и лев успешно шли вместе своим трудным путем, пока сюда не вторглись белые люди, оставляющие после себя пустоту и разграбленную природу.

Впечатляющими были и другие изображения, разбросанные там и тут по всей поверхности скалы. На одной из плит, обращенных внутрь пещеры, главное место занимал рисунок слона-самца, а многочисленные изображения носорогов занимали, как правило, грани скалы, укрытые от нескромного взгляда. Упомяну еще об одной сцене охоты, которая выглядела почти как карикатура, так что я не смог сдержать смех: безоружный человек пытается руками удержать страуса. Когда я рассматривал эту фреску, освещение приобрело еще более золотистый оттенок, и мне померещилось, что я услышал сдержанный смешок из глубины скал.

Многие животные были, подобно льву, изображены с отпечатками их следов вместо ступней. Тут были и крупные раздвоенные копыта канны, след которой напоминает коровий; и полулунные следы жирафа, и более изящные, чем у канны, отпечатки ног орикса, и совсем миниатюрные – спрингбока. И, наконец, прямо

поверх сцен первобытного буша был выгравирован след самого бушмена, а во многих других местах я увидел контуры человеческой руки.

Более поздним временам принадлежали изображения тех животных, что составляли богатство поработителей бушменов – коров белого человека, увенчанных длинными изгибающимися рогами. Но один из самых замечательных рисунков запечатлел фигурку тюленя, изогнутую в виде восьмерки. Теперь стало ясно, что бушмены племени сан предпринимали рискованные походы через бескрайние просторы пустыни, преодолевая расстояние порядка ста пятидесяти километров до побережья Атлантики и, возвратившись домой, запечатляли на камне то, что им довелось увидеть во время странствий.



Эту ночь мы провели, улегшись около нашего автомобиля, в виду холмов Твайфелфонтейн, где еще жил дух древних бушменов. На рассвете мы с сожалением оставили эти места, взяв курс на юг, по направлению к городу Виндхук. В этом приятном немецко-англо-датском городе мы провели больше времени, чем рассчитывали: надо было закупить запасные части к машине да и саму ее привести в порядок, поскольку она сильно пострадала за время путешествия. Следующая остановка ожидала нас на юге пустыни Калахари, в национальном парке Калахари-Хемсбок, расположенном на севере Капской провинции ЮАР, на расстоянии пятисот километров к югу.



Глава четвертая

Калахари - царство пустынных львов

Не есть ли лев зеркало человека? Что общего у нас со львом? Пытаясь покорить льва, мы стараемся превзойти то, что является наилучшим для льва - господствовать над своим миром. Теперь мы должны понять, чему прошлое учит будущее: если знаешь, как управлять миром - знаешь, как управлять собой.

Рендел Итон

Съехав с шоссе, ведущего на юг, мы повернули на восток и через необъятные пространства фермерских земель направились в сторону национального парка Калахари-Хемсбок. Неприятно поражало обилие трупов, лежащих прямо на гравийном, полотне дороги. В большинстве своем это были большерукие лисицы. Трупы попадались с такой регулярностью, что сначала их можно было принять за спящих животных. Лишь подъезжая ближе, вы видели зловещие красные раны, раскрытые черепа и порванные животы, и тогда становилось понятно, как погибли эти несчастные. Ночью такое безобидное существо попадает в свет фар и, будучи ослеплено, не в состоянии выскочить из освещенного пространства. Тут-то его и настигает смертоносный удар бампера.

Среди жертв время от времени попадались сбитые автомобилем шакалы. При виде их изуродованных, разлагающихся тел я вспомнил рассказы о той вражде, что существует между скотоводами Намибии и

быстроногим черноспинным шакалом. Некоторые фермеры настолько ненавидят этих животных, что ставят их буквально вне закона. Причина этой ненависти отчасти в том, что шакалы режут овец, нанося тем самым ощутимые финансовые потери хозяину. Но еще больше шакалов не любят за те отвратительные повадки, которые им приписывают в некоторых районах. Считают, что хищники проникают по ночам в краали и устраивают здесь настоящий разгром, раздирая зубами вымя живых коров. Наутро фермеру не остается ничего другого, как пристрелить изуверенную, испытывающую страшные муки скотину.

Эти повадки шакалов влекут за собой изощренные формы мести. Ни один фермер не упустит случая застрелить шакала, но в качестве расплаты за погибший скот эти люди придумывают способы сделать смерть хищника наиболее мучительной. Наряду с отстрелом и травлей ядом шакалов ловят по ночам петлями, и зверь остается в ловушке живым до утра. Некоторые фермеры так и оставляют свою жертву здесь, обрекая ее на медленную смерть от голода и жажды. Другие, прежде чем отпустить шакала, обматывают ему морду проволокой, чтобы он не мог охотиться и умер от истощения. Наиболее же изуверский способ мести состоит в том, что с живого шакала сдирают шкуру, чтобы посмотреть, как долго он протянет, превратившись в сплошную обнаженную рану.

Малоприятно слышать обо всем этом, и потому, вероятно, большинство и не подозревает, насколько извращено сознание некоторых двуногих. Разумеется, шакалы приносят немало неприятностей скотоводам. К сожалению, существуют иные способы избавиться от хищника, чем просто застрелить его. Но те кровожадные приемы, которыми пользуются некоторые отщепенцы, ни в какой мере не могут быть оправданы.

На следующий день мы въехали в национальный парк Калахари-Хемсбок с западной стороны, через ворота Мата-Мата, проведя предыдущую ночь на берегу реки Авоб, широкая долина которой, словно гигантский желоб, приводила вас прямо на территорию резервата.



«Сделаем пустыню цветущим садом...» – провозгласил в свое время Насер, собираясь воздвигнуть Асуанскую плотину на Ниле. Эти слова всплыли в памяти, когда мы увидели, как преобразили расстилавшуюся перед нами пустыню недавно прошедшие в ЮАР обильные дожди. Все вокруг зеленело и буйно цвело, так что трудно было узнать местность, где хорошие дожди не выпадали до этого несколько лет подряд.

Национальный парк Калахари-Хемсбок занимает обширную территорию площадью девятьсот шестьдесят тысяч гектаров, клином выдающуюся между владениями Намибии и Ботсваны. Большая часть парка лежит между долинами древних рек Авоб и Нособ, русла которых большую часть времени остаются сухими, но таят в своих глубоких каньонах родники, служащие источником жизни для многих обитателей этих мест. Эта страна двух великих рек настолько удалена от центральных районов ЮАР, что правительство первоначально не имело возможности держать местность под контролем. Однако в 1897 году она была «присоединена» к существовавшей в то время Капской колонии. В 1904 году здесь было пролито много

крови, когда власти германской Юго-Западной Африки послали сюда войска, чтобы засыпать естественные колодцы и изгнать местные племена готтентотов. Это закончилось тем, что у источника Гроотколк в ходе сражения немцы были разгромлены и весь конвой погиб.



В 1914 году, когда ЮАР вступила в войну с Германией, этот район стал важен в стратегическом отношении. По долинам рек выкопали множество колодцев, чтобы снабжать водой солдат и их лошадей. Появление водных источников сделало возможным проникновение людей в эти ранее почти недоступные места, и вскоре по тропам миновавшей войны сюда потянулись охотники. С этого момента началось уменьшение численности дичи, дотоле встречавшейся здесь в изобилии. И уже к 1920 году некоторые виды оказались на пороге вымирания. К счастью, как раз в это время район посетил Пит Гроблер, тогдашний министр земель ЮАР. Именно ему удалось провести через парламент декрет о национальных парках. Основание национального парка Крюгера также в значительной степени является заслугой Пита Гроблера.

Этот человек очень быстро оценил всю ценность тех мест, о которых идет речь. Особенно на него подействовал тот факт, что более всего страдали от

охотников спрингбок и орикс – те самые животные, которые держат щит на гербе, украшающем форму армии ЮАР. Настойчивость Гроблера и его особое отношение к Калахари сделали, свое дело, и в 1931 году этот район был провозглашен национальным парком Калахари-Хемсбок.

Первым надзирателем парка стал Иоганнес Ле Рич, которому поручили управлять этой суровой местностью. Вместе со своим помощником Гергом Дженьюри он повел настоящую войну против браконьеров. К сожалению, на пути их неустанной деятельности встала страшная засуха, охватившая пустыню, но в 1924 году выпали очень сильные дожди, которые привели к разливу реки Нособ. К сожалению, эти два человека – первые защитники парка – не смогли насладиться благоприятными изменениями, что принесли с собой ливни. Живительная влага не только поддерживала жизнь, но и грозила смертью: в образовавшихся водоемах развились мириады комаров, и оба энтузиаста погибли от малярии.

После этого руководство парком взял на себя брат Ле Рича, Джоб. Хотя первоначально он думал, что это будет его временной работой, в действительности Джоб оставался главным надзирателем целых тридцать шесть лет. Одним из первых мероприятий, которые осуществил Джоб Ле Рич, было возвращение к жизни заброшенных колодцев в сухих руслах рек. Таким образом хозяин парка рассчитывал удержать дичь в пределах резервата и не дать ей выходить за его границы, где бродили охотники, всегда готовые действовать.

В 1938 году британское правительство протектората Бечуаналенд (нынешняя Ботсвана) выделило под национальный парк Хемсбок огромную территорию, примыкающую к территории, управлявшейся Ле Ричем. Это было очень мудрое

решение, поскольку таким образом под охраной закона оказались уникальные места, пересекаемые животными многих видов во время сезонных миграций.

Как это ни парадоксально, вторая мировая война сыграла положительную роль в истории национального парка Калахари-Хемсбок. Из-за дефицита патронов браконьеры остались не у дел, и дичь размножилась в необыкновенных количествах. Со временем эти места восстановили свою первобытную красоту, и в наши дни стали одним из последних в Африке истинных убежищ дикой природы. Благодаря своей уникальности и хорошей охране национальный парк создает благоприятнейшие условия для проведения серьезных зоологических исследований.



В истории Калахари во все времена лев занимал особое почетное место. Многие первые исследователи Африки странствовавшие в этих местах, оказывались лицом к лицу с царем зверей, и описания этих драматических приключений воспринимаются сейчас как своего рода символ славной эры географических открытий.

Наиболее знаменитый из африканских путешественников, Дэвид Ливингстон, также подвергся нападению льва во время своих странствий в западной

части Калахари Этот случай он описал в своей замечательной книге «Путешествия и исследования миссионера в Южной Африке», Ливингстон хотел показать аборигенам, что не существует такой вещи, как черная магия, и что лев не может быть «заговорен». С этой целью ученый присоединился к группе африканцев, пожелавших защитить свои стада от нападений зверя. Ливингстон и его спутники выследили прайд и стали стрелять. Но пока Ливингстон перезаряжал свое ружье, один из львов бросился на него, схватив свою жертву за плечо. «Страшное рычание раздавалось прямо у моего уха, и лев тряс меня, как терьер трясет крысу», – писал позже Ливингстон. Впоследствии много было сказано о том состоянии, в котором находился исследователь, пока лев держал его. Он не чувствовал боли и был словно в полусне. По мнению Ливингстона, именно это должны испытывать животные, когда оказываются в зубах хищника.

Один из спутников Ливингстона собрался уже стрелять, но ружье дало осечку. В этот момент лев бросил свою жертву и атаковал другого охотника, схватив его за бедро. Когда вперед выскочил абориген, держа наготове копье, лев атаковал и его, но, к счастью для смельчака, зверь находился уже при последнем издыхании и свалился буквально к ногам туземца. Ливингстон вышел из этой схватки с девятью глубокими укусами в верхней части руки и с переломом кости.

Удивительно, но Ливингстон избежал общего заражения крови, которое часто случается после подобных травм и может оказаться фатальным. Он объяснял это тем, что носил одежду из ткани «шотландка», которая, как он свято верил, «очистила зубы льва от вируса прежде, чем они впились в тело». Два его спутника-африканца не были столь везучи, и один из них впоследствии показал Ливингстону, как его

раны «открылись, словно свежие, точно в тот же самый месяц следующего года», когда на него напал лев.

Ливингстон обессмертил Калахари, как Африка прославила его самого. Впрочем, с Калахари связана и еще одна легендарная личность, известность которой имеет совершенно иные причины. Я имею в виду Джиларми А. Фарини, американца родом из Нью-Йорка, чье настоящее имя – Уильям Леонард Хант. Это бывалый авантюрист и организатор шоу, и его деятельность в этом амплуа не превзойдена никем до сих пор. Будучи ловким дельцом, Фарини устраивал всевозможные забавные зрелища для лондонской толпы, до которой люди викторианской эпохи были необычайно падки.

Связь Фарини с Калахари началась в тот момент, когда он послал в Южную Африку своего помощника, чтобы тот привез группу бушменов. Позже она была показана в Европе под вывеской «африканские пигмеи Фарини, или Карликовые люди подземелья из сердца Африки». Тогда же пронесся слух, что при поисках яда в жалких пожитках бушменов были обнаружены алмазы, и Фарини затеял экспедицию в Калахари для поисков этих сокровищ.

Хотя Фарини рассчитывал открыть затерянный в пустыне древний город, он не нашел ни его, ни алмазов. Но его страсть к шумным зрелищам была удовлетворена в том смысле, что он сам оказался участником приключений, позже описанных им в книге «Через пустыню Калахари». В ней описаны и встречи автора с пустынным львом. Одно из этих происшествий случилось в то время, когда Фарини ожидал прибытия фургона, в котором он собирался увезти убитого им жирафа. Туша этого животного заинтересовала трех львов, и они уже готовы были приступить к трапезе, когда подъехал фургон. Спасаясь от львов, Фарини еще раньше забрался на дерево и наблюдал за происходящим оттуда. Фарини и его прибывшие

компаньоны открыли стрельбу. Началась страшная суматоха, в гуще которой сын Фарини Лулу пытался отогнать львов, замахиваясь на них фотокамерой, накрытой черной материей. В это время один из спутников Фарини закричал что-то на смеси английского и африкаанс. Фарини ответил: «Все убежали, остался только один», – и прицелился в единственного замешкавшегося льва. Он выстрелил, и одновременно раздался еще один выстрел. «Ружье выстрелило прямо надо мной, и я чуть не упал со своего насеста, – пишет Фарини. – Оказывается, прямо надо мной прятался бушмен, который теперь выстрелил из своей пищали, и звук был таким, словно выпалили из небольшой пушки». Фарини, умевший владеть ситуацией и быстро принимать решения, заорал: «Быстро бросай ружье и слезай – иначе ты пропал!» В ответ бушмен соскочил с дерева и помчался в кусты; лев, увидев человека, бросился вслед за ним. «Но внезапно лев остановился, – продолжает Фарини, – чтобы уже никогда не пускаться вскачь. Он замертво свалился на землю».

Фарини описывает и другой забавный эпизод, случившийся во время его охоты на львов у реки Нособ. Проводник сообщил ему, что видел льва, и Фарини залез на дерево, чтобы быть в безопасности и лучше видеть зверя. Ему показалось, что лев грызет шею орикса, а другая такая же антилопа странным образом находится между его задними ногами. Фарини сразу же выстрелил из обоих стволов своего ружья, но лев почему-то даже не пошевелился. Охотник подошел к зверю, и вот что он увидел: «Представьте себе мое удивление, когда я увидел, что один рог антилопы вонзился в плечо льва, а другой проткнул ему горло. Из бедра зверя торчал пробивший его рог другого орикса. Лев распял себя на рогах двух своих жертв и был мертв, как дверной гвоздь».



Можно допустить, что рассказанное здесь Фарини – не вымысел. Действительно, известны случаи, когда ориксы и черные антилопы убивали львов рогами. Совсем недавно, неподалеку от того места, где Фарини наблюдал описанную им сцену, объездчик наткнулся на умирающую львицу, которая едва передвигалась. Объездчик застрелил львицу и осмотрел ее. В ее позвоночнике застряли концы рогов орикса. Возможно, лев прыгнул на антилопу, и она ранила его, дернув головой и нанеся удар рогами назад.

В первые же минуты, оказавшись в неожиданно цветущем и зеленом парке Калахари-Хемсбок, мы были оповещены о присутствии знаменитых местных львов. На песчаной дороге я увидел свежий след крупной львицы, а поверх отпечатков ее лап – круглые следы двух ее детенышей, которым, судя по размерам отпечатков, не могло быть более четырех-пяти месяцев. Мы решили остановиться в лагере Нособ, находившемся примерно в ста шестидесяти километрах от Мата-Мата. Утром мы поехали вниз по сухому руслу реки Авоб, а затем поперек территории парка, через заросшие зеленью дюны, где повсюду ощущалось присутствие львов. Я увидел следы двух самок, через два километра – отпечатки лап одиночного самца, а прямо у берега реки Нособ – следы львицы, побывавшей здесь накануне.

Всего лишь в двадцати километрах от лагеря машина пересекла следы четырех львиц, двигавшихся

по песчаной дороге. Когда же мы увидели грифов, собравшихся группами на разбросанных там и тут деревьях, стало ясно, что сейчас и львы предстанут перед нашими глазами. И действительно, неподалеку, в прохладной тени акации лежали львицы – матерые, мощные, хорошо упитанные звери. Несомненно, они отдыхали после успешной ночной охоты, когда им удалось добыть жертву немалых размеров – орикса или, возможно, молодого самца гну. Львицы время от времени широко зевали, а затем словно в бессилии валились навзничь, как это делают лишь наевшиеся досыта львы при полуденном зное.

Внезапно неведь откуда появившийся одинокий спрингбок оказался неподалеку от отдыхающих львов, привлеченный сюда куртинами зеленой густой травы. Увидя львов, он перестал пастись и остановился как вкопанный, беспокойно моргая и издавая тревожный свист.

Мы продолжали свой путь в сторону лагеря, но позже вернулись к месту отдыха львов. Спрингбок так и стоял, как прежде, на самом солнцепеке в сухом русле реки. Эта маленькая антилопа была не единственной, кого напугали львы. По другую сторону от них, примерно в ста пятидесяти метрах вверх по руслу, я увидел шестерых взрослых страусов – четырех самцов и двух самок. Они казались обеспокоенными и ерошили оперение в надежде подставить кожу хоть слабому дуновению ветерка, на что нелегко было рассчитывать в эту самую жаркую пору дня. Немало времени прошло, прежде чем птицы приняли решение убраться восвояси. Один из самцов взял на себя роль вожака, и процессия тронулась в путь. Страусы шли своей обычной походкой, неестественно высоко поднимая ноги при каждом шаге, но мимо львов они проследовали словно на цыпочках, тревожно поглядывая в их сторону и приоткрывая клювы. Миновав опасное место, птицы как

по команде «вольно» вышли из строя и продолжали путь в направлении, известном лишь им одним.

Мы наблюдали за львами до тех пор, пока склоняющееся к закату солнце не коснулось края долины. В окружении нетронутой природы мы и сами стали как бы частью ее. Поодаль пара грифов опустилась на край своего неряшливо выстроенного гнезда. Самец начал спариваться с самкой, и когда он с пронзительным криком уселся ей на спину, обе птицы чуть не свалились вниз. Пара средиземноморских соколов спикировала и пронеслась сквозь стайку капских горлиц. Соколы опустились на клочок голой земли совсем неподалеку от львов и стали по очереди обходить друг друга по кругу, проделывая характерные па ритуального свадебного танца. Глядя на птиц, львы даже не пошевелились. Солнце зашло окончательно, и мы неохотно покинули это место, направив машину по песчаной дороге в сторону лагеря.

Ночью я слышал голос льва, доносившийся из речного русла. Я решил, что это наши львицы с наступлением темноты приветствуют начало своего львиного «дня».

На рассвете следующего утра мы взяли направление на северо-запад в надежде попасть в наиболее удаленный уголок ЮАР, справедливо заслуживший свое название – Конец Союза Провинций. Солнце, восходящее над долиной, пробивалось нежным желтым светом через клубы пыли, поднятые нашей машиной. Пыль медленно оседала, и сквозь ее пелену стоящие поодаль от дороги спрингбоки и ориксы казались позолоченными.

Мы остановили машину, чтобы внимательно осмотреть огромное глинистого цвета гнездо общественных ткачиков. Для постройки этого коммунального сооружения птицы выбирают обычно невероятно колючее дерево одного из видов акации,

называемое здесь верблюжьей колючкой. Эти гнезда – одно из самых замечательных чудес африканской природы. Огромные, туго сплетенные из сухой травы, они являются плодом труда целого поколения этих птиц и, как всякое соломенное жилище, обеспечивают своим обитателям тепло зимой и прохладу летом. Поскольку ткачики не могут существовать без воды, они не приступают к гнездованию, пока не пролились обильные дожди. Это дает знак пробуждению всего живого в пустыне, и птицы суетливо приступают к постройке новых гнездовых камер, так что первоначальное гнездо еще больше вырастает в размерах. Бушмены Калахари издавна собирают белый помет, накапливающийся под такими гнездами, и используют его в качестве дрожжей для изготовления своеобразного местного пива.

Как я уже упоминал, общественные ткачики чаще всего делают гнезда на акации «верблюжья колючка», о которой местные жители говорят, что она предупреждает о грядущей засухе более обильным, чем обычно, плодоношением. О коварстве страшных колючек этого дерева свидетельствует история, изложенная в книге Роберта Моффата «Труды миссионера»: лев, преследовавший жирафа, в пылу погони угодил в заросли верблюжьей колючки и, проткнутый множеством игл, медленно умер в страшной агонии.

Внезапно голос льва, донесшийся с другой стороны долины, прервал наши безмятежные наблюдения. Из-за далекого изгиба русла показался молодой лев-самец, за которым следовала львица. Они шли прямо на юг, но, видимо, не чувствовали себя особенно уверенно, так как все время останавливались и тревожно поглядывали назад, прежде чем продолжить путь. И тут нам стало ясно, что беспокоит животных. В трехстах метрах позади в ту же сторону шли три молодых, но

довольно крупных самца. Они часто останавливались и метили мочой кусты, уверенно извещая всех о своих правах собственности на эту местность.

Прикинув направление, в котором должна была двигаться передовая пара, мы решили дождаться львов у ближайшего источника воды. Я уже успел заметить, что львица часто мочилась и скребла в этом месте лапами – бесспорный знак того, что она находится в течке. Сигнализируя таким образом о своем состоянии, самка, сама того не желая, привлекла к себе внимание трех молодых, самцов. Парочка пересекла речное русло и подошла к источнику, оказавшись довольно близко от того места, где мы припарковали машину. Львы мимоходом утолили жажду и двинулись дальше. Самец, шедший впереди, продолжал оглядываться, опасаясь троих соперников, а самка замыкала шествие. Когда звери проходили мимо машины, стало ясно, что их состояние оставляет желать лучшего. мех был лишен того блеска, который характерен для зверей в хорошей форме; шкура висела складками, и сквозь нее выпирали позвоночник и ребра.

Итак, эти звери были бродягами. Их внешний вид ясно показывал, насколько трудную жизнь ведут они и им подобные львы-странники, вынужденные перебиваться чем попало на границах территорий оседлых зверей. Эти двое, несомненно, переживали трудные времена, и нынешнее состояние самки еще более ухудшало ситуацию, поскольку она привлекала к себе внимание местных самцов. Раны на морде самца, особенно одна вокруг глаза, ясно свидетельствовали о том, что он только недавно побывал в хорошей переделке. Эти львы вынуждены были странствовать во враждебной им обстановке и не всегда могли сделать передышку для охоты – почему и находились в такой скверной форме. Сейчас львы направлялись прочь из речной долины, в обширную холмистую страну дюн в

междуречье Авоб и Нособ. Именно в эти сухие, лишенные непересыхающих источников и бедные дичью места вынуждены уходить львы-бродяги, вытесняемые из лучших районов территориальными оседлыми львами.

Когда парочка поднялась на склон долины, обходя труднопроходимые места, перед нами показались три самца. Они шли по следу бродяг, влекомые запахом самки. Преследователи оказались короткогривыми юнцами в возрасте четырех-пяти лет, и выглядели они так, словно были братьями. Принюхиваясь к пахучим меткам, оставленным самкой, они гримасничали, приподнимая верхнюю губу и обнажая зубы (реакция, именуемая у зоологов «флеменом»). Пришельцы начали не спеша лакать воду, с жадностью утоляя жажду, а затем вновь двинулись по следу бродяг.

К полудню эти три самца возвратились в русло реки Нособ, где, видимо, проходила граница их территории, и улеглись на бурой куче растительной ветоши в прозрачной тени молодого дерева акации. Очевидно, двое бродяг ушли в суровые просторы междуречья, а их преследователи, хотя и были возбуждены дразнящим запахом самки, не решились покинуть исхоженные вдоль и поперек родные места и углубиться в незнакомые им, неприветливые иссохшие земли.

Этот случай показывает, какими преимуществами обладает жизнь в составе устойчивого прайда по сравнению с тяжелым существованием бродячих львов. Легко представить себе также, как может измениться расстановка сил в группе львов даже за одну ночь, если глава прайда будет изгнан из него силами пришлых бродяг. Тогда недавнему властелину придется уйти в негостеприимные суровые просторы безводной пустыни.

Всего за один день пребывания в Калахари-Хемсбок я убедился, что это истинный рай для энтузиаста,

интересующегося жизнью львов. Зверей легко увидеть издалека в открытой местности, а их следы всегда хорошо заметны на сыпучем тонком песке.

В тот же вечер, оставив в покое трех молодых львов-самцов, мы получили возможность пронаблюдать от начала до конца скрадывание жертвы четырьмя львицами – теми самыми, которых мы накануне повстречали в двадцати километрах от лагеря. Замечательно то, что мы увидели все это на закате, стоя прямо в воротах лагеря. Приближаясь к стаду спрингбоков, львицы использовали в качестве укрытий малейшие неровности сухого русла и многочисленные кусты, покрывшиеся густой зеленью после прошедших дождей. Держась у подножия склона на определенном расстоянии друг о друга, львицы стали окружать пасущегося в одиночестве спрингбока. Не прошло и десяти минут, как одна из львиц была уже в пяти метрах от антилопы, во что попросту трудно было поверить. Внезапно порыв легкого ветерка донес до антилопы хорошо известный ему страшный запах хищника. Антилопа тревожно подняла изящную головку, испуганно свистнула и рванулась в сторону буквально из-под самой морды остолбеневшей львицы. Осознав свою неудачу, все четыре зверя вышли из укрытий в низкорослых кустах и, ворча, поплелись к водному источнику как раз напротив въезда в лагерь.

И все это происходило около ворот лагеря – представление, разыгранное при полыхающем закате, внезапно сменившемся густыми сумерками, как это обычно бывает в Африке.

Львы часто встречаются в Калахари. На следующий день мы видели еще трех молодых самцов и, позже, прайд, состоявший их четырех львиц и самца с роскошной гривой, лежащего, как это обычно бывает, в тени отдельно стоящего дерева примерно в ста метрах от самок своего гарема.

То, что львы хорошо видны издали в этой местности, объясняет неплохую изученность этих зверей в Калахари. Одно из наиболее известных исследований было выполнено здесь под руководством профессора Фрица Элофа, ранее занимавшего пост председателя Совета национальных парков. В этой работе были использованы наиболее простые средства сбора сведений – чтение следов под руководством прославленных мастеров этого дела – местных бушменов. Богатая информация, полученная таким образом, позволила много узнать замечательного о способности львов принараиваться к жизни в местах с малым количеством воды и с сезонным дефицитом животных, на которых эти звери охотятся. Одно из самых интересных открытий состоит в том, что только один лев за год убивает в Калахари до сорока семи жертв – то есть в три раза больше, чем приходится на долю хищника в национальном парке Крюгера. Это удивительно, если принять во внимание относительную бедность дичи в Калахари и ту огромную площадь открытых охотничьих угодий, которые вынужден осваивать лев в поисках пропитания. Впрочем, различия в числе животных, добываемых львами в двух названных национальных парках, можно объяснить неодинаковыми размерами преобладающих там и тут жертв зверя. В Калахари, как выяснилось, до пятидесяти процентов их составляют сравнительно мелкие животные, тогда как в национальном парке Крюгера на их долю приходится не более одного процента. Как недавно выяснили Оуэнсы, в центральной части Калахари львы часто вынуждены, чтобы выжить, охотиться на долгоногов, большеуких лисиц и дикобразов, причем, как это ни удивительно, дикобразы составляют здесь до четверти добычи львов.

Все это указывает на необычайную приспособляемость африканских львов. Они научились

кормиться тюленями и выброшенными на берег тушами китов на побережье Атлантического океана, а в восьмистах километрах в глубь материка в отдельные сезоны года живут охотой на мелких млекопитающих, таких, как долгоноги. В заповеднике Северного Тули я был свидетелем успешного нападения львов на молодого слона, в то время как крошечная популяция, выжившая на склонах гор Саутпансберг, ухитряется существовать в бесплодной скалистой местности.

Львы в состоянии приспособиться к жизни в самых разнообразных ландшафтах; не способны они лишь к одному – переносить все усиливающуюся интервенцию человека в исконные места их обитания. Они могут успешно существовать в наиболее бесплодных прибрежных районах, в безводной пустыне и в скалистых горах, но с каждым годом доступные для них места сокращаются из-за вторжения сюда их наиболее коварного и сильного врага – человека.

Во время пребывания в Калахари-Хемсбок нам удалось ближе познакомиться с двумя львами-самцами. Оба они находились в расцвете сил, хотя очень сильно различались по внешнему виду и по характеру. Хотя звери совершенно не походили друг на друга, я допускал, что они могут быть братьями. Но именно эти двое продемонстрировали нам, насколько сильной и жестокой может оказаться конкуренция между дружелюбно настроенными самцами, когда их взаимоотношения касаются дележа добычи.

Впервые мы застали этих двух самцов у туши гну. Здесь же находились и три крупные львицы, которые, вероятно, и убили антилопу. Впрочем, право кормиться на туше захватил в это время один из самцов – тот, что был крупнее. Хотя он уже основательно насытился в утренние часы, в его намерения не входило подпустить к добыче кого-нибудь еще. Когда какая-либо из львиц пыталась подойти ближе, лев сразу же пробуждался от

дремоты и делал угрожающее движение в ее сторону, свирепо рыча.

Это был крупный, мощный лев, почти не имевший следов ратных баталий – этакий царственный глава прайда. Его сотоварищ выглядел более стройным и субтильным, грива его свалась клочьями, и один глаз был поврежден. Крупный самец оставался у туши гну на протяжении целого дня, и лишь к вечеру его компаньону и львицам удалось кое-что урвать от обильных запасов мяса.

Следующую стычку этих двух самцов нам пришлось увидеть через четыре дня, и на этот раз поводом для конфликта послужил труп орикса изрядных размеров. Крупного льва-самца мы увидели ранним утром, когда он утолял жажду у источника. По виду его набитого брюха было видно, что он пировал всю ночь. Лев кончил пить и снова направился к туше. В это время мы заметили второго, «одноглазого» самца примерно в ста метрах поодаль. Уже по целеустремленной походке и по всему решительному виду этого побывавшего в переделках бойца я понял, что сейчас может произойти столкновение. Пока Одноглазый неторопливо подходил ближе, мы с Джейн быстро приготовили и проверили наши камеры, чтобы запечатлеть редкий эпизод.

Как только самец покрупнее заметил соперника, он бросился в его сторону, устрашающе рыча. Одноглазый опустился на землю и принял характерную позу подчинения. Напряжение все нарастало; каждый раз, когда Одноглазый делал малейшее движение, второй самец кидался в его сторону. Все это продолжалось несколько минут, но внезапно Одноглазый обрел прежнюю уверенность. Он издал короткое хриплое рычание, и оба льва свирепо бросились друг на друга. Одноглазый оказался чуть проворнее и нанес сопернику сокрушительный удар лапой. Оба зверя приподнялись на задние лапы и закружились в зловещем хороводе,

молотя друг друга по голове передними лапами и разрывая когтями тонкую кожу на морде противника. Внезапно Одноглазый сделал обманное движение, нырнул под соперника и, оставив его позади, со всех ног помчался к туше орикса. Второй погнался следом, и оба оказались около трупя практически одновременно. Теперь они присели по обе стороны предмета спора, не позволяя друг другу приняться за еду. Постепенно более крупный самец начал успокаиваться и стал пожирать мясо. Второй лев также почувствовал, что самое неприятное позади, и последовал примеру недруга. Теперь оба вели себя так, словно старались поскорее проглотить как можно больше мяса. Они поделили добычу таким образом, что более крупный лев поедал заднюю часть антилопы, а Одноглазый рвал зубами голову и грудь жертвы. Львы продолжали пир более часа и за это время уничтожили большую часть мягких тканей. Постепенно они искромсали зубами всю шкуру, сквозь которую теперь был хорошо виден позвоночник орикса.

Когда вечером мы вернулись на место драки и пира, финал оказался неожиданным. В конце концов тушей всецело завладел Одноглазый. Что касается второго, более крупного льва, он казался неумеренно объевшимся и все время ложился в изнеможении то там, то тут, не переставая озираться на Одноглазого.

Конфликты между дружественными самцами из одного прайда у туши жертвы – явление вполне обычное, чего нельзя сказать о той свирепости, которой сопровождалась драка этих двух львов, сильно поранивших друг друга. Считается, что конкуренция, даже между членами одного прайда, способствует выживанию львов как биологического вида и развитию той их мощи, которая ассоциируется в нашем сознании с именем царя зверей. Конкуренция отсеивает слабых, больных и старых и в ходе тысячелетий вырабатывает

наиболее совершенную форму животного, улучшающего свою конституцию и в наши дни.



Спустя несколько дней после того, как мы стали свидетелями битвы двух огромных кошек, нам удалось увидеть еще одну конфронтацию соперников у трупы их жертвы, но на этот раз участниками конфликта стали представители другого вида кошачьих – гепарды. Мы пересекали тоща холмистую местность близ лагеря Мата-Мата, где, как нам сообщили, гепарды были вполне обычными. Этот поджарый, длинноногий зверь занимает в парке собственную экологическую нишу, конкурируя с другими крупными хищниками – львом, леопардом и гиеной. Как-то утром нашим взглядам предстали сразу три гепарда, стоявшие на склоне дюны над лощиной, где в это время паслись не менее четырехсот спрингбоков и рассредоточенная группа ориксов.

Нам показалось, что гепарды приготовились к охоте на этих травоядных, так что мы решили ехать по сухому руслу в том направлении, куда направлялись хищники. И действительно, въехав в долину, мы увидели, что гепарды начали спускаться по склону дюны. Одна из самок легкой крадущейся походкой вышла в сухое русло и скрылась из виду за раскидистой верблюжьей колючкой. Затем, пригнувшись и стараясь остаться незаметной, она перешла на противоположную сторону долины. Ориксы тем не менее заметили гепарда и настороженно следили за дальнейшими действиями зверя. Тревожное фыркание ориксов заставило

насторожиться рассыпавшихся по долине спрингбоков, и они сбились в плотную массу, уставившись в направлении тревоги.

Самка гепарда между тем очень медленно продолжала свой путь. Она перевалила через гряды невысоких дюн и скрылась за ними. Минуту спустя хищница появилась снова, но теперь она находилась прямо над стадом. Затем она понеслась вниз по склону, внося панику в ряды ориксов и отрезав одного из них от остальных.

То, что мы увидели вслед за этим, могло послужить примером самой высокой скорости бега и столь же огромной затраты энергии, не сопоставимыми ни с чем виденным мной до этого в африканском буше. Стадо спрингбоков сплошной живой массой ринулось вперед, затем повернуло вправо и снова налево, словно стайка рыб, преследуемых голодной акулой. Антилопы неслись вплотную друг к другу, и среди них инородным телом выделялся огромный в сравнении с ними орикс. Гепард был уже близко и словно скользил по воздуху, почти на одном уровне с выбранным в качестве жертвы ориксом. Пробежав около четырехсот метров, спринтбоки как по команде резко свернули в сторону и помчались вверх по склону, а вместе с ними и орикс. Гепард замедлил свой бег и отстал от убегающих антилоп.

Тем временем остальные ориксы взбежали по склону долины и, достигнув гребня, остановились, глядя вниз на мелькающие в клубах пыли рога и копыта. Но они не заметили двух других гепардов, которые, промчавшись мимо нас, перевалили за тот же самый гребень. И затем, находясь внизу, в ложе реки, мы слышали с той стороны отчаянный вопль схваченной антилопы. Нападение произошло за гребнем, и мы не могли видеть, что именно там случилось, но нетрудно было предположить, что

жертвой гепардов стал один из молодых членов стада ориксов.

Все стихло в долине, и лишь в дальнем ее конце маячил одинокий силуэт гепарда-самки. Она издала призывный крик, напоминающий голос детеныша гепарда, и он эхом отразился от склонов окружающих нас холмов. В конце концов партнеры самки ответили, по-видимому, на ее призыв, хотя мы ничего не услышали. Так или иначе, охотница торопливо пошла по направлению к тому месту, где, вероятно, уже началось пиршество.

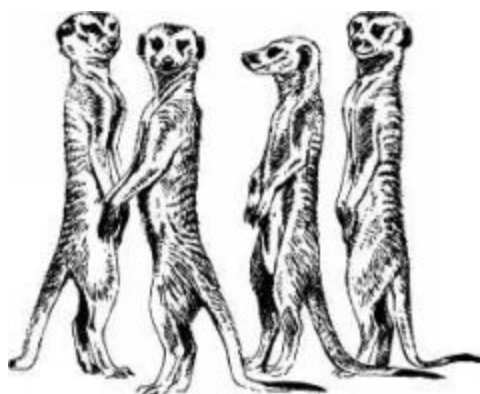


Этот эпизод был необычен в том отношении, что гепарды редко пытаются нападать на животных более крупных, чем спрингбок или импала. Как правило, именно такие антилопы средних размеров служат им основной пищей, хотя гепарды охотно ловят и более мелких млекопитающих – таких, как стенбок или даже заяц. Теперь мы смогли убедиться в том, что возможности гепарда, как опасного хищника, обычно недооцениваются. Так или иначе, за семь лет моей работы в африканском буше это был четвертый случай, когда мне посчастливилось увидеть погоню за дичью самого быстрого из всех известных четвероногих.

На следующий день, пока мы разыскивали львов, нам несколько раз попадались на глаза самые мелкие плотоядные Калахари. К ним, в частности, относится так называемая южноафриканская, или капская,

лисица. Это истинный обитатель пустыни, чей мех, окрашенный в сочетание серебристого и оранжевого, прекрасно гармонирует с мягкими тонами здешнего ландшафта. Ученые пока еще очень мало знают о жизни этого зверька, который, к сожалению, часто становится жертвой нелюбви фермеров ко всем хищным животным. Никто не смог бы утверждать, что капская лисица способна одолеть домашнюю овцу или козу, но к ней крепко пристала репутация «убийцы скота», и фермеры уничтожают этих животных всякий раз, когда встречаются их за границами охраняемых резерватов.

Другое очаровательное существо, живущее в тех же местах, что и капская лисица, – это суриката. Этот зверек, близкий родственник мангустов, вне всякого сомнения, самый симпатичный из мелких плотоядных Калахари. Они живут семьями, включающими в себя до двадцати особей, и во время своих утренних экскурсий мы часто видели нескольких сурикат, только что вылезших из норы и сидящих друг подле друга в лучах восходящего солнца. Как-то нам на глаза попалась троица этих зверьков, занимавшихся ловлей насекомых в плоской долине реки Авоб. Один из них, увлекшись погоней, оказался буквально в метре от мирно пасущегося одинокого спрингбока. Мы с интересом наблюдали, как спрингбок с любопытством следил за непонятным животным, поглощенным своими делами почти перед самой мордой антилопы. Один раз он даже понюхал зазевавшуюся сурикату, которая тут же отскочила в сторону, уселась столбиком и с ошарашенным видом уставилась на спрингбока, позволившего себе такую вольность.



Эти милые маленькие зверьки постоянно настороже и мгновенно прячутся в нору даже при виде тени скользящей в небесах хищной птицы. А их в Калахари немало, и за время нашего пребывания здесь мы познакомились с разными видами этих пернатых. Особенно часто нам попадались змееяды и певчие ястребы, но несколько раз мы видели и царя африканских хищных птиц – так называемого боевого орла. Снежно-белая грудь этой мощной птицы резко контрастирует с черной головой, словно одетой в черный капюшон палача. Я встречал этих птиц и в других районах Южной Африки и знаю, что их добычей часто становятся столь крупные животные, как дукеры, молодые импалы и немалой величины вараны. Мне рассказывали, что в Кении видели, как боевой орел упал с неба на антилопу геренук и вонзил когти в не ожидавшее такого нападения травоядное, вес которого превышал семьдесят килограммов.

Во время наших поездок в долину Авоб мы с Джейн каждый раз останавливались в одном месте, чтобы проследить процесс постройки гнезда парой боевых орлов. Сначала мы увидели в этом месте самку, которая сидела на ветке около начатой постройки и обзревала местность, собираясь отправиться на поиски строительного материала. Птица легко снялась со своей присады и спланировала над нашими головами в сторону дюн. Опустившись на землю, она отчасти

утратила свою грациозность, когда, присев на полусогнутых лапах, стала теревить сухую веточку. Держа в клюве свое приобретение, она захлопала крыльями, вновь пролетела над нами и вернулась к строящемуся гнезду.

Полный контраст этому массивному хищнику составляет крошечный карликовый сокол. Особенно много этих птиц держалось в окрестностях огромного гнезда общественных ткачиков, висевшего на одиночно стоящем сухом дереве в долине реки. Как-то раз мы решили проследить, как именно эти соколы добывают здесь пропитание. Терпеливо просидев некоторое время под деревом, мы наконец увидели, как нечто бело-серое промчалось над нами и исчезло в хитросплетении сухой травы, из которой было свито гнездо. В тот же момент соколог выскочил наружу и уселся на соседнюю ветку, держа в лапе голое тельце птенца ткачика. Все это заняло какие-то доли секунды, и мы были поражены проворностью хищника и той легкостью, с которой он справился со своей задачей. Соколог несколько секунд поглядывал на нас блестящими глазками, а затем, не выпуская из лапы своей добычи, унесся прочь и скрылся в густой листве ближайшей колючей акации.

Таковы были некоторые наши впечатления от трехнедельного пребывания в прекрасной и незабываемой Калахари. Огорчало лишь то, что нам так и не удалось увидеть наиболее скрытного из местных хищников – бурую гиену. Каждое утро, осматривая долину и склоны холмов, мы надеялись хотя бы мельком бросить взгляд на это животное, о котором совсем недавно почти ничего не было известно. Оно, подобно другим плотоядным, подвергалось жестоким преследованиям со стороны владельцев стад крупного рогатого скота и овец. В результате бурых гиен осталось совсем немного, и нельзя быть уверенным, что

существующие ныне в заповедниках популяции смогут гарантировать выживание этого вида в будущем. Изучению образа жизни этих зверей в Калахари много лет посвятил известный биолог, профессор Гас Миллс. Эти исследования сняли покрывало таинственности, которым долгое время была окружена бурая гиена. В частности, Миллс обнаружил, что всего лишь пять процентов своего пропитания бурые гиены добывают охотой. Большое место в их рационе занимают ягоды, насекомые и птичьи яйца. Ученому удалось проследить однажды за поведением одиночной гиены, которой посчастливилось найти гнездо страуса с двадцатью семью яйцами. Только за две ночи зверь съел семь яиц, что по своей массе равноценно ста семидесяти куриным яйцам! Остальные яйца страуса гиена уносила из гнезда по одному и прятала в разных местах под кустами и в траве неподалеку от своего логова. Нет сомнений в том, что, распределяя яйца про запас по отдельности, гиена рассчитывала наиболее надежно укрыть свою добычу от других пожирателей яиц.

В Калахари охотничий участок бурой гиены покрывает площадь до пятисот квадратных километров. Эту территорию охраняет небольшая семейная группа, члены которой, однако, из-за скудости корма не охотятся вместе, подобно пятнистой гиене, но добывают пропитание поодиночке. Это кажется невероятным, но в пору появления детенышей все члены группы приносят им в логово кусочки мяса и кости. Это говорит о том, насколько организованной оказывается общественная жизнь этих замечательных животных, обитающих в суровой пустыне. Правда, отцы детенышей не кормят и вообще не остаются долго на одном месте. Дело в том, что взрослые самцы ведут бродячий образ жизни, и, переходя с одной территории на другую, разыскивают самок в течке, спариваются с ними и продолжают свой путь.

Я вспоминаю, как в последние дни пребывания в Калахари думал о том, что эти недавние открытия, касающиеся поведения животных, показывают, насколько много нам предстоит еще узнать о жизни дикой природы. Но коль скоро ее осада со стороны человека непрерывно усиливается, можно только гадать, сколь долго просуществуют еще не тронутые места и хватит ли нам времени, чтобы узнать все секреты животного и растительного мира. Национальный парк Калахари-Хемсбок в этом смысле особенно показателен. К концу нашего пребывания здесь разнесся слух, что по соседству, в Ботсване, начата разработка запасов нефти. Хотя никто официально не заявлял об этом, стало известно, что запасы нефти здесь весьма значительны, так что следует ожидать дальнейшей интенсификации промысла в этом, остававшемся пока нетронутым, удаленном районе. Геологоразведочные отряды уже нанесли заметный урон девственному ландшафту. Итак, одновременно с будущим экономическим развитием молодой страны погибнет еще один фрагмент дикой африканской природы. Между тем этот обширный район Ботсваны имеет жизненно важное значение для сезонных миграций животных Калахари. Естественный цикл природных явлений, составляющий саму основу жизни огромной экосистемы, может быть непоправимо нарушен, что приведет к непредсказуемым последствиям и к окончательной гибели местной природы.



Завершая наше путешествие по Южной Африке, мы покидали ожившую после недавних дождей Калахари и ее львов. Нас не оставляла мысль о том, насколько

разрушительно воздействие человека на первобытную природу Африки. Что ждет в будущем львов Калахари? И что готовит нынешняя ситуация нашим детям? И насколько беднее будут они без того богатства впечатлений и знаний, которые дает нам природа? Вот какие вопросы мучили нас, когда мы уезжали из национального парка Калахари-Хемсбок.



Глава пятая

Кения и «Отец львов»

Я только что вернулась из затерянного мира бескрайних просторов пустыни, я побывала в доисторическом мире. Сегодня, как и тысячи лет назад, после встречи с великим царем зверей, что подавляет вас, завладевая всем вашим существом, каждый почувствует, что львы – это то, ради чего стоило жить.

Корен Бликсен. «Письма из Африки»

Мы приближались к концу пути, проехав двадцать две тысячи километров по Южной Африке и посетив все виды ландшафтных зон, где только могут жить львы, и мне казалось, что наше путешествие – это своего рода паломничество. Мы собирались лететь в Кению, где должны были встретиться с Джорджем Адамсоном, «отцом африканских львов», в его лагере Кампи-иа-Симба (Лагерь Львов) в заповеднике Кора.

Сначала мы ехали к северу, затем повернули на запад, назад в Ботсвану, и сели на самолет, следующий из Габороне в Найроби через Хараре. Я не был в Кении со времен детства, но память о стране, олицетворяющей сафари, никогда не оставляла меня. Слишком сильно было влияние той поездки с родителями в Кению, в страну необычайно красивых мест и изобилия диких животных. Я понимал, что в те дни семена добра были посеяны в восприимчивом детском сознании. И то, что я снова возвращался сюда после многих лет, позволивших мне осуществить мою

мечту – жить и работать среди дикой природы Африки, – казалось естественным завершением пути, избранного с раннего детства.

Мы прилетели в Найроби поздно вечером. Нас встретил Джо Чеффингс, который на протяжении многих лет был тесно связан с природой Кении – сначала как охотник, а ныне в качестве организатора великолепных сафари для фотографов. Я встречался с Джо за год до этого на сафари в болотах Окаванго. Именно тогда, узнав о моем проекте путешествия по Африке, он сердечно пригласил нас с Джейн заехать к нему в гости в Кению.

Джо очень хотел показать нам местные достопримечательности, и уже на следующее утро он повез нас в национальный парк Найроби. Между прочим, по ночам голоса львов доносятся до жилища Джо в Лангата, настолько близко нетронутая природа парка примыкает к жилым районам Найроби.

Пока мы ехали в резерват, Джо рассказывал нам об истории парка и о его уникальности среди заповедников мира. Само возникновение национального парка Найроби во многом обязано необыкновенной притягательности для людей африканского льва. По существу, парк был основан благодаря равнодушному отношению к львам одного-единственного человека. Речь идет о Мервине Кови. Хорошо зная этих животных, он загорелся идеей создать первый в Кении национальный парк. Кови заверили в том, что если представители властей хотя бы коротко увидят львов на близком расстоянии собственными глазами, они почувствуют все величие зверя и сами захотят принять участие в проекте. Кови начал действовать в этом направлении. В самом центре нынешней территории парка, где растет одинокий баобаб, он приступил к подробному изучению повадок местных львов, известных сегодня под названием «прайда одиночного

дерева». План оказался успешным: как и было задумано, тогдашнему главе правительства Кении показали этих львов, и в 1946 году здесь был основан национальный парк.

О местных львах было написано и сказано немало. В шестидесятых годах К. А. У. Гуггисберг начал систематически наблюдать за ними. Он научился персонально узнавать многих членов прайда и впоследствии написал книгу «Симба», которую сегодня можно считать наиболее исчерпывающим для того времени собранием сведений о львах. В этой работе нашло отражение безграничное восхищение автора царем зверей. Я хорошо знаю, насколько аура, окружающая льва, волнует душу знатока и сколь сильные эмоции владеют пишущим об этих замечательных животных. В семидесятых годах проект по изучению львов осуществлялся в Найроби исследовательницей из Бельгии Юдифью Руднаи. Среди прочих полученных ею сведений о львах стоит упомянуть о придуманном Руднаи способе индивидуально опознавать этих зверей по расположению ямок на морде, из которых растут их усы, чем я воспользовался впоследствии, работая в Ботсване.

Сегодня нам не удалось увидеть этих знаменитых кенийских львов, но зато нам посчастливилось познакомиться с местными черными носорогами. Эти громоздкие, но порой предательски проворные существа почти полностью исчезли с обширных пространств Африки, где они некогда были столь обычными. Спрос на носорожий рог в Аравии и в странах Дальнего Востока, подогреваемый жадностью и неразборчивостью поставщиков, привел к уменьшению популяции этих животных в Кении до пятисот одиннадцати голов. Между тем еще в шестидесятые годы равнины и кустарниковые заросли Африки

населяло около ста тысяч черных носорогов. Только за время моей жизни люди стали свидетелями исчезновения девяноста процентов существ, по иронии судьбы завоевавших название «вечных животных».

Черные носороги попались нам на глаза дважды. Сначала мы заметили крупную самку с годовалым детенышем. Мамаша почти мгновенно среагировала на звуки наших голосов, которые донес до нее легкий ветерок. Находясь от нас на расстоянии около семисот метров, она начала угрожающе топтаться, а затем повернулась в нашу сторону, уставившись на непрошенных гостей своими близорукими глазами. Уяснив для себя, что мы находимся достаточно далеко, носорожиха развернулась на сто восемьдесят градусов и засемила к далеким холмам в сопровождении детеныша. Вскоре звери скрылись в густых зарослях кустарника. Вторая встреча с носорогом выглядела совершенно иначе: молодой самец мирно пасся недалеко от дороги и не обратил на нас ни малейшего внимания.



Эти встречи с представителями трагически вымирающего вида навели нас с Джо на печальные размышления. В прошлом он был профессиональным охотником, и черный носорог составлял неотъемлемую часть обстановки тогдашних сафари. Джо рассказал нам, что в те добрые старые времена внезапное появление старого рогача внезапно нарушало хорошо

спланированную операцию отслеживания объекта охоты. Носорог внезапно Врывался на арену действий, вызывая всеобщее смятение своей агрессивностью. Туристы в ужасе карабкались на ближайшие деревья, а сопровождавший их охотник-профессионал рисковал жизнью, пытаясь отвлечь носорога и заставить его удалиться. Белые охотники наподобие Джо испытывали явное расположение к носорогам и даже при самой серьезной опасности стремились не стрелять в зверя в целях самозащиты, оставляя спасительную пулю лишь на самый крайний случай.

Все это давно кануло в Лету. Население носорогов в Кении сократилось до минимума, и многие из числа выживших животных обитают в тщательно огороженных и пристально охраняемых убежищах, где они могут спокойно размножаться. Охотники вроде Джо стали свидетелями трагической кончины прежней Африки, ее красоты, опасностей и связанных со всем этим сильных ощущений. В глубине души они тяжело переживают случившееся, в том числе и трагическую судьбу носорогов. В сущности, все, что произошло с этими животными, в значительной мере постигло и самих профессиональных белых охотников Африки.

Все время, пока мы находились в парке, нам были видны небоскребы Найроби, составлявшие странный контраст с обстановкой девственной природы вокруг нас. Однако зрелище это порождало надежду на возможность мирного сосуществования ее с главным символом нашего общества потребления – современным городом. Временами ветерок доносил до нас шум городских улиц, нарушавший тишину девственной природы. В то время, как некий бизнесмен завтракает в ресторане с кондиционерами на верхнем этаже небоскреба, неподалеку от него внизу прайд львов выходит на охоту, стая франколинов поднимается в воздух, и варан, доживший до наших дней с

доисторических времен, пускается вплавь через заросшее кувшинками озеро. Тем и прекрасен Найроби, что прямо от его окраин начинается волшебное царство природы. Так что наша поездка в парк оказалась замечательной прелюдией к знакомству с природой Кении и ее животными, о которых мы узнали сегодня немного больше.

Лангата, где жил Джо, служит приютом множества знаменитых и не столь знаменитых лиц, которых стоило бы поместить в справочнике «Кто есть кто среди натуралистов Африки». Лангата захватывает часть имения писательницы Карен Бликсен, и именно здесь происходили многие эпизоды, описанные в ее легендарной книге «Из Африки». Неподалеку неизвестным преступником был в свое время убит лорд Эролл. В основе происшествия лежал скандал вокруг романа «Белое зло», в котором рассказывалось о жизни праздного великосветского общества белых в Кении тридцатых – сороковых годов. Все это происходило среди мягких очертаний виднеющихся издали холмов Нгонг.

И сегодня в Лангате можно встретить немало знаменитостей. Всемирно известный фотограф и писатель Питер Бирд частенько наведывается в свое ранчо площадью в двадцать акров. Активные защитники природы Ория и Ян Дуглас-Гамильтоны, поведавшие миру о прискорбном положении африканских слонов и носорогов, также живут здесь. Можно упомянуть и о Дафне Шелдрик, которая немало сделала для популяризации мира животных книгой о заповеднике Тсаво и своей любимице-слонихе Элеоноре. В Лангате базируется и Эсмонд Бредли Мартин – крупный знаток носорогов, постоянно стремящийся изменить отношение к ним со стороны приезжих из Аравии и из дальневосточных стран, скупающих здесь носорожьих рога. Мы с Джейн были под

впечатлением столь яркого космополитического сообщества людей, которых свела в этом маленьком уголке Африки их общая любовь к дикой природе.

Следующий день был полон приятнейших впечатлений. Ранее, из-за финансовых трудностей, мы планировали посетить в Кении только заповедник Кора. Но благодаря любезности Джо и его жены Симоны мы получили возможность побывать в истинном саду Эдема – в Масаи-Мара. К Джо как раз приехал турист из Америки, для которого организовывалось сафари, и нас пригласили провести несколько дней в поездке, прежде чем мы направимся в Кора. На следующее утро мы отправились в путь, и все, что происходило, было для нас с Джейн очень непривычным в последние несколько месяцев. Сафари, организуемые Джо, совсем не походили на экскурсии в микроавтобусах. Это было скорее путешествие того сорта, что прославил в своих сочинениях Роберт Руарк. Клиенты и организаторы сафари следовали в процессии на роскошных джипах. Вечером, когда наступало время остановиться в заранее запланированном месте, здесь уже были установлены душевые и туалеты. Комфорт не считали здесь чем-то несовместимым с приключениями. Именно так мы проследовали по маршруту от Найроби до великой африканской долины каньонов, Рифт-Валли. Сначала мы оказались на краю гигантского обрыва, образующего своеобразный борт долины. Вид впереди и ниже нас был поистине ошеломляющим: плоское днище долины шириной около сорока километров тянулось до горизонта, исчезая в направлении восточного берега континента. Рифт-Валли представляет собой уникальное геологическое явление: за счет гигантского разлома земной коры сформировались горные хребты и возникла цепь великих африканских озер. Это место ученые считают родиной всего человечества.

Мы начали спускаться вниз по серпантину, выстроенному около сорока лет назад, после второй мировой войны, итальянскими военнопленными, и оказались в конце концов у живописной церквушки, воздвигнутой в то же время и затерявшейся среди колючего африканского буша. Достигнув дна долины, машины свернули на юго-запад, по направлению к маленькому городку Нарок. Посреди просторов гигантской равнины там и тут виднелись самые различные представители богатейшей фауны Кении. Вдоль склонов паслись стада жирафов, и повсюду в изобилии встречались антилопы гну, газели Томпсона и Гранта и другие травоядные. В небесах скользили силуэты скальных канюков и стервятников – этих замечательных птиц, известных своей способностью использовать орудия. Недавно появились фотографии стервятников, запечатлевшие тот момент, когда хищник, держащий в клюве камень, заносит его, чтобы разбить яйцо страуса – столь любимое лакомство этих птиц. В Нароке мы сделали остановку, чтобы заправиться горючим и дожидаться автомобилей со служащими сафари. Дальше дорога не баловала нас: ее плотно пересекали промоины, вызванные недавними ливнями и заставлявшие буксовать колеса. Все эти неприятности усугублялись сильнейшей жарой. На последнем этапе продвижения к Мара перед нами неожиданно появились бескрайние поля пшеницы. Это вторжение цивилизации в местную природу воскресило в моей памяти плантации сосны за рекой Крокодайл у национального парка Крюгера и посевы сорго в районе Чобе в Ботсване. В трех разных районах Африки вас встречали новшества технологического века, непомерный рост численности населения и интервенция человека в святыни дикой природы. Джо, видимо, разделял мои мысли. Он начал вспоминать, как в этой самой долине – еще до нашествия земледельцев –

охотился на львов. В те дни эта земля еще принадлежала диким животным, и Джо добыл своего льва совсем не так, как это делается теперь, а, можно сказать, в честном единоборстве. Он разыскивал здесь льва по тем же мотивам, что тот отслеживает дичь и порой человека – чтобы помериться с противником силами в жестоком бою. Джо застрелил крупного самца льва, которого он отслеживал пешком несколько дней, и повстречался с ним так же, как некогда наши далекие предки выходили на битву с царем зверей. Джо относился ко львам с почтением и любовью, но он хотел противостоять вызову и мощи земли и ее исконных обитателей – ответить на этот вызов винтовочным выстрелом, поклявшись не делать этого больше никогда. Эти атавистические инстинкты и желания нашли свой выход здесь, где ныне колосятся поля пшеницы. И хотя я всегда был против охоты, это приключение Джо не вызвало во мне такого отвращения, как насилие, которому подвергается африканская природа сегодня: толпы «спортсменов», осыпающих животных свинцом с вертолетов, беззастенчивое использование петель, ловчих ям и яда. Все это – проявление ненасытного желания человека с помощью технических новшеств, подаренных человечеству его «прогрессом» как биологического вида, заявить о своем неоспоримом превосходстве над всеми прочими формами жизни. Сегодня, когда мы отравили даже воздух, которым дышим сами, мы уничтожаем и те корни, что связывают нас с первоосновами нашего бытия. Мы постыдно и бесповоротно порываем все связи с великим первобытным прошлым человечества.

Эти посевы пшеницы рядом с относительно нетронутым уголком африканской природы определяют дальнейшую судьбу всего континента. Народонаселение Кении растет, пожалуй, быстрее, чем

где-нибудь в другой части света. Пшеница – это пища нации, хлеб на полках и сытые люди. Однако подсчитано, что в 2010 году население возделываемых ныне земель превзойдет нынешнее на шесть миллионов человек. Где будут жить тоща все эти люди? Существует мнение, что в Кении есть только два района, пригодных для развития земледелия – Мара и территория примерно такой же площади на севере, в дельте реки Тана.

Опасения, которые я высказал во введении к этой книжке, становились все более обоснованными, пока мы ехали в сторону Мара, ибо именно здесь сходились в одной точке самые разные факторы, движущие человеческим обществом: политика, рост народонаселения, нестабильный рынок туризма, и каждый из них грозит стать настоящим кошмаром для африканской природы.

Не удивительно, если все это останется близоруко не замеченным в Мара, ибо здесь, на первый взгляд, ничто не замутняет чистоты ландшафта. Повсюду зеленеют чудесные травы – в полном контрасте с тем, что вы можете увидеть в Южной Африке. По пути к нашему будущему лагерю мы увидели стадо крупного рогатого скота, разводимого на краю заповедника местным племенем масаев. Масаи – уникальная народность Африки. Древняя культура и традиции масаев во многом помогают им противостоять разрушительному напору цивилизации двадцатого века. Эти люди столь же неотъемлемо связаны с первобытными равнинами, как газели, слоны и львы. Охота не входит в число традиционных занятий масаев. Они зависят от благополучия своего скота, который в свою очередь определяет благополучие этого народа. Мясо и молоко крупного рогатого скота – основные продукты питания благородного племени масаев.

Взаимоотношения их со львами уходят корнями в глубокое прошлое. За много столетий противостояния человека и зверя львы научились с почтительным страхом относиться к своему двуногому соседу. Если льву случается зарезать корову из стада масаев, зверя тут же выслеживают и убивают. Поэтому даже сегодня мальчишка-масай, размахивающий палкой, без труда прогоняет льва, невзначай вознамерившегося утащить корову из стада.

Скотоводы всей Африки могли бы узнать много полезного для себя, если бы познакомились с тем, как масаи защищают своих коров и избегают постоянных конфликтов с крупными кошачьими. С наступлением сумерек стадо неизменно загоняют в селение, именуемое маньята и огороженное непроницаемой изгородью из толстых колючих веток. Здесь коровы минуют традиционные жилища масаев с плоскими крышами и следуют на ночь в специальные стойла. Таким образом, скот оказывается защищенным и неприступным забором, и присутствием множества людей, так что хищнику не оставлено ни одного шанса чем-либо поживиться. Если бы этот предельно простой и эффективный способ охраны домашних животных был использован в других районах Африки, предубеждение людей против крупных плотоядных не было бы столь сильным, и конфликт между теми и другими не стал бы таким непримиримым.

Когда солнце коснулось горизонта, мы остановились около масайского маньята нанять на ночь сторожа для нашего лагеря из числа здешних моран (молодых мужчин). Посадив в машину юношу с копьем, мы поехали в лагерь. Достигнув стоянки, мы нашли здесь все прекрасно подготовленным к ночевке: палатки были уже натянуты, и костер ярко пылал. Мы вылезли из автомобилей и залюбовались открывшейся здесь панорамой долины. Лагерь разбили под навесом

раскидистых деревьев рядом с журчащим ручьем – точно так, как это описывал Руарк в своих повествованиях об африканских сафари. Огонь костра – этот жизненный центр полевого лагеря – бросал пляшущие тени на густую листву деревьев. Мы с Джейн, покончив с ужином, вышли из палатки столовой и присели послушать голоса африканской ночи. Когда же меня стало клонить ко сну, я инстинктивно почувствовал, что должен услышать этой ночью рыканье льва, вышедшего на охоту где-то в непроглядном мраке бескрайних равнин. С этими мыслями я погрузился в сон.

Я сразу же проснулся, шестым чувством уловив эти звуки за несколько часов до рассвета. Где бы вы ни слышали голос льва – будь то пустыня Калахари или девственные просторы Кении, – это всегда вызывает глубокие эмоции, затрагивающие глубины вашего существа. В хрупкой тиши раннего утра моя душа откликнулась на голос зверя строками из моей поэмы «Львиный прайд»:

О лев, как долго мои мысли были в твоих объятиях,
и еще сегодня воспоминания о твоей красоте
помимо воли возникают во мне.
Наши души непреодолимо тянулись друг к другу.
Твой след на песке предательски выдавал тебя,
и я пользовался этим, следуя за тобой.
Я находил тебя в пожелтевшей траве,
но ты растворялся,
исчезая в сплетении сухих ветвей.
Я был свидетелем твоих успехов и неудач;
я видел, как мужают твои отпрыски.
У меня на глазах ты сражался, убивал и умирал.
Увы, я видел, как тебя калечат уже на самом

пороге жизни.

Я знаю, почему твои беды и радости глубоко волновали меня

и навсегда останутся в моем сердце.

Вечерами ты извещал меня о своих невзгодах,
и эти жалобы доносил до меня твой
наполненный болью зов,
плывущий в прохладном воздухе.

Быть может, ты взывал ко мне о помощи,
ты просил признать твое право на
существование,
которому мы так долго угрожали.

О лев, ты выше смерти и вечно будешь бродить
по широким равнинам и в темных глубинах
сумрачного леса.

Я живу надеждой на это.

Не дожидаясь восхода солнца, вся компания направилась на автомобилях на пробуждающиеся от сна равнины. Вскоре показавшееся из-за горизонта светило озарило своими лучами ландшафт, который считают одним из прекраснейших природных сокровищ Кении. Мара выглядела сейчас как колышущийся ковер трав, пересеченный там и тут причудливо извивающимися руслами рек и протоков, водная поверхность которых отсвечивала зеленью глубоководных заводов. И повсюду виднелись стада антилоп конгони, топи с их голубоватым мехом на боках, разнообразных газелей. Множество буйволов, что разбрелись по пастбищу у берега реки Тарак, казались издали сбором черных муравьев. Гну и зебр было немного, но они должны были появиться в изобилии месяц спустя, когда стада копытных хлынут в Мара из Серенгети в поисках плодородных пастбищ и наводнят

округу тысячными легионами разнообразнейших представителей фауны.

Около полудня Джо предложил прогуляться в окрестностях Мара. Бредя по высокой траве, мы довольно близко подошли к троице слонов. Хотя разделяющая нас дистанция была невелика, они полностью игнорировали наше присутствие. Мы долго разглядывали животных, а затем потихонечку обошли их, пробираясь через кусты примерно в тридцати метрах в стороне. Жирафы, также отнесшиеся к нам без опаски, с высоты своего роста наблюдали за нашим передвижением.



Прогулка доставляла нам истинное наслаждение, и в довершение всего нам удалось впервые бросить взгляд на главную достопримечательность Мара – здешних львов. Джо, шедший впереди, резко остановился. Посмотрев в бинокль, он сказал, что видит нечто, окрашенное в сочетание желтого и белого, у подножия дальней гряды холмов. Джо в сопровождении Джейн подогнал к тому месту, где мы стояли, автомобиль, и мы обогнули на нем излучину протоки, направившись в сторону заинтересовавшего нас объекта. Вскоре его очертания стали более определенными, и наконец всем стало ясно, что мы обнаружили львов. Перед нами был прайд из пяти зверей: трех взрослых самок и двух львят. Возбужденные своей находкой, мы во все глаза смотрели на зверей в мягком свете клонящегося к закату солнца. Внезапно я услышал низкое мяуканье, доносящееся из густой куртины травы. При этих звуках

одна из львиц поднялась на ноги и подала ответный гортанный сигнал. В это время из травы появился самый юный член прайда – спотыкающийся пятнистый котенок не старше шестинедельного возраста. Эта трогательная сцена была последним аккордом длинного африканского дня, и, поскольку уже начали сгущаться сумерки, мы двинулись назад, оставив львов готовиться к наступающей ночи.

К полудню следующего дня мы с неохотой покидали приятную компанию наших попутчиков. Время уже поджимало, и нам следовало поскорее вернуться в Найроби, чтобы подготовиться к столь долгожданной поездке в Кору к Джорджу Адамсону. Джо подвез нас к взлетной полосе главного лагеря, где, ожидая прибытия самолета, я обозревал окрестности, дивясь изобилию дичи вокруг. Стадо из трехсот буйволов, движущихся плотной черной массой, пролагало дорогу сквозь расступавшиеся там и тут группы водяных козлов, конгони и кистеухих свиней. Среди деревьев, обрамляющих равнину, не торопясь передвигались слоны, словно какие-то серые призраки. Вот такое необыкновенное зрелище сразу же предстает глазам приезжих из далекой Европы или из Америки.

Мы горячо благодарили Джо, понимая, что никакие слова не в состоянии передать то, что мы чувствовали, побывав, благодаря ему, в сказочном мире заповедника Мара. Полет в Найроби занял не более сорока пяти минут, и это повеселило нас, когда мы вспомнили, что несколько дней назад тот же путь мы проделали за долгих восемь часов. Пожалуй, даже слишком быстро мы оказались в ином мире, столь отличном от того, где провели последние счастливые дни. Вторую половину дня мы посвятили подготовке к поездке в Кора. Мы зафрахтовали высокопроходимый джип «сузуки» и закупили провизии на несколько последующих дней. Заповедник Кора, где обосновался Джордж Адамсон,

представляет собой довольно дикий уголок на северо-востоке Кении. Зная, что лагерь Джорджа находится в пяти часах езды от ближайшего магазина, мы решили, что свежие овощи, фрукты и прохладительные напитки будут с радостью встречены в заброшенном Кампи-иа-Симба.

Мы много не говорили об этом, но хорошо понимали, что поездка в гости к Джорджу Адамсону – это последний этап нашего шестимесячного путешествия, которое сроднило нас и дало столько впечатлений и знаний, что страстно хотелось поделиться с кем-нибудь пережитым и увиденным. Нам предстояло прочесть последнюю главу жизненной повести, которая наверняка останется в памяти как одна из главных вех всей нашей судьбы.

На следующее утро, держа наготове план, который перед нашим отъездом наскоро набросал Джо, мы оставили позади себя окутанные легким туманом небоскребы Найроби. Мы уезжали, ничего не зная о том, сколько нам придется ехать до Кора, есть ли на пути бензозаправочные станции и что ждет нас в конце маршрута.

Мы направились сначала в сторону Тика, что примерно в сорока километрах от Найроби, затем свернули на восток, на дорогу, ведущую в Гарисса и далее к границе Республики Сомали. Чем далее мы продвигались к востоку, тем более был заметен постепенный уклон в сторону побережья материка. Между Тика и нужным нам поворотом на Мвинги мы остановились заправиться горючим в маленькой деревушке. На въезде в нее мы миновали типичный африканский базар. Это смешение лиц, красок и людских устремлений повергло в восторг Джейн, которая никогда раньше не бывала среди столь пестрой и возбужденной толпы, поглощенной оживленным торгом. Среди всего этого столпотворения людей,

одетых в яркие одежды, сочетавшие в себе все тона красного, зеленого, голубого и белого, на прилавках блестели сваленные в кучи безделушки и разложенные геометрически правильными рядами часы и браслеты. Женщины-аборигенки, несущие на себе маленьких детишек, приценивающиеся к товарам, бессознательно продолжали плести используемые здесь сумки кукуйя из пеньки. Когда мы миновали узкий темный вход в небольшое здание с вывеской «Гостиница», нас встретил характерный острый аромат африканского востока. Это был запах людей, приготовляемой пищи, экзотических напитков и сырого мяса. Мы с трудом нашли бензоколонку в этом скоплении людей, велосипедов и домашних животных. Она стояла на краю ухабистой дороги, покрытая пылью и заляпанная засохшей грязью. Увидев нашу машину, из проема дверей появилась безошибочно узнаваемая фигура служителя, белозубого и в щегольском кепи. Это был типичный персонаж в сцене заправки автомобиля в подобных забытых Богом селениях, неизменно вызывавший своим появлением прилив бодрости в такого рода местах, где от бензина зависят все ваши планы.

Мы заправились и, распрощавшись с приветливым служащим, медленно поехали по шоссе Мвинги – Гарисса через запруженную гомонящими людьми базарную площадь. Жара усиливалась, но дорога стала более приемлемой. Однако неподалеку от Мвинги относительно ровная, покрытая щебенкой трасса внезапно оборвалась, и мы оказались перед уходящей вперед полосой красно-рыжей грязи.

Я остановился, чтобы свериться с картой, а затем повернул на север, на грязную узкую дорогу, ведущую в Кора. По ней нам предстояло ехать около пяти часов. Мы проехали мимо нескольких разбросанных там и тут деревушек, и когда самые устрашающие ямы и рытвины

остались позади, открывшаяся перед нами панорама стала шире. Помимо этого изменения наше внимание привлекли дорожные знаки, указывающие на существование школ в этом районе. И действительно, за очередным поворотом дороги нам несколько раз попадались группы приветствовавших нас детей, одетых в синюю либо в зеленую школьную форму. Детишки с криком бежали за машиной, не выпуская из рук учебники и поднимая клубы пыли босыми ногами. Для меня эта сцена символизировала новую Африку и ее стремление к знаниям. Это было особенно трогательно в этой заброшенной части Кении с ее быстро растущим населением, среди которого молодое поколение должно составлять основную часть.

Далее, уже на подъезде к Кора, мы увидели картину, характеризующую скорее старую Африку: местных пастухов с их скотом. Пастухами нередко были мальчишки, но сколь бы мал ни был возраст оберегающего скот, он неизменно имел при себе лук и стрелы. Мальчишки держали пучки остроконечных стрел со стальными наконечниками с таким же достоинством, как их сверстники, встреченные нами ранее, несли школьные учебники. Не доезжая до Кора, мы остановились на отдых, чтобы немного размяться, ибо мы находились в пути уже не менее семи часов. Мы остановились под кроной развесистого дерева, и пока Джейн распаковывала наши дорожные запасы провизии, я по привычке проверил уровень воды и масла в моторе. Это быстро становится обычным делом для каждого путешествующего по ненаселенным местам, где ваше благополучие целиком зависит от исправности автомобиля. Неполадки в машине грозят серьезными неприятностями, если вы оказались в местности вроде этой. Именно эти мысли одолевали меня, когда, открыв капот, я увидел, что мотор и провода залиты горячим маслом, запах которого быстро

распространился вокруг. Я облегченно вздохнул, осознав, что «неприятность не так велика, как показалось вначале. Из-за тряски на плохой дороге крышка масляного насоса почти соскочила – благо, что она была закреплена на цепочке и мы не потеряли ее. Укрепив крышку, тщательно протерев все вокруг и проверив уровень масла, мы вновь пустились в путь.



Вскоре вдоль дороги нам все чаще стали попадаться баобабы. Их скрюченные наподобие корней ветви напоминали поднятые в исступлении руки безумного. Поистине старейшина среди африканских деревьев, баобаб часто упоминается в фольклоре местного населения. В Южной Африке многие племена считают, что Бог, поспешно создавая мир, по ошибке посадил это дерево корнями вверх. Так они объясняют странный облик баобаба. Бушмены Ботсваны думают по-другому. Согласно их легендам, Бог случайно уколол баобаб сверху иглой дикобраза (что обычно служит причиной заражения крови у животных), и после этого ствол дерева безобразно разросся в своей верхней части. Здесь, неподалеку от Кора, мы стали свидетелями того, как человек использует раскидистую крону баобаба в своих целях. На деревьях, стоящих вдоль дороги, там и тут висели какие-то странные цилиндры. Оказывается, это ульи для пчел, которые помещают на ветвях баобабов аборигены народности вакамба. Ульи заселяют дикие пчелы, которых время от времени выкуривают оттуда дымом, чтобы беспрепятственно забрать заготовленный насекомыми мед.

Эти улы, которые мы увидели на подъезде к резиденции Джорджа Адамсона, напомнили мне то место из его книги «Дикие животные Бваны», где автор рассказывает о сборщиках меда и о расправах с браконьерами, похищающими его из ульев. Много лет назад, патрулируя территорию заповедника, молодые помощники Джорджа задержали дряхлого старика из местной народности доробо. Этот человек был одет только в шкуру антилопы и не имел при себе оружия. Первое, что заметил Джордж, это руки старика, согнутые раз и навсегда в локтях наподобие лапок мертвой птицы. Оказалось, что в прошлом этот человек пользовался дурной репутацией похитителя меда. Как-то его схватили на месте преступления и, по обычаям доробо, жестоко наказали. Его руки согнули в локтях до предела и туго привязали предплечья к верхней части тетивой лука. Потом несчастного отпустили на все четыре стороны, изгнав из общества соплеменников в уверенности, что тот уже никогда не сможет воровать мед. С тех пор, вот уже на протяжении тридцати лет, бывший браконьер в одиночестве бродит по бушу. Когда патруль задержал его, он был не совсем в своем уме, но ухитрился выжить, поедая остатки добычи леопардов и львов и пробавляясь выкопанными кореньями и фруктами, которые ему удавалось добыть изуродованными руками.

Продвигаясь вперед, мы вскоре осознали, что пересекли уже никак не обозначенную границу заповедника и едем по территории Кора. Первым обитателем этих мест, попавшимся нам на глаза, был проскакавший мимо серенький дик-дик, а чуть позже мы увидели окрашенную в бронзовые тона жирафовую газель, промчавшуюся через дорогу. Эти животные кормятся в основном древесными побегами и листьями, но по внешнему виду имеют друг с другом очень мало общего. Антилопа дик-дик имеет высоту в холке всего

около тридцати пяти сантиметров, весит от трех до пяти килограммов и питается побегами невысоких кустиков и их молодой порослью. Жирафовая антилопа, или геренук, – животное средних размеров, кормом которого служат ветви более высоких кустов и молодых деревьев. Особенностью геренука является очень длинная шея, которая вкупе с привычкой этой антилопы становиться при кормлении на задние ноги позволяет ей дотягиваться до побегов и листьев, недоступных другим видам антилоп таких же, как она, размеров. Когда наша машина переезжала через песчаное русло протоки (по местному – люгга), мы впервые увидели еще одну антилопу – малого купу. Она немного мельче, чем обитатель Южной Африки большой куду, но выглядит, пожалуй, даже более привлекательной. Подобно дик-дику и геренуку, эта антилопа промелькнула мимо нас и скрылась в переплетении сухого кустарника и густой травы.

Я предположил, что осторожность этих созданий во многом связана с присутствием в этой местности стад и пастухов из Сомали. Хотя Кора и была убежищем диких животных, пастухи гнали сюда свои стада из-за бесконечных засух, а также по той причине, что в окружающих районах скопилось слишком много скота, и травы ему там уже не хватало. О том, что здесь пасли скот, говорило множество следов людей и домашних животных на дороге в Кампи-иа-Симба. Время от времени мне приходилось тормозить, чтобы объехать кучи камней на дороге. Это тоже была работа пастухов – чтобы замедлить движение подъезжающих автомобилей и успеть скрыться со своим стадом в густых зарослях подальше от дороги.

Машина медленно взобралась на перевал, и с этого возвышенного места перед нами открылась панорама заповедника Кора. Вдали виднелся хорошо заметный ориентир – гора Кора, у подножия которой разместился

лагерь Джорджа Адамсона. Когда мы спускались с хребта в сторону лагеря, я почувствовал, что предстоящий визит к нему завершает важную часть моей жизни.

Будучи еще ребенком и живя в Африке, я был вдохновлен личностью Адамсона. Я вырос на серии книг «Рожденная свободной» и хорошо помню, как в двенадцать лет читал книгу Джорджа Адамсона «Дикие животные Бваны». Когда мне исполнилось семнадцать, я написал Джорджу Адамсону из туманной юго-восточной Англии, где я в то время просиживал в холодной замкнутости классных комнат, заканчивая опостылевшее мне на протяжении двух лет обучение. И это – после идиллических (хотя, возможно, и не слишком много давших мне в плане образования) детских лет, проведенных в Нигерии и Малави. После окончания школы в Британии я твердо настроился вернуться домой, в Африку, и жить там среди дикой природы. В письме к Адамсону я предлагал ему мою, увы, непрофессиональную помощь. Хотя я не имел специального образования, мне казалось, что моя любовь к диким животным и инстинктивное понимание их может помочь делу. Джордж, по всей видимости, переслал мое письмо Джой Адамсон, которая в это время как раз искала помощника для планируемой ею работы с леопардами в Шаба. Ответ от нее я получил, находясь на каникулах в Малави. Письмо это шло очень долго: оно было послано в Британию, и уже оттуда его переслали в Малави. Я помню, какую радость и возбуждение испытал, получив эту весточку. Джой вкратце описывала предстоящую работу и посылала мне приглашение, на основе которого я смог бы получить разрешение прибыть в Кению.



Трудно описать ощущение счастья, которое я испытывал, читая это письмо. Наконец-то я вырвусь из холодной серости Британии, к которой я так и не смог привыкнуть после вольных дней своего африканского детства. Через неделю я вылетел в Англию, где должен был сдать последние школьные экзамены. Прибыв в Лондон, я купил газету и с ужасом узнал из заголовка, что Джой убили. Она написала мне ровно за месяц до своей смерти. Ее жизнь в Кении, ее книги о Пипе и Эльзе, из которых я так много почерпнул, вся ее неустанная деятельность – ничто не остановило руку жестокого убийцы.

И все же призвание человека осуществляется, подчас весьма необычно. Сейчас, по прошествии восьми лет, я все же встречаюсь с Джорджем Адамсоном, и эта встреча обязана моему раз и навсегда принятому решению жить среди природы, а также острому интересу и привязанности к африканским львам – тем самым животным, которых так почитает Джордж и так любила Джой Адамсон. Особая аура, окружающая царя зверей, в свое время заставила меня задуматься об угрозе его дальнейшему существованию. Отсюда и идея

посетить те разнообразные ландшафтные зоны Африки, где пока еще сохранились львы. И это самое путешествие привело меня к человеку, который отдал столько сил и времени, чтобы научить других любви к этим великолепным огромным кошкам. Страшная трагедия постигла Джой Адамсон, но это лишь прибавило мне сил в моих начинаниях.

Весь этот цикл был близок к завершению: мы подъезжали к уединенному жилищу Джорджа в Кампи-и-Симба. Служитель открыл ворота в высокой изгороди, защищающей лагерь от проникновения львов, и тут мы с Джейн поняли, что мы на пороге последней главы наших приключений. Мы увидели Джорджа, выходящего из покосившейся хижины. В его глазах мелькнул озорной огонек, когда он махнул нам рукой, держа в другой свою неизменную трубку. Мы назвали себя, и Джордж представил нас очаровательной леди по имени Маргот Хенке, которая также недавно приехала сюда. Хотя Джорджу было уже восемьдесят два года и он постоянно получал сотни писем со всех концов света, старик без труда вспомнил мои работы о львах и книгу «Плач по львам». При этой первой встрече я повторял про себя, что Джордж олицетворяет дружбу человека со львом и потому прозван «отцом львов», Длинные седые волосы старика, чем-то напоминающие гриву льва, падали ему на плечи. На нем были только шорты и сандалии на босу ногу. А медно-красная его кожа казалась выдубленной после стольких лет, проведенных под беспощадным африканским солнцем.

Джордж предложил нам выпить чаю, а затем отдохнуть после восьми часов, проведенных в пути. Маргот показала нам, где мы можем прилечь, и мы занялись разгрузкой автомобиля, отдав все привезенные продукты повару-суданцу Хамиси. Вечером, когда солнце начало склоняться к горизонту, мы расположились за общим столом, откуда открывался

вид на гору Кора. К нам присоединилась и Маргот, которая, как мы выяснили, много лет помогала Джой в переписке с ее американскими почитателями. Теперь она при каждой возможности приезжала к Джорджу и помогала ему по хозяйству в лагере. Сегодняшний день оказался для Джорджа и Маргот необычно беспокойным. Все ожидали приезда помощницы Джорджа, Георгины Эдмондс, которая, как полагали, уже выехала на машине из Найроби. Солнце уже садилось, а ее все не было, и это повергло Джорджа в страшную тревогу. Как раз за неделю до этого бандиты из Сомали вступили в схватку с охранниками заповедника, и один из объездчиков был серьезно ранен во время перестрелки. Так что местность была беспокойной и уж никак не подходящей для молодой женщины за рулем и без всякого сопровождения. К счастью, однако, зазвонил радиотелефон, Джорджу сообщили, что машина Георгины закапризничала перед самым выездом из Найроби и что приезда помощницы Джорджа следует ожидать к вечеру следующего дня. Узнав, что все в порядке, Джордж и Маргот с облегчением вздохнули.

Когда с этими тревожностями было покончено, нам рассказали, что приезд наш странным образом совпал с первым появлением львов около лагеря Джорджа за последние два с половиной месяца. Звери появились неизвестно откуда с первыми проблесками утренней зари. Джордж проснулся, каким-то чудом услышав, что лев лакает воду за изгородью лагеря. Хотя звери отсутствовали очень долго, двенадцатилетняя львица Грови все же приняла от Джорджа предложенное ей угощение. Но с наступлением рассвета все шесть львов ушли в буш так же неожиданно, как и появились. Поздно вечером, когда мы потягивали прохладительные напитки, было ясно, что Джордж очень взволнован утренним визитом своих львов. Позже он пошел в

хижину за своим громкоговорителем, а затем направился, безоружный, за ограду в чернильную темень ночи. Мы услышали его призыв, обращенный к старой львице: «Грови, иди сюда, Грови!». В ночной тиши голос Джорджа гроыхал наподобие рыканья льва и отражался эхом от горы Кора и соседних холмов. Но львы не появились, хотя, возможно, и охотились где-то неподалеку.

После ужина мы с Джорджем устроились в его хижине и отдались многочасовой беседе. Понятно, что главной темой разговора были все те же львы – наша общая любовь. Я услышал многое, что уже читал в книгах Джорджа, из его собственных уст, и это погрузило меня в атмосферу минувших лет, которые, казалось, прошли уж слишком быстро. Вся жизнь Джорджа состояла из цепи приключений, насыщенных опасностями и острыми ощущениями, но все, что с ним происходило, было в той или иной степени связано со львами. С того судьбоносного 1956 года, когда Джордж застрелил львицу, чья единственная дочь была прославлена позже под именем Эльзы, он полностью посвятил себя своим львам. С тех пор, как Эльза умерла, старик выкормил и выпустил на волю более тридцати львов. Он освободил всех этих зверей от жизни в заключении и дал им то главное, чего мы не вправе лишать дикое животное – свободу. В эту ночь я засыпал с чувством радости от того, что приехал в Кора и повстречался с Джорджем.

Львы так и не появились около лагеря в эту ночь. Поэтому утром, выпив наскоро по чашке чая, мы отправились с Джорджем и его следопытами на поиски зверей. На тот случай, если бы нам повезло, в кузов лендровера поставили небольшой холодильник с изрядным запасом козлятины для угощения львов. Я устроился рядом с Джорджем на переднем сиденье, а Джейн и Маргот расположились позади нас. Машина

шла по петляющему следу львов мимо горы Кора, и все внимательно осматривали окрестности в надежде увидеть прайд. Растительность здесь была типичной для пустынной местности, которую оживляли разбросанные там и тут деревья мирры с характерной, словно осыпающейся, корой. Мы сделали остановку на берегу реки Тана, чтобы осмотреть окрестности и попытаться обнаружить отпечатки лап львов. Именно здесь за несколько лет до этого Джорджу едва удалось уцелеть в драматическом столкновении с огромным бегемотом. Незадолго перед этим бегемот загрыз одного из львов Джорджа. И вот теперь он сам чуть не стал жертвой этой громадины. Началось все с того, что Джордж вышел на раненого бегемота. Как только тот почуял присутствие человека, он развернулся и бросился в погоню. Джордж успел вскочить в лендровер и захлопнуть дверь, и в этот момент разъяренное животное с разбегу врезалось в автомобиль. Прежде чем Джорджу удалось завести мотор, бегемот еще несколько раз наносил удары по машине и почти смял кузов. Сокрушив под конец ее переднее крыло, он удалился в глубокую заводь Таны.



Мы проехали еще несколько километров и остановились на отмели реки, чтобы освежиться пивом и заодно поискать следы львов. Пока мы находились здесь, следопыты наскоро соорудили удочки и исчезли

в ближайших приречных кустах в надежде поймать кошачьего сома. Пока Джордж смешивал свой любимый коктейль – джин с апельсиновым соком, я начал расспрашивать его, как он смотрит на возможность телепатии при общении человека со львами. Я знал, что в жизни Джорджа было немало странных случаев, которые можно было объяснить только этим явлением. В частности, львы Джорджа часто появлялись около его лагеря как раз в то самое время, когда он сам возвращался сюда после длительного отсутствия. Казалось, они как-то умудрялись предвидеть его приезд. Примером тому служили события, последовавшие после того, как Джордж провел много времени в Австрии, где ему сделали операцию глаза. Пока Джордж отсутствовал, львы ни разу не приходили в лагерь. Но уже на следующий день после его возвращения, когда он сидел в одиночестве, сортируя накопившуюся корреспонденцию, послышались знакомые звуки, и глазам Джорджа предстала львица Корета. С ней было два детеныша, которых никто никогда не видел прежде. Львица явилась, чтобы представить их Джорджу.

Обмен мыслями на расстоянии давал о себе знать в Кора и в несколько иных формах. Брат Джорджа Теренс незадолго до своей смерти обнаружил в себе дар ясновидца. При помощи маятника, карандаша и карты он ухитрялся предсказывать место пребывания того или иного льва, и эти предсказания сбывались, по словам Джорджа, на семьдесят пять процентов. Кроме того, Теренс правильно предсказал смерть льва Глави, которого действительно вскоре отравили. Он сообщил Джорджу, где тот сможет найти сестру Глави, Грови. Джордж поехал туда непроглядной ночью и нашел львицу именно в том самом месте, что назвал Теренс.

Я верю, что вопрос о возможности телепатии между человеком и львом получит свое объяснение, когда

наука интересуется этим вопросом, и мы узнаем больше о сложном переплетении факторов, лежащих в основе подобных явлений. Когда я работал в заповеднике Северного Тули в Ботсване, мне самому приходилось наблюдать такое поведение львов, которое выходило за рамки простых рациональных объяснений. В то время у меня установились поистине дружеские отношения с одним из львов-самцов, которого я называл Дарки. Этот лев зачастую проходил почти вплотную около моего, не защищенного дверцей, водительского сиденья, не проявляя никаких признаков агрессивности. Зверь останавливался буквально в двух-трех метрах от меня и некоторое время смотрел мне в глаза, прежде чем улечься тут же на землю. Полежав здесь некоторое время, зверь вставал и, уходя, касался боком автомобиля, а затем оглядывался по нескольку раз, словно приглашая меня следовать за собой.

Как – то я шел по следам Дарки, зная, что он прошел здесь всего лишь за несколько минут до меня. След вел через небольшую куртину кустарниковых зарослей. Войдя в кустарник, я почувствовал, что лев наблюдает за мной, но не испытывал ни малейшего страха. Здесь я потерял след, но продолжал двигаться в том направлении, куда, как я полагал, должен был пройти зверь. Не найдя отпечатков его лап, я вернулся назад и увидел след льва поверх вмятин от моих ботинок. Итак, Дарки тоже шел по моему следу, внимательно наблюдая за моими действиями. Но он не проявлял враждебности, зная, что и я не собираюсь причинять ему вреда. Случаи, подобные этому, убеждают меня в том, что возможны очень добрые отношения между человеком и львом, и мне, естественно, хотелось побольше узнать о сущности этого явления.

Моя беседа на эту тему с Джорджем, бесспорно, обогатила меня, ибо он был среди тех очень немногих, кто мог понять, о чем идет речь. Имея такого

собеседника, я чувствовал, что могу говорить, не таясь. Поэтому я не удивился, узнав, что опыт, приобретенный Джорджем, во многом совпадает с моим собственным.

Так и не обнаружив присутствия львов, мы решили вернуться назад в Кампи-иа-Симба. Но в этот самый момент я заметил след зверя на краю дороги. Джордж затормозил, и мы вылезли из машины. Нам следовало пройти по следу и определить общее направление, в котором направились львы. Отпечатки их лап были совсем свежими, так что не оставалось сомнений в том, что они могли устроиться на день в глубокой промоине – люгга не так уж далеко отсюда. Выяснив ситуацию, мы вернулись в лагерь позавтракать. Наша экскурсия продолжалась свыше четырех часов, и жара уже давала о себе знать.

Дом Джорджа в Кампи-иа-Симба – это настоящий «зоопарк наоборот». Высокая прочная изгородь создает ощущение просторной клетки для людей, недоступной для разгуливающих на воле львов. Однако изгородь не препятствует проникновению сюда других животных, и в часы ленча все эти обитатели Коры собираются в хижине Джорджа. В ожидании подачи вокруг вас снуют всевозможные щебечущие пернатые, среди которых особенно много скворцов. Их отсвечивающее металлическим блеском черно-оранжевое оперение переливалось под лучами полуденного солнца. Проворные белки лазали там и тут по стульям и по столу. Зеленые мартышки, желтоклювые якамары и капские вороны наперебой пытались привлечь к себе внимание Джорджа. Между тем он разбрасывал всем этим попрошайкам кусочки бисквита, семена кукурузы и другие лакомства. Годами все эти животные были как бы членами семьи Джорджа и относились к нему, как к кормильцу и покровителю. Он любил их всех одинаково – бойких ящериц, щебечущих птиц и, разумеется, свое кошачье семейство. Никто не бывал обделен во время

пиршества. Было очень трогательно видеть, насколько доверчиво вся эта живность относится к Джорджу. Мартышки брали пищу из его рук неторопливо и с достоинством, а белки и птицы – вполне безбоязненно, но будучи все же настороже.

Посреди всего этого бедлама повар Хамиси был занят сервировкой ужина. Этот человек, долгие годы служивший у Джорджа, был свидетелем многих его приключений – как забавных, так и достаточно опасных. Хамиси обладал хорошей выправкой и держался с большим достоинством. Здесь его считали мзее, что означает «старый уважаемый, человек». Его манеры были суровыми, но при этом, как я подозреваю, он не страдал от отсутствия здорового юмора. Хамиси за свою жизнь имел много дел с животными, и одно из его приключений чуть не закончилось трагически. Как-то он уехал навестить свое семейство и исчез надолго. Оказывается, когда он в гостях мыл своих коз на берегу реки, крокодил длиной в два с половиной метра выскочил из воды и бросился на него. Пока зверь тащил Хамиси в реку, тот громко кричал и пытался выдавить глаза своему мучителю. Крокодил ослабил хватку челюстей, выпустив жертву. Но пока Хамиси карабкался на отмель, страшилище схватило его снова. К счастью, подбежавшие сомалийские дети отвлекли внимание крокодила и прогнали его прочь.

Другим персонажем, которого трудно было не заметить во время общих трапез, был козел Лики, связанный тесными узами товарищества со старым Хамиси. Это существо скорее напоминало манерами назойливую собаку. Лики то и дело пытался присоединиться к обедающим, он лез на стол, разбрасывая при этом посуду и провизию. Когда же ему делали внушение, он в отместку принимался жевать пальмовые листья, которыми была покрыта хижина, или переплеты книг, стоящих на полках.

Этот вечер был похож на предыдущий, но обстановка казалась еще более сердечной из-за приезда Георгины. Звезды словно бриллианты сверкали в иссиня-черном небе, и все были настроены умиротворенно и мечтательно. Все мы не теряли надежды, что вот-вот должны появиться львы.

После ужина мы с Джорджем снова беседовали до поздней ночи. Я расспрашивал его о таких вещах, которые могли быть известны лишь ему одному, и он отвечал мне с дружеской готовностью. Наконец-то я мог поговорить с человеком о том, что не представляет никакого интереса для большинства людей: о телепатии, о взаимопонимании между людьми и животными и об опровергаемой обычно возможности духовного родства двух вечных конкурентов – человека и льва. Наше взаимопонимание, какого у меня прежде не бывало ни с кем из моих собеседников, основывалось на нашем общем опыте работы со львами, на общем для нас обоих эмоциональном отношении к ним и попросту на безграничной любви к этим замечательным животным. Мои давние потаенные мысли легко преобразались в слова, и Джордж с первого слова понимал, что именно я хочу донести до него. Джейн, Маргот и Георгина уже давно спали, и, пока мы сидели одни в темноте, казалось, что боги мира природы прислушиваются к нашей беседе и одобрительно кивают головами.

Наступление утра положило конец нашему визиту в Кору. Мы должны были возвращаться в Найроби, а затем – в Ботсвану. Тем не менее вся компания посвятила еще несколько часов поискам львов. В том, что мы так и не нашли их, таилось какое-то важное предзнаменование. И в самом деле, мы с Джорджем решили, что мне следует вскоре вернуться в Кору и помочь ему в работе со львами. Отсутствие львов как бы символизировало их призыв ко мне издалека.

Вот с такими чувствами Джейн и я распрощались с гостеприимными хозяевами. Мы познакомились всего несколько дней назад, но дух первобытного существования во владениях Джорджа и его вера в свое дело сплотили и сроднили нас всех.

Наше долгое путешествие близилось к концу. Каждая поездка открывает мир, дает новый опыт и убеждает в правильности выбранной судьбы. Все, что я узнал, странствуя по диким уголкам Африки, нашло свое подтверждение за несколько дней пребывания в Лагере Львов. Сами эти звери, их очарование дали мне ответы на все мои вопросы. И вот передо мной лег путь, по которому с решимостью я и буду следовать до конца – просто в Африку, за львами.



Постскрипtum

Многие страны Африки пришли в движение и громко заявили о себе уже после того, как я написал эту книгу. В Южной Африке наступил век новой политики, которая надолго определит судьбы этой земли и ее населения. Я очень надеюсь, что все эти коренные изменения принесут новое видение реальности и помогут жителям Южной Африки лучше понять всю необходимость защиты дикой природы. Я знаю, что будущее этих земель – в руках тех детишек, живущих среди холмов, о которых я упоминал в первой главе.

Ботсвана сегодня продолжает развиваться, усиливая деятельность по охране природы – этого самого ценного наследия прошлого. Думается, свет этих новых идей будет становиться все ярче.

Независимость пришла и в Намибию. Некоторые энтузиасты охраны природы сильно опасаются за судьбу здешних природных богатств. Но на место страха должна прийти надежда, поскольку в последние годы в черной Африке появилось гораздо больше национальных парков, чем их было во времена колониализма. Те люди, что стоят у власти в Намибии, вне всякого сомнения, понимают, насколько эти резерваты важны для всей экономики страны. Сейчас, когда ЮАР уже не контролирует территорию Намибии, здесь в ближайшем будущем могут появиться блестящие возможности для проведения сафари для тех, кто стремится попасть в нетронутые цивилизацией места.

Во время работы над этой книгой, да и позже, я почувствовал, что широкая публика стала лучше осознавать угрозу, нависшую над планетой. В Южной Африке многие, в отличие от прошлых лет, охотно

откликнулись на призыв «Сохраним носорогов!». Моя знакомая, белая африканка, живущая в Дурбане, собирает денежные средства в помощь этой программе. Как-то к ней подошел ее черный соотечественник и с явным сочувствием вручил ей взнос – два ранда. Отдав деньги, человек спросил: «Действительно ли это поможет спасти носорогов?» По его щеке скатилась скупая слеза. Моя знакомая ответила: «Да, да, конечно!» – и сама при этом едва удержалась от слез. Белые и черные граждане ЮАР, бывшие так долго разделенными политически, а также культурными традициями, ныне вместе думают об африканской природе, и это говорит о том, что Африке суждено возродиться.

Вскоре после завершения этой книги я вернулся в Кора и приступил к совместной работе с Джорджем Адамсоном. Мой приезд сюда совпал с разгаром форменного кризиса в жизни этих мест. Вооруженные банды из Сомали начали широкомасштабное уничтожение слонов по всей Кении ради их бивней. Уже на следующий день после моего приезда в Кора я наткнулся на раздувшиеся от жары трупы слонихи и ее детеныша, лежавшие рядом, – мать и дитя. Бивни обоих зверей были вырваны и похищены. Сострадание к невинно убиенным и гнев охватили меня. Ужасно было то, что Джордж Адамсон, отдавший всю свою жизнь делу охраны природы Африки, на закате лет был вынужден мириться с бессмысленной жестокостью и с насилием по отношению к тем существам, которых он так любил. На следующий день браконьеры, промышляющие слоновой костью, убили двух объездчиков заповедника; третий, тяжело раненный выстрелом в спину, едва добрался до лагеря Джорджа. В ответ на эти события президент Кении Арап Мои издал указ, предписывающий стрелять в браконьеров

без предупреждения, чтобы воспрепятствовать их насилию над людьми и животными.

Работая рука об руку с Джорджем, я приобрел учителя и источник вдохновения. Но мне даже в голову не приходило, какие страшные события могут разыгаться здесь в последующие несколько месяцев. Не прошло и года после гибели двух объездчиков в Кора, как сам Джордж был убит двумя людьми из его прислуги. Это злодеяние, совершенное преступниками в погоне за слоновой костью, разрушило наши последние связи с Африкой прошлого. Прервав жизнь бесстрашного борца за благополучие львов, преступники погубили свои черные души.

Джордж умер, как умирают любимые им львы – сражаясь за свою жизнь, отданную другим. Это была страшная потеря для меня, но я понял, что должен продолжить его дело.

Для меня афро-азиатский символ вечности – змея, пожирающая свой хвост, – означает жизненный цикл внутри цикла существования вселенной. Сегодня я вновь на своей любимой земле, где впервые узнал львов и всей душой привязался к ним. Я работаю в нетронутом буше заповедника Северного Тули в Ботсване. Рядом со мной живут три юных льва, оставленных мне в наследство Джорджем и возвращенные мной в дикую природу. Я привез этих зверей из заповедника Кора, будущее которого оказалось под вопросом после смерти Джорджа. Я вернулся домой, и эти львы нашли здесь приют для себя. Сегодня африканский лев вынужден бороться за свое существование и благополучие. И я собираюсь приложить все усилия для лучшей охраны моих трех любимцев и всех обитателей заповедника Тули. Эту мою глубочайшую привязанность ко всему живому – и ко львам, – возможно, лучше выразят стихи Френсиса Ннаггенды:

Умершие – не в земле:
Они – в шелестящей листве,
Они – в стонущем под ветром лесу,
Они – в журчащей воде ручья...
Они продолжают жить.
Когда наши предки вспоминали Творца,
Они говорили – Он с нами.
Он с нами, когда мы спим,
Он с нами, когда мы выходим на охоту,
Он с нами во время праздничных танцев.

Книга вторая

Посвящаю Джулии с любовью и благодарностью и памяти моего сына, пусть не по крови. но по духу бесконечно родного.

Жизнь облаков суть расставания и встречи, Улыбка и слеза.

Кейлил Джибран. «Улыбка и слеза»

Любовь своей не знает глубины До часа расставанья.

Кейлил Джибран. «Пророк»

Пролог



Мбатиан – так называется самая высокая вершина Кении, устремившаяся ввысь над склонами из камня и снега. Его близнец – другой великий пик – называется Нелион. Эти рвущиеся к небу горные вершины были наречены в честь двух знаменитых братьев, вождей племен масаи, живших столетие назад и прославившихся как ясновидцы и мастера религиозных таинств. К северу от этих гор лежит пограничный район, где жаркие дни и холодные ночи и где пять лет тому назад жила Безымянная львица.

И был у той львицы верный рыцарь – огромный лев с желто-коричневой, золотой гривой, венчавшей его как царя дикой природы. Прошли недели со времени их страстной встречи, когда львица почуяла приближение родов и сыскала себе потаенный уголок, чтобы произвести и выкормить в нем потомство. Здесь, в укромном местечке, откуда открывался вид на гору Кения, она породила троих детенышей – троих львят, чьи судьбы слились с моей судьбой и о чьих жизнях я поведу речь.

О них и будет мой рассказ – о льве по имени Батиан и его сестричках Фьюрейе и Рафики – ПОСЛЕДНИХ ИЗ СВОБОДНЫХ.



Введение

Нам не следует определять ценность животных, не ведающих категорий ценностей. Нам нужно научиться гарантировать им свободу исключительно ради них самих. Но только сейчас человеческое мышление начинает приближаться к такому уровню нравственности.

Джордж Шаллер

Земля, в которой жила Безымьянная львица, не была национальным парком. Это был отдаленный уголок Кении, где каким-то образом умудрялись сосуществовать бок о бок скотоводство и туризм, рассчитанный на любителей дикой природы. Здесь и охотилась наша героиня – ее добычей становились зебры, канны, конгони, импалы, большие куду, газели Гранта, геренуки, но не брезговала она и домашним скотом.

Обитавшее в этих местах белое кенийское семейство Крэгов, имевшее доходы и от местного туризма, и от скотоводства, называло ее не иначе как отпетой живодеркой. Не желая губить львицу, Крэги с самого начала пытались отловить ее и живой сдать в национальный парк – тем самым удалось бы и ей сохранить жизнь, и уберечь скот от потерь. Но время шло, попытки заманить ее в ловушку оказались безуспешными, и скот продолжал гибнуть.

Вот и дилемма – конфликт между человеком и крупными хищниками, столь типичный для сегодняшней Африки. В результате исконный дикий

мир, который сложнее и загадочнее, чем наш, все больше сдает свои позиции.

В то злосчастное утро львица, почуяв муки голода, медленно поднялась со своего материнского ложа, где выкармливала троих детенышей, потянулась, медленно вышла из своего укромного уголка и ушла. Осознав, что матери рядом с ними нет, львята подползли друг к другу и свернулись в один маленький рыжевато-коричневый клубок. Это успокоило их, и, подремывая, они стали ждать возвращения матери – а было этим несмышленишам всего-то пять дней от роду. Но мать больше не вернулась. Не довелось им больше ни согреться ее теплом, ни отведать ее жирного молока, ни почувствовать прикосновение ее языка, гладившего их пестрые спинки и белые животы.

Тем ранним утром мать охотилась в долине, пытаясь насытиться сама и насытить своих крошек – свое будущее, спрятанное среди густой травы. Наконец она подкараулила и растерзала корову – действия, продиктованные символическим круговоротом жизни и смерти. Но с точки зрения человека, бесконечно удаленного от природных циклов, она совершила преступление – преступление против главной ценности человека – собственности...

В тот день Безымянная львица была убита наповал. Человек решил, что гибель скота дольше продолжаться не может и должна быть пресечена. Прогремел выстрел, онемело ее золотое тело – и тут человек обнаружил, что она вскармливала потомство. Крэги, опечаленные тем, что по их вине детеныши лишились матери, организовали поиски, и через два дня укромное гнездо, оставленное львицей, было наконец найдено. Так нашли Батиана, Фьюрейю и Рафики; детеныши оказались целыми и невредимыми, у них только что стали прорезываться глаза.

Крэги пеклись о детенышах в течение десяти дней, а затем полетели с ними в национальный заповедник Кора, лежавший в 250 километрах к востоку, и там передали старцу с пышными седыми волосами, потому что он один мог обеспечить им будущее не за прутьями клеток, а на воле. Этого старца звали Джордж Адамсон.



Крошечным львьятам суждено было стать Последними свободными – последними из длинной череды львов, прошедших через его заботливые руки. А Первой из свободных была львица по имени Эльза, которую Джордж и его жена Джой возвратили на свободу в 1956 году. С Эльзы началась эра Рожденных свободными – из историй о животных, чья жизнь в дикой природе была связана не только с жизнью им подобных, но и с жизнью людей. Повесть «Рожденная свободной» снискала, возможно, самый большой успех и любовь читателей. Ставшая бестселлером трилогия Джой Адамсон, которую составили повести «Рожденная свободной», «Живущие свободными» и «Вечно свободные», тронула сердца миллионов людей и вызвала к жизни внимание и сострадание к дикой природе Африки.

Сам же Джордж, не искавший громкой славы, неустанно заботился о львах, которым затем возвращал свободу, – за почти тридцатилетний период таковых оказалось двадцать пять. Сегодня потомки этих освобожденных львов странствуют по заповедным землям Кора и Мену – об этих львах, как, например, о Грови, он рассказывал мне с гордостью.

Целью жизни старца была свобода львов. Ему частенько доставалось от иных «природозащитников», объявлявших его работу ненаучной и лишенной ценности для дела сохранения живой природы. Этим горе-критикам, не обладавшим ни мудростью Джорджа, ни его видением мира, не дано было докопаться до сути его дела. Его работа, не претендовавшая называться научным исследованием, была преисполнена другим колоссальным смыслом – нравственным.

Джордж осуществлял исконное право львов быть свободными. Свобода – будь то отмена рабства в прошлом или борьба за права человека в наши дни – входит в плоть и кровь бытия человека. Задолго до того, как активизировалось движение за права животных, Джордж верил, что свобода изначально присуща всему живому, и верил в свое родство со всем живым. Однажды он написал:

«Если лев свободен только есть, спать и совокупляться, то это не лев. Он должен быть свободным – охотиться и выбирать себе добычу, искать и находить себе пару, обосновываться на своей территории и защищать ее, наконец, умирать, где рожден – посреди дикой природы. Он должен иметь все те права, что и мы».

Еще с детских лет, которые протекли в Нигерии и Малави, я зачитывался книгами и статьями Джорджа и Джой, в которых они рассказывали про свою работу, и впечатление от них было настолько сильным, что они оказали решающее влияние на мою судьбу. Уж так получилось, что я впервые встретился с Джорджем за несколько недель до того, как ему передали львят. Я посетил заповедник Кора в поисках материала для своей второй книги «Там, где бродили львы», повествующей о прошлом величии и теперешнем плачевном положении этих животных; вообще все, что связано со львами, было в центре моего внимания.

Через два месяца после нашей первой встречи я возвратился в Кора помогать Джорджу в его работе. Естественно, как только я прибыл в его лагерь «Кампи-иа-Симба», первое, что мне захотелось, – взглянуть на троих малышей, чья судьба явилась воплощением сущности философии четы Адамсон. Маленький львенок получил кличку Батиан по горе Мбатиан, близ которой он появился на свет, а две сестрички – Рафики и Фьюрейя, что означает «друг» и «радость» на языке суахили.

Я отправился туда, где содержались львы, и всмотрелся в глубину большой деревянной клетки. Почуввав мое появление, три детеныша повернули головы, но они были еще слишком крохотны, чтобы заметить меня. Они были очень умилительны, но все же я не мог смотреть на них без грусти. Конечно, в лице Джорджа они обрели самого лучшего приемного отца, какой только возможен, но когда я представлял себе гнездышко в густой траве, где львица выкармливала детенышей и куда она уже больше не вернется, у меня – да и у него – сжималось сердце. Эти три львенка стали, по крайней мере в моих глазах, символом своего преследуемого племени.

Кроме того, чем больше я смотрел на львят, тем больше будоражили меня вопросы относительно их будущего. Львята подрастают быстро, по мере их физического развития усиливаются и их природные инстинкты. Они станут взрослыми львами – членами своего племени, которое теперь, из-за роста людского населения и расширения сферы влияния человека, живет на ограниченном пространстве африканских равнин. Стоя у клетки и глядя на них, я не мог не задуматься об их будущем. Впрочем, до меня дошло, сколь бессмысленны эти размышления – только время способно развеять завесу, окутывающую их будущее.

Теперь я понял, что наполнявший меня тогда страх перед будущим этих детенышей был страхом за все львиное племя. В этот период над дикой природой и людьми Кора, да и всей Кении, нависла угроза, имя которой – «шифта». Сомалийские браконьеры истребляли кенийские стада слонов. Только в одном национальном парке за шесть месяцев было истреблено шестьсот слонов. Последние стада Кора также пали жертвой браконьерских пуль. Жителей Кении вооруженные до зубов банды сомалийцев терроризировали не меньше. В отдаленных уголках страны бандиты грабили пассажиров автобусов, а иногда и убивали их. На второй же день после моего возвращения в Кора в заповеднике попала в засаду машина с егерями – двое были застрелены насмерть, а третьего, выжившего, доставили в лагерь Джорджа с пулей в спине. Да, лихое было времечко и для Кора, и для многих уголков страны.

После инцидента с попавшей в засаду машиной президент Кении Даниэль Арап Мои провозгласил указ, согласно которому незаконно носящее оружие лицо, схваченное вне населенных пунктов и сопротивляющееся аресту, подлежало расстрелу на месте. За последующие месяцы на основании этого указа были уничтожены семьдесят членов «шифты» – все сомалийского происхождения; и в результате национальные парки Кении обрели долгожданный покой.

В этот раз я приехал к Джорджу в Кора на шесть месяцев. Он хотел, чтобы я работал вместе с ним и продолжил работу после него – он хотел знать, что его дело будет продолжено и Кора не заглохнет в будущем. Конечно, Джордж оказывал мне огромную честь; но все же я еще не мог видеть в этом свою судьбу. Пока Кора не получила статус национального парка, нечего было рассчитывать на финансирование проектов по

сохранению дикой природы, которые планировали мы с Джорджем. Без этих двух взаимосвязанных факторов получить штатную работу в Кора я не мог.

С тяжелым сердцем я покинул Кора в январе 1989 года, вернулся в Южную Африку и взялся за книгу «Львиное наследие» – книгу о Джордже и в защиту Кора. Я надеялся, что она внесет свой вклад в дело охраны дикой природы этого региона и в дело, которому посвятил себя старец.

В этот период я также планировал возобновить собственные исследования жизни львов в Тули (Ботсвана) – на земле, где шесть лет назад зародилось мое увлечение львами, переросшее в любовь. Я все больше понимал, что обязан и далее доводить до сведения общественности, в каком плачевном состоянии пребывает львиное племя по всему африканскому континенту, и вызывать к людскому сочувствию. Вместе с тем мне нужно было сосредоточить усилия на защите отдельно взятой популяции львов, находящейся под угрозой, и взять под охрану отдельно взятую местность. Я планировал вернуться в заросшие кустарником земли Тули и основать фонд, имеющий целью широкомасштабную защиту львов Тули и земель, где они живут. Прошло время, и, параллельно с выдвижением других целей, был основан «Тули Лайон-Траст».

Новости, которые я в то время получал из Кора, были более чем радостными. В одном из выпущенных им бюллетеней новостей, датированном мартом 1989 года, Джордж писал следующее:

«Безопасность в заповеднике поддерживается на высоком уровне; ведутся переговоры об устройстве в заповеднике временного полицейского лагеря. Продолжаются дискуссии на тему придания Кора статуса национального парка, что обеспечит ей стабильность на будущее; как бы мне хотелось увидеть,

как это произойдет. В настоящее время сомалийцев у нас в заповеднике нет, и звери стали заметно менее пугливыми».

Ниже был опубликован снимок, изображающий Джорджа с бокалом в руке и с тремя львятами, присматривающимися к бутылке шампанского в серебряном ведерке. Подпись под ним гласила:

«Этот снимок был сделан в день моего 83-летия, третьего февраля. Похоже, львятам нравится шампанское».



Заметка заканчивалась так:

«В общем, здесь все идет неплохо – по крайней мере сейчас, и у меня есть все основания верить, что в течение года дела пойдут еще лучше!»

Во второй неделе августа 1989 года Джордж получил долгожданную добрую весть о том, что национальный заповедник Кора, о котором он так ревностно пекся в течение девятнадцати лет, был наконец преобразован в национальный парк. Радость почтенного старца не знала границ. Теперь можно было надеяться, что Кора, львы и вообще весь этот регион дикой природы окажутся под более надежной защитой.

Всего несколько дней спустя Джордж Адамсон был застрелен бандитами.

В это время в лагере находилась Инге Ледертейль из Германии, которая регулярно посещала «Кампи-иа-Симба». Весь ужас трагедии разыгрался у нее на глазах.

В ночь накануне гибели Джорджа в лагере, таинственно появилась львица Грови, которой он так гордился, и выводок детенышей. Эти рожденные

дикиими львы, потомки тех, кого Джордж подготовил к жизни в дикой природе и выпустил, сохранили необъяснимую тягу к Джорджу и время от времени навещали его. С момента, когда Джордж видел их в последний раз, прошло несколько недель.

Инге и сотрудники заповедника видели, как в эту ночь Джордж вышел за ограду и направился к львам, раздавая им в знак своей привязанности куски мяса – это был своего рода ритуал в лагере «Кампи-иа-Симба». Когда львы с довольным рычанием удалились во тьму, Джордж наверняка испытал чувство глубокой гордости за себя.

На следующий день в полдень над лагерем на небольшой высоте пролетел самолет, делая знаки, что идет на посадку. Инге с водителем по имени Битача выехали по направлению к посадочной полосе для встречи самолета и его пассажиров. Вдруг раздались выстрелы, из кустов выскочили бандиты и заставили Битачу остановить машину. Требуя денег, бандиты безжалостно перебили Битаче ноги железным прутом и принялись избивать Инге.

Услышав выстрелы (а может, получив известие от кого-то из егерей), Джордж взял нескольких работников лагеря, автомат и охотничье ружье и помчался на другой машине в направлении посадочной полосы. Увидев машину и окруживших ее бандитов, он, прежде чем бросаться в бой, замедлил ход, чтобы оценить обстановку.

Этот отчаянный жест в попытке защитить жизнь стал для Джорджа последним. Ему стреляли в бок, когда он настиг бандитов, и в спину, когда машина остановилась. Вместе с ним погибли двое преданных ему сотрудников.

Трагедия глубоко потрясла многочисленных друзей Джорджа по всему миру, всех тех, кто сочувствовал ему. Его гибель оставила след и в его питомцах,

которым к тому времени исполнился год, и в Грови и ее потомстве.

Вот как мне о том писала Инге:

«В субботу днем (этот день будет преследовать меня всю оставшуюся жизнь!) Рафики убежала из лагеря из-за всей этой пальбы и провела свою первую ночь среди дикой природы. К тому времени, когда егеря доставили погибших и меня обратно в лагерь, там появилась Грови с семейством – всеми пятнадцатью львами. Вот почему, я думаю, Рафики оказалась так напугана, что побоялась вернуться в лагерь». (В прошлом потомство львицы Гроу проявляло агрессивность по отношению к нашим трем львям.)

Инге немедленно вылетела из Кора на военном вертолете, увозя с собой тело Джорджа. В поиске бандитов было задействовано несколько сот солдат. Через несколько дней один из бандитов был схвачен в деревне Мбала-Мбала, в двадцати милях от Кора.

Около ста солдат разместились и на территории самого лагеря «Кампи-иа-Симба», и три львенка, которых никуда не выпускали из клетки, метались по ней, зовя Джорджа; и так же точно с нетерпением ждали Джорджа птицы, белки, морские свинки – вся его «лагерная семья» ждала, когда же Джордж придет их кормить. Этому ритуалу, который продолжался в течение девятнадцати лет, теперь настал конец.

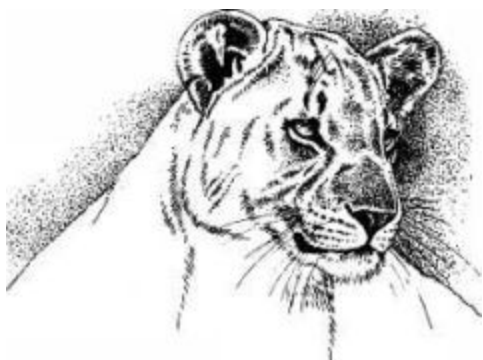
* * *

Два с половиной месяца спустя я гулял в сопровождении трех счастливых молодых львов – Батиана и его сестричек. Спотыкаясь, брели они среди африканских кустарников. Это было уже не в Кора, но в сотнях миль к югу от нее – в зарослях Тули, в Ботсване.

Смерть Джорджа не унесла с собой свободу для троих его питомцев.

Я выхлопотал разрешение многих сторон, в том числе правительств Кении и Ботсваны, отвести в полное распоряжение троих питомцев Джорджа территорию в буше Тули, лежащую на стыке трех стран – Зимбабве, Южной Африки и Ботсваны. Единственной альтернативой, как мне казалось, могло быть только содержание их в неволе. В самом же Кора в обозримом будущем не предвиделось надежды, что кто-то продолжит дело Джорджа по подготовке львов к жизни на воле или вообще так же, как он, будет печься о Кора. Только взяв львов в Ботсвану, я мог попытаться подарить свободу этим сиротам, которых я так любил.

В последующие два с половиной года дело возвращения львов на волю было освоено. Это было время, подарившее много счастья, но знавшее и немало горестных моментов. Проще сказать, время смеха и время слез.



Глава первая

Быть свободными!

Могучие моторы аэробуса компании «Кениан Эйруэйз» протяжна взревели, и самолет покатился по взлетной полосе аэропорта Джомо Кениата. Как только самолет набрал высоту, у меня отлегло от сердца. Наконец-то я и львы были на пути в Ботсвану. Перевезти трех молодых львов из заповедника в Кении за семь тысяч километров на юг, в заповедник в Ботсване, оказалось не самым легким предприятием.

К счастью, мне удалось не только выхлопотать в Найроби все необходимые разрешения, но и заручиться спонсорской поддержкой при перевозке львов в Ботсвану. «Эльза-Траст» любезно покрыл расходы по перевозке из Кора в Найроби, а авиакомпания «Эйр Ботсвана» вместе с «Кениан Эйруэйз» (эта последняя вскоре стяжала славу «гордости Африки») оплатили мой перелет вместе со львами в Ботсвану.

В это утро вылет рейса KQ-440 из Найроби в Габороне с посадкой в Хараре задерживался ввиду погрузки троих необычных пассажиров, а именно моих львов в трех прочных деревянных клетках. Я стоял на гудронной полосе и наблюдал за погрузкой, и в какой-то момент мне показалось, что в багажном отделении может не хватить места для всех трех клеток. Вдобавок в самый разгар всей этой возни водитель автопогрузчика свалился прямо в клетку к Батиану и чуть было не опрокинул ее. Львы зарычали, люди кричали бедняге, что ему делать; другие смеялись, обсуждая груз, который полетит в багажном отделении.

Я носился туда-сюда, проверяя, в каком состоянии львы, объясняясь с чиновниками, и в конце беспомощно наблюдал за погрузкой до самого ее окончания. Одна из

клеток меня особенно беспокоила – ее просто поставили среди чемоданов и коробок. Тут ко мне подошел служащий компании «Кениян Эйруэйз».

– Посмотри, все о'кей, – сердечно сказал он и добавил уже более строгим тоном: – Ну, теперь садись в самолет – дольше откладывать рейс мы не можем.

В последний раз взглянув на клетки со львами, установленные в багажном отделении, и еще раз раскланявшись с управляющим персоналом, стоявшим на взлетной полосе, я взбежал по ступенькам и, оказавшись в салоне, направился к своему креслу.

Сразу после взлета я почувствовал, что кто-то треплет меня за плечо. Это была сидевшая по другую сторону прохода темноволосая немолодая дама в костюме «сафари» цвета хаки.

– Вы не знаете, чем вызвана задержка? – спросила она с акцентом, характерным для южных штатов.

– Да были проблемы с погрузкой моих львов, – просто ответил я.

– Львов?! – воскликнула она, и несколько голов повернулись в нашу сторону. – Как же нам никто ничего не сказал! Нельзя же возить львов в самолете вместе с людьми! Это, должно быть, против международных правил!

Тут погасла надпись «Не курить». Я лихорадочно зажег сигарету и сказал шепотом:

– Все нормально. Они же не с нами в салоне. Они в прочных клетках в багажном отделении.

– А если они вырвутся? – фыркнула она и отвернулась.

У меня не нашлось для нее ответа – во всяком случае такого, который удовлетворил бы ее. Я развалился в своем кресле и задумался. «Да, в Америке у меня бы этот номер не прошел», – предположил я.

По пути в столицу Ботсваны Габороне самолет совершал посадку в Хараре, Зимбабве. Когда самолет

сел и вырулил на стоянку, я спросил стюардессу, могут ли я, пока мы не взлетели, осмотреть своих львов. Она ответила, что проблем не будет.

Я мигом соскочил по ступенькам трапа на взлетную полосу и направился под брюхом самолета туда, где из его нутра выгружался багаж с назначением в Хараре. Я обратился к одному из работников, объясняя, что там у меня в багажном отделении клетки со львами и что я желал бы их осмотреть. Он покачал головой, дав понять, что недопонял.

– Шумба! Шумба! («Лев» на языке сивдебеле)-крикнул я, чтобы подчеркнуть значимость сказанного.

Разгрузка внезапно прервалась, и меня пригласили лично освидетельствовать львов, по-прежнему ли они находятся в безопасности. Я взобрался в багажное отделение и направился к трем клеткам. Львята, по-видимому, смирившиеся с обстоятельствами, смирнехонько лежали, глядя на меня своими немигающими янтарными глазами. Я ласково позвал их, а сам думал: как же я буду счастлив, когда путешествие закончится! Вернувшись, я заверил работников, что клетки целы и в безопасности, и принялся сам помогать разгружать адресованный в Хараре багаж, которым клетки со львами были заставлены со всех сторон.

Когда самолет наконец приземлился в Габороне, я вздохнул с облегчением и счастлив был увидеть знакомые лица друзей, ожидавших меня на посадочной полосе. И среди них была моя подруга Джулия Дэвидсон с широкой счастливой улыбкой на лице. Когда львы были благополучно выгружены, она вздохнула с тем же облегчением, что и я. В последние две с половиной недели я регулярно звонил ей из Ботсваны, разъясняя свои накопившиеся проблемы, неудачи, причины изменения даты вылета. В какой-то момент Джулии даже подумалось, что я так и не долечу до Ботсваны.

Перед погрузкой на грузовик для 550-километрового путешествия на северо-восток, к бушам Тули, львам дали отдохнуть полтора дня в небольшом частном заповеднике в окрестностях Габороне. Их поместили в большой, огражденный забором загон. Изголодавшиеся Батиан, Фьюрейя и Рафики с жадностью набросились на мясо, которым щедро оделил их владелец заповедника Джимми Каннемайер, и провели большую часть времени, растянувшись в тени кустарников. Полет они перенесли хорошо. Теперь остался дальний переезд на грузовике – и вот они снова в родной стихии.

На следующий вечер, в третий и последний раз за время путешествия, львов поместили в клетки. Бригада людей Джимми погрузила их в большой грузовик – и в путь: ехать нужно было ночью, чтобы избежать ботсванской летней жары.

Но когда мы с Джулией уже готовы были пуститься в путь, выяснилось, что у грузовика полетело сцепление. Пока мой друг Элан Джордан, прирожденный механик «золотые руки», возился под машиной, гремя ключами, я ерзал все больше и больше – время-то уходило! Наконец из-под машины показали голова и перепачканные руки Элана:

– Ну, теперь все в порядке, Гарет.

Его слова несколько успокоили меня, но при мысли о возможности попасть в автокатастрофу ночью, за много миль от места назначения, да еще с тремя львами в кузове, у меня екало сердце.

И вот мы тронулись в путь и взяли курс на север. Поначалу наш путь лежал по улицам Габороне. Чиновник из компании по найму грузового транспорта, где мы взяли грузовик с шофером по имени Сонни, рекомендовал нам его как опытного и умелого в ночной езде.

Как ни странно, мы без всяких проблем прошли ветеринарные и полицейские посты на пустынной дороге: новость о прибытии в Ботсвану львов несколько раз передавалась в этот день по местному радио. Всякий раз, когда нам задавали вопрос, что мы везем, на наш необычный ответ полицейские и ветеринарные службы неизменно отвечали:

– Да, да, мы слышали по радио. Проезжайте.

Но около часа ночи, когда мы находились в пути уже три часа, неожиданно возникла проблема. Взглянув на Сонни, я увидел во мраке кабины, что его глаза слипаются. Я посчитал за лучшее самому сесть за руль, с чем он охотно согласился. Джулия встревожилась, но виду не подала: она знала, как я был измотан, но ей было известно не хуже, как важно было достичь цели до восхода солнца.

К счастью, дорога была пустынной, и я быстро освоился с тяжелой машиной, ее тормозами и коробкой передач. Сонни блаженно дрыхнул в кабине, львы – в кузове. Джулия, сидевшая между мной и Сонни, была очень взволнованна и, пока я сидел за рулем, не спускала с меня глаз, опасаясь, как бы и меня не сморила дремота. Впоследствии мы с Сонни садились за руль по очереди, а за час до восхода съехали на обочину, решив хоть немножечко поспать. Джулия и Сонни остались в кабине, а я полез спать в кузов ко львам, предварительно осмотрев клетки.

Наконец после шестнадцатичасового пути мы прибыли к обнесенному оградой лагерю на северо-востоке Тули. Это был небольшой, бесхитростный лагерь, который нам построила для осуществления нашего проекта охотничья станция Тули-сафари, с самого начала оказывавшая нам спонсорскую поддержку. Впоследствии мы назвали этот лагерь «Тавана» – «Львенок».

Путешествие подошло к концу. С помощью работников лагеря, а также поджидавших нас зевак мы выгрузили клетки и отнесли в отведенный для львят загон. Под щелканье фотоаппаратов и жужжание кинокамер – срочно в номер или в выпуск новостей! – я торжественно выпустил Батиана, Фьюрейю и Рафики из клеток.

Фьюрейя, чей независимый характер становился мне все более очевидным, бесстрашно выступила из клетки, сверкая глазами. Напротив, Рафики вышла из клетки с опаской – опять-таки сказала ее натура! – с опущенной головой, настороженным взглядом и явно ища у меня поддержки. Бедняга Батиан, которого в пути пришлось накачать транквилизаторами, еще не успел оправиться от их воздействия, и потому движения его были вялыми. Когда я выпустил его из клетки, он вышел, стараясь выглядеть как можно игривее, но координация движений у него была нарушена, и при взгляде на него у меня сжалось сердце. Я поговорил со всеми тремя ласковым, успокаивающим тоном и, поставив перед каждым из них миску с водой, уговорил попить.

Бригада новостей, приглашенная в лагерь нашим спонсором, засняла эти сцены, а затем, когда я роздал львам по куску мяса, стала брать у меня интервью перед камерой. Оно уже закончилось, а на меня еще продолжали сыпаться вопросы; между тем я чувствовал себя ничуть не лучше Батиана – дальняя дорога притупила мою способность соображать, а к чувству облегчения примешивалось и ощущение беспокойства.

Где – то спустя час доброжелатели, журналисты и сотрудники лагеря наконец-то покинули нас, оставив нас с Джулией и львов в покое и тишине нашего нового дома. И именно теперь, когда умолк весь этот шум и гам, я почувствовал такую измотанность, что у меня ныло все тело.

Вечером, собираясь спать, я поставил раскладушку возле загона со львами, чтобы быть с ними рядом. Все трое, довольные жизнью, лежали вместе, причем каждый касался другого лапой или хвостом. Моя раскладушка стояла на расстоянии вытянутой руки от них.

Меня переполняли усталость и одновременно радость. Я готов был плакать от счастья, что далекое путешествие львов закончилось и впереди у них было новое будущее. Это было напряженное время. Гибель Джорджа по-прежнему не давала мне покоя, равно как и его последнее желание: «Я хочу, чтобы эти львята были свободны».

* * *

Как же готовить львов к жизни в дикой природе? У меня не было длительного опыта этой работы. Кое-чему я научился от Джорджа, когда помогал ему в работе с львятами, но это все. Теория подготовки крупных хищников к жизни в дикой природе никогда не была сформулирована на бумаге [В настоящее время автор участвует в работе над статьей по физическому и поведенческому развитию львов при подготовке их к жизни на воле. – *прим. автора*], прежде всего потому, что этим занималось слишком мало людей. Приходится сожалеть о том, что зоологи не собрали изыскания Джорджа и его понимание процесса подготовки львов к жизни на воле воедино в виде брошюры или статьи. У меня было очень мало руководящих указаний, которым можно было бы следовать, если не считать весьма общей информации, которую я почерпнул из книг Джорджа и Джой.

Тогда я сам сформулировал три важнейших принципа:

1. Знакомить львов с новой средой, давая им возможность освоиться на этой территории и обеспечить себе безопасность.

2. Предоставлять львам любую возможность охотиться, создавая ситуацию, при которых они могли бы развивать присущие им врожденные навыки охоты.

3. Поддерживать взаимное и глубокое доверие между львами и мной, но при этом доводить до минимума их контакты с другими людьми, с надеждой, что в перспективе они будут смотреть на человека теми же глазами, что и дикие львы.

В первые шесть месяцев я вставал до рассвета, готовясь провести со львами в дикой природе большую часть дня. Пока я быстро одевался, выпивал чашку чаю и брал ружье, флягу, блокнот и фотоаппарат, львы уже в нетерпении подвывали в своем загоне. Тогда я подходил к воротам загона и отворял их. Все трое выскакивали, радостно постанывая, и терлись об меня; впрочем, Батан уже перестал тереться своей рыжевато-коричневой головой об мою.

Львы переполнялись заразительным чувством веселья и волнения. Я махал на прощанье Джулии, которая каждое утро наблюдала за всем происходящим из-за двенадцатифутового забора, окружавшего лагерь, а трое львят – которым было теперь пятнадцать месяцев от роду и каждый весил шестьдесят – семьдесят килограммов – прыгали на меня и бегали вокруг, заигрывая друг с другом.

Часто Джулии приходилось ждать нас по восемь – двенадцать часов, когда мы все четверо возвращались домой, усталые, истомленные голодом и жаждой. Каждое утро мы со львами уходили охотиться и исследовать местность, никогда не зная, какие ситуации могут возникнуть. Вдруг у них будет слишком мало добычи? Или мы встретим слонов? А что, если Батан опять чуть не наступит на ядовитую гадюку?

Я не учил львов охотиться – это было у них в крови, – но заметив, скажем, стадо антилоп, я подводил их к нему. Львы быстро сообразили, что, когда я припадаю к земле, значит, впереди что-то есть. Тогда они осторожно ползли вперед, пока не замечали то, что увидел я.

Прошли недели, и теперь уже они чаще указывали мне, опустив голову, что учуяли добычу и собираются напасть. Впрочем, должен признаться, что один раз мне пришлось взять обеими руками за голову невнимательного Батиана и повернуть ее в сторону кормившейся неподалеку импалы, чтобы он обратил на нее внимание. Только после этого он изготовился к охоте.

Первые два животных, добытых львятами, показали мне пример, как нужно помогать львам учиться охотиться. Читатель потрясен? Мое поведение покажется ему слишком жестоким? Но ведь в дикой природе происходит так: львица-мать, поймав, например, детеныша антилопы, сначала показывает его своим детям. Те играют с ним, как кошка с мышью, пока он живой, и затем убивают. Так предопределено законами природы, и по тем же соображениям я показывал львятам ситуации, из которых они набирались опыта. Именно эти приобретенные знания помогут им в будущем обеспечивать пищей самих себя.

Первым зверем, ставшим добычей моих львов, стала генетта – пятнистый зверь из семейства мангустов размером с домашнюю кошку и с лисьей мордой. Как-то вечером, возвращаясь со львами в лагерь, я увидел, как из дупла старого ствола дерева торчит золотой с черным хвост. Когда я приблизился к дуплу, хвост медленно втянулся внутрь. Это движение привлекло внимание Рафики. Она обнюхала дыру и поскребла ствол лапой, в то время как Батиан и Фьюрейя осторожно приближались, охваченные любопытством. Я

постучал по стволу палкой. Вдруг из дупла выскочил какой-то зверек и пустился в бегство. Началась охота – львы пустились в погоню за генеттой, я – за львами.

Как ни странно, генетта была поймана не одной из более проворных сестричек, а Батианом. Он не убил ее на месте, а, зажав сопротивляющегося зверька своими уже могучими когтями, поднес поближе к своей морде и пристально всмотрелся в него. Никогда не забуду охватившего его удивления, а может быть, и раздражения, когда неожиданно генетта сделала выпад вперед и укусила Батиана за нос, а затем снова отважно впилась ему в морду своими маленькими, острыми как бритва зубами. Тут подскочили Рафики и Фьюрейя; зарывав на них, отгоняя от своей добычи, Батиан мигом прокусил генетте брюхо. Долго мучиться ей не пришлось.

После того как Батиан наигрался с убитой им генеттой, ее, в свою очередь, освидетельствовали львицы – обнюхивая и вертя в лапах небольшую тушку, они гримасничали. Когда я наблюдал за всем этим, чувство гордости за своих подопечных у меня смешивалось с чувством горечи по поводу генетты, с таким мужеством встретившей столь огромного противника. Это смешанное чувство я многократно испытывал в подобных случаях в последующие несколько месяцев. Если бы я не постучал палкой, генетта, возможно, и не покинула бы своего безопасного укрытия. При всем том, что я был горд за Батиана, я не смог рассказать об этом случае Джулии сразу по возвращении в лагерь: подобные инциденты пробуждали во мне противоречивые чувства.

Второй зверь тоже был добыт ими отчасти с моей подачи. Через несколько дней после случая с генеттой я вел львов в направлении стада импал, кормившегося вблизи стаи павианов. Я знал, что, как бы мы ни осторожничали, подкрасться к импалам незамеченными

будет невозможно: бдительные павианы непременно поднимут такой лай и скандал, что выдадут наше присутствие.

Так и случилось. Когда мы приблизились, павианы подняли шум и гам. Импалы встревожились, заметили нас, и стадо бросилось наутек. Затем и павианы, к моему удивлению, неспешной трусцой поскакали в долину. Тут во львах, возбужденных шумом обезьян, разыгралась охотничья кровь – они пустились за обезьянами в погоню, на минуту позабыв про все охотничьи тонкости и уловки.

Я устремился вслед за львами и вдруг услышал впереди себя на близком расстоянии громкое рычание одного из них и крик павиана. Через несколько минут я увидел Рафики, стоящую на задних лапах под деревом и взирающую ввысь. На ветках сидела крупная немолодая павианиха – она побывала в когтях и зубах Рафики, и ей едва удалось вырваться.

Когда появился я, Рафики повернулась и кинулась ко мне. Я погладил ее по голове и тут же услышал, а затем и увидел, что павианиха слезает с дерева, чтобы удрать. Как только она оказалась на земле, Рафики бросилась за ней, и я потерял их из виду в густых кустарниках – до меня доносились лишь рычание и вопли. Я побежал на эти крики и увидел, как павианиха, страдая от невыносимой боли, медленно ползла к группе деревьев, преследуемая Рафики. Я заметил, что павианиха была покусана в задние ноги и живот.

Меня удивило, как, несмотря на столь жестокие раны, павианиха, как когда-то генетта, повернулась к Рафики и предприняла дерзостную попытку броситься на нее, обнажив свои острые зубы. Рафики одним прыжком отскочила в сторону. Тут павианиха заметила мое присутствие и повернулась с тем же жестом ко мне. Я тоже отступил, и отнюдь не из любезности к Рафики – раненый и разъяренный павиан представляет собой

жуткое зрелище, и я знал, сколь страшное оружие его зубы: бывали случаи, когда павианы рвали на части атаковавших их собак.

Павианиха снова медленно взобралась на дерево и, подтянувшись, тяжело осела на ветвях. Рафики встала на задние лапы, все больше нагоняя страху на слабеющую жертву. После, увидев, что Рафики теряет интерес к обезьяне, я пристрелил ее, мотивируя свои действия тем, что пусть лучше умрет мгновенной, чем медленной и мучительной смертью. Зато тушка обезьяны послужит львам ознаменованием удачной, успешной охоты.

Как только обезьяна рухнула на землю, Рафики подскочила к ней и инстинктивно вцепилась в нижнюю часть позвоночника – этот рывок был чем-то вроде «выстрела милосердия». Тут, тяжело дыша, подбежали Батиан и Фьюрейя – очевидно, вернувшись после преследования остального стада. Заметив братишку и сестренку, Рафики тут же схватила павианиху за шею и оттащила в кусты. Ее приглушенное рычание явно давало понять брату и сестре, что делить с ними добычу она вовсе не собиралась. Затем она принялась инстинктивно терзать покрытую длинной шерстью шкуру павианихи – это продолжалось сорок пять минут, после чего она приступила к еде. Я сидел рядом и наблюдал за ней, и вдруг Рафики неожиданно бросила добычу, оставив долю Батиану.

Павианы отнюдь не являются излюбленной добычей львов. Но коль скоро возникла такая ситуация, я быстро сообразил, что мои подопечные будут использовать любую возможность поохотиться за павианом, тогда как я рассматривал сегодняшнюю добычу лишь как практическое занятие. Но в ряде случаев, когда мои львы добывали павианов, они обгладывали их до костей.

Инцидент с обезьяной напомнил мне случай, свидетелем которого я когда-то стал в Тули: три львицы подстрекали к атаке на павианов своих подросших детенышей. И в этом случае львицы инспирировали нападение исключительно с целью дать урок своему потомству. Когда львицы с детенышами настигли стадо и окружили его, взрослые мамы отошли в сторону, дав возможность своим чадам вырваться вперед и атаковать.

В результате львята убили четырех детенышей павианов, но, в свою очередь, были здорово напуганы вернувшимися взрослыми павианами. Те отогнали их от невысоких деревьев, на которых гроздьями повисли самки и детеныши. Как только львята отступили, пленники попрыгали с деревьев и кустарников и скрылись в подлеске.

Еще одним животным, которого мои львы часто преследовали в эти первые недели, оказался варан. В заповеднике водятся два вида этих крупных ящериц – нильский варан, любящий воду, и скальный варан, который попадался львятам чаще всего. Взрослые особи достигают полутора метров в длину и, если к ним приблизиться, могут здорово огреть хвостом. Охота на этих ящериц велась лишь как практическое занятие – я ни разу не видел, чтобы мои львята пытались их есть.

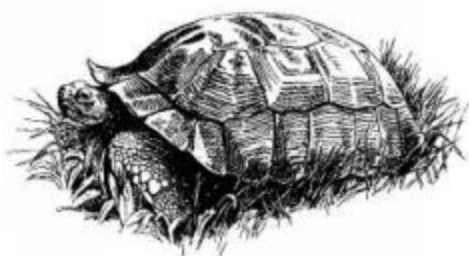
Как – то вечером дорогу моим львятам перебежал варан, который затем залез на небольшое дерево. Подпрыгнув, Фьюрейя стащила его с ветки. Как только ящерица оказалась на земле, к ней подскочила Рафики и впилась в нижнюю часть позвоночника. Все трое сцепились не на шутку, и тут варану удалось отомстить противнику. Рафики взяла голову варана в пасть, а тот немедленно схватил ее зубами за язык. Она пыталась тащить ящерицу за тело, но та держала мертвой хваткой, причиняя невыносимую боль. Я же наблюдал, как Рафики высовывала язык, с которого, покачиваясь,

свисал варан, а затем втягивала его, и треть варана исчезала в ее пасти.

Напуганная львица пыталась громко рычать, но из-за того, что в пасти у нее находился варан, издавала странные, никогда не слышанные мной звуки. Потрясенные таким рычанием Фьюрейя и Батиан оглядывались, думая, что сюда забрели чужие львы; Батиан даже отскочил в сторону посмотреть. Прошло еще пять минут, прежде чем Рафики удалось освободить от варана свой кровотокающий язык. Оставив ящерицу на земле, она тут же отбежала и заковыляла к воде, где находилась Фьюрейя. Батиан почему-то вернулся к ящерице, схватил ее и отнес к воде. Бросив ее там, Батиан попил и оставил рептилию в покое.

В другом случае от варана здорово досталось всем троим. Когда мои львы окружили эту ящерицу, она приобрела необычно угрожающий вид. В ответ на попытки хватать ее лапами ящерица била противников хвостом, как кнутом, а дальше началось такое, чего я прежде никогда не замечал за варанами. Метровая ящерица прыгала вперед-назад, разинув рот, и кусала львов за лапы и за морды. Поведение ящерицы настолько потрясло их, что начались стычки и между ними самими. Когда кто-нибудь из них задевал мой ботинок или приклад ружья, он отскакивал в сторону, думая, что это ящерица. Конфронтация продолжалась минут двадцать, пока пробегающее стадо зебр не отвлекло внимание львов, и тогда варан был отпущен с миром.

Еще одним необычным существом, на которое мои львята были не прочь поохотиться, оказалась черепаха.



Я не раз видел, как то один, то другой из них принимал охотничью позу, опуская голову. Я, конечно, вглядывался вперед, чтобы увидеть, какую же добычу они учуяли. Лев неизменно полз вперед, затем рывок – и вот он замер на одном месте. «Очередная черепаха», – думал я.

Львы пытались обглаживать, а иногда и прокусывали твердый черепаший панцирь. Иногда львы заигрывали с черепахой, глубоко убиравшей голову в панцирь, а затем, если что-то их отвлекало или они теряли интерес, отпускали. Многие оставались после этого совершенно невредимыми, если не считать нескольких царапин на панцире.

Шагая дальше, я представлял себе этот инцидент с точки зрения черепахи. Ползет себе, одной ей ведомо куда; голова всего в какой-нибудь паре дюймов над каменистой почвой. Вдруг на нее налетает черная тень, и, едва черепаха убирает голову и лапы под крышу панциря, кто-то наваливается со страшной силой. Спрятавшись под панцирем, она чувствует, как кто-то тащит ее за ноги, бесцеремонно волочит по земле и переворачивает на спину. Проходят минуты, и черепаха, необъяснимо как, оказывается в нормальном положении и оставлена в покое. Тогда она осторожно высовывает голову, затем ноги и оглядывается вокруг. Убедившись, что опасности нет, она снова пускается в путь. Поскольку черепаший век долг, такое в их жизни случается, вероятно, не раз. Представьте же себе, как такая много повидавшая на своем веку черепаха бурчит, словно почтенный прадедущка на

расшалившихся правнуков: «Ах вы, львята, такие-сякие, холеры на вас нету!» – и продолжает свой путь.

Эти первые дни походов со львами по Тули стали хорошей школой не только для Батиана, Фьюрейи и Рафики, но и для меня самого. Будучи, как человек, в привилегированном положении по сравнению с несмышлениками в дикой природе, я становился свидетелем уникальных случаев взаимоотношений между львами и их добычей, а также узнал о многих аспектах поведения львов.

Когда жара становилась невыносимой, мы со львами устраивались на отдых, где только находили тень. В течение этих нескольких самых жарких часов я вел записи, заносая в блокнот свои наблюдения за «возвращением львов в родную стихию». Однажды, когда я вот так же лежал бок о бок со львами в тени и вел свои записи, произошел довольно забавный случай со слоном...

Мы четверо – я и трое львов – отдыхали в тени большого дерева. Рядом находилась впадина, недавно заполнившаяся свежей дождевой водой. Когда я перевернул страничку, я заметил, что Фьюрейя, которая находилась по соседству со мной, медленно перевернулась на спину с таким ленивым блаженством, как это, по-моему, свойственно только львам. Задрав лапы кверху, она выставила на обозрение свое белое пузо. Внезапно ее расслабленное состояние сменилось напряженным, и она тревожно вытянула голову в направлении впадины с водой. Одним движением она вскочила на все четыре лапы и замерла, напряженно всматриваясь вперед. Ее поведение встревожило Батиана и Рафики, проснувшихся, как по команде.

Там, у впадины с водой, в менее чем четырнадцати метрах от нас, неподвижно стоял молодой слон-самец. Казалось невероятным, что слон подошел так близко. Я ничего не слышал, когда он приближался, – слоны

умеют так тихо пробираться сквозь африканские кустарники, что некоторые местные племена прозвали их «серыми духами».

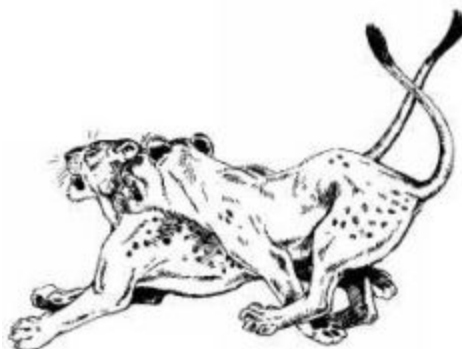
Сидеть под деревом, уставясь на слона, было не очень-то уютно. Моя реакция была моментальной, инстинктивной и продиктована мотивом самосохранения – я дал стрекача. Блокнот выпал у меня из рук, и налетевший ветер подхватил оторванные странички, как большие конфетти. Добежав до небольшого ручейка, я остановился и оглянулся. Батиан, побежавший вслед за мной, остановился рядом и глядел на слона. Рафики находилась между слоном и Фьюрейей, которая стояла неподвижно там, где всего каких-нибудь несколько секунд назад мы мирно отдыхали.

Я чертыхнулся про себя и тут же увидел, как Фьюрейя принимает охотничью стойку. Несмысленной львице, конечно же, не удалось бы совладать с четырехтонным великаном – я представил себе, как слон одним ударом хобота размазывает ее, неискушенную в слоновьих повадках, о ствол дерева. Рафики стала подражать сестре; Батиан предпочел роль наблюдающего, как и я. Мы оба хранили бдительность, никто из нас не рвался, как львицы, на столь рискованную охоту.

Вмешаться я не мог никак. Львицы медленно крались вперед, хоронясь за стволами и кустами. Впрочем, слон не обратил особого внимания на наше присутствие – он просто поднял в воздух хобот, пытаясь уловить наш запах. Львицы подкрадывались все ближе и ближе, и вдруг случилось неожиданное: издав протяжный трубный звук на высокой ноте, слон повернулся и обратился в бегство. Когда смотришь на бегущего слона сзади, кажется, будто кто-то бежит в старых, жеваных серых штанах на десять размеров больше требуемого.



Фьюрейя и Рафики устремились в погоню.



Я вышел из тени и всласть позабавился, наблюдая за тем, как Батиан спешно пытался догнать сестричек, с энтузиазмом присоединившись к погоне за удирающим слоном.

Итак, я остался один. Звуки ломающихся под ногами слона кустов постепенно отдалялись, а вскоре вовсе затихли. В ожидании возвращения львов с охоты я принялся собирать разбросанные ветром листы блокнота; вскоре, тяжело дыша, подбежали все три моих питомца. С жадностью напившись из впадины с водой, они радостно приветствовали меня. Очевидно, погоня за слоном доставила им немало удовольствия. Прежде чем возвращаться в лагерь, я дал львам немного отдохнуть, а сам пустился на поиски единственной пропавшей странички, но так и не нашел.

Наше возвращение в лагерь в этот вечер было таким же, как и во многие другие вечера в первые месяцы моего пребывания в Тули. Я открывал ворота, чтобы запустить львов в загон, и при этом всегда приходилось дожидаться Батиана, который шел последним. Затем я звал Джулию, которая обычно возилась на кухне; мы давали львам воды и, прежде чем приступить к их кормлению, обсуждали с Джулией все, что произошло за день.

После этого из старого газового морозильника, принадлежавшего единственному штатному сотруднику лагеря «Тавана», почтенному Джону Кноксу, вынималось мясо. Характер у Джона был хоть и жуликоватый, но при всем том очень обаятельный, и поэтому жаль, что он долго у нас не задержался. Причиной тому стала его невиданно грузная и чудовищно властная супружница. Однажды, после длительного пребывания за пределами юга Африки, она как снег на голову явилась в лагерь и напустилась на своего благоверного со скандалом, что он-де завел себе в нашем лагере кучу девок в ее отсутствие. Это была чистейшая ложь, но, по настоянию жены, он оставил службу в нашем лагере. Нам было жаль, что он от нас уходит, – так мы привязались к нему. Да, по-моему, и львы его любили – особенно когда он в вечерний час приближался к загону с ведрами, полными кусков мяса. В то время мои львы еще были в контакте с другими людьми. Вместе с тем я полагал разумным сокращать эти контакты с каждым месяцем, но сохранить их дружбу с Джоном, если бы тот у нас остался.

В эти вечера мне стало ясно, что мне не следует на их глазах сидеть или стоять возле Джулии. Видя меня рядом с Джулией, они приходили в возбуждение и принимались расхаживать взад-вперед по загону. Они явно боялись, что Джулия займет их место в моем сердце. Тогда я оставлял Джулию и шел к львам

успокоить их. Но, как ни странно, когда мне удавалось успокоить львов, кто-нибудь из них, чаще всего Рафики, вцеплялся мне в руку зубами, и притом не за рукав, а за кожу. Правда, они никогда не кусали больно и уж тем более не прокусывали руку до крови, но этим жестом они показывали, как они привязаны ко мне и как ревнуют.

Пока Джон был с нами, он, по-видимому, очень гордился своей ролью «львиного» человека, как его прозвало местное население. К тому же создавалось впечатление, что истории, которые он рассказывал о своей работе, обрастали такими приукрашиваниями и домыслами (особенно под воздействием алкогольных напитков), что потом передавались из уст в уста как легенды. Джон уже давно не работал с нами, а люди, работавшие в других лагерях заповедника, все приходили к нам и спрашивали, правда ли, что Джон бесстрашно ходил среди львов, обучал их охоте на импала, как охотничьих собак?

Впрочем, как раз перед тем, как супружница Джона забрала его от нас, произошел случай, наглядно продемонстрировавший нам, что Джон отнюдь не чувствовал себя в полной безопасности в лагере, как мы думали раньше. Ближе к вечеру мы с Джоном вместе работали в лагере, а Джулия должна была уйти из лагеря на ночь. В этот день я оставил львов одних, чтобы они вернулись в лагерь сами. Когда мы с Джоном вчерне заканчивали сооружение нашей лагерной «конторы» из обрезков досок, я услышал за оградой лагеря завывание вернувшихся львов. Я отправился к воротам, а Джон стал наблюдать изнутри.

Я наклонился, чтобы погладить Фьюрейю (Рафики была рядом со мной, а где Батиан, я поначалу не интересовался), как вдруг на меня обрушилось что-то массивное. Я растянулся на земле и отполз на три-четыре метра. Оказывается, это Батиан, которого я

проигнорировал, обрушился на меня всей своей восьмидесятикилограммовой тушей.

Оказавшись в грязи, я подумал, что мне сразу же нужно встать, иначе львы набросятся на меня всем скопом. Но как только я поднял глаза, мои страхи рассеялись. Рафики и Фьюрейя терлись друг о друга головами, а Батиан приблизился ко мне со спокойным и дружеским видом. Я встал, опершись на Батианову спину. Теперь все мои мысли были о Джоне. Я взглянул и увидел, что он стоит с выражением ужаса на лице.

Страхнув землю со спины и дождавшись, пока восстановится нормальный ритм моего сердца, я направился к Джону и принялся уверять его, что со мной все в порядке и что Батиан вовсе не собирался нападать на меня, а всего лишь чересчур бурно выразил свою радость.

Но это не успокоило Джона. Он сказал:

– Я был так напуган. Я думал, что ты погиб, что тебе конец. Что лев сразил тебя насмерть!

Я был тронут и повторил, что все в порядке.

Но Джон продолжал говорить, давая понять, что имел в виду совсем другое:

– Нет, нет. Я беспокоился, потому что, если бы ты погиб, мне пришлось бы целую ночь провести одному в лагере. Я даже не мог бы уйти – Джулия вернется только завтра.

Оба мы расхохотались, хотя каждый по своей причине. Подход Джона был прагматичным, и знаете, в этом что-то было. С его точки зрения, если бы я был убит, я был бы убит, и ничего от этого не изменилось бы. Но ему-то, оставшемуся в живых, пришлось бы провести эту ночь в одиночестве.

Впрочем, случай с Батианом был единственным, когда я оказался в потенциально угрожающей ситуации. Когда меня спрашивают, как это я столько работаю со львами и до сих пор цел и невредим, я

отвечаю: «Если бы я пострадал, то почти наверняка из-за собственных неверных действий или жестов».

Тем не менее инцидент послужил мне уроком. Теперь я твердо зарубил на носу: прежде чем ласкать львиц, нужно сперва выяснить, где Батиан. Но была вот еще какая проблема: готовя их к жизни на воле, их следовало отучить прыгать на меня. Я стал кричать на них, а то и пускал в ход палку, и быстро отучил львов от этой привычки, хотя Рафики изредка делает это и по сей день – это бывало, когда мы долго не видели друг друга или когда Рафики была чем-то взволнована и нуждалась в психологической поддержке.



Глава вторая

История Сэлмона, рассказанная им в Тули

Как можете вы покупать и продавать небо и теплоту земли?... Если свежесть ветра и отблески лучей солнца в воде вам не принадлежат, как можете вы покупать их?

Слова вождя индейцев Сиэтла, обращенные к американцам, вознамерившимся купить землю у индейцев

Заросшие кустарником земли Тули, где львы справили новоселье, – не национальный парк, а просто территория в тысячу двести квадратных километров, частью расположенная в Ботсване, частью в Зимбабве. На ботсванской части находятся частные заповедники белых южноафриканцев, которые, как правило, редко там бывают. Зимбабвийская же часть Тули – это район сафари, контролируемой охоты, находящаяся во владении государства и в ведении Департамента охраны природы. К счастью, обе эти территории не разгорожены никакими заборами, так что дикие звери вольны свободно перемещаться по всей территории.

Земля Тули сурова, но прекрасна. Она напоминает о всей прекрасной в своей дикости земле, еще не испорченной человеческим прогрессом, техникой и цивилизацией. Описывая Тули и окружающие эту страну земли, ее историю, трудности, с которыми она сталкивается, я часто вспоминаю разговор с одним почтенным темнокожим африканцем по имени Сэлмон

Маомо, уроженцем Тули. Он имеет южноафриканское гражданство и сейчас работает на заброшенной ферме, расположенной тут же, на границе, на берегу реки Лимпопо. Его глаза, теперь, уже больные, видели величайшие события века и огромные перемены, ворвавшиеся в жизнь этого уголка Африки. Он видел, что утрачено и что сохранилось.

Мой разговор с почтенным Сэлмоном состоялся под огромным деревом машату на берегу пересохшей реки Лимпопо. Почему она пересохла – отдельная история. С нее и начнем.

В тот день я спросил Сэлмона, какой была Лимпопо в годы его молодости. Мой собеседник ответил сурово, как бы разозлившись на что-то:

– Полноводной.

Теперь одна из самых легендарных рек Африки уже не несет, как прежде, вольные воды. Русло хоть и существует, но большую часть года теряется среди песков. С наступлением летних дождей (если их выпадает достаточно) река поднимается и бурлит мутной водой, но вскоре поток замедляет свой бег и пересыхает.

Расход воды Лимпопо катастрофически увеличился за последние двадцать лет. В верховьях воду удерживают плотины; южноафриканские фермы, машины и насосы над скважинами выкачивают воду из почвы для сельскохозяйственных надобностей. Река умирает, а вместе с ней и кустарники по ее берегам. Деревья буквально гибнут от жажды.

Если бы орлу воспарить над тем местом, где мы беседовали со старцем Сэлмоном, с высоты ему бросился бы в глаза контраст двух берегов пересохшей реки. Со стороны Тули – заросшие диким кустарником земли; берега реки окаймлены темно-зеленым пологом деревьев (и серые пятна в тех местах, где деревья погибли). Конические прибрежные деревья переходят в

заросли веретенообразных акаций, а те – в открытые равнины. По мере пролета над бывшей долиной Лимпопо орлиному глазу открылись бы иссохшие русла, с высоты похожие на растопыренные пальцы, обращенные к югу в Сторону Лимпопо. К северу же, там, где эти русла берут истоки, лежит водосборная территория этой великой африканской реки, но вода оживляет ее только в сезон дождей. Осенью же земля приобретает красновато-коричневый оттенок – красной делается почва, красными становятся слоны, повалившись в пыли, оранжевый цвет приобретают листья деревьев, как, например, мопана и миррового дерева.

С южной стороны Лимпопо взгляду царя птиц открылся бы совсем другой пейзаж. По границе между Южной Африкой и Ботсваной исчезают полосы кустарников, подобные тем, что в Тули. Взамен – широкие зеленые поля, ограды, поселки сельскохозяйственных рабочих. На север, в направлении границы, бежит прямое гудроновое шоссе; в него вливается другое, пересекающее регион с востока на запад.

К югу располагаются совсем другие хозяйства – охотничьи. Там, на небольших, разгороженных заборами участках земли содержится фауна. Начиная с апреля, с открытием охотничьего сезона, то там, то здесь гремит пальба – это городские охотники утоляют свою жажду крови. Здесь дичь не может передвигаться свободно, как в прежние времена, – она обречена доживать свой век на этих экологически безжизненных (но приносящих, с экономической точки зрения, неплохой доход их владельцам) участках земли. Диких животных сюда попросту привозят и продают как домашний скот. Антилоп с огромными глазами грузят на машины и везут в охотничьи хозяйства; будучи выгруженной на месте, она вроде снова чувствует себя

на свободе, но – за забором; жалкая пародия на родную дикую природу!

А в уголке орлиного обзора, словно серый крейсер среди неподвижных волн лазурного горизонта, с южной стороны откроются огромные алмазные разработки. На гигантской площади вокруг них компания «Де Бирс» скупила множество охотничьих хозяйств, за свой счет снесла разгораживающие их заборы и устраивает там большой заповедник под названием «Венеция». Тем не менее присутствие алмазных разработок внушает тревогу – для их функционирования нужна вода, и этот фактор может повлиять на дальнейшее критическое снижение обводненности долины реки Лимпопо, а соответственно и на экологию земель Тули и окружающих территорий.



– Тут некогда и крокодилы обитали, – продолжал старец, – во-от такие огромные... И бегемоты... Нашим женщинам приходилось остерегаться, когда они ходили за водой.

– А львы? – спросил я, показывая на Северный Трансвааль, к югу от берегов Лимпопо.

– И львы... Много их было во времена моего отца. Знаешь алмазные копи? Вот в тех-то местах их и было больше всего.

Я задал Сэлмону неизбежный вопрос, заранее зная, какой будет ответ.

– Куда ж они делись, Сэлмон? Ни одного ведь не осталось. Только те, что приходят с нашей стороны, из Тули; и здесь их отстреливают фермеры.

Он ответил так: львы исчезли. Как и река, львы Северного Трансвааля исчезли. Сэлмон рассказал мне,

что одно время белые люди их часто отстреливали. Меньше стало львов – меньше стало выстрелов, и теперь, когда лев из Тули бесшабашно пересекает посуху русло реки Лимпопо и попадает в Южную Африку, это вызывает панику среди фермеров и восторг у охотников, и, естественно, как и его предшественников, беднягу отстреливают. Скотоводство, которым здесь занимаются белые, вкупе с их охотничьим азартом привело к тому, что на очередном участке юга Африки вовсе не осталось львов.

– Когда со львами было покончено здесь, некоторые еще оставались там, – сказал Сэлмон, показывая на север, в направлении Тули.

Но и в самом Тули существовал конфликт между львами и человеком, старавшимся уберечь свой скот. Между 1880 и 1960 годами было немало посягательств на домашний скот со стороны львов, плачевно оканчивавшихся для последних. Только в 1950-е годы в Тули было убито сто пятьдесят львов.

Мне рассказывали о диком случае, происшедшем в те годы. Несколько фермеров, занимавшихся скотоводством, застрелили нескольких львиц; у одной из них сосцы были отягощены молоком. Поверженных цариц природы бесцеремонно погрузили в тележку, запряженную ослами, и отвезли на ферму. Там с них содрали драгоценные шкуры, а тела просто выбросили за ограду.

Ночью кто-то из фермеров услышал крики детенышей. Изголодавшиеся львята каким-то образом учуяли, где лежало обезображенное тело их матери, и нашли его. Но, в свою очередь, их обнаружил фермер и пристрелил.

К середине 1960-х годов от обитавшей в Тули популяции львов остались совсем единицы. На севере, в регионе Тули-сафари, некоторое количество львов чудом уцелело; львы Тули – единственные из тех, что

когда-то обитали на огромной территории, включавшей Северный Трансвааль в Южной Африке, Восточную Ботсвану и значительную часть юго-запада Зимбабве. Львы Тули, которых, судя по всему, оставалось не более полусотни, были последними из популяции, насчитывавшей многие сотни, – жалкие остатки тех, что обитали по всему югу Африки.

К счастью для львов Тули, в январе 1964 года некоторые из жителей Ботсваны обратились в Департамент охраны природы страны с призывом запретить охоту на львов и леопардов в Тули. Предложение получило одобрение, и с тех пор, хотя на территории Зимбабве львов продолжали убивать, легальному отстрелу львов в Ботсване был положен конец. Но браконьерская охота продолжалась и продолжается поныне.

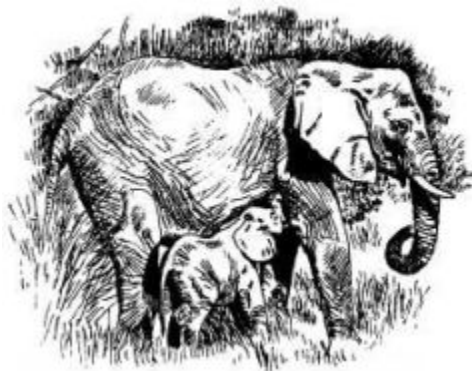
Дикие земли, куда я готовился выпустить моих львов, традиционно принадлежали племени нгвато, чьим верховным вождем в 1880 году стал Кхама. Это была необыкновенно цельная личность; о нем писали как об одном из самых выдающихся вождей на юге Африки. Его сын, сэр Серетсе Кхама, стал в 1966 году первым президентом Ботсваны.



Бурская агрессия и угоны скота привели к тому, что Кхама III стал искать для своего народа и страны покровительства британской короны. Он добился его – и «Земля Кхамы» стала британским протекторатом Бечуаналенд. Этот период африканской истории представляет собой смешение – смешение концессий, колонизации и прав на владение копиями.

В это время могучей Британско-Южноафриканской компании, управляемой небезызвестным Сесилом Джоном Родсом, была предоставлена земельная концессия. В эту концессию входила территория нынешнего Тули. Роде застолбил эту землю, планируя провести по ней участок задуманной им железной дороги от мыса Доброй Надежды до Каира; но необходимость сооружения бесчисленных мостов через множество рек и речушек, крайне удорожавшая строительство, делала нецелесообразной прокладку дороги по этой земле, и впоследствии она была распродана под фермы. Так начиналось сегодняшнее фермерство Тули, включая и заповедник Северного Тули, объединивший нынешних землевладельцев.

Эта территория юга Африки была изначально богата диким зверьем, но в XIX–XX столетиях оно было почти полностью истреблено белыми охотниками и путешественниками. Урон дикой фауне был нанесен такой, что уже в 1870 году охотникам за слоновой костью приходилось двигаться с юга на север по землям Тули и углубляться на территорию нынешнего Зимбабве в поисках слонов. Стада южноафриканских слонов, в том числе и те, что были в Тули, были к этому времени полностью истреблены.

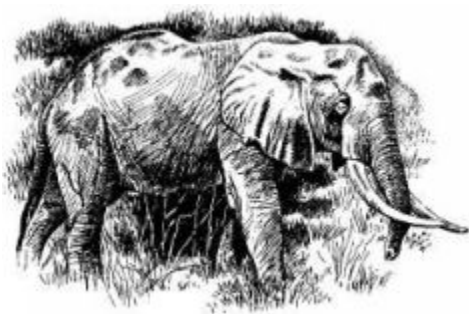


Однако теперь в Тули снова немало слонов. Преследуемые с запада и востока, стада слонов шли из самого Мозамбика искать убежища в Тули, и в тот

момент, когда я пишу эти строки, их число перевалило за шестьсот.

Не все виды дикой фауны, когда-то обитавшие в Тули, живут здесь до сих пор. Исчезли черный носорог и африканский буйвол, гиеновая собака и лошадиная антилопа, ряд других копытных и, в значительной мере, крокодилы и бегемоты, о которых упоминал Сэлмон. Теперь можно не бояться спускаться к берегам Лимпопо: а кого бояться-то, кто скроется в песках?!

Последние три десятилетия оказались более радужными – землевладельцы в Тули все больше стали переориентироваться с охоты на сохранение природы. В эти годы стали более многочисленными стада уцелевших видов животных, и, слава Богу, никто из землевладельцев не строил заборов, препятствующих свободному передвижению животных. В соседней Южной Африке, где дикая фауна объявлена собственностью землевладельца, на чьей земле она живет, собственнический инстинкт заставляет воздвигать такие заборы. В Ботсване же дикая фауна находится в собственности государства, а не частных лиц, у землевладельцев нет причины ограждать свои территории.



Но продолжительное существование дикой фауны на частных землях в значительной мере зависит от отношения землевладельца. Похоже, что современные законы ограничивают доступ государства к находящейся на частных землях дичи как к «национальному богатству».

В 1970-х – начале 1980-х годов популярным природоохранным понятием на юге Африки стало «использование» дикой фауны. Это подразумевает «выбраковку» отдельных особей и «коммерческую» охоту, средства от которой направляются на природоохранные мероприятия. Понятие «использование» возникло в частных заповедниках на территории Тули в конце 1970-х годов, когда некий владелец обширных земельных угодий обратился в Департамент охраны природы Ботсваны с предложением о проведении мероприятий по «выбраковке» на его территории. Ему было отказано; он подал на Департамент в суд, но проиграл дело, понеся к тому же все издержки по его ведению.

К этому времени землевладельцы Тули разделились во мнении, какую стратегию применить к региону в целом. Споры и борения между ними привели к тому, что вопрос был вынесен на обсуждение парламента Ботсваны. После того как Национальное собрание приняло обращение к правительству с призывом приобретать фермы Тули для организации национального заповедника, была организована встреча землевладельцев Тули с правительством.

Причиной возникновения этого движения явились неудовлетворенность общественности страны положением дел с охраной дикой природы и беспокойство за ее будущее. Недостаток сотрудничества между землевладельцами и властями, отсутствие общей природоохранной стратегии делали весьма сомнительным будущее здешней дикой природы и дикой фауны. В результате правительство отняло у землевладельцев право охотиться и определило, что «выбраковка» и подобные мероприятия могут производиться не иначе как с разрешения Департамента охраны природы. Кроме того, покупка и продажа земель в Тули могла производиться теперь

только с одобрения министерства, и всякая покупка земли облагалась теперь тридцатипроцентным налогом в пользу государства.

В настоящее время земли Тули по-прежнему находятся большей частью в частном владении, но землевладельцы заметно объединены природоохранными идеями. Так, в 1980-е годы в эти земли удалось вернуть жирафов. Но по-прежнему требуется активное участие землевладельцев в развитии активной природоохранной стратегии для региона в целом. Так, крайне необходимо, чтобы землевладельцы организовали антибраконьерские отряды для оперативных действий по всей территории Тули.

Теперь в некоторых частных заповедниках в Тули развивается туризм. Для туристов построены шикарные домики, гиды на вездеходных автомобилях, движущихся вне дорог, показывают туристам дикую фауну. Но, несмотря на развитие туризма, в момент, когда пишутся эти строки, для сохранения дикой фауны по-прежнему мало что делается – остается молиться и надеяться, что со временем и с усилением чувства ответственности дела изменятся в лучшую сторону.

Примерно в то же время, когда я привез сюда львов, несколько частных заповедников на востоке – как раз там, где я собирался поселить своих львов – консолидировались в более крупный заповедник с единой природоохранной стратегией. Это произошло по инициативе молодого борца за охрану природы Брюса Петти, ставшего директором всей этой большой территории, получившей название «Заповедник Чартер». Природоохранная концепция, развиваемая Брюсом, существовала еще в годы его детства, но не получила тогда применения из-за отсутствия средств. Но в конце концов она получила воплощение – что ж,

каждое путешествие начинается с первого небольшого шага.

Природоохранная концепция Брюса Петти остро нуждается в воплощении на всей ботсванской территории земель Тули. Но даже если святое дело утвердится в умах большинства землевладельцев Тули, земле по-прежнему будет наноситься ущерб, а ее дикая фауна оставаться под угрозой уничтожения, если не будет должным образом налажена охрана.

Позволю себе процитировать отрывок из книги Кьюки Голманна «Мне снилась Африка», в которой рассматривается вопрос о том, как это – владеть землей:

«Так значит, я – землевладелец? – говорил я от чистого сердца. Как часто задумывался я, что же за этим кроется. – Я не чувствую себя землевладельцем. Я не могу поверить, что мы и в самом деле имеем землю в собственности. Она существовала до нас и будет существовать после того, как мы уйдем в небытие. Я верю, что мы можем только взять ее под свою заботу – как ее пожизненные попечители. Я даже не родился здесь. И я считаю своей огромной привилегией быть в ответе за кусок африканской земли».

Многих из тех, кто «владеет» землями на юге Африки, могли бы вдохновить эти слова, полные сочувствия и мудрости.

Недостаточная защищенность – общая беда частных заповедников – во многом повлияет на ход истории моей жизни в обществе львов. Я стремился к тому, чтобы дать львам возможность жить в родной дикой природе и самим добывать себе пищу, но вместе с тем мне нужна была уверенность в том, что они не станут жертвой различных угрожающих факторов, таких, как браконьерство или конфликт с владельцами домашнего скота. Тули и его фауна нуждаются в более надежной опеке, принимая во внимание то, что им нужно

учитывать груз проблем, доставшихся от прошлого, и потенциальную возможность приобретения международного значения этим регионом, где обитают представители редкой дикой фауны.

Моя глубокая страсть защитить Тули зародилась еще в предыдущий период работы здесь – в 1983–1986 годах. Тогда, едва разменяв третий десяток, я работал егерем в одном из самых крупных частных заповедников. В число моих обязанностей входило наблюдение за местной популяцией львов и ее изучение. Так изучение небольшой популяции львов на местном уровне привело меня к пониманию значения льва как вида в масштабе всей Африки. Еще будучи юным егерем, я глубоко проник в жизнь львов и был шокирован и опечален, когда понял, что происходит с популяцией львов в Тули.

В результате браконьерства и ряда других факторов число львов в Тули сократилось за каких-нибудь два с половиной года почти наполовину – примерно с 60 до 29 особей. Некоторые из них были истреблены за то, что резали домашний скот в хозяйствах, расположенных по границам Тули; иных самым подлым образом сманили на южноафриканские фермы, и там они стали жертвой «спортивной охоты». Но больше всего их пало от браконьерских силков – обыкновенных проволочных лассо, смертельных для львов и для других животных. Эта форма браконьерства опасна даже для слонов – я знаю одного молодого слона, которому шесть лет назад проволокой целиком отрезало хобот, и, однако, он непонятно как выжил и живет до сих пор. Мне не раз приходилось видеть и других слонов с укороченными хоботами – все они стали жертвой браконьерских проволочных петель.

Результатом наблюдений, чувств и действий в этот период моей жизни явилась книга «Плач по львам», которую я написал в надежде привлечь внимание к

проблемам львов Тули и в попытке побудить к действию во имя их более надежной защиты. Наивно веря в силу пера, я был уверен, что эту защиту им удастся обрести.

Я уехал из Тули, чтобы написать эту книгу, а когда закончил ее, то в течение двух последующих лет изучал проблему львов в масштабе континента. Я исколесил тысячи километров по югу Африки, впервые встретился с Джорджем Адамсоном и поработал с ним; итогом всего этого явилась вторая книга, тематика которой осталась традиционной: львы, люди, вторжение, браконьерство, ружья, пули, смерть и лишь изредка – надежда...

Все три с половиной года, что я был вдали от Тули, эта земля оставалась в моем сердце. Я знал, что однажды должен буду вернуться. И все эти три с половиной года я получал оттуда вести: «Еще один лев попал в капкан... Предполагается, что потомство львиц-сестер Кали уничтожено... Попал в капкан старый лев Дарки, но ему удалось перегрызть браконьерскую петлю...» Из других источников я слышал, что львиное поголовье не только стабилизировалось, но и растет, и эти лживые сведения давали мне обманную надежду: я не смог распознать иронию в том, что мне сообщалось.

В 1989 году я собирался возвратиться на эту землю. Планы у меня были большие – просвещение людей в вопросах окружающей среды, попытка нового пересчета поголовья львов и учреждения более надежных мер по защите как этих львов, так и всей дикой фауны заросших кустарником земель Тули. Со смертью Джорджа моей главной целью стала подготовка троих львят к жизни в дикой природе.

Возвращение в Тули явилось для меня возвращением на родину, и вскоре по прибытии я записал такие слова – слова, запечатлевшие мои чувства по возвращении на ту землю, которой принадлежит мое сердце. Вот эти строки:

Я снова на земле, которую я знал.
Я снова на земле, где сердце я свое оставил.
Я снова здесь! Я снова здесь!
Слеза струится по моим губам.
О, чудо! Наконец мы снова вместе!
Старуха мать! Дай мне тебя обнять!
О дикий мир, как тягостно тебе
В ручищах жадных человека!
О дикий мир, с круговоротом вечным,
Текут в котором годы, жизнь и смерть.
Свободными надолго ль нам оставаться вместе?
Надолго ль быть свободными – тебе и мне?
С тех пор, как я твоим проникся духом,
Мне кажется, что меньше мир вокруг тебя.
А может, я ошибаюсь – просто вырос сам?
Не важно! Хорошо, мы снова вместе!
Старуха мать! Дай мне тебя обнять!
Жизнь – это цикл.
И на твоих глазах я вырос, как в лесу растут
деревья.
И тогда
Вослед орлам на север я умчался.
Года прошли, но я не возвращался.
Но ты манил меня своим прохладным бризом,
Слова любви так искренно шептавшим,
И вот вернулся я.
Своим прикосновеньем
Меня ласкаешь ты.
Я рад бы умереть здесь.
Что ж, да будет так!
Я снова здесь! Я снова здесь!
Слеза струится по моим губам.
Как хорошо, что снова вместе мы!
Старуха мать! Дай мне тебя обнять!

И снова встреча со старцем Сэлмоном под деревом машату... Я спросил его, что он думает о моей работе – защите дикой фауны и возвращении львов в дикую природу.

Подумав немного, он сказал:

– Молодчина... Мои внуки не знают львов так, как я когда-то или как их знали наши предки. Дети знают о львах только по картинкам.

Он смолк, а затем печально кивнул головой.

– Белый человек столько погубил – что зверей, что нашу древнюю культуру, – а теперь хочет возвращать зверей назад! То-то! Раскидавши ворохами, собирать надумали крохами! – Он запнулся и пренебрежительно оставил тему.

Тут-то я понял, что он имел в виду. С исчезновением зверья, которого в его молодые годы много было на юге Африки, выродилась и сама земля, подверглась эрозии и ее аборигенная культура. Сам старец и его народ, как и земля, стали изолированы, порвались связи, и, возможно, он на склоне лет не видел будущего – так, как он мог видеть грядущее, будучи молодым человеком. Слишком уж изменилось все вокруг.

Разговаривая со старцем, я заглянул назад во время и задумался о переменах, происшедших в судьбе Тули. Из рассказа Сэлмона я понял, что, несмотря на время, на всю эрозию жизни, Тули еще, можно сказать, повезло: она выжила, в то время как земли и их дикая фауна к югу оказались утраченными.

Суть истории и судьбы Тули, мне кажется, заключена в строчках послания, адресованного в 1885 году вождем североамериканских индейцев Сиэтлом президенту Соединенных Штатов Америки:

«Что ж будет с человеком, коль все зверье исчезнет?

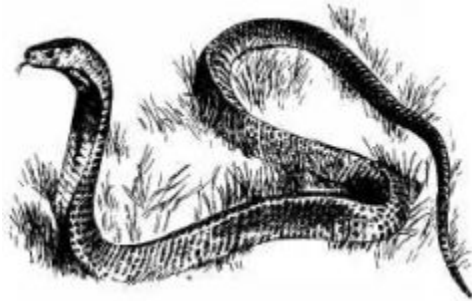
От одиночества в душе погибнет он и сам.

Что б ни случилось со зверьем, и с человеком
будет то же.

Такая в жизни странная взаимосвязь.

И если что-нибудь с землей случиться может —
Того не избежать и всем ее сынам.»

Еще с самого начала работы по подготовке львов к жизни в родной стихии – во имя львов, во имя Тули – я решил избрать это послание девизом своей деятельности. Моей целью стали движение к большому равновесию между дикой природой и человеком и попытки как-то сгладить конфликт, столь долго существовавший на юге Африки.



Глава третья

Жизнь в «Таване»

Лагерь «Тавана» – напоминаю, это значит «Львенок» – расположился в живописной череде долин как раз на границе с зимбабвийской территорией Тули-сафари. Как и «Кампи-иа-Симба», что значит «Лагерь Львов», в Кора, «Тавана» окружена двенадцатифутовым забором – буквально с той целью, чтобы люди находились внутри, а звери снаружи. Как и «Кампи-иа-Симба» Джорджа, наш лагерь был описан кем-то из наших нечастых посетителей как «зоопарк в заповеднике», в котором человек находится за забором, а дикая природа с ее фауной – снаружи.

Жизнь среди дикой природы была в новинку для Джулии, выросшей в городской среде и прежде работавшей в конторе. Но тем не менее жившее в сердце Джулии сопереживание обитателям дикой природы быстро помогло ей адаптироваться к новым условиям, и ей, и львам не составило труда привыкнуть к новому дому.

Еще в самом начале нашего проекта люди, знавшие Джулию по Южной Африке, откуда она родом, выражали мнение, что она не приживется в дикой природе и скоро вернется домой. Такое мнение сложилось, на мой взгляд, из-за ее хрупкой фигуры и впечатления незащищенности. Ее дружная семья тоже глубоко сожалела по поводу того, что Джулия выбрала жизнь среди дикой природы. Никому и в голову не приходило, какие стремления, потребности и надежды возрастали в душе Джулии. Прошло совсем немного времени, и обнаружилось, как неправы были доброхоты – Джулия показала свою целеустремленную и

находчивую натуру, качества, прежде таившиеся в ней где-то под спудом.

До того как мы привезли львят в Ботсвану, у нас с Джулией не было близких отношений; про себя я гадал, увянут или не увянут наши юные отношения в условиях дикой природы. Надо сказать, я недооценил душевные силы и терпение Джулии.

Со стороны могло бы показаться экзотичным и романтичным, что двое молодых людей живут и работают вместе в заросших кустарником землях Ботсваны, готовя львов к жизни на воле, да в какой-то степени так оно и было. Но, по большому счету, жизнь в дикой природе подвергает молодую пару таким испытаниям, в которых их чувства либо закаляются, либо гибнут. За те два года, что мы провели в «Таване», мы не раз были на грани разрыва, но в итоге отношения между нами окрепли, в первую очередь благодаря совместно накопленному опыту, испытаниям и невзгодам, поражениям и триумфам.

Пока я в эти первые месяцы скитался со львами по землям Тули, Джулия занималась повседневной работой по лагерю. Каждое утро начиналось с подметания – неблагоприятное занятие, потому что стоило подуть летним ветерком – предшественникам сезона дождей, – и наша крохотная кухонька и палатки опять оказывались занесенными пылью и засыпанными листьями. Когда же Джулия принималась стирать или мыть посуду в большом пластмассовом тазу, назойливые мухи облепляли ей лицо и глаза.

Удобства в «Таване» были весьма специфическими, особенно для тех, кто привык к городскому комфорту. К примеру, галюн представлял собою вырытую в земле глубокую яму, увенчанную «троном» из челюсти слона. К несчастью, под планками, на которых был установлен «трон», поселилась плюющаяся ядом кобра; у нас было

несколько таких встреч с этой змеей, от которых волосы вставали дыбом.

Однажды утром Джулия, готовясь воссесть на трон из слоновой челюсти, вдруг заметила подле трона изготовившуюся к плевку шестифутовую кобру и, понятно, дала деру. Когда под вечер я вернулся со львами, она сообщила мне, что испытала такой шок, что в течение суток боялась туда наведаться. Я же, от души похохотав, согласился, что в самом деле нужно дать кобре срок – пусть уползает, гадина, прочь!

Однако на следующее утро, перед рассветом, я спросонья поплелся в галюн и предался там размышлениям о предстоящем дне. Мои мысли были прерваны шипением, раздавшимся из-под земли, и тут на меня нашло прозрение. «Кобра!» – догадался я и моментально катапультировался, как пилот из подбитой машины. Сердце мое колотилось от страха. Когда я прибежал к своей верной Джулии, настал ее черед похохотать всласть.

Душевая у нас находилась в трехстенном деревянном сооружении, примыкавшем к галюну. Все оборудование – ведро, служившее и ванной, и душем. Кобра и сюда весьма частенько наведывалась. А так как «санузел» находился всего в каких-нибудь двух метрах от ограды, то нередко Джулия или я обнаруживали, что львы с интересом наблюдали, упершись мордами в ограду, как мы моемся или предаемся размышлениям, восседая на троне из слоновой челюсти. Иногда по вечерам, когда Джулия принимала душ, я слышал шорох в кустах. Потом до меня доносились слова Джулии:

– Привет, львята!

А затем уж и она сама появлялась, обернутая полотенцем, с мокрыми волосами, извещая меня о том, что львы вернулись.

В «Таване» не было водопровода или колодца, так что всю воду для питья, готовки и стирки приходилось привозить в видавшей виды железной сорокачетырехгаллонной бочке, которую ставили в кузов. Каждые три-четыре дня Джулия ездила за водой в соседний лагерь, находившийся в тридцати минутах пути, и с наполненной бочкой возвращалась в «Тавану».

В первые месяцы нашего пребывания в лагере в одной из таких поездок за водой Джулия впервые близко столкнулась с разъяренной слонихой. В тот день с ней в машине ехали почтенный Джон Кнокс и приехавшая к нам в гости подруга из Великобритании. Джулия сидела за рулем, подруга – в кабине рядом с ней, а старина Джон – в кузове, рядом с бочкой. По пути машина встретила со стадом слонов, умывавшихся дождевой водой из канавы.



Джулия остановила машину, чтобы ее подруга могла заснять эту сцену. Вдруг послышался стук в заднее стекло. Подруга повернулась и увидела, как Джон отчаянно машет рукой. К несчастью для Джона, она приняла этот жест за дружеский знак приветствия, а застывшую гримасу ужаса на его лице – за улыбку и радостно улыбнулась, помахав ему рукой в ответ. Как раз в этот момент обернулась Джулия и увидела, что

Джон отчаянно пытался спрятаться под задним сиденьем. К счастью, уголком глаза она увидела нечто огромное и серое, бесшумно надвигавшееся на машину, и, инстинктивно нажав на стартер, уже не сбавляла газ до места назначения. А надо сказать, что слоны Тули снискали себе репутацию агрессивных – вполне понятно, если учесть, сколько времени их преследовал человек.

Позже я узнал, что, пока обе женщины наблюдали за мирным стадом, Джон, к своему ужасу, увидел огромную слониху со спиленными бивнями, надвигавшуюся на машину издали. Джон сообщил мне, что если бы Джулия вовремя не нажала на газ, от них от всех остались бы рожки да ножки.

Он постучал в стекло, чтобы предупредить женщин, но наша подруга только улыбнулась в ответ и помахала ему рукой. Подумав, что обе женщины сошли с ума, он приготовился к самому худшему и попытался спрятаться под задним сиденьем. Надо сказать, что молча и с разбега слон атакует редко, только в серьезных случаях. Если же он просто хочет попугать, то шумит, трубит, движется короткими перебежками и хлопает ушами. Так что, хоть я и не был свидетелем этой сцены, у меня были все основания поверить словам Джона, что и машине, и ее пассажирам могло бы не поздоровиться.

* * *

... В противоположность большинству людей, Джулии не требуется, чтобы ее постоянно окружала компания, – она может оставаться одна в течение долгого времени. Ей свойственны, однако, сильные материнские чувства, и с самого начала нашего проекта она готова была выкармливать любого звериного

детеныша. Имея это в виду, я стал отыскивать осиротевших и покинутых малышей. Уже в ближайшие несколько месяцев Джулия стала приемной матерью для детеныша дикобраза, птенцов ткачиков, детеныша генетты и новорожденной мартышки-верветки.

Находка дикобраза оказалась очередным уроком для львят. Однажды ясным солнечным утром я шагал со всеми тремя по высохшему руслу недалеке от «Таваны». Было все еще прохладно, и, несмотря на неудачную попытку догнать импалу, львы отважно двигались вперед в поисках добычи, сияя настороженными глазами. Идя за ними вслед, я заметил, что Фьюрейя неожиданно остановилась, а затем, приняв охотничью позу, стала медленно двигаться в направлении маленького, но густого куста. Рафики и Батиан приблизились к кусту с других сторон. Оттуда донесся шорох колючек, который мог издавать только дикобраз.



Львы стали продираться сквозь кусты, когда с новой силой раздался шорох колючек, сопровождавшийся топотом ног (как я понял, дикобраз готовился к обороне). Вдруг из кустов выскочил крупный дикобраз и бросился к ближайшей норе. Я обернулся и увидел, что в кустах еще осталась дикобразиха с тремя детенышами подле нее.

Тут Батиан, еще не искушенный в средствах самозащиты, применяемых дикобразами, с энтузиазмом принялся раскапывать нору, где скрылся этот зверь.

Раскопав нору пошире, он бесшабашно нырнул туда и тут же с диким ревом выскочил назад. Из морды у бедняги торчали три-четыре острые черные и белые колючки, которые он, корчась от боли, вытащил передними лапами. Окровавленный – к счастью, этим и ограничилось, – он бросил затаившегося в норе дикобраза и отправился к сестренкам, которые атаковали дикобразику и ее потомство.

Дикобразиха отчаянно пыталась защитить детенышей, но в конце концов дала деру из кустов, шурша колючками; она понеслась вдоль высохшего русла, преследуемая Рафики. Таким образом, детеныши остались без защиты. Батиан тут же убил одного и принялся играть со вторым, как кошка с мышью. Находившаяся рядом Фьюрейя прижала третьего детеныша передней левой лапой к земле. Опечаленный судьбой детенышей, я подошел и стал отвлекать внимание Фьюрейи на Батиана. Как только она к нему шагнула, я осторожно вынул детеныша у нее из-под лапы и унес. Детеныш был крошечный, едва шесть дюймов в длину, с еще различимыми остатками пуповины.

Я тут же связался по рации с лагерем и попросил Джулию встретить меня по дороге. Когда она увидела крошечного дикобраза у меня в ладонях, сложенных горстью, в ней проснулся материнский инстинкт. Детеныша мы называли Ноко, что на здешнем наречии означает просто «дикобраз». Впрочем, впоследствии его имя стали выводить из «нугу», что на языке суахили значит «обезьянка», – это как нельзя лучше подходило его шаловливому характеру.

Но вызволить-то детеныша из когтей львов мы вызволили, а как выкормить такую кроху? Первоначально Джулия приспособила шприц в качестве бутылки с соской и выкармливала его превосходной кашей под названием «Пронутро». К счастью, детеныш

быстро приохотился к каше, в которую мы добавляли немного разведенного молока. Впрочем, поначалу каждая кормежка заканчивалась тем, что почти вся еда оставалась на платье у Джулии, а в рот дикобразу попадало немного. Но когда он приучился есть из миски, не возникало никаких проблем. А надо сказать, что он стал алчным и всеядным, особенно охочим до такой пищи, как печенье и хрустящий картофель.

Ноко и Джулия очень привязались друг к другу, и когда она выходила из лагеря, он бежал ее сопровождать, шурша колючками. Он быстро рос, но, даже став взрослым, по-прежнему любил, чтобы Джулия брала его на руки и прижимала к себе. В этих случаях он опускал колючки, чтобы не поранить свою хозяйку.

Когда Ноко уже достаточно подрос, мы с Джулией решили вернуть его в родную стихию. Но прямо так отпустить его мы не могли из опасения, что он снова попадется в когти львам. Тогда с большой печалью, но с надеждой, что это будет лучше всего для Ноко, мы, отвезли его в лагерь к нашему другу, который и приучил его к жизни на воле.

... Прошло уже два года с тех пор, как я спас Ноко из-под лапы Фьюрейи, но он по-прежнему время от времени наведывается в лагерь нашего друга. А несколько раз его видели в обществе – по-видимому, он нашел себе подругу.

* * *

В первые дни нашего проекта раз или два в неделю Джулия отправлялась на машине в Понт-Дрифт – пограничный пост между Южной Африкой и Ботсваной на реке Лимпопо. Там она запасалась провиантом и оттуда звонила по телефону. Дорога по долине Питсани

к границе обычно занимала у нее час с четвертью, иногда значительно больше, в зависимости от того, сколько слонов ей встречалось на дороге. Порой огромные слоновьи стада преграждали ей путь, и она была вынуждена терпеливо ждать и наблюдать на почтительном расстоянии, пока они не спеша насытятся и соблаговолят уйти с дороги, дав Джулии возможность без опаски продолжать путь. Что поделаешь, в землях Тули преимущество за ними, а не за нами! Если слишком опрометчиво приблизиться, то самка в яростном стремлении защитить свою семью и потомство может с криком броситься в атаку. Такие нападения редко имеют намерение действительно уничтожить машину и ее пассажиров, но было немало случаев, когда слоны все-таки наносили ущерб машине. Впрочем, и со стороны слонов было невежливым проявлять агрессивность только из-за ложно понятых намерений водителя.

Понт-Дрифт – своеобразные ворота в дикие земли, заросшие кустарником. Именно здесь гиды поджидают туристов и везут их в охотничьи домики, и сюда же они возвращаются после сафари. Достигнув белого домика, в котором размещается пограничный пост, Джулия снова оказывалась в мире людей: и она хорошо знала ботсванских пограничных чиновников, и они ее. Они, всякий раз расспрашивали Джулию, как обстоят дела у львов, как себя чувствую я. Джулия встречалась и болтала со множеством людей, также работавших в этих заросших кустарником землях, – гидами по заповедникам, егерями и сотрудниками.

Чтобы добраться до телефона, Джулии приходилось выполнять въездные формальности и переезжать по пересохшему руслу реки Лимпопо на территорию Южной Африки. Там находился сарай из рифленого железа, куда убирали вагончик канатной дороги, и там же имелся телефон. Летом река переполнялась

бурлящими водами, и переправиться через нее можно было только в вагончике канатной дороги – едва ли не уникальный способ пересечения границы в Африке. Сидя на деревянной скамеечке в сарае, куда убирали вагончик, Джулия звонила по телефону.

Со временем, когда наша работа вызвала интерес прессы, телефон стал связывать нас с самыми отдаленными местами. Именно отсюда – из сарайчика на берегу реки Лимпопо – мы вели переговоры с представителями радиопрограмм, газет и журналов Австралии, Великобритании и Соединенных Штатов, так что даже трудно было представить себе, как в другом мире, столь далеком от Тули, журналисты брали у нас интервью в своих офисах в своих огромных городах.

Время от времени мне приходилось названивать моему литературному агенту Тони Пику в Лондон. В этих случаях, зная, как ему это понравится, я с удовольствием рассказывал ему, как мне приходилось рулить сквозь стадо в две сотни слонов, чтобы добраться до телефона, или, если дело было в сезон дождей, как я переплывал реку Лимпопо ввиду поломки канатной дороги. Когда я разговаривал из накаленного солнцем сарайчика на юге Африки с находившимся в тысячах миль к северу от меня Тони, сидевшим в своем уютном кабинете, в окна которого стучали снежные хлопья, – согласитесь, в этом было что-то неправдоподобное.

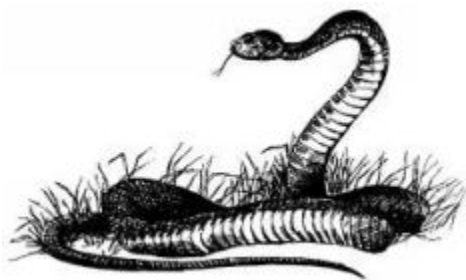
Обзвонив всех, кого нужно, Джулия обычно ехала в Северный Трансвааль, в городок с названием Оллдейз, где запасалась провиантом и горючим. Вся поездка занимала у нее от шести часов и более.

Как я уже писал, в ходе этих поездок Джулия встречалась с другими обитателями земель Тули, нередко моими старыми друзьями и коллегами по прежней работе в этих местах. Однажды, вернувшись в «Тавану», она сказала:

- Догадайся, кого я сегодня встретила! Твоего старинного приятеля Фиша Майлу! Он хочет повидаться с тобой как можно скорее.

Я не видел своего друга уже более трех лет. И теперь, когда я снова был в Тули, мне страшно захотелось возобновить мою дружбу с ним.

Фиш был егерем, выслеживавшим диких зверей. Нас сдружили долгие часы, проведенные вместе в диких землях, когда мы показывали эти земли и их обитателей посетителям заповедника, где мы работали вместе. Оба молодые и полные сил, мы вместе набирались опыта жизни и работы в дикой природе. Когда я изучал жизнь львов в Тули в этот период, я не стеснялся прибегать к помощи Фиша – многое из того, что я узнал о львах и их повадках, так и осталось бы для меня тайной, если бы не превосходные знания Фиша о диких землях и если бы не его умение выслеживать зверей. Зато я просветил его в области туристской стороны дела, обучив хитростям вождения машины по бушам и тонкостям обхождения с туристами всех национальностей.



Нам вместе довелось пережить ряд пощекотавших нам нервы, а то и просто опасных моментов. Однажды мы случайно набрали на стаю из целых шестнадцати львов. В течение долгих десяти минут мы стояли в кустах тише воды ниже травы в каких-нибудь пятнадцати шагах от недружелюбно настроенной львицы, охранявшей свое потомство. Нам не раз приходилось вместе удирать от слонов, которые в то время были очень агрессивны в Тули, случалось нам

попадать едва ли не в пасть к затаившимся леопардам, подстерегавшим добычу.

Однажды мы с Фишем наткнулись на гиенью нору. Выйдя из машины, мы обошли ее вокруг в поисках свежих следов. Я осторожно заглянул в нору, и тут же из мрака показалась тупая морда с оскаленными зубами. При виде этого зрелища я кинулся к машине, – впервые тогда наша крепкая мужская дружба дала трещину... Когда я подкатил назад к норе, я увидел, что Фиша нет – только на земле валяется его башмак, рядом шляпа, а чуть поодаль другой башмак... Испугавшись за него, я стал окликать его по имени и, к своему необыкновенному облегчению, услышал издали шепот в ответ. Тут же со дна русла появился мой бесстрашный охотник – в легком смятении, без шляпы и босой...

Что же произошло? Оказывается, в то время как гиена скалила мне зубы из норы, сзади к нему подкралась другая. Услышав позади себя шорох, он обернулся и оказался лицом к лицу с гиеной, которая была в каких-нибудь двух шагах. Он инстинктивно отскочил, скинул башмаки, швырнул на землю свою драгоценную шляпу и помчался к сухому руслу, да так, что только пятки сверкали. Обменявшись впечатлениями, мы от души поохотали над всем, что случилось...

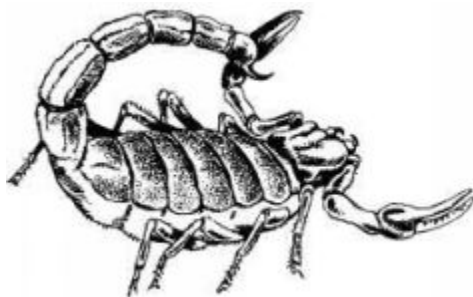
Другим не менее волнующим эпизодом была встреча с ядовитой змеей – черной мамбой. Однажды мы с Фишем ехали среди кустарников в открытой машине – без крыши, без дверей, сами понимаете, – и за поворотом я увидел лежавшую поперек дороги трехметровую змею цвета вороненой стали. Я резко крутанул руль, чтобы избежать наезда, но, похоже, одно из колес переехало ей хвост. Фиш сидел на пассажирском сиденье и из нас двоих был ближе к змее. Как только мы услышали, как змея глухо

ударилась о борт машины, он перескочил ко мне. Затем мы вытаращенными глазами наблюдали зрелище, какое могло только присниться: мамба скользнула в кусты с гордо поднятой футов на пять над поверхностью земли головой. Жуткое зрелище, от которого замирает сердце!

Был и такой случай – когда мы с Фишем стали лагерем в кустарниках, в попытке заманить на территорию заповедника львов, резавших домашний скот, меня ужалил чрезвычайно ядовитый скорпион. Мы с Фишем целый день выслеживали львов и вернулись в наш временный лагерь совершенно измотанные. Но не успел я усесться поудобнее на землю около костра, как почувствовал жуткую боль в ноге. Я вскочил, и пламя костра высветило нечто, уползавшее вдаль.

– Скорпион, – сказал Фиш, – и очень зловердный, Гарет.

Превозмогая боль, я сделал глупую попытку оценить ситуацию. Меня уже не раз жалили скорпионы, и, хотя в ряде случаев боль была жуткой, я все же мог продолжать работу. Но Фиш сразу же распознал опасный вид скорпиона и тут же настоял на том, чтобы мы немедленно вернулись в лагерь, а оттуда он повезет меня к врачу. За час, что мы провели в пути, боль резко усилилась.



Опасных скорпионов обыкновенно можно отличить по очень толстому хвосту и тонким клешням, тогда как у не столь опасных скорпионов мощные клешни и тонкие хвосты. Позже я узнал, что укусивший меня

скорпион принадлежал к роду *Parabuthus*, некоторые виды которых смертельно опасны для человека. Некоторые из них обладают способностью распылять свой яд на расстояние свыше метра. Если яд этого скорпиона попадает в глаз, он становится причиной сильнейшего конъюнктивита, подобного тому, который вызывает яд плюющихся змей.

В лагере меня лечили всем, чем только возможно, но укус оказался слишком жесток. В эту ночь я истекал потом, у меня не раз стесняло дыхание. На следующее утро Фиш отвез меня к ближайшему в этих краях доктору – все в тот же городишко Оллдейз. Фиш со скорбью смотрел на меня, думая, что я отдам концы – такая мука была написана у меня на лице. Впрочем, после визита к доктору я быстро поправился, только в течение недели мне трудно было пить. Это, разумеется, явилось мне хорошим уроком, и я многим обязан Фишу, который спас мне жизнь и научил распознавать этих особо опасных тварей.

Инцидент внушил мне трепетное отношение к скорпионам, так что, когда однажды ночью Фиш ловкой рукой поймал скорпиона *Parabuthus* за хвост и, держа эту отвратительную тварь между большим и указательным пальцами, показывал, как извлечь яд из его хвоста, я был потрясен. Это была старинная наука – то, чему он теперь учил меня, перешло к нему от одного из членов бушменского племени, в котором он прожил несколько лет. Бушмены, оказывается, отличные токсикологи и пропитывают ядом скорпионов наконечники стрел. Эти яды, в том числе и такие, как у скорпиона *Parabuthus*, способны вывести из строя даже такого крупного зверя, как жираф; а уж потом эти маленькие охотники подходят к нему и закалывают копьями до смерти. От таких бушменских ядов ни человека, ни животных не спасает ни одно противоядие.

Вскоре после того, как Джулия встретила с Фишем в Понт-Дрифте, я встретился с ним, когда он направлялся в сторону границы. Одетый в шикарную униформу гида по заповедникам, он вел машину, полную туристов, ехавших на сафари. После долгих трех лет разлуки мы были несказанно взволнованы, увидев друг друга. Я был рад, что он получил повышение – после того, как я оставил работу в частном заповеднике, его перевели на мою должность и сделали гидом. Сегодня он самый опытный гид в этом частном заповеднике.

Когда я после этой мимолетной встречи снова увидел Фиша, я рассказал ему, что пытаюсь сделать для львят, которых зовут Батан, Рафики и Фьюрейя. Я пригласил его к себе в лагерь, и вскоре он у нас появился. Однажды вечером я представил ему львов, когда они после прогулки возвращались к себе в загон. Похоже, что Фиш львам понравился, – когда мы сидели возле загона, они подходили, обнюхивали и смотрели любопытными глазами через загородку. В тот вечер я предложил Фишу составить мне компанию в походе вместе со львами – чего я не предлагал даже Джулии. Фиш согласился без колебаний.

И вот ранним утром мы выходим из лагеря, и я открываю ворота львиного загона. Львы ринулись наружу и с любопытством подошли к Фишу. Затем, охваченные природным юным задором, они выступили впереди нас. Мы с Фишем провели восхитительное утро в компании львов, и было видно, что они приняли его как родного. Ему, в свою очередь, не внушала опасения прогулка в обществе львиного семейства. Этот день стал для меня кульминацией нашего совместного с Фишем сотрудничества. Я запечатлел его на снимке, сделанном в это утро, – Фиш стоит как ни в чем не бывало между двух львов, а третий взирает на него с большой ветки дерева. Этот день ни у меня, ни у Фиша

никогда не изгладится из памяти. Мое доверие ко львам, как и их ко мне, передалось и моему другу.

Единственное, что омрачало этот день, – сознание того, что он никогда больше не повторится. Существенным моментом для достижения успеха программы подготовки львов к жизни в родной стихии является отчуждение их от человека. Я думал о том, не попытаться ли привлечь Фиша к своей работе – более того, был бы готов на все, если бы он согласился, – но после некоторых размышлений пришел к выводу, что лишнего человека лучше в это дело не впутывать. И то сказать – у него была неплохая работа, и притом заслуженная нелегким трудом; он пользовался должным уважением как опытный гид по заповеднику. К тому же я не смог бы предложить ему ту же зарплату, которую он имел там, так что, когда после его визита ко мне в лагерь я повез его обратно, я ничего не поведал ему о своих размышлениях. Сказать по правде, мне был нужен помощник, чтобы ходить со львами на прогулки по дикой саванне, – если со мной что-нибудь случится, кто тогда будет продолжать начатое дело? К счастью, на всей стадии подготовки львов к возвращению в дикую природу со мной ничего не стряслось.

Прошло время, но до нынешнего дня, когда я пишу эти строки, мне еще не представилась возможность кому-то передать из рук в руки свой опыт по подготовке львов к жизни в родной стихии. Я собираюсь принять участие в написании работы по физическому и поведенческому развитию львов в процессе подготовки – но опять-таки желательно передать этот опыт на практике. Джулии ведома теоретическая сторона дела, но она не участвовала в практических занятиях – походах со львами по бушу. Фиш представлялся мне наиболее подходящим кандидатом благодаря своему глубокому знанию животных и благодаря его дружбе со мной. Было бы прекрасно, если бы Фиш мог усвоить

накопленные мной знания. Это было бы ему прекрасной платой за все полученное мной от него.



Глава четвертая

Львиная жизнь

Самые жаркие месяцы в Тули приходятся на начало и конец года. В дни рождественских праздников ртутный столбик поднимается до 49° С в тени, а на солнце еще жарче. Когда наступило наше первое в Тули Рождество в компании львов, последним было по семнадцать месяцев. Рафики и Фьюрейя весили по семьдесят-восемьдесят килограммов, а Батиан, пожалуй, на пятнадцать килограммов тяжелее. На этой стадии у Фьюрейи заметно развилась преданность своему брату – когда они отдыхали, то всегда лежали рядом. Что касается Рафики, то уютнее всего она чувствовала себя в моем обществе. Когда мы устраивали привал в густой тени большого дерева, Батиан и Фьюрейя ложились вместе, а Рафики – рядом со мной. Эта привязанность сохранилась, не ослабевая, до сегодняшних дней.

Наши прогулки обычно начинались между полпятого и пятью утра. К десяти часам жара притупляла энтузиазм львов, и тогда мы устраивались на отдых в тени, пока жара не спадет.

В это время я стал замечать, что львы стали показывать признаки своего владычества над данной территорией. Львиное сообщество разделяется на оседлые львиные стаи (прайды), имеющие твердо закрепленную за собой (хотя и изменяющуюся в зависимости от времени года) территорию, и кочующие стаи, в которых нет четкого состава и которые движутся с места на место, причем одни львы к ним прибывают, а другие уходят. Обычно костяк стабильного, оседлого прайда составляют связанные родственными узами львицы: сестры, тетушки и т. д.

Постоянно живущие в прайде самцы обеспечивают безопасность его членам, в частности детенышам, но затем, по прошествии некоторого времени, изгоняются кочующими самцами, которые также живут в прайде в течение определенного времени, и так цикл продолжается. Львы могут разными способами оповещать себе подобных, что территория занята, – могут «зовом», могут ревом, который извещает о присутствии на данной территории особи или прайда за много километров, или же оставляют метки о своем посещении данной территории, когда странствуют. Взрослые самцы обильно поливают кустарники струей мочи, содержащей пахучий секрет анальных желез. Львицы могут поступать так же, но, как правило, помочившись, тут же скребут лапой землю – это служит у них средством передачи информации и оповещения странствующих сородичей, если те слишком сильно углубятся на территорию, занятую прайдом.

Я заметил, что Батиан также стал метить кусты. Сначала он терся головой о нижние ветки и листья, а затем поворачивался к ним задом и поднимал хвост. Иногда он при этом скреб землю задними лапами. Фьюрейя и Рафики тоже скреблись, и из солидарности с моими юными подопечными я тоже орошал африканскую землю – хотя и без того «ритуального» значения, как у львов. Порой, когда я еще только расстегивал ширинку, мои действия вдохновляли львов скрести землю и метить территорию – эти жесты стали частью моего единения с ними, так что потом все это делалось автоматически.

Я искренне желал, чтобы львы как можно быстрее почувствовали себя хозяевами на территории вокруг «Таваны», а затем все расширяли ее. Если бы им не привилось чувство, что здесь они находятся в безопасности, им грозило бы в будущем стать странствующими, кочевниками. А это таит в себе

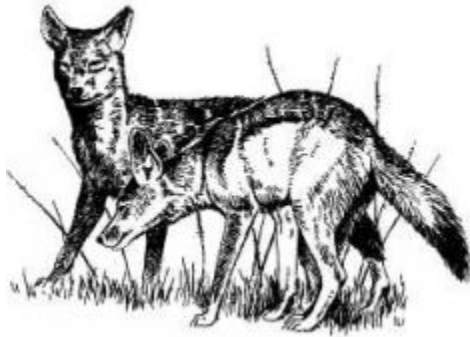
большую опасность того, что, привыкнув охотиться на всех без разбору, они доберутся до скотоводческих районов, примыкающих к западным и восточным границам Тули, и начнут резать там скот – а за это им гарантирована верная пуля.

Мое стремление привить львам чувство безопасности в регионе вокруг «Таваны» и наши с каждым часом укреплявшиеся взаимосвязь и взаимные чувства служили усилению в них ощущения того, что они – хозяева на данной территории. Здесь они не встречали особой конкуренции, хотя стычки с пришлыми львами все же порой имели место. Я выбрал для размещения лагеря «Тавана» долины Питсани именно потому, что не наблюдал здесь диких львов, которые могли бы составить конкуренцию моим. Имевшееся ранее браконьерство привело к образованию здесь «безльвиного вакуума», который не был заполнен другими оседлыми львами, как я понял, из-за нестабильности ситуации: то одни кочующие львы здесь побывают, то другие. Львы, которых выпускал Джордж Адамсон, занимали место обитавших здесь в прошлом оседлых львов и истребленных браконьерами, – им в наследство доставалась удобная и незанятая территория.

В ходе наших походов я не раз наталкивался на остатки браконьерских капканов, которые удалось поломать попавшим в них зверям-бедолагам. Встречались и целые капканы; при мысли о том, что и мои львята могут угодить в такую западню, меня бросало в дрожь. Эти заброшенные капканы, а также отсутствие признаков обитания здесь оседлых львов навели меня на мысль, что за три с половиной года, что я не был в Тули, здешнее поголовье львов увеличилось. Но понадобились еще месяцы, чтобы я в полной мере убедился в том, что последствия браконьерства сказываются до сих пор.

Прожив со львами столько времени, я не раз становился свидетелем необычных встреч между ними и другими животными, населяющими Тули. Самая опасная из этих встреч произошла в первые дни нового года. Участвовали ваш покорный слуга, львы и молодой леопард.

Но в последние недели 1989 года мне довелось наблюдать и иные встречи львов с другими обитателями здешних мест.



Возле львов часто отираются шакалы – особенно когда стая повезло в охоте. Иногда шакалы просто увязываются за львиной стаей с расчетом, что когда те настигнут добычу и насытятся, кое-чем можно будет поживиться и им.

В ходе наших прогулок вблизи холма, который я называл Холмом львят и с которого открывался вид на широкую долину, мы часто наблюдали за парой шакалов. Поначалу, пугаясь моего присутствия, они держались от нас на почтительном расстоянии, но затем осмелели, если не сказать обнаглели. Нередко, когда я устраивался на отдых со львами, шакалы околачивались вокруг нас, сверкая жадными глазами. Они явно ждали, что мы отправимся на охоту и нам повезет. Когда мы трогались в путь, они нередко обнюхивали место нашего привала, а затем увязывались за нами.

К сожалению, отношения между нами и шакалами имели драматический финал. Однажды ветреным утром после привала, покинув Холм львят и взяв курс на юг, мы обнаружили отсутствие знакомой парочки. Войдя в рощицу низкорослых, чахлых деревьев мопана, я услышал впереди себя шорох. В прошедшие недели всякий раз, когда во время прогулок со львами я засекал животное, я тут же останавливался и садился на корточки, показывая своим подопечным, что возможная добыча рядом. Инстинктивно подав такой знак и на этот раз, я увидел знакомую парочку, поедавшую какую-то пищу. Пока я сообразил, кто передо мной, Рафики и Фьюрейя немедленно бросились действовать по моему сигналу: остановившись и всмотревшись вперед, они заметили шакалов, и Рафики поползла вперед, двигаясь полукругами. Фьюрейя, шаг за шагом, также поползла вперед, а затем бросилась в атаку. Я встал и принялся наблюдать, как оба шакала бросились наутек, выписывая восьмерки, чтобы сбить с толку Фьюрейю – они не видели, что Рафики была ближе к цели, и вот уже она впилась в позвоночник самцу, как когда-то варану, а самке удалось улизнуть. Зажав в зубах добычу, отчаянно мотавшую мордой и конвульсивно дрыгавшую передними ногами, львица принялась носиться с ней по кустам и «играть». Через десять минут все было кончено.

Львы получили хороший урок охоты, я ощутил, с одной стороны, гордость за моих питомцев, с другой – печаль. В эту ночь, лежа в своей палатке, я больше не услышал «дуэта» шакалов со стороны Холма львят. Только странный, жалобный вой овдовевшей самки...

В течение нескольких недель я наблюдал самку, бродившую в одиночестве подле Холма львят, – такой она казалась мне покинутой... Впрочем, как говорится, природа боится пустоты – когда однажды утром я

увидел ее в сопровождении другого спутника, я обрадовался.

В походах со львами меня часто сопровождал еще один хищник, и явно тоже с намерением поживиться; впрочем, поймать его у львов были лапы коротки. Это был орел-скоморох, которого я прозвал Бэтти. Он кружил над нами, чертя в голубом небе все более и более широкие круги. Орлы-скоморохи, пожалуй, самые большие мастера высшего пилотажа из всех хищных птиц Африки. Едва взмахивая крыльями, они без усилий скользят ввысь по восходящим воздушным потокам. При этом орлы-скоморохи охотно питаются падалью – нередко они находят поживу еще до того, как ее обнаружат грифы, и выклевают самое вкусное – глазные яблоки павшего животного – еще до того, как его обнаружат более сильные хищники. Орлы-скоморохи – одни из немногих птиц, которые могут поживиться и от добычи леопарда, которую тот затаскивает на ветви деревьев, чтобы уберечь от гиен и шакалов. Крупные и неуклюжие грифы не могут, подобно орлу-скомороху, нырнуть под крону дерева, где на ветках могут быть развешаны остатки добычи леопарда. Наблюдения за всеми этими необычными взаимосвязями в дикой природе проясняли мне, какую специфическую и важную роль играет каждый вид в этом хитроумном механизме природы.

Орел-фигляр олицетворял собою истинную свободу, паря в воздухе, скользя ввысь на воздушных потоках, наблюдая свысока за странной процессией, состоящей из человека и трех львов, бредущих по раскаленной земле в поисках тени. Иногда я даже звал его. Раз, когда мы со львами расположились на отдых под Деревом пастухов, я услышал шорох крыльев и увидел, как какая-то птица садится на голые ветви стоявшего рядом мертвого дерева. Я взглянул и увидел, что и львы стали просыпаться, привлеченные необычным гостем, –

это был Бэтти. Он сидел всего в нескольких метрах от нас и, по-видимому, проверял, нет ли чем поживиться на ветках тенистого дерева, где мы отдыхали. Несколько минут спустя, удовлетворив свое любопытство, он взмыл ввысь, и мы все четверо подняли головы, наблюдая, как он возвращается в свои голубые бескрайние владения.

* * *

В то время, как мои львы осваивали территорию вокруг «Таваны» и в долинах Питсани, произошел случай, заставивший их на время прекратить оставлять свои метки. В «Тавану», угрожающе рыча и явно в агрессивном настроении, явился почтенный лев из прайда Нижнего Маджале. Я встречал этого зверя шесть лет назад и назвал Дарки, что значит «темный» – по великолепной черной гриве и сланцево-серой шкуре.

Ранним утром, за две недели до Рождества, когда мои львы еще находились в загоне, мы с Джулией проснулись от жуткого львиного рычания, раздававшегося как раз из-под ограды лагеря. Было по-прежнему темно, хоть глаза выколи; я поспешил за факелом и посветил сквозь решетку в загоне. Бедняжки были до смерти напуганы присутствием грозно рычавшего дикого льва и жались в ближайшем к моей палатке углу. Я позвал их тихим голосом, чтобы успокоить, а затем посветил факелом в направлении ограды – так и есть, это Темный! Он стоял, высвеченный огнем факела, величавый и свирепый, и взирал на меня и на троих детенышей. Затем он прошествовал вдоль забора к загону, где содержались львята, и справа от него я увидел нескольких львиц и единственного львенка.

Хотя я знал и любил Темного в течение нескольких лет, сейчас во мне разыгралась ярость – стремление защитить моих львят взяло верх. Я подскочил к ограде, заорав на Темного и его свиту. К моему удивлению, старина не только не обратился в бегство, но и зарычал в ответ в ярко выраженной львиной манере. Я снова поднял крик и направил свет факела в сторону свиты моего гостя – и снова в ответ только угрожающее рычание. Только через некоторое время свита Темного ушла в чахлые кусты; сам же Темный, однако, остался, а мои три крошки дрожали, сжавшись в желто-коричневый комок. Повернувшись задом к кустам, Темный пустил мощную струю и по-хозяйски поскреб землю могучими задними лапами.

Я не оставлял попыток припугнуть непрошеного гостя. Пока я орал на него, львята, видимо, чуть осмелели, и комок распался. Фьюрейя подскочила к ограде, за которой находился Темный, и тут же, потрясенная, с ворчанием отскочила назад. Однако, к моему изумлению, Батиан тотчас же кинулся в направлении Темного, явно горя желанием защитить свою сестренку. Да, это был подвиг для 17-месячного львенка, в котором весу-то было едва ли половина от веса ветерана!

Когда Темный наконец-то затопал восвояси, я отправился к моим львям. Рафики, перепуганная больше всех, часто и отрывисто дышала, икая при этом. Я оставался с ними до самого восхода солнца. Затем, гораздо позднее обычного, я вышел из лагеря один и выследил Темного в десяти километрах к югу от лагеря, в глубине Нижнего Маджале – территории, занятой его племенем.

К счастью, подобные визиты Темного были редкостью, а через несколько месяцев, когда Батиан подрос и научился рычать как взрослый, Темный вообще перестал выходить за пределы своей южной

территории. Это удивило меня, принимая во внимание как разницу в возрасте, так и по-прежнему сохранявшееся различие в весовых категориях. Но, прямо скажем, это был приятный сюрприз.



Тем не менее еще в течение многих дней после визита Темного Батиан и его сестры боялись оставлять свои пахучие метки, а когда все же снова принялись это делать, то поначалу не слишком явно.

Но за всем этим я как-то подзабыл рассказать о самом госте. Темный был весьма почтенным львом, живой легендой Тули. За многие годы его видели тысячи и тысячи гостей и туристов. В популяции львов, где нормально сложился баланс между самцами и самками, такой лев, как Темный, процарствовал бы каких-нибудь три-четыре года, после чего был бы изгнан другими львами. В этих случаях изгнанники обычно исчезают и редко переживают восьмидесятилетний возраст.

Когда приключился описанный выше случай, Темному было примерно четырнадцать-шестнадцать лет – возраст для льва исключительный. Когда я впервые познакомился с ним в 1983 году, он уже тогда был признанным вожаком прайда Нижнего Маджале и

контролировал территорию от семидесяти до ста квадратных километров. Однако судьба его сложилась драматично – его верный товарищ Кгоси, другой вожак прайда, многие из его жен, сыновей и дочерей пали жертвой проволочных капканов браконьеров и пуль южноафриканских фермеров. Сам же Темный странным образом выжил – вот когда подтверждается поговорка о том, что у кошки девять жизней! Но и Темный не раз попадал в опасные передраги: однажды он явился в лагерь с браконьерской петлей из толстой проволоки, охватившей его шею и гриву. Преисполненный воли к свободе, Темный перегрыз проволоку, но при этом острый металл впился в него сверху и снизу. Моему другу, ветеринару Эндрю Мак-Кензи, все же удалось успокоить льва и освободить его от проволоки, но шок, который испытал Темный, когда петля сдавила ему шею, по всей видимости, был значительным.

Когда я начал изучать жизнь львов в Тули в 1983 году, Темный стал одним из первых львов, которых я хорошо узнал. Он поведал мне многие секреты своего племени и стал для меня едва ли не тотемом. В то время, менее чем через час после той волшебной встречи с Темным, когда странная близость между мной и зверем достигла высшей степени, я написал такие строки:

«Солнце еще не взошло, когда утренний бриз донес до меня его зовущий рев. Он шагал уверенной походкой на юг вдоль высохшего русла реки Маджале, но шаги его заглушались мягкой коричневой почвой. Он снова позвал меня издалека, и я приблизился. Его зов пробудил антилоп, спавших в ожидании восхода солнца, и по всей холмистой равнине на много миль вокруг звери тут же повернули головы туда, откуда раздавалась его призывная песня.

Я отыскал его след, который казался очень большим на шелковой пыли; его еще не успели запятнать

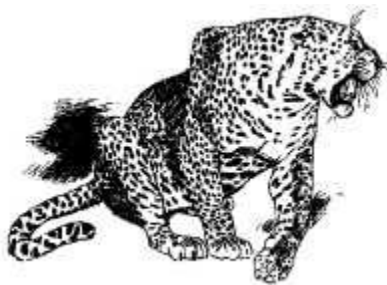
многочисленные, занятые своими делами голуби, вытаптывающие на свежей утренней земле диковинные круговые узоры. Отпечатки его лап лежали передо мной, как череда сломанных цветов, его растопыренные пальцы окружали глубоко впечатавшуюся в землю подушечку. Я отправился туда же, куда пошел он – навстречу утреннему свету. Я вдыхал его запах, который кружился в воздухе, несомый порывами ветра мне навстречу. Я направил свои стопы туда, где он залег. Я коснулся веток куста и почувствовал у себя на ладонях его теплую мочу, словно утреннюю росу, – она разбрызгалась на безжалостно сухой под зимним солнцем земле, и от нее остались только темные бурые пятна.

Я ощутил его присутствие явственно и близко. Впереди меня лежал обрушившийся берег, и в нескольких шагах от меня раздавалось жалобное завывание шакала.

Антилопы куду, лежавшие полосатым пятном на травяном ковре, внезапно сорвались с места с шумом, который они издают только при близости льва. Я пошел по его следам и понял, что он, подстерегая куду, вымазался грязью для маскировки.

Я вошел в кустарник. Он наблюдал с близкого расстояния и знал, что я это знаю. Затем он повернул ко мне свою косматую голову и уставился на мою приближающуюся фигуру. Он двинулся вправо и, прежде чем укрыться в кустах, растущих кругом, остановился и посмотрел на меня своими янтарными глазами – с одной стороны, он желал спрятаться, с другой – его разбирало любопытство. Я не видел его целиком, но мне это и не нужно было – я ощутил силу его глаз. Я хорошо знал Темного, и, как ни странно, хотя я знал, что он рядом и наблюдает за мной, я не испытывал чувства страха – только первобытное чувство благоговения, вызванное его присутствием.

Я потерял его следы в переплетении листьев и ветвей и медленным шагом вернулся, туда, где в последний раз их видел. Смотрю, а Темный уже там – высокий, массивный, отливающий серым, стоит и наблюдает. Я присмотрелся к своим оставленным до того следам – и точно, как раз поверх отпечатков моих ботинок легли следы его могучих лап. Я инстинктивно двинулся к более безопасному, более открытому пространству; он же, скрытый за кустарниками, продолжал наблюдать с расстояния в несколько шагов. Я ушел инстинктивно и бессознательно, точно первобытный человек, в безопасные открытые равнины, подальше от темных кустов, которые были его владением.



Темный ничем не потревожил меня. Он видел мое присутствие, но не напал. Он не был агрессивен и отдавал себе отчет в своих действиях.

Из кратковременного путешествия в мир чувств первобытного человека я вернулся в настоящее время. Я пошел к своей машине, а он отправился в свой мир – впрочем, по-моему, он никогда и не покидал его».

Однако в 1986 году, как раз перед тем, как я собирался покинуть Тули и засесть за книжку «Плач по львам», чтобы поведать миру о печальной судьбе Темного и всех львов Тули, необъяснимо как, но неблагоприятная тварь все же попыталась на меня напасть.

Случилось это так. Когда я шел пешком по его следам, он напал из своего укрытия, находившегося на

расстоянии свыше полутора метра. Когда он меня атаковал, я находился к нему спиной и двигался в противоположную от него сторону, а увидел я его лишь тогда, когда расстояние между нами сократилось до трех десятков метров. Я вынужден был произвести выстрел у него над головой и только этим обратил его в бегство.

Инцидент произошел в самом центре его исконных владений; хорошо зная Темного в течение стольких лет, я понимаю его действия только так, что он хотел вытурить меня из своих владений. По-видимому, у льва, который поведал мне столько секретов своей львиной жизни, были какие-то весомые причины изгнать меня из своих владений. Может показаться несуразным, но я это понимаю так: почтенный царь зверей прогонял меня, как прогнал бы своего подросткового сына искать себе новую жизнь. И странно выглядит, что я через три года, словно молодой лев после стадии кочевья – взросления, учения, странствий вне фиксированных границ, – вернулся в Тули, чтобы основать здесь, где рождалось мое понимание львиной жизни, мой собственный прайд.



Пришло время, и Батиан вырос в доброго самца, достойного быть защитником прайда; меня же он рассматривал как своего товарища – такого же самца. И не случайно Батиан – третье мое плечо – позже едва не стал новым племенным львом в прайде Нижнего Маджале, где правил Темный.

Во львах и леопардах самой природой заложена тяга к соперничеству. Если представляется

возможность, львы нападают на леопардов (а также гепардов) и убивают их. В свою очередь, леопарды убивают оставленных без присмотра львят; рассказывают, что они убивают и съедают детенышей гепардов.

Стремление льва нападать на леопарда носит, как я понял, инстинктивный характер, а вовсе не передается при обучении матерью детеныша. Это очень сильная страсть и, возможно, служит утверждению природного баланса между крупными представителями семейства кошачьих. Это поведение львов отнюдь не объясняется голодом: убив леопарда, лев редко поедает его.

В первые дни нового года, когда моим львям исполнилось восемнадцать месяцев и они, по критериям науки, считались хотя и подросшими, но все же детенышами, произошла их первая и самая драматичная встреча с леопардом. В то время Рафики и Фьюрейя весили порядка семидесяти килограммов, а Батиан тянул килограммов на пятнадцать тяжелее каждой из своих сестричек.

Однажды утром, гуляя со львами к востоку от Холма львят, я наткнулся на свежие следы крупного леопарда-самца. Когда я нагнулся, чтобы исследовать эти следы, Батиан подошел поближе и обнюхал все вокруг следов, впечатавшихся в мягкую красную почву. Я с любопытством наблюдал, как чуть позже вся троица направилась туда, куда вели следы. Поскольку они вели к тенистым деревьям, где мы нередко отдыхали во время наших прогулок, я решил, что львям просто хочется в тень. Но, проскочив участок, заросший этими деревьями, они пошли дальше на поиски леопарда – не только по следу, но и по запаху.

Я последовал за ними и, едва дойдя до высохшего русла, услышал громкое ворчание, а затем грубое рычание. Подняв глаза, я увидел, что Батиан и Фьюрейя собираются влезть на Дерево пастухов, на вершине

которого находился леопард. Увидев, что львы не собираются оставлять его в покое, он спрыгнул приблизительно с высоты в четыре метра и дал стрекача. Преследуемый львами, леопард пробежал метров семьдесят и запрыгнул на небольшое деревце мопана, всего каких-нибудь пять метров высотой.

Спрятавшись в кустах, я наблюдал, как львы возобновили свою атаку на леопарда, стоя на задних лапах, грозно ворча и намереваясь влезть на дерево и скинуть врага оттуда. Рев стоял такой, что его наверняка было слышно за многие километры – глубокие, угрожающие звуки отдавались эхом по всей ближайшей долине.

Отчаянно защищаясь, леопард со страху обгадил своих противников, отчего морды у них из рыжевато-коричневых сделались черными. Сцена, свидетелем которой я был, была наполнена борьбой за жизнь, борьбой со смертью – и была исполнена насилия, неотъемлемого компонента жизни дикой природы Африки...

Примерно после двадцати минут борьбы леопард спрыгнул с шатающегося дерева, без особого усилия перескочил через львов, стараясь улететь как можно дальше; приземление его было неуклюжим, но тем не менее он как-то исхитрился вскочить на ноги и рванулся в направлении пересохшего русла.



К тому времени, как я туда добежал, леопард, спрятавшийся в низкорослом кустарнике, уже был осажден львами. Жара становилась невыносимой, и вместе с ней накалялся жар сражения. Я видел, как леопард, видимо, исчерпав все прочие средства борьбы,

отражал атаки львов, хватая их зубами и молотя лапами. Я решил, что леопард смертельно изранен – особенно после того, как львы, один за другим, оставили его и отправились отдохнуть под тень ближайшего дерева.

Бедняга леопард лежал, едва шевелясь, на дне пересохшего русла. Я присоединился к тяжело дышавшим и окровавленным львам, распластавшимся в тени. К моему удивлению, как только я уселся в тень, леопард перевернулся, встал на ноги и с опущенной головой робко поплелся прочь. Это не ускользнуло от львов, которые тут же вскочили и с новой силой бросились на противника.

Вновь попав в окружение, леопард снова лег на спину. Батиан подскочил к нему спереди и тут же был встречен двумя мощными ударами лап леопарда. Раненый Батиан отплатил обидчику с такой яростью, какой я никогда не замечал за ним прежде, – выпустив когти, он нанес леопарду по голове череду могучих, тяжелых ударов – левой, правой, левой, правой...

После атаки Батиан вновь отступил, оставив противника в явном ошеломлении – его движения были лишены координации, глаза бегали из стороны в сторону. Потом лев улегся в тени, оставив сестер наблюдать за леопардом. Сила, с которой он наносил леопарду удары, была порождена чистой яростью, вызванной раной. Мне представился редкий случай наблюдать, как Батиан демонстрирует свою силу.

Битва приобрела судорожный характер. Фьюрейе тоже досталось от острых когтей леопарда. Он разорвал ей черную мягкую кожу вокруг пасти, и кровь каплями потекла ей на подбородок и белую грудь. Оставив леопарда Рафики, Фьюрейя отправиласьлизывать раны.

Ну а я наблюдал за всем происходящим, спрятавшись в кустах, растущих на берегу высохшего

русла. Увидев кровь вокруг пасти и на подбородке Фьюрейи, я тихим голосом подозвал ее из своего укрытия. Фьюрейя обернулась и бросилась ко мне, а затем уселась рядом, глядя в ту сторону, где лежал леопард. Вынув из походного мешка флягу, я набрал воды в ладонь. Фьюрейя, несмотря на то, что была изранена и изнывала от жары, позволила себя погладить, промыть ей раны и осмотреть ссадины и разрывы вокруг своей пасти. Потом она попила воды из моих сложенных чашкой ладоней, которые я наполнял несколько раз.

В это время леопард лежал практически без движения на дне высохшего русла, накалившегося словно печь. Я подумал, что он умирает – ведь он был искусан во многих местах, даже в живот. Но вскоре я убедился, что ошибался.

Стоило мне встать и присесть на корточки, чтобы запихнуть флягу обратно в мешок, как леопард, находившийся в тридцати метрах от меня, в первый раз заметил мое присутствие. Фьюрейя, сидевшая рядом, наблюдала за леопардом с берега.

Без предупреждения, одним прыжком, леопард вскочил на ноги и бросился на меня. Я инстинктивно прицелился и вскочил. Леопард уже достиг прыжком берега и был всего в трех метрах от меня, когда Фьюрейя, сверкнув золотом на солнце, бросилась противнику наперерез, опрокинула его на спину и оттащила к берегу.

Я отскочил на три-четыре шага назад, бросив мешок, но держа ружье наперевес. Готовясь в любой момент спустить курок, я продолжал отходить; Фьюрейя и леопард были уже вне поля моего зрения, но я слышал жуткое рычание, доносившееся до меня со дна пересохшего русла. Потом я увидел, как Рафики и Батиан метнулись туда, где схватились Фьюрейя и леопард.

Отдалившись на безопасное расстояние, я увидел, что леопард снова лежит на спине, окруженный всей троицей львов. Я отправился в лагерь за фотоаппаратом, а затем, чуть позже, вернулся к месту схватки. Остановившись в сотне метров, я прислушался, на каких звуках битвы до меня не долетало. Жив ли леопард или мертв? Желая выяснить, что со зверем, я подозвал Батиана, считая, что если я спущусь на дно пересохшего русла в компании с ним, так будет безопаснее.

Тут же явился Батиан, а с ним и Рафики; оба с энтузиазмом приветствовали меня. Я почувствовал, что они поняли, чего я хочу. Когда я стал спускаться в русло, Батиан шел бок о бок со мной. Потом он двинулся вперед и повел меня в направлении густых кустов. Там он остановился и принялся скрести землю.

В кустах лежал леопард с широко раскрытыми, но невидящими глазами. Он был мертв. Я стал вытаскивать леопарда из кустов на открытую поляну. Батиан мешал мне, вцепившись когтями в шкуру и принявшись оттащить зверя назад.

Рассмотрев леопарда поближе, я понял, что он был в самом расцвете сил – более двух метров в длину и весом не менее шестидесяти килограммов. Смертельным оказался укус в заднюю часть шеи – вероятнее всего, нанесенный зубами Батиана.

Всласть погнавшись и подравшись с леопардом и в конце концов убив его, Батиан, Рафики и Фьюрейя вдоволь утолили свою львиную страсть – рискуя быть изувеченными, они доказали-таки твоё превосходство над леопардом! Да, необычная была встреча, тем более что, насколько я знаю, это был один из первых леопардов, который попался им на пути.

... Когда солнце стало клониться к закату, мы отправились назад в лагерь, оставив леопарда на месте. Когда моя исцарапанная и окровавленная троица

жадно лакала из мисок воду в своем загоне, на небе вспыхнул солнечный пожар, знаменуя собой завершение дня. И то сказать, день оказался драматичным, но очень важным – он наглядно продемонстрировал, как идет развитие львов.

В этот вечер Джулия в лагере отсутствовала. Я с нетерпением ждал ее возвращения на следующий день, чтобы поведать ей об успехах моих подопечных.

На следующее утро я, как обычно, вышел на прогулку со львами. Когда они в положенный час улеглись отдыхать, я отправился на место вчерашней схватки.

Вся земля оказалась испещренной следами гиен и шакалов. Я стал искать останки леопарда, но почти все уже исчезло – лишь высохшие пятна крови на камнях и обрывки шкуры на обломках ветвей напоминали о вчерашней трагедии. Арена битвы, на которой четыре зверя демонстрировали свою силу, волю к жизни и волю к победе, которая вчера оглашалась таким страшным ревом, теперь была пуста и безмолвна. Стоя на месте разыгравшейся накануне кровавой драмы, я думал о том, что, если бы Фьюрейя не спасла меня, моя кровь тоже пролилась бы на этих камнях.

Живя столь напряженной жизнью среди львиной стаи, я нередко получал уникальную возможность заглянуть в душу льва – зверя, который, будучи способным на чувства благородства и привязанности к членам своего прайда, в то же время способен и на высшую степень ярости. Такие случаи, как смерть леопарда, заставляли меня сопоставлять мою собственную мораль с множеством граней и обликов смерти в условиях дикой природы. Что поделаешь, ведь ты – член львиной семьи, часть львиного прайда, ну и ставь себя на место львов!

Живя со львами, я был окружен столькими разнообразными проявлениями жизни, но и множество

раз наблюдал самые разные аспекты смерти. Это развивало во мне чувство, что колокол может прозвонить и по мне.



Глава пятая

Все течет, все меняется, в том числе времена года

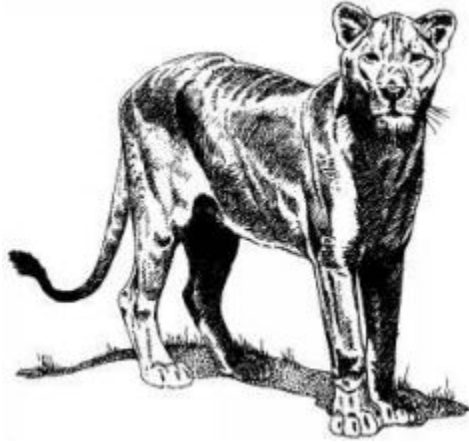
Нельзя сказать, чтобы наше первое Рождество в компании львов в Тули было сплошь радостью – к нему примешивался затаившийся в глубине души налет печали. Конечно, мы с Джулией были счастливы, что проводим этот праздник в столь необычной обстановке, но, по правде говоря, мы больше праздновали успехи наших подопечных, чем сам праздник Рождества.

Рождество вызвало в каждом из нас глубоко переживаемые воспоминания. Джулия подумала о том, как жила ее семья после смерти отца. Она чувствовала себя виноватой, что не отправилась на Рождество к семье, главной опорой которой теперь стала ее мать. Ей не хотелось оставлять меня в Тули в одиночестве – вот почему она осталась здесь. При всем том, что я был бесконечно благодарен ей за это, по зрелом размышлении мы поняли, что было бы куда лучше, если бы она полетела на этот праздник к семье. Теперь же ее обуревали чувство вины и горечь воспоминаний о том, что случилось ровно год назад.

У меня в памяти тоже вставало предыдущее Рождество – то, которое я провел в компании Джорджа Адамсона и его львят в Кора. Это был последний сезон Джорджа, и я переживал в душе все, что случилось в прошлом году. Как раз год назад, я собирался покинуть Кора, Джорджа и львят. Чем ближе был час расставания, тем глубже закрадывалось чувство, что я никогда больше не увижу Джорджа. Как в воду смотрел.

Отлично помню последнее Рождество в Кора. Особенно то, как Джордж приготовил львьятам праздничный обед, притащив для них целого козла. Устроив львьятам пир, мы сели за праздничный стол сами. Жара стояла жуткая, мы обливались потом, но с наслаждением уплетали рождественскую индейку, ветчину и пудинг, который приготовил старый повар Джорджа по имени Хамиси – на прокопченной сковородке, на простенькой печурке. Прежде чем мы сели за стол сами, Джордж позвал работников, и те торжественно внесли козла, словно жертвенное животное. Рафики, Фьюрейя и Батан сидели неподвижно, глядя на жертвоприношение, – они явно были ошеломлены и, прежде чем приступить к трапезе, с волнением набросились на него, как бы совершая обряд заклания. Джордж стоял рядом и, посмеиваясь, пыхтел своей трубкой. Никогда за время их короткой жизни львьятам не доставалось столько еды. Целый день и целую ночь крошки ели так, что за ушами пищало, и последующие дни они проваливались кто на спине, кто на боку, словно желто-коричневые детские надувные игрушки на песке, – им явно сделалось нехорошо от обжорства.

В свое последнее Рождество Джордж накормил до отвала и других членов своей семьи – птиц, белок, обезьян и лори, выдав им праздничный двойной паек. После рождественского обеда мы насыпали семян цесаркам, орешков птицам-носорогам и белкам. Обезьянки верветки сами поспешили за ним, чтобы получить свой гостинец. Никогда не забуду, как детеныши обезьянки, уплетая угощение с открытой ладони Джорджа, доверчиво покусывали ему пальцы.



По мере приближения кануна Нового года Джордж все больше и больше уходил в себя. Близилась девятая годовщина убийства его верной сподвижницы Джой. К тому же львы, в прошлом выпестованные Джорджем, – Грей, Одноглазый и другие – не показывались в «Львином лагере» уже почти месяц, что заметно усугубляло его меланхолическое настроение. Был ряд причин, почему он желал вновь увидеть своих львов, но главной была та, что львы подбадривали, в чем он как раз сейчас очень нуждался. Так всегда бывает – люди на склоне лет всякий раз с приближением Рождества задумываются, доведется ли им праздновать этот праздник и на следующий год. Впрочем, эта мысль приходит в голову не только старым людям – этим нездоровым (с точки зрения других) мыслям и я предаюсь каждое Рождество. Возможно, Джордж, оставаясь наедине с самим собой, предавался таким раздумьям, помышляя о собственном бессмертии; но факт остается фактом – его желание увидеть своих львов было недвусмысленным и неприкрытым.

В новогоднюю ночь у нас с Джорджем было трое молодых посетителей. Весело болтая, мы ждали Нового года. И тут, за десять минут до того, как в старом радиоприемнике Джорджа, настроенном на Лондон, раздался звон Биг-Бена, произошло нечто волшебное и волнующее. Мы с Джорджем почувствовали – еще не

видя и не слыша – присутствие льва. Джордж зажег факел и поднес к ограде. Так и есть – за оградой в ночи стояла почтенная львица Грови, спокойно глядя на нас.

В эти предновогодние дни Джордж особенно нуждался в ней. В мыслях он звал ее... и вот она была наяву. Поприветствовав почтенную царицу зверей, Джордж дал ей мяса. Пока она ела, из далекого Лондона донесся бой курантов. С шумом вылетела пробка, и мы все нестройным хором затянули «Старую новогоднюю». Все слова знал только Джордж.

Празднество в обществе Джорджа – ставшее для него последним – было окончено. Грови скрылась в ночной тьме, но ее присутствие ощущалось почти физически. Джордж поднялся с места. Отвернувшись в попытках скрыть слезы, он затем сердечно пожелал нам покойной ночи, а Грови, уходившей во тьму, счастливого нового года.

Джорджу необходимо было побыть наедине с самим собой. Эмоции, которые он только что испытал, были из тех, разделить которые можно только с самим собой. Последнее в жизни Джорджа Рождество, как и другие важнейшие события в его жизни, получило львиное благословение. Для человека, который посвятил всего себя львам, это благословение означало все.

Вот какие воспоминания нахлынули на меня год спустя, когда я в ночь под Рождество сидел в компании львов с Тули и при этом думал – где же теперь Грови?...

* * *

Рождение и возрождение – вот каким смыслом наполнен драматичный сезон летних дождей в заросших кустарником землях Ботсваны. Это – время контрастов и удивления. Перед наступлением сезона дождей земля Тули высыхает настолько, что лишенные

листвы деревья выглядят как мертвые, и ветер носит тучи пыли по голой земле. У животных, в частности антилоп, появляется вялость; на некогда лоснившихся боках начинают проглядывать ребра. Дождей не выпадает по пять месяцев и более – вот почему с таким нетерпением ждут здесь летних гроз.

Как только с юга наступают серые и белые тучи и доносится ворчание грома, животный мир Тули охватывает волнение. Чувствуя приближение дождя, звери начинают скакать и прыгать с такой энергией, какую несколько недель назад в них никто не подозревал бы. Но вот наконец наступает долгожданный миг.

Сначала капля, затем другая, а через какие-нибудь минуты бесчисленные мириады их сыплются на землю во все ускоряющемся темпе. Почва насыщается водой, наполняются небольшие овражки, и вода пробивает себе путь к пересохшим до времени руслам. Она поднимается все выше и, кружа, несется к югу, к великой реке Лимпопо, наполняя ее и возвращая ей отблески былой славы.

В ожидании первых за время нашего пребывания в Тули дождей мы с Джулией тоже пребывали в радостном волнении и с первыми каплями выскочили Наружу, чтобы промокнуть до нитки. Ветер обвевал наши взмокшие тела, и мы бросались в палатку, в первый раз за все время – торжественно и бодро – стуча зубами от холода. Милосердные дожди начались!

В эту пору земля напивалась водой и становилась темной, и в какие-нибудь несколько дней все вокруг зеленело. Если дождей выпадало достаточно, долины Пит-сани сначала покрывались легким оттенком зеленого цвета, и лишь спустя несколько дней распускались тысячи мелких желтых цветов, прозванных «дьяволятами», и еще. недавно дикий, лунный пейзаж долин, покрывался роскошным желто-

зеленым ковром, расцвеченным исключительно лютиками.

Животворная дождевая влага пробуждала новые формы жизни – раскрытие цветка, появление молодого листочка, насиживание яиц и вылупление цыплят, рождение множества детенышей млекопитающих. На золотых долинах резвились щенки шакалов, желтыми цветами лакомились детеныши павианов, терпеливо и с наслаждением съедая их по одному.

Мои львы тоже пришли в возбуждение от первых дождей. Помню, как-то раз, когда посыпался град, львы носились вокруг, прыгали друг на друга и, вывалившись в грязи, становились из желтых темно-коричневыми. Они продолжали свои веселые игры, пока с небес не посыпались крупные льдышки. Как только крупные градины больно ударили по головам и телам, они тут же прекратили возню и дружно полезли в одну из клеток, в которых их три месяца назад перевезли из Кении. Мы с Джулией рассмеялись, наблюдая за тем, как вся троица набивается в клетку, предназначенную для одного льва, и притом на три месяца моложе. Из клетки торчали хвосты и лапы, но тем не менее она оказалась надежным убежищем от града.

Когда первые дожди наполнили водой ближайшее к лагерю сухое русло, львы с любопытством наблюдали за поднимавшейся водой, очевидно, видя в пенящемся потоке живое существо. Первым, кто осмелился подойти к бурлящей воде, оказался Батиан. Он осторожно вытянул переднюю лапу, а затем потрогал воду. Его сестрички остались наблюдать и только тогда рискнули подойти к потоку, когда Батиан уже вовсю резвился в нем. Признаюсь, это я вдохновил его, первым войдя в воду и позвав последовать за мной. Потом уже все трое принялись резвиться в воде, бегать по тем местам, где она была по колено, гоняясь друг за другом

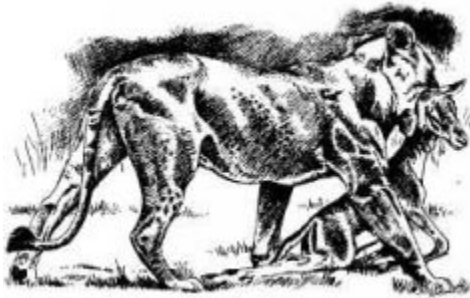
и наслаждаясь плеском, производимым их лапами, когда они били по воде.

Тогда-то я вспомнил, как однажды в Кора Джордж рассказывал мне, что ему забавно было смотреть, с какой аккуратностью его львы избегали луж. Если же все-таки кто-то из них промочил лапы, то потом тщательно их отряхивал, словно домашняя кошка. Но при всем этом они, не колеблясь, плавали в реке Тана, иногда переплывая на противоположный берег.

Батиан очень любил бурные потоки и наполненные водой впадины. Очевидно, он считал, что бурлящая вода бросает ему вызов. Как бы в ответ, он снова и снова переплывал поток, вылезал на берег и, прежде чем пуститься в обратный путь, пробовал лапой воду. Да, радостное время принесли всем троим первые дожди!

По берегам речек, где особенно быстро произрастала молодая поросль, часто можно было видеть детенышей импалы, еще нетвердо державшихся на тонких ножках. Они часто прятались здесь в кустах, пока их матери уходили кормиться. Появление во множестве этих юных антилоп резко увеличило возможности развития охотничьих навыков у моих львов, и я как сейчас помню одну из первых убитых ими импал.

Сперва львы всем скопом выгнали импалу из густых кустов мопана, а затем Рафики схватила и зарезала ее. Присутствие брата и сестры явно раздражало Рафики, и она больше часу носилась кругами со своей добычей, пока скрепя сердце не смирилась с тем, что брат и сестра находились рядом, и не уселась за трапезу. Но при этом она громко ворчала, и если кто-нибудь из двоих осмеливался подойти слишком близко, бросалась на того. Пока она терзала импалу, Батиан и Фьюрейя смотрели ей в пасть, ожидая возможности присоединиться.



Вообще же у Рафики была самая странная манера кормления. Обычно львы начинают с мягких частей туши, как, например, живот. Рафики же начинала с того, что откусывала ухо и, словав его, принималась за голову, затем переходила к шее, груди и так далее. Так расправляется с добычей обычно питон, но никак не лев.

Когда от импалы остались только две задние ноги, Рафики неожиданно отпрыгнула в сторону, а Батиан и Фьюрейя тут же подскочили к жалким остаткам добычи. Явно оскорбленный тем, что сестрица оставила ему так мало, Батиан погнался за Рафики и, к ее очевидному неудовольствию, надавал ей по морде передними лапами.

Вскоре после этого случая, в первые недели лета, произошло еще два в высшей степени необычных происшествия: одно с павианом, другое со слоном.

Инцидент с павианом произошел в прекрасное утро, когда мы со львами, вдоволь наигравшись в ручье, продолжали путь вдоль его берегов. Вдруг неожиданно впереди нас раздался тревожный лай стаи павианов. Львы пустились в погоню, и вот уже молодому самцу, которому отрезан путь вслед за удирающей стаей, ничего не остается, как влезть на одинокое дерево. Львы полезли за ним, пытаясь схватить.

Похоже, бедняга был обречен – рядом не оказалось дерева, на которое он мог бы перепрыгнуть. Но какое-то время ему все же удавалось удирать от преследователей, перепрыгивая с ветки на ветку.

Устав от охоты, а может быть, от диких криков павиана, Рафики слезла с дерева и медленно отошла в сторону. В этот момент Батиан и Фьюрейя подобрались совсем близко к перепуганному павиану, после чего с тем произошло нечто невообразимое: спрыгнув на самую длинную ветку, он сделал сальто на высоте почти пять метров.

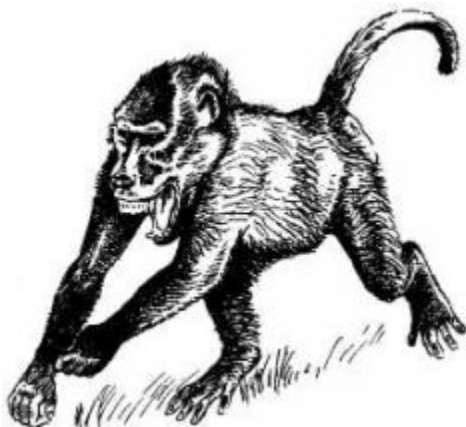
Рафики находилась как раз в той точке, куда должен был упасть павиан, о чем она не знала, не посмотрев вверх. Сейчас я вспоминаю этот эпизод, как если бы видел его в замедленной киносъемке: павиан приземлился точно на макушку Рафики и выглядел словно рослый жокей на крохотной лошадке. Рафики споткнулась, ворча от изумления и, надо думать, от болевого шока. Не менее потрясен был и павиан – он заорал, но как-то в суматохе ему удалось улизнуть. Но испытания бедняги на этом не закончились – спрыгнув с дерева, Батиан и Фьюрейя устремились в погоню. Но павиану удалось-таки спастись бегством, чему я был несказанно рад.

А всего неделю спустя или чуть позже произошел необычный инцидент со слоном. Если бы я не был свидетелем, никогда бы не поверил, что такое возможно.

А случилось вот что. Мы отошли всего километра на два от лагеря, как вдруг заметили стадо кормящихся слонов. Они паслись среди оживленных дождем, до изумления зеленых деревьев мопана. Львы двинулись навстречу слонам гордой походкой, я же, испытывая к этим гигантам куда большее почтение, полез на холм, чтобы быть в безопасности, если вдруг слоны бросятся атаковать из рощицы.

Как выяснилось, меры предосторожности оказались бесполезными: на холме паслось другое стадо. Я схоронился под толстой веткой, горя надеждой, что слонам не будет резона приближаться к краю обрыва.

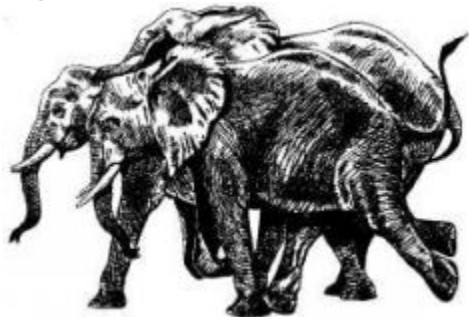
Сверху я увидел, что стадо, находившееся внизу, почуяло приближение моих львов и стало принюхиваться, вздев хоботы. Затем оно с трубными звуками двинулось вперед. До меня доносились страшный хруст ветвей, вопли и трубные звуки, звучавшие все громче. Суматоха стояла такая, что я испугался, не раздавили ли они кого-нибудь из моих львов, и чем больше нарастал шум, тем больше я волновался.



Несколько минут спустя все слоны как один выскочили из рощицы, в то время как те, что были со мной на холме, начали приближаться к тому месту, где я спрятался. Я тут же слез с холма и стал тихо подзывать львов. Слава Богу, никого из них не раздавили! Но день преподнес другую неожиданную находку: я обнаружил слоновый бивень с вырванным нервным корнем. Я понял, что один из слонов, преследуемый львами, каким-то образом потерял его. Пока я рассматривал бивень, Фьюрейя под села ко мне, явно претендуя на находку. Она вырвала бивень у меня из рук и с наслаждением слопала блестящий, похожий на змею нерв.

Оставив Фьюрейю, я отправился посмотреть, как слон мог потерять бивень. Тут я обнаружил, что слон, спасаясь от погони, со страшной силой угодил бивнем между двумя стволами мощных деревьев. От такого

толчка бивень выпал из челюсти и свалился на землю. Хорошо еще, что бивень вырвало с корнем: если бы он сломался пополам, то обнажился бы корневой нерв, что причиняло бы слону невыносимые боли.



Оставить бивень на месте я не мог: он неминуемо сделался бы добычей браконьеров. Я должен был передать его правительственным чиновникам, ведающим дикой природой. Только вот в чем загвоздка: пока я нес бивень назад в лагерь, я как бы являлся незаконным владельцем слоновой кости. Поверят ли инспектора из Департамента охраны природы моему сообщению о том, что вина за потерю слоном своего бивня лежит на львах?

Когда я принес бивень в лагерь, Джулия еще больше потрепала мне нервы, потребовав рассказать все без утайки: неужели я подстрелил слона в целях самообороны? Я рассказал ей, как все было, но рассказ прозвучал неубедительным даже для меня самого.

Я попросил Джулию отвезти бивень в ближайший лагерь, где находились охотинспекторы, что примерно в двух часах езды, а сам вернулся на место происшествия и пометил места, подтверждающие правду о случившемся. Я закрыл пятна крови ветками, чтобы защитить их от ветра, и еще раз осмотрел местность, чтобы представить охотинспекторам как можно больше свидетельств, когда они подвергнут меня неминуемому допросу.

На следующий день охотинспекторы прибыли к нам в лагерь. Неудивительно, что они не приняли на веру

то, что накануне рассказала им Джулия, и постоянно повторяли вопрос: «Где же второй бивень?» В то же время, поскольку они были моими друзьями, они не хотели подозревать меня в совершении преступления. Я показал охотинспекторам четкие следы слона, бросившегося вперед, следы от бивня на коре дерева и пятна крови, вытекавшей из челюсти слона, когда он лишился бивня.

Когда все прояснилось, мы все вздохнули с облегчением и дружно рассмеялись – вот, оказывается, каким невероятным образом можно оказаться браконьером поневоле!



Глава шестая

Стальные круги

Когда Батиану и его сестричкам исполнилось по двадцать месяцев, они уже неплохо научились охотиться, так что теперь я давал им вполонину меньше мяса, чем полгода назад. Поскольку им, как и всем их диким собратьям, полагалось вести по преимуществу ночной образ жизни, я перестал запираить их на ночь в загоне, за весьма редкими исключениями. Раз от раза их охота становилась все успешнее, добыча все богаче.

Однажды вечером я все-таки запер моих львов в загоне, поскольку днем заметил вблизи «Таваны» свежие следы четырех других молодых львов. В ту ночь эта четверка – два молодых самца и две самки – наведались к нам в лагерь. Проснувшись, я услышал, как Батиан пытается из-за ограды загона отогнать непрошенных гостей. Ни он, ни его сестры абсолютно не боялись этих уже почти взрослых львов – во всяком случае, они были разъярены и раздражены тем, что не могли отогнать нахалов. Этот случай показал мне, что наступило время, когда мои львы уже обрели способность утверждать себя на своей территории. Больше я не запираю их в загоне. Теперь они стали полностью свободны.

На следующее утро я в последний раз открыл дверь загона и со смешанным чувством смотрел, как они вышли в дикий мир. Переход произошел. Теперь разве что исключительный случай мог потребовать, чтобы я предоставил им убежище на ночь.

Я с интересом наблюдал, как Батиан бросился к деревьям, на которых были его метки. К раздражению моего героя, накануне ночью непрошенные гости оставили здесь свои. Батиан быстро, но тщательно

переметил деревья и повторил эту же операцию вечером и на следующее утро. Это еще раз подтвердило, что в нем крепилось чувство хозяина. Наблюдая за ним, я еще раз убедился, что курс подготовки пройден львами успешно. То есть они чувствовали, что им принадлежит.

Впрочем, в начале апреля произошла прямая стычка между моими львами и четырьмя гостями. Это случилось в одно прекрасное утро, когда я пошел по следам, оставленным моей троицей накануне ночью. Вдруг приблизительно в километре от себя я услышал громкое рычание. Я побежал на эти звуки, куда указывали и следы, оставленные моими львами. Следы вывели меня в открытую долину, где я обнаружил трех молодых львов, спешивших к тому месту, где Батиан уже сражался с самцом чуть постарше себя. Затем я увидел, как на помощь брату спешили Рафики и Фьюрейя.

Вскоре я и сам оказался втянутым в конфликт. Почти бессознательно, горя желанием вступить, я позвал своих львов. В конце концов четверо против троих – это нечестно! Я просто уравнивал числа. Я позвал своих львов не человеческими словами, а подражая львиному кличу «у-у-ве!», которому я научился у своих львов и которым они звали друг друга. Услышав меня, Рафики и Фьюрейя обернулись в мою сторону и увидели меня как раз тогда, когда их противники бросились к ним.

Отвлечшись от драки в густых кустах, ко мне подскочил Батиан, присоединившись к сестричкам. Последовала краткая приветственная церемония, и весь прайд (без меня) перегруппировался и пошел вперед на врага. Я побежал за своим трио, и так мы гнались за отступающим противником примерно километра полтора.

Как только дикая орда исчезла без следа, мои подопечные, волнуясь, поприветствовали меня, а затем принялись метить свою территорию, яростно скребя при этом землю. Как тут было не продемонстрировать чувство хозяев! Всю ночь и весь следующий день львы обегали район, где произошла стычка, тщательно метя свою территорию. Я был несказанно горд за своих львов – по завету Джорджа, – диких и свободных.

А надо сказать, что все четверо принадлежали к прайду Нижнего Маджале, что к югу от «Таваны», и, следовательно, были сыновьями и дочерьми Темного. В продолжение нескольких последующих недель мои львы, судя по следам борьбы на почве, имели еще по крайней мере две стычки с потомками Темного и, хорошо поквитавшись с ними, заставили отступить к югу.

* * *

Вскоре после описанных событий в Тули произошел всплеск браконьерства – главного бича дикой фауны Африки. Однажды вечером группа людей, осматриваясь воровато, незаметно пересекла восточную границу заповедника, проходившую по широкому, но безводному руслу реки Шаше. В последующие вечера в заповедник проникли и другие люди и, закончив свою грязную работу, вернулись в Зимбабве, перейдя песчаное русло Шаше. Общим у этих групп людей было то, что они занимались браконьерством и принесли с собой огромное количество проволочных капканов, которые установили в юго-восточной части заповедника.

Капканы ставились на звериных тропах, в глубине кустов акаций, в густой темной поросли по берегам рек с таким расчетом, чтобы их легко было принять за ветки

или лозы. Они стояли в ожидании голов и шей жертв. Попалось несколько животных – сперва один куду, потом другой, затем водяной козел и, наконец, импала. Причиной их смерти стал болевой шок. Браконьеры возвращались, становились временным лагерем, разделывали туши, высушивали мясо и уносили к себе в Зимбабве.

Ночью хищники – шакалы, гиены и, конечно же, львы, – привлеченные запахом смерти и тлена, отправились туда, где похозяйничали браконьеры. Лев, удушенный капканом, поставленным на копытных, – золотой дождь для браконьера. Шкуру переправляют в Южную Африку и там сбывают по сходной цене, части туши продают колдунам для знахарских надобностей. Среди хищников, привлеченных падалью, оказались и двое потомков Темного из прайда Нижнего Маджале. В темноте они приблизились к капканам – расставленным, правда, не на них, а на тех животных, на которых они сами охотились.



Вдруг один из львов остановился, схваченный капканом. Почувствовав давление вокруг шеи, он рванулся назад. Затем он принялся бороться с

проволокой, не спуская глаз со своего брата, который, метнувшись в сторону, тоже попал в капкан.

Их нервы были на пределе, и они стали терзать когтями почву. Вокруг трещали ветки, а проволока сдавливала все сильнее. Неожиданно одному из бедолаг удалось порвать проволоку в том месте, где она была привязана к стволу дерева. С диким ревом лев рванулся с места, еще находясь в состоянии шока. За ним болтался оборванный конец проволоки, поднимая пыль. Второму льву тоже удалось порвать свою проволоку и бежать. Хорошо еще, что проволока оказалась одинарной – если бы браконьеры поставили капканы из тройной проволоки, львы бы наверняка погибли.

Удивительно, но в несколько дней львам удалось сбросить с себя стальные петли и окончательно освободиться. Это редкая удача – обычно львам приходится вводить транквилизаторы, чтобы можно было снять стальную петлю. Эту задачу в прошлом выполнял мой друг ветеринар, и, надо сказать, ему это приходилось делать слишком часто. Хотя повреждения шейных мышц у обоих львов были значительными, но прошло время, и они полностью выздоровели. Им еще повезло!

Тем не менее браконьерство в этом регионе продолжалось. Животные гибли одно за другим. Никакой регулярной борьбы с браконьерством по всему заповеднику Тули в то время не велось. Иногда велось патрулирование, но – от случая к случаю, беспорядочно и, как правило, не давало никакого эффекта.

Однажды меня вызвал по радио сотрудник заповедника Чартер по имени Силиус. В отсутствие директора Брюса Петти он оставался за старшего и сообщил мне, что найдено несколько капканов. Однако это, как выяснилось, была капля в море – в последующие десять дней было обезврежено примерно

250 капканов. Были пойманы пять зимбабвийских браконьеров, и еще восемь были схвачены местной полицией, которая сразу же прибыла в заповедник по получении сообщения о всплеске браконьерской деятельности. Во временном лагере браконьеров мы нашли останки четырех импал и молодого куду – совсем немного из того, что на самом деле было убито, разделано и отправлено в Зимбабве.



Эти люди занимались браконьерством отнюдь не с целью прокормиться. Они называли себя «торговцами мясом». Двое из арестованных браконьеров рассказывали, что за кусок сушеного мяса в Зимбабве можно выручить два доллара, за куду – как минимум, четыреста. При минимуме риска быть пойманными, судите сами, сколь доходна эта операция. Сколько животных погибло за это время, никогда не будет известно, но по крайней мере ситуация проиллюстрировала, сколь беззащитны были многие регионы заповедника.

Именно в этот период всплеска браконьерской активности произошел случай, который навсегда останется в моей памяти. Когда мы с Силиусом искали капканы, которые могли пропустить в прошлый раз,

впереди нас, радуясь жизни, скакало и прыгало целое стадо импал – великолепное зрелище, праздник грации, золотого и белого! Вдруг одно из животных забилося на земле позади стада и неожиданно обмякло. Импала попала в капкан. Мы с Силиусом рванулись вперед. Один, как мог, сдерживал животное, чтобы не билось, другой освобождал его от петли, охватившей спину и мягкий белый живот.

Петлю удалось ослабить, и мы отступили назад. Импала, по-прежнему не избавившись от состояния шока, встала на ноги, а затем в панике с шумом ускакала вдаль. Мы успели вовремя – еще мгновение, и животное погибло бы. Я покачал головой в горестном раздумье – животное-то было спасено, но лишь благодаря тому, что мы оказались рядом. А сколько их гибнет еженедельно из-за хронического недостатка в Тули антибраконьерских отрядов?

... Вернувшись в лагерь, я рассказал Джулии о капканах, которые я видел здесь в прошлом, а также об убийстве слонов из автоматов «АК-47», имевшем место в начале 1980-х. Она кивнула, когда я сказал, что охрана дикой фауны в Тули не улучшилась. Не удалось достичь даже элементарных принципов охраны. Я помню, как в сердцах сказал Джулии – ну не смешно ли, что иные позволяют себе такую роскошь, как владение частными заповедниками, а обеспечить защиту дикой фауны не могут. Хотя я многим обязан здешним землевладельцам за то, что разрешили мне привезти сюда львов, я не мог удержаться от гнева при мысли о том, что, несмотря на процветание браконьерства в течение уже многих лет, владельцы заповедников до сих пор не удосужились нанять штатную команду для охраны всей территории Тули. И это несмотря на мои многочисленные докладные записки, в которых я бил тревогу, заостряя внимание на необходимости

антибраконьерских мер и на ущербе, наносимом браконьерством, в частности, львам Тули.

Теперь, когда я убедился в том, как бесчинствуют браконьеры, стало ясно, почему за годы моего отсутствия поголовье львов не увеличилось, а даже, наоборот, снизилось. Я даже подумал, не отвезти ли моих львов куда-нибудь в другое место. Ситуация была, прямо скажем, щекотливая. Процесс подготовки львов к возвращению в родную стихию шел так хорошо, что замедлять его мне не хотелось, но я спрашивал себя: «А как насчет опасностей, что подстерегают их здесь? Может быть, потерянный рай обретется где-нибудь в другом месте?» Мы посовещались и решили, что займемся проблемами браконьерства вместе.

Нам с Джулией было ведомо, что при всей ограниченности наших ресурсов задачей номер один было создание и финансирование собственной антибраконьерской бригады, которую мог бы использовать «Тули Лайон-Траст» – наша небольшая природоохранная организация. Понадобилось еще четыре месяца, прежде чем мы смогли добыть средства на наем и обучение антибраконьерской бригады – сначала она состояла из двух человек, потом их число возросло до четырех. Позже охотстанция Тули-сафари, узнав о ситуации, позволила мне использовать нескольких своих сотрудников для патрулирования, так что какие-то результаты все же были достигнуты.

Кроме того, в этот период мы наняли для помощи Джулии по лагерю молодого человека по имени Мафика Маньятса. Однако ему пришлось не по душе изолированная жизнь в «Таване», и после некоторых дискуссий мы решили, что будет куда лучше, если он присоединится к патрулю. Он перешел в один из лагерей заповедника Чартер к двоим сотрудникам, в чьи обязанности входила и антибраконьерская работа, а

в дальнейшем возглавил антибраконьерскую бригаду «Тули Лайон-Траст».

В общем, нам удалось достичь того, что жалование антибраконьерской команде выплачивалось и какая-то работа все же велась – уничтожались браконьерские снасти, а иногда задерживались и сами браконьеры. Кроме того, поскольку мы часами исхаживали львиные уголья, после нас оставалось множество следов, которые сами по себе служили сигналом браконьерам, что территория охраняется. Я подозреваю, что по крайней мере в двух случаях зимбабвийские браконьеры видели меня, когда я был в компании львов. В обоих этих случаях я видел свежие человеческие следы, а один раз, когда со мной была только Рафики, она пришла в возбуждение – признак того, что за нами кто-то наблюдает.

К тому времени история моей работы со львами уже стала передаваться из уст в уста по близлежащим зимбабвийским деревням. Не только люди оттуда пересекали границу нашего заповедника, но и наши сотрудники нелегально переходили песчаное русло Шаше – кто навестить свои семьи, кто к девушкам, а кто закупить крепкого вина, приготовляемого из сока пальмы млана.

За долгие месяцы, что я патрулировал вдоль берега реки, и благодаря слухам, что распространялись по ту сторону Шаше, я стал известен многим зимбабвийцам и сам познакомился с ними. Встречая меня на середине русла Шаше, они охотно сообщали мне новости о львах и слонах, переходивших русло и заходивших на их территорию, а также информацию о том, где, по их сведениям, могло иметь место браконьерство. Надо думать, эти связи, а также обсуждение моей работы и моих отношений со львами произвели благотворный эффект. Благодаря нашему присутствию между долинами Питсани и «Таваной» – в местах, прежде

излюбленных браконьерами, – больше не было случаев браконьерства.

Но сколько бы вреда ни наносило это зло, я по-прежнему с любовью относился к людям, жившим по ту сторону Шаше. Эти люди находились в зависимости от своей реки – даже тогда, когда она пересыхала, под песком все равно находилась вода, которую они добывали для себя и для домашнего скота. Река, как и люди, жившие на ней, представляла собой парадокс – хоть и казалось сухим широкое песчаное русло, а спасало сотни людей и сотни животных – и домашних, и диких. Эти люди с уставшими лицами и в потрепанной одежонке издали казались тенями тоски. Но когда они дружно смеялись вместе со мной или когда дети плескались и играли в реке, воскрешенной дождем, они были для меня самой сутью добросердечной Африки, где я вырос.

* * *

Браконьерство было не единственным фактором, угрожавшим львам Тули и всей дикой фауне региона. Был и еще один: легальная охота.

Да, так. Охота на львов открывалась официально в Зимбабве на территории Тули-сафари, именуемой также Кругом Тули, с открытием охотничьего сезона 1990 года. Как мы уже говорили выше, две территории не разделялись никакими заграждениями, так что дикая фауна свободно перемещалась между заповедником Тули в Ботсване и смежным с ним Кругом Тули в Зимбабве.

Мы были в отчаянии. Легальная охота еще больше снизит численность львов в Тули. Не исключено, что и мои львы падут жертвой охотничьей пули в первый же год своей жизни в этом регионе. Как я злился на себя за

то, что не потрудился выведать у знающих людей всех здешних условий, прежде чем привезти сюда львов. Мне и в голову не могло прийти, что в соседнем с нашим заповеднике будет легальная охота. Никто не сообщил мне об этом, когда я планировал работу со львами в Тули.

Я впервые узнал об охоте на львов через несколько недель после того, как мы прибыли из Кении. Впрочем, слухи об охоте на львов в регионе Тули-сафари дошли до меня раньше – за несколько месяцев до убийства Джорджа Адамсона и последующей ситуации со львятами. Хотя я в тот момент не работал в заповеднике, я тут же бросился проверять слухи. Если они подтвердятся, мне нужно тут же начинать борьбу за введение запрета на львиную охоту. Через своего друга я получил информацию от начальника Департамента национальных парков и из Управления живой природы Зимбабве, что никакой львиной охоты там нет. Я вздохнул с облегчением и выбросил этот вопрос из головы. Если бы ответ был положительным, я послал бы в Департамент национальных парков Зимбабве докладную записку о том, как львиная охота ставит под удар исторически сложившуюся и поддерживаемую ныне структуру популяции львов – информацию, которую я три года назад собрал для книги «Плач по львам».

Мы с Джулией знали, что нам нужно действовать безотлагательно, если мы хотим поставить заслон львиной охоте. В одно прекрасное утро, отдыхая со львами в тени кустарников, я настроил длинное письмо в адрес заместителя директора Департамента национальных парков Зимбабве мистера Джорджа Пангети. В этом письме я не только поведал историю своих львов, доставшихся мне по наследству от Джорджа, но и все, что я знал о прошлой и теперешней ситуации со львами Тули. Я подчеркнул, что львы

региона Тули-сафари в Зимбабве и заповедника Тули в Ботсване принадлежат к одной популяции и переходят из региона в регион. Я также перечислил все известные мне источники угрозы львиной популяции – капканы, переманивание львов в Южную Африку, где их отстреливают, и другие факторы. Эти факторы угрожали не только львам в Ботсване, но и популяции в целом.

Прошло время, и я получил долгожданные и весьма обнадеживающие новости от мистера Пангети. Предполагалось ввести годичный мораторий на охоту на львов. Я снова вздохнул с облегчением. Мы спасли несколько львиных жизней и выиграли время, но я ясно представлял себе, что мораторий лишь немного отодвигал только одну из угроз, нависших над львами Тули. Был необходим долгосрочный запрет на львиную охоту в сочетании с другими прогрессивными мерами, такими, как эффективные антибраконьерские мероприятия по всему региону и учет хищников на других границах заповедника. Только эти мероприятия помогли бы стабилизировать численность львов, а затем дать ей возможность подняться до уровня, дозволяемого самой природой.

Сезонная охота в Тули-сафари на многие виды животных рассматривается как вид «использования дикой природы». В этом регионе не существует ни одной туристской инфраструктуры, которая могла бы предложить альтернативную форму «использования». Ежегодно Зимбабвийская ассоциация охотников определяет квоту, включающую виды животных, разрешенные к охоте, и количество, признаваемое необходимым для поддержания базиса. Ну и, естественно, для правительства добываются деньги.

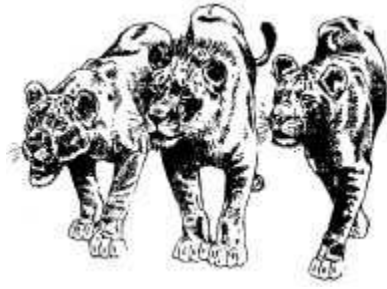
Перед тем как истек срок моратория на львиную охоту, мы обратились в Зимбабвийскую ассоциацию охотников, и там решили не возобновлять львиной

охоты еще в течение двух лет. Главное, установили контакт. Его так не хватало в прошлом по вине зимбабвийской стороны.

Мне и большинству людей было ясно, почему нельзя охотиться на львов. По тем же причинам – хотя они имели на то законное право – члены Зимбабвийской ассоциации охотников решили воздержаться от охоты на них. Популяция львов была нестабильной и не обеспечивала достаточного воспроизводства, чтобы сделать возможной охоту. Тогда я не мог понять, почему люди, имеющие интересы в Тули, сами не призвали к запрету львиной охоты. Почтенный лев Темный, «туристский лев», которого в течение многих лет видели и фотографировали тысячи туристов, часто заходил в Круг Тули и мог быть легко убит.

Туристы, посещающие Африку, одним из первых желают увидеть льва – животное, символизирующее самобытность и величие Африки. Это желание конвертируется в доллары и фунты, идущие туристской индустрии и, естественно, стране. Однако в Тули, если не считать наших усилий, сотрудничества с Департаментом национальных парков Зимбабве и значительной поддержки со стороны Зимбабвийской ассоциации охотников, мало что делалось для того, чтобы этот источник привлечения туристов и пополнения казны был сбережен. Смешно было слышать, что в иные частные заповедники и национальные парки юга Африки львы завозятся извне – туристские запросы заставили владельцев заповедников в других регионах наконец понять, что живой лев ценнее, чем в виде шкуры.

В последующие месяцы, когда мы пытались привлечь внимание к различным природоохранным аспектам, мы наталкивались на стену критики и вступили в конфликт с некоторыми из тех, кто владеет участками земли в Тули.



Глава седьмая

Дикий зов

К июню месяцу мои львы, которые достигли уже почти двухлетнего возраста, освоили территорию примерно в сорок пять квадратных километров. Они по-прежнему регулярно приходили ко мне в лагерь по вечерам. На этой стадии работы, если охота у моих львов была недостаточно успешной, я чаще подкармливал их мясом, чем отказывал.

Однажды львы появились у меня в лагере, а мяса, как на грех, я в тот день не припас. Кляня себя и жалея львов, я вышел к ним погрустить с ними вместе. Как мог я знать, что в эту ночь львам удастся наесться до отвала, и притом самым неожиданным образом.

Около восьми часов я и львы неожиданно услышали шаги со стороны находившегося недалеко русла. Вдруг они внезапно замерли. Воцарилась тишина. Потом зазвучали все громче и громче, как будто кто-то приближался с нарастающей скоростью. Я зажег факел, и в его свете мелькнула гиена. Львов охватило волнение, и они выскочили из загона. И тут я услышал отчаянный рев импалы.

Охотившиеся стаей гиены (на следующее утро я подсчитал по следам, что их было три) поймали антилопу. Я услышал, как мои львы бросились на гиен и явно застали их врасплох. Момент стычки огласился рычанием и ворчанием; потом на несколько секунд все стихло. Затем я в последний раз услышал рев импалы, которая теперь стала добычей моих львов. Две гиены, бежавшие позади, остановились напротив меня и принялись душераздирающе выть: «Уууу-вуп! Уууу-вуп!» Сквозь ночь до меня изредка долетали звуки терзающих свою добычу львов, а под утро они пришли

ко мне в лагерь, попили воды и повели меня к остаткам своей добычи. От взрослого самца импалы осталась одна только голова да несколько позвонков.

Вскоре после этого эпизода со «случайной добычей» мне вновь представился случай убедиться, сколь искусными становятся мои львы в науке добывать себе пищу. Как-то ближе к вечеру я отправился по следам львов, стараясь выяснить их местонахождение; судя по всему, следы вели к одному из их излюбленных мест – впадине в русле Питсани, в которой всегда была вода.

Я нашел львов на дороге, ведущей в лагерь, как раз у деревянной таблички с надписью: «ЛАГЕРЬ „ТАВАНА“. ВХОД БЕЗ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАЗРЕШЕНИЯ ВОСПРЕЩЕН». Я увидел, что у них у всех морды в крови, и подумал, что они, должно быть, не слишком удачно поохотились и явно не насытились добычей. Как только я появился, они поприветствовали меня и повели к руслу Питсани, до которого было с километр пути. Там они вышли к месту, где просачивалась вода, попили и, к моему удивлению, повели обратно к столбу с табличкой. Впереди бежали Рафики и Фьюрейя, а мы с Батианом ковыляли позади.

Когда мы с Батианом добрались до столба с табличкой, к своему изумлению, я увидел Рафики и Фьюрейю лежащими возле двух убитых самцов импалы. Они им только прокусили животы. И тут я понял, как все было: когда я в первый раз вышел на львов, они отдыхали после того, как им попалась редкая двойная добыча. Очевидно, один из самцов находился у себя на территории, а второй был непрошеным гостем, вот между ними и произошла схватка. В подобных ситуациях самцы импалы яростно бодаются рогами; вот эти-то звуки и привлекли львов. Нечего и говорить, что во время стычек, которые обычно длятся несколько минут, импалы забывают обо всем остальном и очень легко становятся добычей хищников. Вот и мои львы

воспользовались ситуацией – пришли, увидели, застали
врасплох и загрызли обоих.



Когда солнце коснулось горизонта, я оставил львов пировать, а сам вернулся в лагерь и с гордостью рассказал Джулии об их успехе. На следующее утро я отправился на то же место, но застал там только Батиана – несмотря на полное брюхо и жалкие остатки прежней роскоши, он продолжал трапезничать.

Я понаблюдал за ним немного, а затем отправился, на поиски Рафики и Фьюрейи, которых нашел у источника воды на дне русла Питсани. Присев рядом с ними, я стал чуть позже свидетелем забавной сцены: обе львицы, несмотря на набитые животы, пытались погнаться за пробежавшей зеброй. Естественно, охота оказалась безуспешной, и вскоре они вернулись и улеглись отдыхать после еды. Позже к нам присоединился и Батиян, очевидно, оставив объедки жадным шакалам, которые уже ходили вокруг да около.

Меня издавна не покидала вера в то, что между львами существует язык без слов, некое подобие телепатии. Я чувствовал, что он существует между львами и мной, точно так же, как чувствовал его Джордж Адамсон за свою долгую жизнь в компании львов. Как-то так получалось, что его питомцы, не появляясь в лагере по многу месяцев, наведывались

именно тогда, когда он больше всего беспокоился, где они и живы-здоровы ли.

Во время своего пребывания в Кора я также обратил внимание, что львы приходили именно тогда, когда Джордж больше всего нуждался в эмоциональном подъеме. Проявление телепатии между человеком и львом было впервые отмечено, пожалуй, в отношениях между Джорджем и Эльзой. Был, например, такой случай, когда Джой какое-то время была в отъезде, а Джордж точно не знал, когда она вернется. Но однажды Эльза подошла к дороге, ведущей к жилью Джорджа, и оставалась там целый день. К изумлению Джорджа, едва стало клониться к вечеру, раздалось тарахтение мотора – это возвращалась Джой. Джордж понял, что Эльза каким-то образом предчувствовала ее возвращение.

Я все больше приходил к мысли, что это чувство взаимопонимания развивалось и между мной и моими львами. Я обнаружил, что, когда мне иной раз случалось занемочь, львы понимали это, и тогда менялось их поведение. За шестинедельный период я дважды болел – в первый раз у меня были симптомы малярии, во второй – серьезный абсцесс в области прямой кишки. В обоих случаях львы не уходили далеко, а держались поближе к лагерю. Они приходили ко мне ранним утром, потом после полудня и оставались в загоне допоздна. Когда я лежал на раскладушке, которую Джулия поставила у ограды лагеря, львы приветствовали меня из-за ограды и залегали по ту сторону проволоки. Как только мне снова становилось лучше, львы немедленно возвращались к прежнему образу жизни – охотились на большой территории, а появлялись в лагере только под вечер.

Это поведение показалось мне странным, но время шло, и подобные случаи наблюдались все чаще. Когда мы были в отъезде, львы редко посещали лагерь (я это

заметил по малочисленности их следов снаружи ограды), но, как только мы возвращались, они появлялись снова. В нескольких случаях львы появлялись в лагере сразу же, как мы с Джулией возвращались туда после нескольких дней отсутствия; свежие следы говорили о том, что это первый их визит за время нашего отсутствия.

Вплоть до сегодняшнего дня, когда я пишу эти строки, львы появлялись по утрам в лагере как раз тогда, когда я просыпался – может быть, с разницей в несколько минут. Плеск воды, которую они лакают из приготовленной для них бочки, возвещает об их прибытии. Вот и утром того дня, когда пишутся эти строки, львы, не появлявшиеся в лагере пять-шесть дней, пришли лакать воду как раз тогда, когда я, потягиваясь, встаю с раскладушки – после того, как они попьют, начинается обмен приветствиями.

Хотите верьте, хотите нет, но между мной и Джулией тоже развилось чувство, которым обладают львы. Я пришел к такому выводу, потому что слишком уж много было совпадений. Однажды утром – напоминаю, обычно львы в этот период посещали лагерь только по вечерам, – когда я находился в нескольких милях от лагеря с антибраконьерским патрулем, мне почему-то захотелось вызвать Джулию по рации и спросить, не было ли признаков появления львов в лагере. Как вы думаете, что она ответила? Что, как только услышала мой первый сигнал, сразу увидела приближающихся к лагерю львов! В последующие месяцы и вплоть до нынешнего дня я часто вызывал Джулию по рации, ничего не зная о местонахождении львов, и слышал в ответ: «Как только ты вызвал меня на связь, они тут как тут».

У Джулии развилось сверхъестественное и необъяснимое чувство – придут львы в лагерь сегодня вечером или нет.

Прошло время, прежде чем мы начали понимать это. Если я беспокоился о львах, я спрашивал Джулию – как она считает, придут они в лагерь или нет? Ее «да» или «нет» оказывались куда точнее, чем если бы это были просто случайные совпадения.

Была и другая форма чувства – способность распознавать различные настроения львов, понимание, что они чем-то обеспокоены. Это, в общем-то, было легко для меня. Львы, как и люди, – общественные млекопитающие, и их «язык тела» весьма ярко выражен. В результате я мог с достаточной степенью точности читать их чувства.

Ни на минуту не забывая об опасности, исходившей от браконьеров, я всегда беспокоился, если приходил только один лев или два. Однажды Рафики «выразила» мне свои чувства и «объяснила», чего она от меня хочет. Вечером, в восемь, она появилась в лагере одна. Она взволнованно вбежала в загон, и я понял, что она чем-то расстроена. Она скулила значительно больше, нежели обычно, и снова и снова терлась об меня. Я, в свою очередь, полностью разыграл перед ней приветственную церемонию и постарался успокоить ее, говоря те слова, которые говорил обычно, когда находил львов обеспокоенными.

– Все нормально, все нормально, – произносил я тем тоном, которым разговаривают львы, когда приветствуют друг друга. Я надеялся, что это получилась комбинация человеческих и львиных коммуникативных звуков.

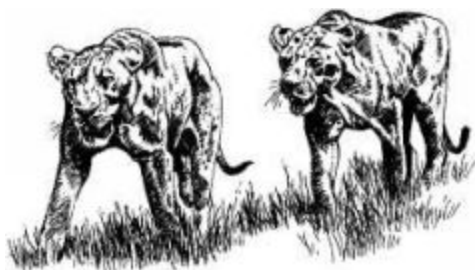
Затем я предложил Рафики мяса, и, пока она ела, мы с Джулией раздумывали, где бы могли находиться Фьюрейя и Батиан и почему Рафики выглядела такой расстроенной. Это меня особенно беспокоило потому, что всего за несколько дней до того я с несколькими помощниками снял множество браконьерских капканов, которые были расставлены именно на границе

владений моих львов. Эта долина уже успела снискать себе мрачное название «Долины браконьеров».

Я решил подзвать двоих недостающих. Сложив ладони рупором, я крикнул:

– Ба-ти-ан, ко мне! Фью-рей-я, ко мне!

Обычно, если львы находились в пределах досягаемости моего голоса и не занимались в этот момент преследованием добычи, они тут же возвращались в лагерь. Каждый раз, когда я повторял клич, Рафики скулила и ворчала. Затем она подошла к ограде, и я вышел вслед за ней за ворота. Выбежав, она снова повернулась ко мне с приветствием, выражающим привязанность, и заспешила в северо-восточном направлении.



Конечно же, я не мог угнаться за ней, потому что луна светила едва-едва, но в попытках как-то успокоить ее я решил ее немного проводить. Она несколько раз останавливалась, позволяя себя догнать, но потом снова спешно бросалась вперед. Стало ясно: она хочет, чтобы я последовал за ней. В последующие месяцы Рафики не однажды использовала этот прием, чтобы я пошел за ней следом.

Ночь была настолько темной, что лучшее, что я мог сделать, – подождать до рассвета, а уж потом последовать туда, куда она меня поведет, – если, конечно, она дождется. Я возвратился в лагерь и, к своему удивлению, увидел, что и она вошла в свой загон и улеглась у той стороны, которая примыкала к моей палатке. Когда я проснулся поутру, она по-прежнему была в загоне – было ясно, что она ждала меня. Не

дожидаясь рассвета, я поспешно оделся, помахал на прощание рукой Джулии и последовал за Рафики. Она повела меня, как и вчера – то присаживаясь, чтобы я догнал ее, то устремляясь вперед.

Она вела меня на северо-восток, и, когда я понял, что мы движемся строго в направлении Долины браконьеров, моя тревога за Батиана и Фьюрейю усилилась. Пройдя долину, мы двинулись на север в направлении Круга Тули. Когда мы достигли границы между Ботсваной и Зимбабве, мне пришлось остановиться: переход границы был бы нарушением закона. Как ни странно, Рафики тоже не пошла дальше и улеглась именно на рубеже двух государств. Могла ли она почувствовать, что мне дальше нельзя?

Я оставил Рафики отдыхать и вернулся в Долину браконьеров в поисках следов Батиана и Фьюрейи, но самые свежие были более чем недельной давности. Я удивился, где бы они могли быть, и подумал, что Рафики, скорее всего, вела меня в Круг Тули. Неужели там?! Я уселся в тени у пересохшего русла, и в голову мне лезли мысли одна страшнее другой.

Чуть позже вернувшись туда, где оставил Рафики, я увидел, что она исчезла. След вел отнюдь не через границу, а в направлении лагеря. Через некоторое время я нагнал ее – плетясь в сторону лагеря, она жалобно скулила. Мы двинулись в обратный дальний путь, и, когда достигли лагеря на закате дня, я был до смерти измотан – шутка ли, за день мы прошли добрых тридцать километров пути!



Я вошел в загон вслед за Рафики, которая по-прежнему время от времени поскуливала, и рассказал Джулии о происшедших за день событиях. Вдруг через полчаса до меня и Рафики донеслось знакомое ворчание, и мы запрыгали от радости, когда оба бродяги ворвались в загон. Когда мы обменивались приветствиями, я обратил внимание, как они лоснились – надо полагать, охота в тот день удалась у них на славу.

На следующий день я отправился выяснить, куда же все-таки их занесло. Я нашел следы на границе с Кругом Тули, где они вернулись назад в Ботсвану, – вблизи того места, где мы с Рафики останавливались накануне. Если бы я мог перейти вместе с Рафики на территорию Круга Тули, мне, возможно, удалось бы распутать все дело; но своими действиями в этот день и выразительностью своих жестов она ясно дала мне понять, что она чувствует; возможно, мое присутствие стало хоть каким-то утешением для нее. Я не стал особенно размышлять над всем этим, а просто плюхнулся на раскладушку – до того был измотан. Но я был счастлив, что никто из моих львов не оказался в

опасности и, когда я закрывал глаза, все трое мирно отдыхали рядом.

* * *

В мае я впервые услышал, как Батиан рычит. Львиный рык сам по себе – выразитель духа диких африканских земель и их величия. Но только в июле, будучи рядом с Батианом, я услышал его рев именно как сигнал для ему подобных.

Июль оказался переломным во многих отношениях – не только потому, что Батиан, хотя ему исполнилось всего лишь два года, уже достаточно уверенно чувствовал себя, чтобы заявить как взрослый, что эта территория – его. Но и это не все – у него наконец появилась грива. Поскольку она у него так долго не отрастала, я-то думал прежде, что он будет «львом без гривы» – явление это хоть и редкое, но встречается в разных частях Африки. Подобного льва я знал в Тули в 1985 году. Возможно, самый знаменитый такой лев был убит в конце 1898 года полковником Р. -Дж. Паттерсоном в Кении, после того как львами были растерзаны свыше ста рабочих-индийцев, тянувших железную дорогу от Момбасы до Найроби.

Время, когда Батиан впервые зарычал как взрослый, было переломным еще и потому, что у Рафики и Фьюрейи впервые появились признаки течки. Юные львицы вступали в отроческий период.

Возвращаясь к рычанию Батиана, я должен, в первую очередь, объяснить, как в действительности рычит лев. Лев набирает полные легкие воздуха, напрягает мышцы живота, сжимая воздух, и выдыхает, заставляя колебаться голосовые связки, издающие могучий звук, слышимый за многие километры. Рычание начинается громким стоном, а затем усиливается и

превращается в череду ревущих звуков, за которыми следует почти столь же громкое ворчание.

Для некоторых африканских народов и, разумеется, для меня львиное рычание означает: «Кто владыка этой земли?... Кто владыка этой земли?... Я... я... я... я...»

Однажды июльским утром, когда я шел с Батианом и Рафики вдоль пересохшего русла, Батиан начал свой призывный рык. Звуки были столь оглушительны, что, казалось, все вокруг – скалы, деревья, сама земля – сотрясались от Батианова зова. Однажды Батиан начал свой зов, когда моя рука коснулась того места между его плеч, где пробивающаяся грива суживалась в узкий хохолок.

Звук и обстановка были всепоглощающими. Я находился в самом сердце древнего львиного мира – той жизни, что была ключом на просторах великих африканских саванн в то время, когда человеческие племена еще только учились ходить на двух ногах.

И вот сегодня мы трое находились посреди дикой саванны. Слушая призывное рычание Батиана, я думал, какие же парадоксальные изменения произошли во взаимоотношениях между человеком и львом. Взаимоотношения между первобытными людьми и этими животными носили характер соперничества на равных. Но прошли времена, и эти отношения переросли – как оно в большинстве случаев происходит и доныне – в беспощадное преследование человеком своего бывшего соперника, ведущее к разрушению львиного «мира». Вслушиваясь в зов Батиана, я воображал, как мог слушать его первобытный человек, и думал об общих прошлых корнях моего и львиного племени. Как это говорится у почтенного зоолога Георга Шаллера:

«Наше общее прошлое по-прежнему преследует нас. Когда мы слышим львиный рев, мы вздрагиваем, как вздрагивал наш первобытный предок. И вместе с

тем радуется сидящий в нас хищник, видя огромные стада дичи...»

Зов Батиана, который я слушал этим утром, знаменовал собой и то, что полностью состоялось возвращение львов в родную стихию, в тот мир, с которым они были разлучены из-за действий человека. Эти львы смогли вновь открыть для себя родной дом, осознать свое положение и роль в дикой природе.

Я любил слушать призывный львиный рев, находясь со львами рядом. В эти моменты моя душа моментально наполнялась чем-то необъяснимым, без чего она казалась опустошенной. Но вот смолкал рык, куда-то в небытие закатывалось эхо – и душа снова ощущала необъяснимую неполноту...

В любом случае, когда я слушал зов Батиана, на душе становилось светлее. Помню, однажды, когда Батиан начал свой зов, к нему подкралась Рафики, а затем прыгнула на него. Он воспринял это как умаление своего достоинства... Я неоднократно замечал, что призывный звук, издаваемый Батианом, был слишком громким даже для него самого, и после каждого сигнала он тряс головой из стороны в сторону – раскатистый рев явно причинял некоторый дискомфорт и ему самому...

* * *

Как я упоминал выше, в этот период я впервые заметил, что у сестричек Батиана начиналась течка. Однажды утром Рафики прибежала в лагерь одна, отколовшись от Фьюрейи и своего брата. Я обратил внимание, что сегодня она тянется ко мне больше, чем обычно, и притом не так, как в тот раз, когда она хотела, чтобы я следовал за ней. Она провела в лагере весь день, требуя моего внимания. Джулия заметила,

что я в этот день дважды отлучался из лагеря и Рафики громко и протяжно скулила. Когда же я возвращался, она тут же кидалась ко мне. Ее поведение сначала озадачивало меня, а потом я сообразил, что ее действия вызваны течкой.

Впоследствии, по мере взросления, ее поведение во время течки становилось все более изощренным и ревнивым. Она терлась задом о мои ноги, при этом зловеще ворча, с опущенными ушами, показывая, что требует любви! Я и поныне чувствую себя неловко, когда у Рафики начинается течка...

Недавно мой приятель так прокомментировал этот сюжет: «Ну, теперь-то она наверняка поняла, что от тебя как потенциального партнера толку нет, и требовать у тебя любви – только время зря терять».

И все – таки всякий раз, когда у нее начиналась течка, Рафики, в отличие от Фьюрейи, прежде чем уходить на поиски самца, сперва кидалась ко мне. Порой, поприветствовав, она обдавала мою грудь фонтаном мочи или же просто спокойно поливала одну из моих ног и оба ботинка. Да, любопытная ситуация! И так каждый раз...

Однажды Джордж рассказал мне, что и он не раз попадал в такие щекотливые ситуации. Он рассказал, как несколько лет назад (когда ему уже перевалило за семьдесят) одна чересчур уж игривая львица с такой настойчивостью пыталась завести с ним знакомство, что бедняга принужден был залезть на дерево и сидеть там полдня, пока она окончательно не ушла.

* * *

Рев Батиана вкупе с течкой у его сестер снова зазвали к нам непрошеную компанию. Одним июльским утром мы с Джулией спали под открытым небом возле

ограды лагеря, когда Батиан начал свою утреннюю песню. Мы проснулись и вдруг заметили в сумерках, в двадцати шагах от себя, проходящих львов. Поскольку их было трое, то я решил, что это мои львы, пока не появился четвертый. Сев прямо и прогнав сон со своих глаз, мы увидели, что двое из этой четверки были самцами, похожими на Батиана. Это была та самая четверка из племени Темного, которую я не видел уже много недель. Вдруг с севера со стороны Круга Тули, также донеслось рычание – я предположил, что это два молодых самца, с которыми я недавно встречался. Потом я назвал их Близнецами. Как только рев прекратился, раздался ответ с юга. «Темный», – подумал я.

Наблюдая за четверкой из племени Темного, приняхивавшейся к Батиановым кустам, я стал подсчитывать, сколько же львов находилось в поле нашего зрения и слуха близ «Таваны» и в долинах Питсани. Считая с моими, получилось десять, принадлежащих к трем различным прайдам. Ни до, ни после в окрестностях «Таваны» никогда не насчитывалось столько разных львов сразу. Через некоторое время, с восходом солнца, четверка отважных из племени Темного ушла, зовы с севера и юга прекратились, и я удивлялся, куда делись мои львы.

Час спустя, когда солнце уже взошло высоко, я вышел из лагеря поискать следы моих львов. Найдя их, я двинулся туда, куда они вели, полагая, что мои львы ушли подальше, чтобы уменьшить вероятность столкновения с обитавшими в этом регионе другими львами. След вел в направлении возвышенности на восток.

На подходе к этому месту я был испуган вызывающим рычанием льва, повторившимся несколько раз. В лучах солнца с востока я увидел силуэт Темного –

он зловеще приближался ко мне. Я заорал на него в надежде, что он отойдет назад и даст мне возможность спокойно отступить. Как бы не так! Темный продолжал наступать, грозно рыча. Я заорал на него; в ответ он прорычал нечто оскорбительное, но на какое-то время остановился.

Я медленным шагом отступил назад, пытаюсь скрыться в рощице мопановых деревьев и исчезнуть из поля зрения. Он – за мной. Я снова гаркнул на него, он же излил на меня свою ярость рычанием. «Кажется, он хочет проводить меня, до самого лагеря. А кто знает, может, у него на уме худшее?» – пробормотал я про себя.

Я уже изготовился прибегнуть к предупредительному выстрелу в воздух, но, к счастью, до этого не дошло. После заключительного обмена мнениями (я криком, он рычанием) Темный милостиво разрешил мне отойти. Но, даже подходя к спасительной ограде, я постоянно оглядывался назад – вдруг он тихонько крадется за мной где-нибудь в кустах? Такое поведение Темного было крайне необычным – с тех пор, как я знаю этого царя саванн, он ни разу не преследовал меня.

Тем же утром конфликт с участием Темного случился с южной стороны. Темный отступил на свою территорию Нижнего Маджале. Когда я поехал в этом направлении, мой друг, егерь Дэвид Марупане, сообщил, что Темного гоняли молодые самцы из его прайда и он, в свою очередь, пытался обратить их в бегство. Все это происходило неподалеку от «Таваны», но в пределах территории Нижнего Маджале.

Вскоре я нашел свою компанию и, понаблюдав за ситуацией, понял, что произошло. Судя по всему, у одной из молодых львиц была течка, она-то и привлекла внимание старика. А двое его сыновей не давали своему отцу подступиться к львице.

Поскольку Батиан теперь регулярно возвещал своим рыком, кто здесь хозяин. Темный редко посещал «Тавану». Но один из его последних визитов запомнится мне навсегда.

Однажды утром я был разбужен шорохом у «Батианова куста» – его любимого мопанового дерева, растущего возле ограды. Он метил его особенно часто, скребя при этом землю. Накануне ночью мои львы были недалеко от лагеря; увидев за ветвями и деревьями желто-коричневую голову, я встал с раскладушки как был, в костюме Адама, шагнул в направлении льва и позвал:

– Батиан... Батиан...

Я был всего в одном шаге от ограды, отделявшей меня от дерева, и вдруг из-под него показалась могучая голова и густая массивная черная грива – Темный! И тут же из палатки до меня донесся встревоженный голосок Джулии:

– Ты думаешь, это наши, Гарет?

Не знаю, кто из нас испытал больший шок – я или Темный. Я завопил на него и отскочил назад; он тоже прыгнул в сторону и дал деру.

Оказывается, он – я не знал этого – метил Батианов куст и был напугал моим внезапным появлением. Джулия наблюдала за развитием всего сценария и теперь, когда от сна у нее не осталось и следа, покатывалась со смеху; но у нее сделалась почти истерика, когда я, потрясенный неожиданной встречей, поспешил в палатку и стал спешно натягивать шорты. А что вы хотите? Когда всего в одном ярде от тебя стоит огромный взрослый лев, ты, как никогда, почувствуешь себя голым!



Глава восьмая

Клыки и когти против рогов и копыт

Начиная с июля у Рафики и Фьюрейи уже регулярно была речка. Тогда они всякий раз убегали на север в поисках самцов и часто находили их. Похоже, половая зрелость у львиц наступает, по крайней мере, на полгода раньше, чем у самцов. Видимо, обе сестрицы признали Батиана неподходящим партнером и уходили на поиски более зрелых.

Фьюрейя удалялась от лагеря на больший срок, чем Рафики, ища компании то одного, то другого из Близнецов, обитавших в южной части Круга Тули. После брачного периода она снова появлялась в «Таване», терлась об меня шеей и задом – обычный у львов знак выражения привязанности, – и по запаху, которым от нее несло, было ясно, что она побывала у самца. При ее появлении приходили в возбуждение Батиан и Рафики, если они находились рядом, и принимались так тщательно обнюхивать ее, что ей приходилось отскакивать в сторону с коротким ворчанием, дабы избежать их вопрошающих носов.

В этих случаях она всегда бросалась ко мне, выражая свою привязанность. Обычно она садилась ко мне как можно ближе, чтобы избежать бесцеремонного любопытства брата и сестры. Я всякий раз тщательно осматривал ее: нет ли признаков беременности. Всякий раз, когда Рафики и Фьюрейя отправлялись на поиски контакта с Близнецами, мы с Джулией принимались обсуждать, как нам быть, когда у наших «детей» неизбежно появятся свои.

К сожалению, этот волнующий период был омрачен. Надвигалась другая проблема, заключающая в себе прямую угрозу как моим львам, так и остальным львам

Тули: нашествие домашнего скота из Зимбабве. Тамошние безводные земли не могли прокормить даже те немногочисленные стада, что были у местного населения, и каждый год с наступлением зимы пастухи перегоняли через песчаное русло Шаше домашний скот – коров, коз и овец – на территорию соседней страны, Ботсваны, и притом на земли, предназначенные для обитания дикой фауны.

В последние годы эта проблема особенно досаждала землевладельцам и управляющим заповедниками Тули. С приходом сезона дождей скот, нелегально находившийся на территории Ботсваны, перегоняли назад в Зимбабве, где он мог спокойно пастись в течение нескольких месяцев, и о проблеме забывали. Но с наступлением зимы цикл начинался сначала.

Ущерб от нелегальной пастьбы сотен голов домашнего скота год за годом на территории заповедника был жестоким. Во-первых, ценный зимний корм, которым могли бы питаться дикие виды животных, поедал домашний скот. Во-вторых, стада неизбежно становились объектом атаки львов, леопардов и гиен – отсюда конфликт между диким зверем и человеком как владельца скота. Если львы загрызали корову, пастух отгонял стадо подальше, а сам ставил вокруг зарезанного животного побольше капканов, поджидая возвращения львов. Те возвращались к добыче и, в свою очередь, рисковали погибнуть страшной смертью в капканах.

Конфликт между хищным зверем и скотоводом из года в год был причиной снижения численности хищников до минимума в регионе вдоль Шаше. «Око за око, зуб за зуб» – таков был закон скотовладельцев. Продолжающийся из года в год конфликт имел результатом только то, что теряли все. Погибал скот, гибли львы, и когда в регионе вдоль Шаше львов

оставалась лишь горстка – на место убитых приходили другие, соблазненные легкой добычей.



Зимой 1990 года, когда мои львы, ныне почти полностью независимые от меня, осваивали новые территории, проблема скота обострилась. Воспользовавшись ситуацией, браконьеры проникали в заповедник под видом пастухов и ставили еще больше капканов на диких животных. Правда, их действия вызывали гнев самих же пастухов, потому что немало домашнего скота также попадалось и гибло в капканах.

Помню, как-то утром меня вызвал по рации мой друг Мафика, в прошлом мой помощник по лагерю, ныне сотрудник заповедника Чартер, ведающий антибраконьерской работой. Он сообщил мне, что обнаружил близ Шаше пятнадцать капканов, в два из них попались коровы: одна погибла, другая была еще жива. Я тут же сел в машину и поехал в указанном направлении. Там мы вместе с другими сотрудниками освидетельствовали ужасную сцену. Корову, которая осталась жива, к счастью, схватило за ногу, и мы без труда вызволили ее. Другая корова, стельная, уже вздулась. Определить, как она погибла, было нетрудно: когда она попалась, то принялась отчаянно бегать вокруг дерева, к которому был привязан капкан, наматывая на ствол проволоку виток за витком, пока не оказалась прочно примотанной к стволу. Корова гибла медленной смертью, исторгая из себя теплившуюся в ее чреве жизнь. Смерть коровы наступила в тот момент, когда прорезалась голова тельенка. Плод умер в момент рождения.



Обилие легкой добычи в виде домашнего скота плюс то, что регион Шаше не являлся территориальной собственностью какой-либо единственной стаи львов, привлекало сюда других львов Тули. Шел месяц за месяцем зимы, все больше скота гибло. Мои львы тоже подались на восток, в холмистый регион Шаше, то есть в самую опасную зону. Из страха за их безопасность я тратил много времени, выслеживая их, и если находил в восточном секторе, по вечерам громко скликал их, призывая спуститься с холмов в более безопасный район – долины «Таваны» и Питсани.

И вот настал день, которого я так боялся: мои львы зарезали корову близ Шаше. Я увидел, как трое зимбабвийских пастухов отгоняли львов от добычи. Я тут же вызвал Мафику и других сотрудников, и мы застигли пастухов, когда они разрубали тушу, чтобы унести в свою деревню хотя бы мясо. Мы вовремя застучали зимбабвийцев – промедли мы хоть чуть-чуть, и они успели бы расставить капканы, с расчетом, что мои львы вернутся к остаткам добычи и поплатятся за гибель коровы...

Я расспросил зимбабвийцев, как все произошло. Они рассказали мне, что видели из своей деревни по другую сторону Шаше кружащих над нашей стороной грифов, что сигнализировало о смерти. Они перешли Шаше – выяснить, в чем дело, и увидели, как трое львов – один молодой самец и две самки – пожирали одну из их коров. Зимбабвийцы накричали на львов, которые

обратились в бегство при их появлении, и принялись рубить тушу на части. За этим занятием мы их и застали. Мы отвезли зимбабвийцев на пограничный пост Понт-Дрифт и там передали властям.

Мы вернулись в регион Шаше на поиски моих львов и нашли их отдыхающими в двух километрах от остатков коровы. Было уже половина пятого пополудни, и я решил до темноты вывести их из опасной зоны. А там уж, под покровом ночи, пускай идут по своим делам.

Я попросил Мафику оставить меня, отогнать машину назад в лагерь и сообщить Джулии, что я постараюсь до темноты пройти со своими львами расстояние в четырнадцать километров, отделявшее нас от «Таваны». Как только машина ушла, я позвал львов, которые куда-то удрали. Они выскочили из-за кустов и двинулись ко мне поприветствовать, явно несколько удивленные моим появлением. Окончив приветственные церемонии, я зашагал на запад, приглашая их за собой. Доверяя мне, они без звука последовали за мной; мы шли, а солнце садилось. По дороге я обнаружил несколько расставленных браконьерами капканов и, стиснув зубы, снял их.

Потом, когда солнце превратилось в раскаленный шар, нависший над самой линией горизонта, я понял, что нам необходимо бежать, если мы хотим поспеть в лагерь до полной темноты. Мы были уже далеко от долины Шаше; я побежал трусцой, время от времени окликая львов. Я добрался до лагеря уже в кромешной темноте и попал прямо в объятия Джулии, поджидавшей меня у ворот. Мафика сообщил ей о ситуации, и, дожидаясь меня, она волновалась тем сильнее, чем ближе было к ночи. Теперь мы уже вместе стали поджидать львов. Всего через десять минут после моего возвращения появились и они – уставшие, измученные жаждой, но снова в безопасности.

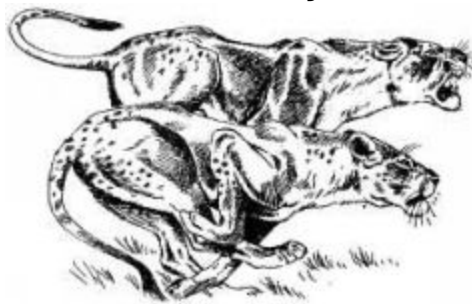
На следующий день в непосредственной близости от того места, где мои львы зарезали корову, было найдено свыше двадцати браконьерских капканов. По мнению Мафики, они были расставлены два дня назад. Безграничное доверие моих львов ко мне спасло их, но у других-то львов в этом регионе не было никого, кто постоянно присматривал бы за ними и не дал бы попасть в беду.

Через две недели в капканы попала одна из обитавших в Тули львиц. Один капкан сдавил ей шею, другой лапу. Она была одной из львиц, принадлежавших к прайду Нижнего Маджале; ее привлекло в долину Шаше обилие скота. Невероятно, но она сломала оба капкана, хотя это стоило ей тяжелых ран. Прихрамывая, она заковыляла на юго-запад, к Нижнему Маджале, до которого было много километров пути.

Мне сообщили, что ее заметили и пытались поймать, но безуспешно. Я же был стеснен в своих поисках, так как владельцы некоторых частных заповедников не давали мне разрешения на право прохода по их территории. Примерно через неделю меня информировали, что ее видели в одном из таких заповедников, но, как мне сообщили, управление этого частного заповедника настолько занято с туристами, что у них нет времени на отлов и лечение несчастной львицы! Услышав это, я впал в отчаяние. У меня в голове не укладывалось столь равнодушное отношение к дикой фауне в некоторых заповедниках Тули.

К счастью, впоследствии львицу отловили и вылечили. Мне рассказывали, что проволока опутала ее лапу, как тугая пружина. Это было жуткое зрелище, и боль, которую она при этом испытывала, была, надо думать, нестерпимой.

По вечерам скот, нелегально перегоняемый на территорию Ботсваны, угоняли обратно за песчаное русло Шаше. Порой ночью туда же уходили и львы – ведь они охотятся обычно ночью. Обитатели зимбабвийских деревень стали терять скот по ночам на своей территории – вот как аукнулось то, что днем они пасли его на чужой! Несколько животных было зарезано львами в непосредственной близости от деревень, и их жители, понятно, пожаловались зимбабвийским властям. В середине августа из Зимбабве пришло сообщение о том, что любой лев, обнаруженный за пределами Тули и в пределах сельскохозяйственных территорий Шаше, будет отстреливаться с целью предотвращения гибели скота. К счастью, человек, нанятый для выполнения приказа, не взялся рьяно за это дело из боязни, что под пулю угодит какой-нибудь из львов Адамсона. Более того, он проинформировал нас о ситуации и дал нам возможность выиграть время для принятия мер, за что мы глубоко благодарны ему.



Первое, что я сделал, услышав тревожащие новости, – связался с Джорджем Пангети из Департамента национальных парков и охраны природы Зимбабве. Я сообщил ему, что крайне взволнован возникшей проблемой, и рассказал о ситуации со львами. Он представил меня региональному управляющему этой территории Зимбабве. В своем разговоре со мной он согласился, что какое-то время

следует воздержаться от отстрела львов, чтобы иметь возможность поискать решения проблемы.

В продолжение нескольких последующих недель мы имели встречи с различными должностными лицами и обращались с ходатайствами в соответствующие департаменты правительства Ботсваны. В своих обращениях мы ставили в центре внимания корень проблемы – нелегальную пастьбу зимбабвийского скота на территории заповедников Ботсваны. Мы предложили рассматривать ситуацию под более широким углом зрения – популяризировать среди жителей региона Шаше идею создания буферной зоны для дикой фауны. Долгосрочный проект включал бы перекачку воды на тридцать километров в глубь страны для снабжения ею территорий, которые некогда являлись традиционными местами пастбищ здешних жителей, – нехватка воды и вынудила их покинуть эти регионы и поселиться вдоль реки Шаше. Мы решили сотрудничать в этом проекте с другими борцами за сохранение природы: ведь этот проект послужит благу как людей, так и дикой фауны и снизит остроту проблемы. Но все это в перспективе, а краткосрочное решение проблемы нужно было найти именно сейчас.

Я устроил встречу с участием представителей владельцев заповедников Тули, ботсванской полиции, Департамента охраны природы, иммиграционного департамента, ветеринарного департамента и представителей скотовладельцев Шаше, инспекторов по охране дикой фауны и местного племенного вождя. Встреча состоялась на территории региона Шаше, и, словно бы в насмешку, во все время нашей долгой дискуссии скот ходил у нас на глазах то в Ботсвану, то обратно. Возглавлял нашу ботсванскую делегацию мой хороший друг, начальник иммиграционной службы, уроженец Тули Бане Сеса. Он был очень обеспокоен проблемой – не только в аспекте сохранения дикой

природы, но и тем, что из-за ситуации со скотом множество зимбабвийцев постоянно нелегально пересекают границу Ботсваны в ту и другую сторону.

Встреча закончилась тем, что зимбабвийцев попросили, в первую очередь, вывести свой скот с территории заповедника. Они сказали: мол, знаем, что поступаем неправильно, но и скоту надо как-то жить. Впрочем, присутствовавшие на встрече зимбабвийцы выразили интерес к долгосрочному проекту обводнения своих традиционных пастбищ, и мы пообещали, что продолжим работу над этим весьма сложным предложением.

Переговоры имели лишь частичный успех. Скот был выведен, и теперь территория Тули на какое-то время могла вздохнуть свободно. Мы продолжили изыскание более эффективного краткосрочного решения проблемы; в этом нам помогали ботсванские власти. И через полтора года проблему удалось всерьез взять под контроль.

Но, пока нам это удалось, мы пережили напряженные времена. Зимбабвийские власти вынесли новое предписание об отстреле львов, и мы начали «львиное дело» вновь. К тому времени я решился на то, чтобы надеть на своих львов идентификационные белые ошейники, и проинформировал об этом человека, нанятого для отстрела львов. Я также сообщил, что готов платить компенсацию, если будет неопровержимо доказано, что именно мои львы резали домашний скот на зимбабвийской территории. Никаких возражений не последовало.

С тех пор мне приходилось много раз уводить своих львов подальше от Шаше. Каждый раз, когда они уходили на восток, у меня от ужаса леденела кровь. К счастью, до отстрела львов дело не дошло. Во первых, благодаря тому, что куда меньше домашнего скота из Зимбабве попадало на территорию Тули и,

следовательно, куда реже теперь львы заходили на территорию Шаше, а во-вторых, благодаря тому, что наш зимбабвийский знакомый отнюдь не рвался отстреливать львов, при том, что имел на это одобрение правительства, – своим выживанием львы во многом обязаны его сочувственному отношению.

Как и в истории с легальной львиной охотой, присутствие в регионе спасенных Адамсоном львов спасло жизни многим другим львам.

* * *

В начале октября 1990 года, когда приближалась первая годовщина нашего совместного со львами пребывания в Тули, столбик термометра устремился ввысь. Начиналось типичное изнуряющее лето, обещавшее вместе с тем долгожданные дожди. Решительно, Тули – страна контрастов: в течение большей части года в ней царствует строгая красота засушливой местности, но на краткие месяцы сезона дождей ее оживляют потоки воды, пробуждение новых листьев и цветов. Дождь всегда непредсказуем. Никогда не забуду, как летом 1990 года у нас в «Таване» прошел сильнейший ливень, когда за какой-нибудь час выпало 96 миллиметров осадков – треть годовой нормы для этого региона.

Ливень случился ночью, а днем я поехал встречать Джулию, которая на несколько дней ездила в Йоханнесбург. Встретив Джулию на исходе дня в Понт-Дрифте, я повез ее назад в «Тавану», и мы с изумлением глядели на сгущавшиеся над нами грозовые тучи, громоздившиеся, словно небесные неприступные крепости. Едва мы достигли лагеря и разгрузились, до нас долетели раскаты грома. Живя в столь засушливой зоне, мы знали, что гром и тучи

далеко не всегда несут с собой дождь. Снисхождение с небес столь необходимой животворной влаги – в этом регионе вещь непостоянная и ненадежная. Нередко бывает так: надвигается шторм, начинает бешено кружить и затем стихает ветер, блеснет молния – и вот мы уже слышим и видим стучащий дождь, порой приходим в неопиcуемый восторг; но все стихает: облака уходят куда-то прочь, небо очищается, а нас охватывает жестокое разочарование.

Но в тот вечер мы с Джулией и представить себе не могли, какой всемирный потоп нас ожидает, да и позже в нашей жизни больше не было такого. Ветер усиливался, а мы паковали целые полки книг и картотеки в водонепроницаемые пластиковые мешки и завязывали их теми же веревками, которыми мы привязывали палатки. Капли дождя застучали по палатке, когда, закончив предгрозовые приготовления, мы растянулись на раскладушках и взволнованно болтали. Пока мы беседовали, дождь припустил, и под шум, раздававшийся над нами, мы заснули в нашей палатке в три метра длиной, два с воловиной шириной.

Чуть позже проснулась Джулия и, слыша, что дождь усиливается, вышла посмотреть, что же творится в лагере. Следующее, что я запомнил, – расстегнутую молнию на входе в палатку и отчаянный крик Джулии, требовавшей, чтобы я сейчас же встал. Мы зажгли фонарь и были потрясены: вода около фута глубиной бурлила прямо в палатке! Мои ботинки плавали в бушующем потоке, сдерживаемые стенкой палатки; там же кружили пластмассовая чашка, журнал и промокшие остатки блокнота с дневниковыми записями. Казалось, будто палатку вынесло на середину бурлящей реки! Тут я услышал истошный крик Джулии:

– Гарет! Река вышла из берегов! Вода заливает кухню и подбирается к джипу!

Теперь от сна не осталось и следа. Я мигом схватил ботинки, надел их, и мы вместе с Джулией поскакали к кухне. Вода, лившая как из ведра, бушевала по земле, была везде – и справа, и слева, и под, и над! Когда я добежал до кухни, то увидел, как вода бушевала как раз под низко посаженным мотором джипа, и я боялся, что он уже залит водой. Сквозь гул дождя я крикнул Джулии, что нужно перегнать машину на более высокое место. Я попробовал завести мотор, да куда там! Мы вместе принялись толкать машину, выбиваясь из сил, но поскольку толкать приходилось вверх по склону, все наши потуги были напрасны, и мы то и дело падали в грязь и воду. Вымокшие до нитки, мы продрогли до костей и были по уши в грязи. В отчаянии я снова попытался запустить мотор, потом снова – и как только я подумал, что мотор бесповоротно отказал, он неожиданно завелся с рассерженным ворчанием. Я прыгнул за руль, вывел машину из воды и вкатился на более высокое место – хотя там тоже бушевала вода, но все-таки было куда мельче.

Поставив машину, я помчался туда, где оставил Джулию. Та сидела на корточках в воде, одной рукой держа фонарь и светя им вправо-влево, а другой хватая предметы. Она пыталась спасти хоть что-нибудь из нашей кухонной утвари, тарелок и чашек, уносимых бушующей водой.

... Позже, подойдя к дождемеру, мы были ошеломлены, увидев, сколько выпало дождя. Наконец дождь начал стихать, и мы вернулись в палатку – хотя мы по-прежнему были по щиколотку в воде, но она уже начала спадать, и, вконец обессиленные, мы вновь уснули.

Утром нас разбудило сладкоголосое пение птиц. Казалось, их песни звучали как само совершенство в освеженном и очищенном от пыли воздухе. Солнце сияло ярко, и небо было совершенно чистым. Однако в

нашей палатке царило нечто невообразимое. Густая грязь лежала на полу толстым слоем, а выйдя наружу, я, к своему удивлению, увидел темную «полосу наводнения», нанесенную волнами на наружной стороне палатки. В прошлую ночь вода поднялась примерно на полметра над уровнем берега. Выйдя из палатки, мы принялись собирать и разыскивать вещи, унесенные потоком. Я вышел за территорию лагеря пройтись вдоль берега и находил то тут, то там чашки, бутылки и прочий хлам, в том числе один из моих башмаков – другой я нашел много недель спустя и гораздо ниже по течению. Мы потратили целый день, возвращая лагерь к нормальной жизни после стихийного бедствия, доказавшего в который раз, что Тули – земля контрастов и крайностей.

* * *

В середине лета этого года русло реки Питсани было заполнено чистой водой, медленно струившейся на юг, к Лимпопо. В самые жаркие дни, когда температура в тени переползала за сорок, мы с Джулией шли к Питсани. Там, в тени огромного дерева машату, нависавшего над речушкой, мы сбрасывали с себя все и, ступая в реку, испытывали любимое до боли удовольствие от воды, обжигавшей и пощипывавшей нам обожженную кожу. Вдоволь насладившись водой, мы сидели или лежали рядышком, наблюдая за другими водяными жителями, например пресноводными черепахами с твердыми панцирями, опутанными водорослями. Заметив нас, черепахи в испуге ныряли в воду, где оставались подолгу, потом выныривали на поверхность подышать воздухом и ныряли снова. Пресноводные черепахи – преимущественно хищные рептилии, питающиеся другими обитателями воды,

например насекомыми, лягушками, головастиками и любой падалью, какая им может попасться. У Джулии был врожденный интерес к любым формам жизни, но я давно предупреждал ее не быть излишне любопытной и не брать в руки водяных черепах. У этих черепах имеются железы, выделяющие секрет с отвратительным запахом, – это одно из защитных средств этих рептилий. Запах держится на пальцах и руках долго, как ты их ни мой. К разряду курьезов можно отнести то, что этот запах напоминает запах льва, которым он метит кусты, но только гораздо сильнее. Я слышал, что запах пресноводных черепах отпугивает лошадей и ослов, которые принимают его за львиный.

Когда кожа наших пальцев и ступней морщилась от продолжительного пребывания в воде, мы выходили, а затем по несколько минут просто стояли в густой тени, чтобы остудиться как можно больше, впитывая в себя прохладу, прежде чем приступить к неизбежному одеванию и возвращению в пекло автомобиля.

К тому времени Рафики и Фьюрейя практически достигли независимости – в том смысле, что могли прокормить себя сами. Особенно наглядно я убеждался в этом, когда, отправляясь на север искать общества львов-Близнецов, они отсутствовали по неделе и более, но неизменно возвращались сытыми, холеными и, как правило, с набитым брюхом – видно было, что они поохотились всласть. Когда же у них начиналась течка, они обычно направлялись к постоянно действующему источнику в регионе Тули-сафари, почему-то прозванному «Новая Англия» и находившемуся в самом сердце владений львов-Близнецов.

Не знаю, кто дал источнику столь необычное имя, только слышал, что это был кто-то из первопроходцев конца 1890-х годов, прокладывавших себе путь на север в направлении земли, получившей название Родезия.

Видимо, уж больно приглянулся этот источник путешественникам – он был редким оазисом в этой сухой, сожженной земле. Вода струилась на поверхность, заполняя несколько углублений под старым фиговым деревом, разделявшимся на два ствола, дающих круги густой тени.

Эпоха первопроходцев давно прошла. Теперь источник с названием «Новая Англия» чаще всего поит диких зверей – исконных обитателей этой земли. За много миль вокруг к этому оазису ведут следы диких зверей – тысячи лап и копыт пробили в красной почве тропы, словно колеи. Вот почему львы-Близнецы сделали источник центром своих владений – здесь неплохое место охоты. Антилопы, приходящие к источнику издалека утолить жажду, часто находят здесь свой конец: они гибнут, давая жить львам и другим хищникам.

Когда Батиан пытался последовать за своими сестрами в северном направлении, между ним и львами-Близнецами непременно вспыхивали конфликты. Стычки происходили обычно около источника или вблизи него. После этого Батиан в отчаянии, жестоко поцарапанный и покусанный, плелся на юго-восток, ко мне в «Тавану». Он появлялся в лагере (либо я находил его по пути); вид у него был жалкий: бока истерзаны глубокими ранами, задние ноги испачканы его собственными испражнениями. Львы, как и леопарды, также испражняются, когда вступают в отчаянную схватку с себе подобными. Мое сердце сжималось от жалости к Батиану, который поначалу всегда проигрывал в этих сражениях; но и вины его в том не было – каждый из Близнецов, с которыми он поочередно схватывался, был старше его на шесть-восемь месяцев и значительно крупнее. После таких схваток я целые часы уделял Батиану, зная, что он видит во мне не только источник успокоения и поддержки, но и

товарища по прайду. Тем не менее первоначальные поражения в схватках то с одним, то с другим из Близнецов отнюдь не убавляли мужества в Батиане. Пробыв несколько дней на своей территории, он, часто в моем сопровождении, отправлялся на север, посылая свои громкие позывные туда, где его сестрички предавались любовным утехам с Близнецами.

Но время шло, Батиан записывал на свой счет все больше схваток, и Близнецы стали уважать его «собственность» и редко заходили на его территорию – в долины «Таваны» и Питсани. Не нужно забывать, что Батиан не был одинок в своих территориальных притязаниях: его притязания поддерживались обеими его сестрами. Последние искали общества львов-Близнецов только в период течки, а в остальное время не испытывали к ним ни малейшего интереса. Даже наоборот – в их отношении преобладали антагонизм и чувство собственности над территорией.

Иногда схватки между моими львами и Близнецами происходили непосредственно на территории «Таваны» и при моем участии; это было в то время, когда львы, в том числе и Близнецы, были еще очень молоды. Однажды рано утром мы с Джулией проснулись от рычания дерущихся львов. Тогда с нами еще работал Мафика. Я вышел за ворота лагеря выяснить ситуацию; а Джулия направилась в кухню, где Мафика мыл тарелки. Разве могли они знать, что через несколько минут окажутся в центре театра военных действий между моими львами и львами-Близнецами?!

Через несколько минут после того, как я вышел за ворота лагеря, я заметил, как Рафики кинулась ко мне. За ней неслась Фьюрейя, а последним Батиан. Все трое были крайне возбуждены. Они поприветствовали меня и принялись лихорадочно метить все вокруг, и тут я обратил внимание, что у всех троих тела здорово поцарапаны, хотя и без серьезных повреждений.

«Где же Близнецы? – подумал я. – Наблюдают?»

Тут из-за небольшого холмика в непосредственной близости от хозяйственной части нашего лагеря раздалось приглушенное рычание; и я, и мои львы тут же обернулись. Моментально вся троица, словно свора охотничьих собак, бросилась туда, откуда доносились звуки. Я, естественно, за ними. На бегу я уже слышал, как впереди меня начиналась встреча двух львиных команд – и вот уже львы со страшным шумом несутся ко мне. Я попробовал различить, кто бежит впереди, но был моментально ослеплен ярким утренним солнцем. Впрочем, я разглядел силуэты трех львов, приближающихся ко мне.

На кухне Джулия и Мафика с тарелками и кухонными полотенцами в руках неожиданно увидели Батиана, преследуемого одним из Близнецов; затем мимо них промелькнули силуэты других львов. Через несколько мгновений за ними промчался второй из Близнецов; он гнался за Батианом, а за Близнецом – Рафики и Фьюрейя. Мафика и Джулия наблюдали за всем этим, не будучи в силах сказать ни слова, тогда как я надорвал глотку, зовя своих львов и гоняясь вокруг, так как я в этой каше потерял их из виду.

Впрочем, вскоре схватка утихла. Близнецы ушли к себе на север, я – назад в лагерь; после того, как мы обсудили все увиденное, Джулия и Мафика закончили работу по кухне. Не правда ли, несколько нетипичное начало повседневных домашних забот?!

* * *

Через несколько месяцев у нас в лагере произошла другая стычка со львами-Близнецами. Однажды ночью, когда мы с Джулией мирно отдыхали у себя в палатке, до нас неожиданно донесся страшный шум дерущихся

львов. Похоже, скандал разразился где-то возле ворот лагеря. Пробегая мимо палатки Мафики, стоявшей невдалеке от ворот, я не услышал оттуда ни звука. Или он спал без задних ног, так что даже свалка львов, происходившая всего в пятнадцати-двадцати метрах, не могла его разбудить, или же он вознамерился продемонстрировать высшую степень мужества, делая вид, что его хата с краю!

С фонарем в руке и с ружьем наготове я вышел за ограду; тут ко мне подлетели Батиан и две сестрички. Когда я шагнул им навстречу, услышал справа от себя такой рев, что меня бросило в дрожь. Засветив фонарь, я увидел Близнецов, у которых были пока еще небольшие, но очень грязные гривы. Они отступали, по-прежнему ворча, за небольшой холмик. Исполненный стремления поддержать свой прайд, а заодно продемонстрировать «мужскую дружбу» Батиану, я во всю глотку заорал на Близнецов. Те зарычали еще более зловеще. Мне ничего не оставалось, как сделать предупредительный выстрел в воздух. Это заставило Близнецов пуститься наутек. Мои львы бросились за ними, но конфликт улегся, не успев разгореться. Проводив пришельцев восвояси, мои львы вернулись и направились туда, где я стоял. С торжеством победителей они терлись об меня телами и головами, и в ответ я ласкал и гладил их.

Впрочем, Джулия, как вскоре оказалось, была отнюдь не в столь блестящем настроении. Лежа на раскладушке, она слышала, как я выходил за ворота. Потом до нее донеслось рычание, затем мои крики, выстрел, шум финальной краткой свалки – и тишина. Схватив фонарь, она выскочила из палатки, прямо как и была, в костюме Евы, проскочила мимо палатки Мафики, откуда по-прежнему не доносилось ни звука, и выбежала к воротам. Как раз в этот момент я медленным шагом возвращался в лагерь. Услышав шум

у ворот, я поднял фонарь, и яркий свет озарил Джулию – она стояла голая, с вытаращенными глазами. Поохотав над этой сценой, я объяснил ей, как все произошло, после чего она побежала обратно в палатку.

В палатке Мафики по-прежнему стояла тишина. Я подошел и позвал его, желая рассказать, как все было.

– Мафика! – повторил я.

Из глубины палатки слышалось недовольное бормотание.

«Плохо спал, бедняга», – подумал я.

Потом из палатки показалась голова хозяина. Слегка протирая глаза, он принялся уверять меня, что ничего не слышал – ни львов, ни моих криков, ни выстрела, ни то, как Джулия пробежала мимо его палатки.

«Сочиняет», – подумал я, но, не подав виду, что не верю, пожелал ему спокойной ночи. Возвращаясь к себе в палатку, я подумал, что только человек в коматозном состоянии мог все это проспять, ни на что не среагировав. Видно, сработал его кодекс поведения: осторожность – лучшая составляющая мужества.

Остаток ночи прошел без событий. Близнецы, как я обнаружил наутро, ушли в одном направлении, мои львы – в другом, на охоту. В эту ночь в долине им досталась импала.



Глава девятая

Охотники и преследуемые

Отличительные ошейники, которые я надел своим львам из-за конфликта, дали целый ряд выгод. В ошейник Фьюрейи был вмонтирован радиопередатчик, что позволяло мне быстро обнаруживать львов и наблюдать за их передвижением. С помощью радио я стал узнавать несравненно больше об их перемещениях и результатах охоты. Со временем благодаря радио мне удалось установить, что территория, контролируемая моими львами, достигла ста пятидесяти квадратных километров – обычная площадь, контролируемая львиным прайдом в Тули. Кроме того, я открыл, что мои львы добывают гораздо больше дичи, чем я изначально думал, иногда гораздо больше, чем, по моим расчетам, необходимо было им для пропитания. Я отнес это на счет того, что некоторые виды, на которых они охотились, в частности куду, были больными и добыть их было куда легче. Совершенно необязательно, чтобы они добывали преимущественно больных – я обнаружил, что в действительности они добывали самых различных животных в самом разном состоянии.

Так, за пятидневный период наблюдения за львами с помощью радио мне удалось установить, что они добыли одну взрослую самку куду, одну самку антилопы канна, одного бородавочника, одного взрослого самца антилопы канна и одного крупного быка из Зимбабве, который имел неосторожность несколько недель назад притащиться сюда для пастбы в долине, в восточной части территории, контролируемой моими львами.

После этой пятидневки я обнаружил, что Фьюрейя, охотясь в одиночку, завалила огромного самца антилопы канна. К тому времени ей было только 29

месяцев и весила она около 90-100 килограммов. Канны – самые крупные африканские антилопы, а самец, которого она добыла, был в самом соку и весил 700-800 килограммов, высотой же был в один и семь десятых метра. Я обнаружил ее около добытого ею гиганта; получив с края долины четко слышимый сигнал, я туда и отправился. Там я обнаружил Фьюрейю – она лежала на земле, тяжело дыша, в нескольких метрах от самца канна, которого завалила как раз перед моим приходом. Когда я приблизился; Фьюрейя вяло поднялась, поприветствовала меня, а затем снова плюхнулась на землю – она была явно измотана долгой борьбой с антилопой. Когда я подошел к ее добыче, она отнюдь не протестовала.

По следам на почве и на самой антилопе я смог вычислить, как это Фьюрейе удалось завалить животное в семь-восемь раз больше собственного веса. Львица застала его врасплох, когда он скакал к водопою – к речке, протекавшей по небольшой долине. Когда он подскочил к берегу, Фьюрейя тут же вцепилась ему в бок, и тут, судя по следам на земле, между ними началось великое побоище. В ходе битвы Фьюрейе удалось поменять позицию и схватить его за морду, так что нос и рот животного оказались зажатыми между ее челюстей. Смерть антилопы наступила от удушья. Судя по всему, Фьюрейя, отправившись на поиски кого-нибудь из Близнецов, отделилась от брата и сестры и вышла на антилопу одна. Впрочем, на следующий день брат и сестра отыскивали ее (при небольшой помощи с моей стороны) и присоединились к пиршеству. Фьюрейя, набившая себе брюхо до отказа, не протестовала.



В другом случае я обнаружил львов по радио на берегу реки Питсани. Они спокойно залегли на берегу, чего-то ожидая. Я подошел к ним и был удивлен тем, что они не встали меня поприветствовать. Тут я понял: они залегли треугольником вокруг старой норы земляного волка. Там, в глубине норы, наверняка что-то было. У меня не было ружья, потому что то, которое я брал с собой прежде, мне одолжили, а теперь пришлось его вернуть, так что я теперь патрулировал заповедник, вооруженный... одним копьём!

Взяв копьё на изготовку, я решил топнуть ногой возле отверстия. И тут же, как из пушки, оттуда вылетел крупный бородавочник. Фьюрейя прыгнула, и я был потрясен, как она поймала его прямо в воздухе – ее челюсти цепко впились в его тугую серую шкуру. Я, не раздумывая, тоже прыгнул вперед и вонзил копьё в грудь бородавочника, пытавшегося вырваться из цепких челюстей Фьюрейи: должно быть, во мне разыграл первобытный инстинкт хищника. После этого я отступил назад, а мое место заняли Батиан и Рафики. Я наблюдал за тем, как Фьюрейя поменяла позицию и вцепилась бородавочнику в глотку, силясь ее перегрызть. Так он и умер. Я ожидал, что львы при виде

загрызенного бородавочника кинутся на него и примутся за трапезу, соревнуясь друг с другом. Этого, однако, не произошло. Уважая преимущественное право рычащей Фьюрейи на добычу, Батиан и Рафики отошли в тень и стали наблюдать за ней. Она принялась терзать мягкие части тушки бородавочника, но позже, когда солнце стало нещадно палить, она тоже захотела уйти в тень. Тут Рафики метнулась к остаткам добычи и уволокла под куст мопана, но, поев немного, потеряла интерес и ушла. И то сказать, львы в то утро были уже сыты – они славно поохотились накануне ночью.

Теперь вся троица с наслаждением валялась в тени, я же пошел осмотреть бородавочника: у нас с Джулией давно не было свежего мяса, да в конце концов разве я не такой же полноправный член прайда, как и львы?! Вытащив нож, я принялся сдирать с тушки шкуру. Вы не поверите, что дальше было! Узрев мою возню около львиной добычи, Батиан поднял голову и взглянул на меня сонными глазами. Вдруг он вскочил, потянулся, зевнул и поскакал в мою сторону, не выражая, однако же, агрессивных намерений. Добавлю, что он достиг меня прежде, чем я успел отрезать хоть сколько-нибудь мяса. Я встал и принялся наблюдать за тем, как он, наклонив голову, схватил тушку, лежащую около моих ног, и медленно уволок туда, где отдыхали его сестрички. Спрятав отвоеванную добычу под кустами, он с довольным вздохом завалился на землю и закрыл глаза.

Улыбнувшись тому, чему стал свидетелем, я зашагал назад в лагерь. Когда в конце того же дня я вернулся на то же самое место, то, к своему удивлению, обнаружил, что от бородавочника остались хвостик да ножки. Прошло всего несколько часов, а львы, насытившиеся утром, успели проголодаться и с жадностью набросились на бородавочника. Нам же с Джулией на ужин пришлось опять есть консервы.

Снова наступил сезон летних дождей – время рождений. Когда берега рек опять покрылись высокой зеленой травой, оживленной дождем, появилось множество детенышей импалы. Эти крошки особенно часто становились добычей самых разнообразных хищников. Из поднебесья на них камнем падает степной орел; пятнистая гиена сперва вынюхивает их, а потом исподтишка нападает; гепард хватает их живьем и приносит детенышам, чтобы те учились их загрызать. Питоны, имеющие в пасти язык, буквально пробуют на вкус все вокруг себя, не обходя стороной, конечно, детенышей импалы; ну и, разумеется, львы не упускают случая поживиться легкой добычей – однажды утром я стал свидетелем того, как с такой крошкой расправилась Рафики.

Услышав зов Рафики к востоку от лагеря, я вышел и увидел, что она движется на юг. Я догнал ее, и мы пошли вместе. Только мы вышли в открытую местность, как Рафики остановилась и подняла голову; задрав уши, она прислушалась. Я посмотрел туда же и увидел шакала, носящегося кругами вокруг молодой импалы. Несколько раз он чуть было не поймал детеныша, начавшего отчаянно кричать. Было ясно, что матери нет рядом, иначе она или вожак стада откликнулись бы на крики, поспешили бы на помощь и отогнали шакала.

Детеныш был обречен, только причиной его гибели стал отнюдь не шакал. Рафики двинулась вперед и помчалась рысью. Я наблюдал за тем, как шакал, увидев несущуюся на него львицу, сам издал отчаянный вопль и, растеряв в доли секунды все свое шакалье достоинство, дал стрекача, не желая превращаться из охотника в преследуемого. Подбежав поближе, я увидел, как Рафики готовится к прыжку на детеныша

импалы, который явно выдохся и по-прежнему был в состоянии шока. Странное и не укладывающееся в голове зрелище – сильная львица против крошечного, беззащитного существа! В течение нескольких минут Рафики играла с еще живой добычей, как домашняя кошка с еще не удушенной мышью или птичкой. После этого, к моему облегчению, Рафики загрызла импалу и принялась завтракать.



Зрелище, как Рафики «играла» с беззащитным существом, всколыхнуло меня. Я, конечно, понимаю, что эта моя реакция может кому-то показаться странной – особенно после случая с бородавочником, когда я наравне со львами принимал участие в охоте. Размышляя над тем, как по-разному я реагировал на две различные ситуации, я понял, что в двух этих случаях источником моих эмоций явились два различных инстинкта. Когда львы охотятся на «взрослую» дичь, это в порядке вещей: дичь обречена умирать, чтобы хищники могли жить. Но такие случаи, как с детенышем импалы, у меня в голове не укладывались, если рассуждать уже по-человечески. Я несколько раз вмешивался в подобные истории – например, когда мои львы «играли» с детенышами павианов.

Один такой случай я запомнил четко. Однажды, гуляя со львами, мы застали врасплох большое стадо павианов. Те бросились врассыпную, но двое самых

крошечных отстали – видимо, запутавшись в ветках небольшого дерева. Львы окружили дерево, отрезав крошкам путь к отступлению. Стремясь убежать от наскоков львов, детеныши прыгали, дико крича, и на каждый крик стадо павианов отвечало взрывом лая. Более того, они стали приближаться к тому месту, где я находился вместе со львами.

Одного детеныша схватила Фьюрейя и тут же умертвила, а другого сшиб на землю Батиан и стал с ним играть. Наполовину выпустив когти, он дергал и цеплял его. Меня потрясли вопли и крики детеныша, равно как и протестующий против такого издевательства лай остальных членов семейства.

Держа в когтях детеныша, Батиан уставил окаменелый взгляд сперва на него, потом на меня; его взгляд преследовал меня. Допустить продолжения пытки я больше не мог. Шагнув к Батиану сбоку, я взял камень и прекратил муки жестоко изувеченного существа.

Батиан не ответил агрессивно, хоть я и нарушил правила, ввязавшись в его игру с добычей. Он просто обнюхивал детеныша, катая туда-сюда лапами по песку.

Мучения детеныша закончились. Я понимал, что большего я для него сделать не мог. Спасти его из когтей Батиана не представлялось возможным. Во-первых, это могло оказаться опасным, во-вторых, в действиях Батиана не было злого умысла. Это была инстинктивная реакция.

Впрочем, когда львы имеют дело с крупной добычей, они стараются умертвить ее как можно быстрее. Я открыл, что когда мои львы всем прайдом охотятся на крупную дичь (например, антилопу канна), они сперва обездвиживают ее «решающим укусом» в позвоночник, как раз позади лопаток. Осматривая раны, я всегда думал: если бы я не знал, что это львы,

наверняка счел бы, что крупнокалиберная пуля раздробила животному позвоночник. Эти «решающие укусы» наглядно показывают, какой мощью и силой обладают самые крупные кошачьи, хотя на практике они редко применяют всю силу и мощь.

* * *

К тому времени у нас уже сложилась хорошая антибраконьерская команда, во главе которой стал мой бывший помощник по лагерю Мафика Маньятса. Мафика и его команда делали важнейшую работу, патрулируя не только территорию, освоенную моими львами, но и смежные уголья. Они стали стражами земли и дикой фауны, которым в прошлом не уделялось должного внимания. Много было обезврежено проволочных капканов, устроено засад и задержано браконьеров. Мафика вел дневник, в который заносил все подвиги команды; в свою очередь, я использовал его дневник для разделов о браконьерстве в своих ежемесячных докладных записках в адрес Департамента национальных парков.

Однажды утром, когда я вышел в поход с нашим новым гвардейцем, чтобы показать ему долину, ведущую к реке Шаше – куда что-то зачастили браконьеры, – мы услышали далеко впереди себя львиный зов, и я заинтересовался. Пройдя еще несколько километров, мы остановились у густого кустарника, и наш новый боец отошел от меня на двести метров влево, чтобы посмотреть, нет ли там капканов. Вдруг до меня донеслось удивленное ворчание льва, и из кустов, куда только что вошел наш сотрудник, выскочил молодой самец и помчался позади меня широкими прыжками. Поскольку я наблюдал из-за могучего железного дерева, он меня не заметил. Когда

лев скрылся, я пошел искать коллегу и наткнулся на него, когда он выходил из кустов. Позвав его, я увидел, что он еще не оправился от шока. Еще бы: столкнуться нос к носу со львом на второй же день службы! Успокоив молодца, я расспросил его, как все было. Оказывается, когда он вошел в кусты проверить, нет ли там капканов, то натолкнулся на дремлющего льва. Зверь проснулся и... обратился в бегство. Так часто случается, когда львы видят внезапно появившегося в кустах человека.

Мы продолжили путь к лагерю, где планировали сделать кратковременную остановку. По пути я спросил парня, не заметил ли он на льве ошейника. Тот ответил, что нет. Я успел понять только то, что это молодой лев одного с Батианом возраста и размера, но он улепетывал с такой скоростью, что я не мог рассмотреть, есть на нем ошейник или нет.

Когда мы достигли лагеря, я все же не утерпел и решил один вернуться на то место, где мой новый друг спугнул льва: мне хотелось абсолютно удостовериться в том, что это был не Батиан. На месте я обнаружил на земле следы панического бегства. Двинувшись туда, куда они вели, я дошел до густых кустов и остановился, насторожившись.

Я подумал, что если бы львом, которого спугнул мой новый друг, оказался Батиан, то он ответил бы и высунулся из кустов. Я позвал: «Батиан, Батиан, выходи!» – и стал ждать.

Ответа не последовало.

Я снова позвал.

Ни звука.

Я начал чувствовать, что у меня едет крыша. Ведь мы с моим новым гвардейцем совершенно точно видели молодого льва. Я уже собрался было уходить, когда услышал тихое ворчание, и тут же голова Батиана комично высунулась из кустов. Я снова позвал его, и он

выполз из кустов, страшно нервничая и оглядывая все вокруг. Он искал взглядом, нет ли других человеческих существ. Потом с чувством преданности, смешанным с чувством облегчения, он кинулся ко мне с приветствием, а затем без усилия вскочил на высокий термитник, чтобы оглядеть местность и удостовериться, что источника страха, а именно человека, рядом нет. Хотя он был напуган, столкнувшись с моим гвардейцем, мне пришлось по душе его реакция: он отреагировал так, как в похожей ситуации отреагировал бы и дикий лев.

Но, помимо активных действий нашей антибраконьерской команды, другой антибраконьерской работы на всей остальной территории заповедника практически не велось. Трагедии с животными, попадавшими в капканы, случались снова и снова. Один из самых печальных случаев произошел с молодым жирафом в конце ноября.

Гиды из охотстанции Тули-сафари доложили мне, что неоднократно видели молодого жирафа с петлей, глубоко врезавшейся в нижнюю часть его шеи. Ему каким-то образом удалось порвать проволоку, которой капкан был привязан к дереву, и конец ее волочился за ним по земле. Капканы-то не выбирают жертву – по высоте он был поставлен на импалу или на куду. Каким-то образом жираф – животное, обычно не являющееся мишенью такой формы браконьерства, – оказался головой и шеей в петле: должно быть, когда объедал листья с нижних ветвей. Проволока сдавила ему шею, и от боли его охватила паника.

Я попросил моего друга-ветеринара из Южной Африки Эндрю Мак-Кензи приехать в Тули и попытаться освободить жирафа. К счастью, как раз в тот день, когда мой друг приехал, гидам по заповеднику удалось выследить животное, а отловить его было делом

техники: Эндрю выстрелил в него транквилизирующим зарядом, и он быстро затих.

Как только жираф оказался на земле, мы бросились к нему и подняли верхнюю часть туловища, при этом держа шею вертикально. Увидев, сколь серьезной была рана, мы пришли в ужас. Капкан содрал широкую полосу кожи, пока не врезался в шею животного. Петля была изготовлена не из одинарной, а из тройной проволоки, на которой можно буксировать автомобиль. Как это жирафу удалось порвать ее, невозможно было себе представить.

Несмотря на серьезность ранения, Эндрю выразил уверенность, что при соответствующем лечении у жирафа есть шанс полного выздоровления. Он снял петлю, промыл рану, посыпал антибиотиком, а также ввел жирафу инъекцию антибиотика и вещество, останавливающее действие транквилизатора. Животное тут же вскочило на ноги и убежало.

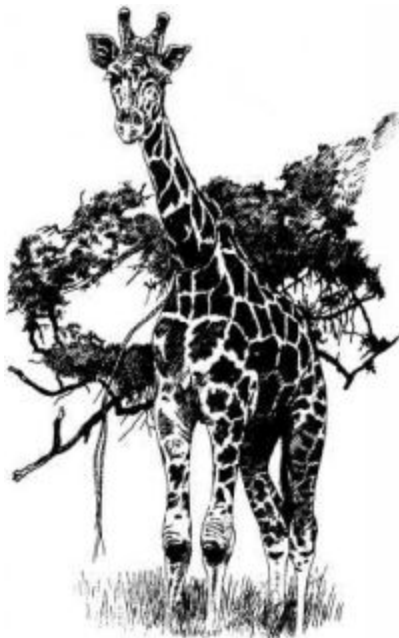
Время от времени я натыкался на этого жирафа в буше. Рана у него зажила хорошо, только шрам от врезавшейся в живую плоть браконьерской петли останется навсегда. Эндрю сказал, что, если бы мы не вылечили его, он прожил бы максимум шесть недель и умер от заражения крови.

* * *

Попавшийся в капкан жираф был не самым печальным случаем в нашей с Эндрю практике, когда мы вместе пытались помочь жертвам браконьерства. На столе, стоящем напротив того места, где я сижу, находится череп львицы. Он вызывает у меня в памяти самую грустную историю, связанную с браконьерской охотой на львов в Тули. Это история львицы, которую я

назвал Дженьесса. Это ее череп находится у меня на столе.

Дженьесса принадлежала к прайду Нижнего Маджале, во главе которого стоял Темный. Вскоре после того, как я впервые приехал в Тули в 1983 году в качестве тогда еще молодого гида, она попала в браконьерскую петлю. В это время она к тому же была беременной. Нам с коллегами удалось вызволить ее из петли, глубоко врезавшейся ей в шею. Она выздоровела и, когда подошел срок, родила троих детенышей. Десять месяцев спустя все трое погибли. Первый погиб во время конфликта между его матерью и самцом, второй умер от тяжелых ран, полученных во время того же инцидента, а третья – самочка – судя по всему, была покинута Дженьессой, ибо больше ее никто не видел.



Двадцать два месяца спустя Дженьесса угодила в старый проволочный капкан. Этот капкан был много времени назад сброшен на землю пасущимися слонами и, как и другие подобные капканы, давно забыт поставившими его браконьерами. Проволока обвила ей лапу, и несчастная, должно быть, боролась с капканом, как с живым существом, кусая не только проволоку, но

и собственную лапу. Работая и челюстями, львица как-то освободилась, но лапа, из которой хлестала кровь, была жестоко изувечена. Все четыре пальца были вырваны, лишь кости торчали из алеющего мяса с остатками истерзанной кожи и шкуры.

Я много дней искал Дженъессу, но однажды утром я увидел на песке четкие следы от изувеченной лапы. Двинувшись туда, куда они ведут, я обнаружил львицу у впадины, заполненной водой. Увидев меня, она медленно ушла.

Эндрю был штатным ветеринаром заповедника Тули, и когда я выследил Дженъессу, то вызвал его из машины по рации и кратко объяснил ситуацию. Эндрю и другие сотрудники заповедника не заставили себя ждать. Теперь нужно было поразить львицу наркотическим зарядом. Как только заряд достиг цели, львица, к потрясению моего друга и к моей радости, обратилась в бегство. Она бежала, несмотря на изувеченную лапу! Мое сердце исполнилось надеждой, что в результате надлежащего лечения и ухода она выживет.

Как только наркотик начал действовать, мы осмотрели львицу и принялись обсуждать ее дальнейшую судьбу. Один высказал мнение, что изувеченную лапу следует ампутировать, другой – что ей нужно давать лекарства, а там пусть решает природа: выживет – хорошо, а нет, так что ж. Наш руководитель предложил эвтаназию, но я категорически запротестовал.

... Но последнее слово все-таки осталось не за мной и не за Эндрю. От этого решения у меня по сей день тяжело на сердце. Я чувствовал, что, сколь бы серьезной ни была рана, надо было оставить животному шанс выжить. В большинстве ситуаций последнее слово следует оставлять за природой и не вмешиваться: и все же, если животное оказалось изувеченным по вине

человека, человек снова должен вмешаться и попытаться обеспечить выживание и выздоровление этого животного.

В тот день я уехал в лагерь, еще не зная, каковым будет окончательное решение, оставив львицу на попечение Эндрю и других сотрудников заповедника. Взглянув на львицу в последний раз, я почувствовал, что предаю ее. Позже я узнал, что было принято решение умертвить ее, – решение, в котором, как в зеркале, отразился конфликт человека с природой и, в конечном счете, с самим собой.

Эндрю произвел осмотр тела львицы. Было открыто, что кроме нескольких ребер, которые она сломала, когда впервые попала в капкан, у нее была тогда же сломана еще и шея. Порвалась связь между первым шейным позвонком и осью позвоночника. И несмотря на это, как ни странно, с течением времени все срослось. Открытие Эндрю показало, какие чудовищные раны могут выдерживать львы – и не только выдерживать, но и жить нормальной жизнью.

... Теперь ее череп глядит пустыми глазницами у меня со стола. Эта львица и ее судьба не забыты. Череп по-прежнему напоминает мне о необходимости вести нещадную борьбу с браконьерами, убеждать других в необходимости сострадания, которого так не хватает.

* * *

Однажды вечером в конце января 1991 года мы с Джулией сидели и мирно беседовали, когда вся наша троица, отсутствовавшая в течение нескольких дней, нагрянула вдруг, как с неба. Я вышел и выставил им бочку с водой; они с жадностью попили. Как обычно, они радостно поприветствовали меня; отталкивая друг друга, они тянулись ко мне за лаской.

Но во время приветственной церемонии я вдруг увидел, что из влагища у Рафики свисает большая, наполненная жидкостью мембрана. Поначалу я подумал, что она на ранней или средней стадии беременности и ей угрожает выкидыш. Я был крайне встревожен – ведь следствием выкидыша могла стать потеря крови или сепсис.

Иногда она принималась лизать выпавшую мембрану, но было похоже на то, что ничто больше не беспокоило ее. Она побежала за двумя остальными, растворившимися в сумерках. На следующее утро я вышел на ее поиски, но без успеха. Во второй половине дня я возобновил поиски и неожиданно нашел ее в одиночестве недалеко от лагеря: она просто-напросто вышла мне навстречу. Я тут же заметил, что больше не было следов ни свисающей мембраны, ни признаков кровотечения, и облегченно вздохнул. Она даже показалась мне необычно пышущей здоровьем, но неохотно шла за мной в лагерь – напротив, она явно звала меня за собой на одном только нам двоим понятном языке, состоящем из звуков и прыжков. Я пустился было в путь за ней, но солнце садилось, и я неохотно повернул назад, чтобы до темноты успеть в лагерь. Когда я вернулся, Батиан был уже там. Чуть позже подошла и Рафики. Она стала нам обоим подавать знаки, что зовет за собой.

В эту ночь Рафики и Батиан спали у самой ограды, в непосредственной близости от моей палатки. Мы с Джулией думали-гадали, что бы все это значило, но не пришли к единому мнению. Мы оба подозревали, что она выкинула, но не могли понять, почему она зовет за собой и меня, и Батиана.

Я проснулся спозаранку; только Рафики увидела меня, как принялась повторять свое вчерашнее приглашение на языке прыжков и звуков. Что ж, мы с Батианом тронулись в путь. Около часа мы шли за ней в

западном направлении. Каждый раз, когда мы отставали – в особенности когда Батиану хотелось прилечь и отдохнуть, а таковое желание у него возникало всякий раз, когда мы проходили мимо любой сколько-нибудь примечательной тени, – Рафики возвращалась назад и звала за собой. Она привела нас к западному плато и направилась там в густые кусты, растущие вдоль небольшой расщелины. За ней последовал Батиан, а потом я увидел, как она спрыгнула со скалы в кусты, спряталась там и принялась жалобно выть. Батиан поглядел туда, где она лежала, постоял немного и наконец лег рядом.

Теперь настал черед спускаться мне. Я взглянул в кусты и увидел, как Рафики, уютно свернувшись в своем укромном местечке, держала между лапами прекрасно сложенного, но неживого детеныша. Я подошел к ней на несколько футов, присел на корточки и разглядел детеныша. Его тельце было совершенно чистым, не было ни крови, ни помета, ни признаков других детенышей. Меня охватило странное смешение чувств – мне стало до смерти жаль Рафики, но я почувствовал облегчение, убедившись, что сама львица вполне здорова.



Чуть позже Рафики принялась поедать тельце своего детеныша, как обычно поступают львицы, у которых детеныши родились неживыми или умерли вскоре после появления на свет.

Час спустя я оставил Рафики в компании Батиана и, вернувшись в лагерь, поделился увиденным с Джулией. Мы принялись обсуждать, как мог погибнуть детеныш, и сошлись на том, что он родился неживой. Соски Рафики не набухли ни до, ни после родов, тогда как в нормальных условиях соски у львиц тяжелеют перед самым окотом. И то сказать, Рафики была еще слишком юна, чтобы производить потомство. Ей было всего тридцать месяцев от роду. Обычно первая беременность у львиц наступает примерно в возрасте сорока трех месяцев. Впрочем, заглянув в записи, мы нашли, что Джордж зафиксировал рождение двумя его львицами детенышей, когда им было соответственно тридцать семь и сорок один месяц.

Через восемь дней после родов у Рафики снова началась течка, и она сошлась с более крупным из львов-Близнецов. Я зафиксировал, что в этот период встречи происходили трижды: в конце января, в начале февраля и на третью неделю февраля.

Когда Рафики в последний раз ушла на свидание, я как-то утром выехал вслед за ней на машине. Отъехав на два километра к северу от лагеря, я услышал влюбленное рычание. Там, на обочине дороги, разделяющей Ботсвану и Зимбабве, я увидел одного из Близнецов, а позади него Рафики. Увидев, как Близнец припал к земле, я медленно приблизился, соблюдая при этом меры предосторожности, так как самцы иногда бывают агрессивны во время брачного периода. Повернув машину назад, я оставил обоих влюбленных.

Во второй половине того же дня я решил (как оказалось, весьма опрометчиво) вернуться туда. Я взял с собой Джулию, чтобы она засняла сцены ухаживания и

свидания. Я рассчитывал, что в такую жару Близнец едва ли будет агрессивен, если я буду держаться от парочки на почтительном расстоянии. Плохо же я знал этого грубияна! Что ж, хороший урок не помешает никогда.

Мы с Джулией засекли парочку возлежащей в густой тени как раз там, где я оставил их несколько часов назад. Я сбавил скорость своего открытого джипа где-то в восьмидесяти метрах от них и поставил машину так, чтобы Джулия могла четко обзирать сцену и начать съемку, если они начнут ласкаться. И что же? Не успел я заглушить мотор, как увидел, что Близнец угрожающе наклонил голову и затем поскакал в направлении машины. Я завел мотор и развернул машину так, что моя сторона оказалась к нему лицом. Он явно не шутил: он беззвучно неся на большой скорости. Все произошло в какое-то мгновение. Я понял, что мне ничего не остается, как погнать джип прямо на него, так как удрать не было никакой возможности.

Я нажал газ изо всех сил. Когда между нами оставалось каких-нибудь два метра, он отскочил в сторону, а затем забежал за машину. Я заорал на него не своим голосом и снова что есть силы нажал на газ. Когда я отъехал, он остановился, но я повернул голову назад в ожидании, что он погонится за нами. Вместо этого лев глядел в сторону Рафики, убежавшей легкой трусцой. Ее движение отвлекло его, и только это помогло нам с Джулией удрать.

Когда мы оказались вне опасности, Джулия повернулась ко мне и со странным спокойствием – по моему, неестественным для существа с горячей кровью – сказала:

– Гарет, ты же совсем поседел!

Я и в самом деле был потрясен случившимся. Наше желание заснять свидание Рафики с Близнецом могло стоить нам жизни. Я не сомневаюсь, что, если бы я в

отчаянии не погнал джип на Близнеца и если бы затем его не отвлекла Рафики, он запрыгнул бы в мой драндулет. Ну как тут было не поседеть?!

... Несколько недель спустя, когда я нашел Рафики к югу от «Таваны», я обратил внимание на ее шкуру. Возможно, что она снова была сукотной. К тому же она в этот период не искала встреч с Близнецами. Я был просто уверен, что она снова забеременела. Надо было проверить это.

В тот день, вернувшись в лагерь, я поделился своими размышлениями с Джулией. Вечером мы заглянули в наши записи, где было отмечено, когда Рафики в последний раз встречалась с самцом, и начали подсчитывать, когда следует ожидать окота. Период беременности у львов длится всего сто десять дней.

Прошло еще несколько дней, и, к моему полному удивлению, Джулия сказала мне, что тоже чувствует себя беременной!

На следующий день я планировал съездить в Понт-Дрифт для переговоров по телефону. Там, сидя в сарае, куда убрали вагончик канатной дороги, окруженный другими людьми, я позвонил своему другу-ветеринару Эндрю Мак-Кензи. Я хотел сообщить ему о начальной стадии беременности Рафики. За разговором я понял, что с ним можно проконсультироваться и по поводу возможной беременности Джулии: он был не только блестящим Айболитом, но и примерным отцом. Похоже, сначала он опешил, когда я стал рассказывать ему о наших подозрениях, но потом, посмеиваясь, сообщил, каких признаков мы должны ожидать. Разумеется, он консультировал меня не как ветеринар, а как образцовый папаша.

Еще через несколько дней в Джулии окрепла уверенность, что она носит под сердцем ребенка. Это, вкуче с беременностью Рафики, наполнило меня эмоциями, какие, должно быть, испытывают все

будущие отцы. Мы с Джулией не состояли в законном браке. И самое интересное – и, пожалуй, самое невероятное – было то, что возможная беременность Джулии не стала темой наших с ней разговоров. Во всяком случае я не припомню, чтобы кто-то из нас заводил об этом речь. Позже Джулия отправилась в Йоханнесбург на прием к врачу. Осмотрев ее, врач сказал, что все внешние признаки налицо.

Грудь Джулии стали больше; живот, обычно плоский, несколько выпятился. Потом, уже в «Таване», Джулия каждую ночь с гордостью показывала мне свой животик. Я тщательно осматривал его в пламени свечи и говорил, что он и впрямь сделался больше! Неужели у нас будет свой ребенок?! Джулия выглядела счастливее, чем когда-либо.

Но покупать приданое для новорожденного мы не решались: еще не было ясного ответа на вопрос, беременна Джулия или нет. Мы обсуждали наши предположения лишь с горсткой друзей из ботсванской части Тули, которые в прошлом так часто спрашивали, почему мы не заводим детей. Когда мы сообщили им о наших предположениях, у них на лицах заиграли широкие счастливые улыбки.

Мы решили показать Джулию врачу в Питерсбурге. В зале ожидания мы были как на иголках. Наконец вызвали Джулию, и мы вошли вместе. Я смотрел на экран монитора в ожидании, что сегодняшняя хитроумная техника все сама скажет. Доктор проводил осмотр, мы с Джулией не отрывали глаз от экрана, пытаясь угадать, что же вырисовывают эти загадочные формы. И вдруг врач объявил, что беременности у Джулии нет! Я спросил его, почему же тогда все внешние признаки были налицо, и он ответил, что речь идет о так называемой ложной беременности. Мы вышли от врача спокойные, но каждый из нас думал о своем.

На обратном пути мы стали обсуждать, было или не было случайным совпадением то, что у Джулии появились признаки беременности одновременно с беременностью Рафики. Да нет, конечно: мы были так взволнованы перспективой появления детенышей у львицы, что вечерами только об этом и говорили. Разумеется, наши волнения и эмоции нашли отклик и в организме Джулии.

Признаки беременности Джулии быстро сошли на нет. И все же эта странная ситуация заставила меня почувствовать, что мы сами еще недопонимаем, до какой степени переплелись наши и львиные жизни – видите, даже признаки беременности! Кто знает, может, я ошибаюсь. Но в любом случае странно, что и у Джулии, и у Рафики почти одновременно появились признаки ранней беременности.



Глава десятая

Охотников за бивнями – под суд!

Нельзя прожить жизнь в Африке, не проникнувшись нежной привязанностью к слонам. В конечном счете, их огромные стада – последний оставшийся среди нас символ свободы.

Ромейн Грей. «Корни рая»

Хотя наша книга посвящена прежде всего львам и нашим взаимоотношениям с ними, я чувствую, что мой рассказ был бы неполным, если бы я умолчал о том, чем больше всего славится Тули – своими замечательными стадами слонов, ставших как бы «серыми духами» земли Тули. В африканских слонах, с которыми мы с Джулией сталкивались почти ежедневно, пожалуй, даже больше, чем во львах, отразились проблемы дикой фауны по всему Африканскому континенту.

У слонов немало общего с человеком. Они, как и мы, – общественные животные, живут, как и мы, сплоченными семейными группами. Самки становятся половозрелыми примерно в том же возрасте, что и молодые женщины. У слонов, как и у людей, горячая привязанность и любовь к своим родным. Они плачут горючими, солеными слезами, если попадают в травмирующую ситуацию или в неволю. Они, как и мы, понимают, что такое смерть, и скорбят об умерших. Как мы ходим на кладбища помянуть усопших, так и они приходят туда, где почивают их сородичи, и трогают голые кости покойных.

Возрастание нашего понимания слонов, их житья-бытья помогает человеку осознать, что, в сущности, мы

не так-то уж и отличаемся от других форм животной жизни. Именно комплекс нашей человеческой неполноценности, а не доказанные факты внушили нам мысль о существовании огромного разрыва между тем, что есть животное начало, и тем, что есть человеческое.

В начале 1980-х годов, когда я попал впервые в Тули, самым болезненным вопросом здесь были периодические всплески браконьерской охоты за слоновой костью. Автомат «АК-47», в прошлом символ борьбы Африки за независимость, теперь стал символом террора. Этого оружия по-прежнему полно, и его легко достать из-под полы по сходной цене. «АК-47» сыграл роковую роль в судьбе слонов и многих других животных. По оценкам на конец 1970-х годов, число слонов на континенте доходило до одного миллиона двухсот пятидесяти тысяч. Теперь же их едва шестьсот пятьдесят тысяч.

Слоны Тули тоже гибли от «АК-47». Помню, когда в 1980-е годы я ходил с патрулем вдоль реки Питсани, мы нашли пять лишенных бивней погибших слонов с раскроенными черепами. От мертвых слонов тянулся едва заметный след браконьеров, но, пока я занимался расследованием, они успели уйти куда-то в глубь Зимбабве или затеряться среди скотоводческих ферм. Среди погибших слонов была беременная самка; во тьме ночи здесь всласть попиروвали гиены, и я увидел почти доношенного слоненка, истерзанного зубами хищников. Порой я становился свидетелем страшного зрелища, когда браконьерские пули только ранили слонов, и быстрая смерть была бы для них избавлением от мук.

Как – то утром, сопровождая по заповеднику группу гостей, я наткнулся на крупного самца. Его движения показались мне какими-то скованными, и я подъехал поближе выяснить, в чем дело. Оказалось, он был тяжело ранен браконьерскими пулями. Почуввав наше

присутствие, он явно хотел атаковать, но на его движения жалко было смотреть. Я поставил в известность инспекторов, но найти слона в этот день не смогли.

Два дня спустя я отыскал его в кустах. Он был мертв и уже истерзан хищниками. Мучения, которые выпали на его долю, не поддаются описанию.

... С тех пор вступил в силу международный запрет на торговлю слоновой костью, но тревоги борцов за охрану природы во многих странах юга Африки на этом не закончились. В голове у многих прочно засела идея «использования» дикой фауны. В национальном парке Крюгера, расположенном примерно в двухстах восьмидесяти километрах от Тули, по-прежнему практикуется «выбраковка», точнее, плановый забой слонов. По моему мнению – просто убийство. Жажда экономической выгоды плюс мысль о том, что численность слонов в национальном парке должна поддерживаться на «соразмерном» уровне, – и вот уже вертолеты гонят слонов целыми семьями на поля для отстрела. Находящиеся в страшном шоке животные собираются в оборонительные группы – слонят в середину, взрослых вокруг, – и тут по ним стреляют лекарством, расслабляющим мышцы. Иногда детенышей щадят, но эта милость страшнее смерти. Ведь на глазах детенышей люди расстреливают пулями их матерей, братьев и сестер, которые видят и понимают все, но не могут спастись, потому что наркотик парализовал им мышцы. Кто в этой ситуации больший зверь – человек или животное, – уж вы решайте сами.

Потом детенышей увозят для продажи. До самого недавнего времени их продавали циркам и зоопаркам, то есть обрекали на пожизненное заключение. Теперь, правда, вошла в практику продажа их другим заповедникам – «для восполнения поголовья». Но и это

– дополнительная травма для детенышей, только что переживших бойню на кровавых полях. В результате они делаются крайне пугливыми – едва заслышав шум машины, они удирают прочь и, как правило, уходят жить в самые недоступные для человека уголки заповедника. Это все равно как взять человеческих детей, на глазах которых расстреляли родителей, и отвезти жить туда, где не будет ни заботы, ни защиты, ни ласки взрослых... Душевные раны при этом такие, что затянутся не скоро. Между прочим, в заповеднике Крюгера было случайно открыто, что в результате плановых «выбраковок» самки начинают приносить детенышей в более молодом возрасте – как бы стремясь восполнить убыль...



Знаменитая «приемная мама» осиротевших слонят и детенышей носорогов Дафна Шелдрик, которая впервые успешно принялась выкармливать осиротевших вскоре после рождения слонят и детенышей носорогов, научила меня (как в устной форме, так и по переписке), что необходимо детенышам. Подвиг Дафны и ее кенийских коллег наглядно показал, что в крупных заповедниках слоны – это не «живые бульдозеры», как их описывают некоторые – мол, сметают все на своем пути и разрушают среду обитания, – а подобны «стражам Эдема».

В течение уже свыше сорока лет в огромном национальном парке Цаво Дафна и ее коллеги

наблюдают за воспроизводством и восстановлением поголовья слонов в дикой природе. Примерно раз в сотню или более лет природа естественным образом регулирует численность слонов – наступающая засуха вызывает естественную убыль слонов. Слоны держатся около берегов рек и, естественно, не могут обеспечить себя достаточным кормом. Дафна рассказывала мне, как они, слабея, все больше спят и однажды не просыпаются. С засухой, случающейся примерно раз в сто или более лет, изменяется и среда обитания. Потом травяной покров восстанавливается – а благодаря уцелевшим слонам восстанавливается и растительный мир: проходя через кишечник слона, семена деревьев прорастают, падают на землю вместе с навозом, – и здесь за дело принимаются навозные жуки: они закапывают в землю семена вместе со своими личинками. Таким образом, сотни тонн навоза попадают в землю, удобряя ее. Природа никогда не бывает безрассудна.

Вернемся к слонам Тули – вопрос «браковать или не браковать» часто обсуждается в кругах землевладельцев. К счастью, международный запрет на торговлю слоновой костью устранил финансовую мотивацию «выбраковки» слонов Тули, а «оправдание», с экологической точки зрения, самоустраняется, если поверить в философию Дафны Шелдрик. Как я уже упоминал, она открыла мне глаза и просветила насчет потребностей детенышей слонов. Это стало частью моей общей «переподготовки». Поскольку я долго работал в условиях юга Африки, мне внушали, что «манипулирование» дикой природой – вещь нужная и необходимая. А когда есть только одно мнение и нет возможности выслушать другую сторону, поневоле поверишь. А Дафна Шелдрик открыла глаза на многое.

В настоящее время слоны Тули осваивают куда большую территорию, нежели заповедники на

территории Ботсваны и Зимбабве общей площадью 1200 км², – идет реколонизация ими территорий, где когда-то жили их предки и откуда они, преследуемые людьми, уходили в Тули. Инспекции слоновьих стад с воздуха, проводимые в последние десять лет, показали, что за это время число слонов на ботсванской части территории Тули не возросло, а держится постоянно на уровне около шестисот пятидесяти.

Другое указание на симбиоз слонов с окружающей средой Тули был открыт моим другом Крайзом Стайлсом. Крайз побывал в «Таване», когда работал над магистерской диссертацией – он изучал различные аспекты влияния крупных животных на растительность. У некоторых людей при виде сломанного или ободранного дерева возникает одна мысль: слоны виноваты. Отсюда – «слишком много слонов», «пора отстреливать»! Крайз пошел дальше этих рассуждений, и ему многое открылось. Например, в Тули есть большие территории, где происходит задержка роста деревьев мопана. В этом обвиняли «разрушительное влияние слонов». Крайз открыл, что и антилопа канна также повинна в низкорослости деревьев мопана. Они просто объедают их сверху, так что они никогда не вырастают до высокого уровня и выглядят как стриженная живая изгородь. Более того – в этом, оказывается, заключен не негативный, а позитивный смысл. Крайз открыл, что в конце зимы, как раз перед зимними дождями, когда земля находится в самом бедственном положении, эти «укороченные» деревья неожиданно покрываются листвой гораздо раньше, чем высокие деревья мопана, – а это богатый и доступный источник корма для истощавших за зиму листоядных.

Будущее слонов Тули так же неопределенно, как и во всей остальной Африке. Нет гарантий, что вновь не возобладает идея выбраковки, да и вспышки браконьерства можно ожидать в любое время.

Поскольку во всех частных заповедниках Тули отсутствует штатная антибраконьерская работа (только в заповеднике Чартер основанная нами команда регулярно патрулирует большую территорию), слоны в Тули находятся под угрозой. Правда, к счастью, в заповеднике расквартирована бригада Сил обороны Ботсваны – в случае появления браконьеров она может быть усилена самолетом-разведчиком.

И наконец еще один сюжет о браконьерстве. Вот что мне рассказали о страшном случае, происшедшем всего несколько месяцев назад.

Туристы, находившиеся в лагере, почувствовали сильный запах тлена. Источник запаха оказался на некотором расстоянии от лагеря – это был огромный слон-самец, возможно, самый крупный во всем регионе. Он страдал от невыносимой боли. Держа хоботом ветку дерева мопана, он постоянно чесал ею свою громадную голову. Его голова гноилась от абсцесса, в ней уже кишели черви. Слона пришлось пристрелить, и при исследовании оказалось, что причиной его страданий были браконьерские пули – попавшие в голову, но не дошедшие до мозга.

Я боюсь за будущее слонов Тули. Если браконьерская охота за костью примет организованный характер, то из-за легкой досягаемости этой территории много их будет перебито, прежде чем удастся навести должный порядок.



Глава одиннадцатая

И вот настало время слез

...У Природы, чьи сладкие дожди одинаково падают на праведника и на грешника, всегда найдутся расщелины в скалах, где я смогу спрятаться, тайные долины, в тиши которых я смогу поплакать и не буду никем потревожен. Она навесит надо мною звездную ночь, чтобы я мог под покровом тьмы уйти, но не споткнуться на дороге, освещаемой луной. Она найдет ветер, который занесет мои следы, чтобы никто не смог найти меня и причинить мне боль.

Оскар Уайльд

К маю 1991 года у нас с Джулией были все основания гордиться результатами наших усилий как в львиной программе, так и в работе по заповеднику в целом. В первые пять месяцев года финансируемая и обученная нами антибраконьерская команда обезвредила свыше 5900 ловушек и капканов, немало и самих браконьеров было арестовано и передано в руки полиции. В свою очередь, численность львов в Тули достигла новой вершины: если восемнадцать месяцев назад в Тули было всего двадцать пять львов, то к маю 1991 года, по моим оценкам, их число возросло до сорока трех, включая детенышей.

К этому времени Рафики и Фьюрейя полностью достигли независимости, были счастливы, и обе носили детенышей. Батиан, превратившийся в прекрасного златогривого принца, регулярно уматывал на север, на

зимбабвийскую территорию Тули: он наконец нашел себе подругу. Возвращаясь с амурных походов, усталый, но довольный Батиан особенно сердечно приветствовал меня, терся желто-коричневой головой и сладко ворчал от удовольствия. Глядя на царапины, оставленные его нежной подругой, я улыбался.

Сцена ухаживания у львов начинается с резкого отпора со стороны самки, которое в дальнейшем сочетается с ярко выраженным флиртом. Молодой и, возможно, особенно жаждущий любовных утех Батиан получал когтистой лапой куда больше, чем можно было бы ожидать от львицы. Но ни удары, ни царапины, наносимые возлюбленной, по-видимому, не беспокоили его.

В общем, у нас с Джулией началась блаженная пора среди дикой природы Тули. Но недолго продолжались эти денечки: черное облако, принесшее скорбь и смерть, затмило их.

Первый удар настиг нас однажды ранним утром в конце мая. Когда небо окрасилось в оранжевый цвет и солнце вот-вот должно было показаться из-за горизонта, я услышал с востока грозное рычание дерущихся львов. Сначала я подумал, что это наша троица решила пошуметь из-за добычи: пошумят и успокоятся. Тем не менее скандал продолжался, становясь все более глубоким и напряженным. В львином реве слышались ярость, отчаяние и чувство опасности. Я схватил ружье и со всех ног кинулся туда, откуда доносились зловещие звуки. До меня долетел еле слышный голос Джулии, призывавший меня быть осторожнее. Я ничего и слышать не хотел: мне страшнее всего было за львов.

Едва я достиг берега реки, протекавшей где-то в двух сотнях ярдов от лагеря, мне навстречу бросились две золотые фигуры – это были мои львицы. У обеих были окровавленные морды и набитые до отказа

животы – значит, они только что отобедали. Не забуду, как я – преждевременно! – вздохнул с облегчением, когда они стали взволнованно об меня тереться. «С ними все в порядке», – подумал я тогда.



Пока львицы терлись об меня, мои мысли вернулись к Батиану. Словно угадав, о чем я думаю, Рафики и Фьюрейя закончили свои приветствия и пошли в том направлении, откуда пришли. Я в тот момент не понял, что обе сестрички ведут меня туда, где лежал их израненный брат.

Я последовал за львицами и несколько минут спустя увидел впереди себя среди низкорослых мопановых деревьев трех шакалов. Как ни странно, львицы принялись ходить кругами вокруг того места, где, как я думал, лежала их добыча. Львицы повели меня в холмы, когда с южной стороны до меня издалека донеслось ворчание двух львов. Услышав эти звуки, Фьюрейя и Рафики остановились, прислушались, а затем бросились в северном направлении. Я не стал следовать за ними. Я был уверен, что только что произошла схватка между моими львами и теми, что забрели в самую глубь их территории. В душу мою закралось подозрение, что Батиан попал в переделку и потом ушел именно туда, где я видел шакалов и где осторожно ходили кругами львицы.



Я вернулся на старое место и снова увидел ошивавшихся там шакалов. При моем появлении они дали деру. И тут я увидел льва. Он лежал на земле в тридцати метрах, с приподнятой головой, но незрячими глазами.

Я остановился, ошарашенный, думая об одном: только бы не самое худшее! Но увы, это был Батиан. Его рассудок был помутнен, а черты искажены тяжелейшим шоком и физическим увечьем. Я вошел в тень, где лежал мой лев, мой Батиан, склонил перед ним колени, нежно зовя по имени, глядя по голове, – и разрыдался! Сквозь слезы я видел, сколь чудовищны были раны. Хвост у него был откушен и валялся невдалеке на каменистой почве. От него остался только кровоточащий огрызок в восемь дюймов, весь покрытый глубокими следами зубов.

Я аккуратно откинул Батианову гриву и увидел на задней стороне шеи следы от глубоко вонзавшихся в нее клыков, оставивших месиво из оголенных рваных мышц. Его желто-коричневое тело было исполосовано длинными кровоточащими порезами, косыми ранами.

Вскоре я понял, что произошло. Мои львы, поедая добычу, были застигнуты врасплох двумя молодыми самцами. Львицы удрали, а Батиан – один против двоих – сцепился в непродолжительной, но яростной схватке. Потом он инстинктивно отступил перед превосходящими силами противника, чтобы защититься от смертоносного укуса в нижнюю часть позвоночника,

который, очевидно, намеревались нанести ему нападавшие. В этой короткой схватке Батиан явил невероятное мужество, свидетельством чему был хотя бы тот факт, что он вышел из борьбы живым. Но, вступив в схватку один против двоих противников, каждый из которых был равным ему по силе, он обрек себя на тяжкие увечья.

Львы, атаковавшие Батиана, быстро вернулись на юг, откуда пришли, – возможно, их смутило мое появление, а возможно, они просто неуверенно чувствовали себя на чужой территории. Это их короткие позывные тогда донеслись до меня из долины. Против ожидаемого, они больше никогда не углублялись на территорию, освоенную моими львами, – это доказывает, что причиной инцидента явились не территориальные споры, а просто жестокость природы.

Я долго сидел около Батиана, пытаюсь его успокоить и собираюсь с мыслями, потом встал и помчался в лагерь. Джулия хлопотала по кухне. Сбиваясь, я поведал ей обо всем, что произошло, и слезы снова застлали мне глаза. Не забуду, как я сказал ей в отчаянии:

– Боюсь, что он умрет.

Но в самую злую из горьких минут судьба повернулась нам навстречу. Мой друг-ветеринар Эндрю Мак-Кензи оказался в это время в лагере, с которым у нас была радиосвязь. Пока Джулия вызывала Эндрю на помощь, я сунул в мешок миску и канистру с водой и со всех ног поспешил назад к Батиану. Эндрю немедленно отозвался и сообщил, что скоро будет у нас и захватит все необходимые антибиотики.

Когда я вернулся к Батиану, я попытался уговорить его попить, но безуспешно. Впрочем, его глаза выглядели не столь уж остекленевшими, и я почувствовал, что, хотя он все еще находился в шоке, он понял, что я рядом.

Потом, услышав, как к лагерю подъехала машина, я бросился туда встретить Эндрю. Когда я вкратце рассказал ему, что за раны получил Батиан, его лицо нахмурилось. Эндрю и Джулия сели в наш пикап, а я шел пешком, показывая дорогу к Батиану.

Сначала Эндрю изучил состояние Батиана в бинокль. Он приготовил шприц с дозой антибиотиков и сообщил Джулии, что усыпить и отвезти его в безопасное место, то есть в загон в лагере, будет небезопасно. При таком шоке применение наркотика окажется фатальным.

Эндрю вручил мне шприц, и я медленным шагом направился к Батиану. Ласково разговаривая с ним, я ввел ему большую дозу антибиотиков; похоже, он и не почувствовал иглу. Кроме того, я посыпал антибиотиком раны на его шее и обрубок хвоста. Потом я натянул над ним старую палатку, чтобы создать густую тень и тем самым предохранить его организм от обезвоживания под палящими лучами солнца. Покончив с этим, я стал уговаривать Батиана попить: конец, если его организм окажется обезвоженным. Я поставил ему миску у самой пасти, и он чуть-чуть полакал. Чтобы ему было хоть чуть попрохладнее, я побрызгал водой ему на голову и на тело, мягко поглаживая шерсть, чтобы вода растеклась по шерсти и по шкуре.

Во второй половине дня Батиан, несмотря на увечья, показал, что дух его не сломлен. Он встал, подрагивая, на свои некогда сильные лапы и проковылял несколько шагов к ближайшим мопановым кустам. Но там он рухнул на землю, тяжело дыша – должно быть, от страшной боли.

Эндрю сказал мне и Джулии, что он вернется через несколько дней, чтобы ввести Батиану транквилизатор – это даст возможность доставить его в лагерь и прооперировать. Но сначала нужно, чтобы Батиан вышел из состояния шока.

В этот вечер я отправился к Батиану дежурить около него. Я боялся, что беспомощный зверь привлечет внимание гиен или что вернутся эти два молодца. Когда спустилась ночь, я зажег бензиновую лампочку, которую поставил невдалеке от себя, чтобы мне было видно Батиана. В эту ночь я неоднократно предлагал моему истерзанному другу попить из пластмассовой миски. Ни львы, ни хохочущие стаи гиен не появлялись, только стадо слонов немного побеспокоило меня во мраке ночи. Я услышал совершенно внезапно, как это часто бывает, что они вокруг меня обрывают листья с деревьев мопана невидимыми хоботами, переговариваясь резонирующими в воздухе звуками. Слоны подошли неслышно и стали кормиться неподалеку от того места, где находился я. Я сидел тише воды ниже травы, и у меня отлегло от сердца, когда стадо столь же неслышно ушло прочь. Если бы они почуяли наш запах и напали, нас с Батианом ничто не спасло бы. К счастью, стадо вскоре снялось с места, и я стал поклевывать носом.

Когда занялась заря, я оставил Батиана и вернулся в лагерь. Джулии пришлось провести ночь одной, но это не беспокоило ее: все мысли ее были со мной и Батианом, находившимися посреди дикой природы.

Позже Джулия отправилась в Понт-Дрифт, а оттуда в городок Оллдейз, чтобы закупить мяса для Батиана и кое-каких припасов для нас. Я же провел день подле Батиана, который успокаивался все больше и больше и хоть иногда лакал из миски.

Во второй половине дня, побыв немного с Джулией, вернувшейся из шестичасовой поездки, я попытался уговорить Батиана поесть мяса, но он не проявил к этому ни малейшего интереса. Я заметил собирающихся на окружающих кустах крупных зеленых мух с металлическим отливом и содрогнулся. Эти мухи откладывают яйца в открытые раны и в гнилое мясо.

Яйца быстро превращаются в алчных личинок, которые устраивают пиршество и в результате достигают полудюйма в длину. Я осмотрел Батиана и обнаружил кладки желтых яиц возле круглых порезов в области шеи и в других местах. Я принялся вычищать яйца, но некоторые прочно засели в Батиановой гриве.

Спустилась ночь, и я сел рядом с Батианом поговорить с ним, чтобы утешить. Я говорил ему о стольких страницах своей жизни, которые разделил с ним. Я нежно шептал ему, сколько подвигов он совершил, прежде чем стал прекрасным принцем; о том, как мы с ним ходили на север и как я слушал его зов, растекающийся по долинам «Таваны» и Питсани; о том, как наши патрули оберегают его владения, его земли. Потом я ненадолго уснул; проснувшись около двух ночи, засветил фонарь, чтобы осмотреть Батиана. Направив свет на его тело, я, к своему ужасу, обнаружил множество белых личинок, копошащихся в его ранах. Зрелище было отталкивающим. У меня в мешке был бренди, и я понемногу обработал им каждую рану. Затем с помощью ножа принялся вычищать личинок, но успех оказался лишь частичным: многие остались глубоко в ранах.

На следующее утро Джулия снова пустилась в шестичасовую поездку в поисках лекарства против заражения личинками. Накануне ночью Рафики, которая была уже на сносях, пришла в лагерь и утром еще находилась поблизости. Когда Джулия уехала, я повел львицу туда, где находился ее брат, с надеждой, что, увидев сестру, Батиан хоть чуточку воспрянет духом. Но, увидев братца, Рафики занервничала. Он не только изменился внешне, но и утратил способность изъясняться языком движений. Из-за этого Рафики оказалась насторожена и немного порывивала. Потом она легла и уставилась на меня, когда я уселся рядом с Батианом.

Поездка Джулии увенчалась успехом – она привезла отличный порошок от личинок. Я посыпал этим серым снадобьем раны Батиана, и тут же личинки стали выпадать, извиваясь в Батиановой шкуре, прежде чем упасть на землю. Но перед тем, как я привел снадобье в действие, Батиан смог встать и даже попробовал потянуться всем своим ноющим телом. Затем он лег и принялся облизывать раны – все признаки, что шок проходит.

Этой ночью я снова уговаривал его попить и с помощью шприца впрыскивал ему в рот смесь репаративного раствора с водой. На заре он полакал немного воды и даже поел печенки, сердца и почек. Весь следующий день я вливал ему в рот регидрационный раствор. Чаще всего он проглатывал жидкость, но когда он слабел, жидкость вытекала из пасти и образовывала влажные круги вокруг того места, где лежал его подбородок.

Эндрю должен был вернуться на следующий день, и мы с Батианом провели последнюю ночь вместе. Я хотел только одного – чтобы быстрее текли ночные часы, но утро все никак не хотело наступать. Я так волновался за Батиана, что у меня стали сдавать нервы.

Мое нетерпение явилось отчасти результатом усталости и волнения, но в большей степени виной тому был страх потерять Батиана. Он был мне как сын-первенец.

Согласно инструкциям, полученным от Эндрю, когда заря наконец взошла, я не предпринимал попыток кормить Батиана до тех пор, пока ему не будет введен транквилизатор. Эндрю прибыл в наш лагерь в компании Фила Хана, фотографа дикой фауны, который должен был выступить в роли ассистента. Обменявшись приветствиями, мы выехали на нашем пикапе к Батиану. Эндрю снова вручил мне шприц, на этот раз наполненный транквилизатором, и я сделал Батиану

укол. Тот впал в глубокое бессознательное состояние. По моему сигналу Эндрю подал машину. Мы перекатали зверя на расстеленное одеяло; каждый из нас взялся за угол, и мы, хоть и не без труда, но погрузили его в кузов и вернулись в лагерь.

Эндрю пробурчал, что состояние хвоста Батиана крайне тяжелое. Но глаза страшатся, а руки делают – в течение двух с половиной часов Эндрю оперировал Батиана в кузове нашего пикапа. Многие из того, что еще оставалось от Батианова хвоста, пришлось ампутировать: он был гангренозным. Очевидно, Эндрю не хотел тешить меня ложной надеждой. Я знал, что состояние Батиана критическое, и Эндрю откровенно заявил мне об этом, добавив, впрочем, что он делает все возможное. Три литра раствора глюкозы было влито в моего вконец обезвоженного льва, и я желал, чтобы каждая капля придала ему сил. Удалив два позвонка Батианова хвоста, Эндрю тщательно зашил рану и занялся остальными.

Эндрю трудился напряженно и кропотливо. Чем дальше, тем он больше хмурил брови, что меня крайне беспокоило – я чувствовал, что это могло означать. Когда работа была полностью окончена, мы отнесли Батиана в тот же самый загон, где он вместе с сестричками, подрастая, резвился полтора года назад, и оставили отходить от действия наркотика. После операции я почувствовал больше оптимизма. У меня была колоссальная вера в Батианово мужество и желание выжить.

На следующее утро глазам Эндрю предстало зрелище, которого, я чувствую, он не забудет никогда. Я спозаранку вошел в загон и позвал Батиана. К нашему изумлению, этот отважный, закаленный в боях бесхвостый лев поднялся и, хотя лапы у него дрожали, все же вдохновенно шагнул навстречу и поприветствовал. Я увидел за оградой загона реакцию

Эндрю и Джулии, наблюдавших за сценой. У Джулии, не говоря уже об Эндрю, лицо сияло от счастья, как и у меня.

Я обнял своего истерзанного друга; он же, со сгорбившейся спиной, несмотря на ноющее тело, направился туда, где у него всегда стояла миска с водой, и принялся с жадностью пить. Затем он впервые с начала кризиса по-настоящему поел мяса. Так повторилось и на следующий день, и даже ночью он отыскал приготовленный для него кусок мяса – я специально повесил его для Батиана, так что в эту ночь он впервые отыскал мясо самостоятельно.



Однако на третий день после операции его состояние ухудшилось. Сиявшая в нем яркая искра жизни померкла. Он почти не пил и совсем отказался от еды. Даже появление Рафики в тот вечер у дверей загона не слишком-то подняло его дух. В отчаянии, чтобы как-то поддержать Батиана, я смешал в миске шесть яиц и влил ему в рот, памятуя, что он, будучи детенышем, почему-то обожал яйца. К моему изумлению и облегчению, он принялся жадно лакать и быстро покончил с содержимым миски. Я отдал ему все яйца, что у нас были, а на следующий день Джулия снова пустилась в шестичасовую поездку – за яйцами.

В эту ночь Рафики снова появилась в лагере. Попив воды, она кратенько поприветствовала меня и тут же умчалась, дав понять, что следовать за ней не нужно. В эту прохладную ночь она родила четырех детенышей. Я не видел ее еще четыре дня: она с малышами укрылась

в тщательно подобранном месте менее чем в двух километрах от «Таваны».

За эти дни здоровье Батиана значительно улучшилось. Ночью он слопал почти все мясо, что я положил на одеяло, которое я постелил для него после операции. Рождение детенышей у Рафики и улучшающееся самочувствие Батиана – все это несло нам надежду.

Рафики не появлялась в нашем лагере в общей сложности пять дней. Но вот утром я услышал, как лев пьет из миски. Поначалу я подумал, что это Батиан – у него уже не было необходимости оставаться в загоне, и он мог отходить на короткие расстояния от лагеря. Выйдя на звон миски и плеск воды, я увидел Рафики – похудевшую, с сосцами, отягощенными молоком!

Я тут же вышел к ней и поначалу удивился, что она очень кратко поприветствовала меня, а затем быстро помчалась на север. Чуть позже она остановилась, обернулась, посмотрела на меня и вновь поприветствовала – на этот раз от всего сердца, как всегда. После приветственной церемонии она не возражала, чтобы я последовал за ней посмотреть малышей. Пока мы шли в северном направлении, она время от времени останавливалась и оглядывалась, позволяя себя догнать. Но когда мы дошли до пересохшего русла, она затерялась где-то в зеленых и желто-коричневых прибрежных зарослях.

Осмотревшись, я тихонько позвал ее по имени и услышал с правой стороны, как она мне тихонько отвечает. Рафики была там, на дне ямы, под защитой колючего кустарника. Я спустился к ней, сел рядом и застыл в восхищении: она показала мне изящно сложенного, очаровательного львенка.

Я не задержался у нее долго и, исполненный волнения и гордости, вернулся к Джулии и все рассказал. Мы оба не смогли сдержать слез – как долго

мы ждали этого момента, момента одной радости на двоих! Позже я вернулся к Рафики и, тихо усевшись наблюдать, увидел еще двоих детенышей, глаза которых были плотно, закрыты. Рафики, сидевшая с ними рядом, была само совершенство.

Вот отрывок из моего дневника – строки, записанные в этот особый для меня день, когда я был на вершине блаженства: «Кому еще достанется привилегия сидеть на берегу реки и без страха, но с гордостью наблюдать за львицей и ее детенышами. И какое невероятное чувство охватывает меня, когда Рафики, оставив своих детенышей, бежит приветствовать меня. В этом – какое-то волшебное переплетение наших жизней».

Когда на следующий день я пошел навестить Рафики, то увидел, что на самом деле детенышей было четверо, но один был неживой. Я наблюдал за тем, как Рафики постоянно лизала его крапчатую спинку и маленькое белое брюшко. Должно быть, этим она думала воскресить его.

Я помню, как пятью месяцами ранее, родив неживого детеныша, она съела его. Впрочем, сначала она повела меня и Батиана к тому месту, где он родился. Вспомнив об этом, я ожидал, что Рафики сегодня же съест и этого, но ошибся. Вечером, когда я покинул ее, она по-прежнему лизала ему тельце. Я принялся думать, что запах привлечет к месту, где у нее лежали детеныши, других хищников, и в первую очередь леопарда. Если леопард учует оставленных без внимания детенышей, то он их всех слопаёт. На завтра, едва забрезжило утро, я поспешил к Рафики и ее детенышам. Когда я приблизился к руслу и уже хотел спускаться, я услышал справа над собой странный звук. С соседнего дерева прыгнул небольшой леопард. Едва коснувшись земли, он прыгнул через высохшее русло и исчез, словно вспышка молнии.

Я испугался, не случилось ли самого худшего: близость леопарда к месту рождения львят предвещала беду. Я пошел быстрым шагом к устроенному Рафики материнскому гнездышку, опасаясь больше не увидеть там детенышей. Но какова была моя радость, когда я увидел там Рафики и неуклюже цеплявшееся за нее потомство. Я уселся рядом и увидел, что мертвого детеныша она по-прежнему держит в лапах. Потом она встала, потянулась всем своим затекшим телом и вышла мне навстречу. Вернувшись, она опять стала лизать мертвого детеныша.

Час спустя она все-таки принялась его пожирать. Зрелище было хоть и печальным, но вполне естественным. Детеныш был частью Рафики – он возрос внутри нее, и, съев его, она возвратила затраченные на него соки. Кроме того, она предотвратила появление хищников, которых мог бы привлечь запах тлена.

Хотя от мертвого львенка не осталось и следа, я по-прежнему боялся возвращения увиденного мной леопарда. Было ли случайным его появление, или же он нашел материнское гнездышко Рафики по запаху мертвого львенка? Что, если он вернется и будет терпеливо ждать, пока Рафики отлучится на охоту, чтобы полакомиться беззащитными существами?! К счастью, опасный зверь больше не возвращался, а львята подрастали не по дням, а по часам.

В это время Батиан после операции поправлялся и становился сильнее. Впрочем, раны на задней части шеи по-прежнему гноились, и каждый день я их дезинфицировал. Но никто так не способствовал их заживлению, как сам Батиан. Он часами лежал на спине белым пузом кверху, комично раскинув задние лапы по обе стороны. Я чувствовал, что он знает, что эта поза благотворно подействует на исцеление его шеи, так как гнойная жидкость сама будет вытекать. Хотя аппетит у Батиана существенно улучшился, я по-прежнему давал

ему ежедневно болтушку из девяти яиц, и он вылизывал ее из миски, которую я держал под его белым подбородком.

Однажды вечером, после того, как я выдал Батиану порцию этого целительного лакомства, в лагере появилась Фьюрейя – она еще не разродилась и была по-прежнему на сносях. Она с энтузиазмом приветствовала меня, но на Батиана взглянула по-иному. К счастью, ему удалось разогнуться из неподвижного, скрюченного положения и приковылять к любимой сестре. Но как только он шагнул вперед, она припала к земле, шипя и обнажив свои могучие клыки. Ясное дело, причиной такой реакции Фьюрейи была изменившаяся внешность Батиана и невозможность прежнего поведения. Но Батиан двигался ей навстречу. Фьюрейя зашипела сильнее. Я отошел назад, и она тоже ретировалась и прижалась ко мне. Это был напряженный момент. Я попытался было успокоить Фьюрейю, чтобы она, чего доброго, не бросилась на своего и так покалеченного братца, но как раз в этот момент я услышал шум подъезжавшей к лагерю машины. «Кого там черт принес?» – пробурчал я про себя.

Из – за особого характера нашей работы со львами к нам в лагерь редко кто приезжал, не уведомив об этом предварительно, да так оно и было нужно. Тем более, когда ситуация в лагере и вокруг него была особенно напряженная: Рафики только что родила, Фьюрейя была на сносях, а Батиан только-только выкарабкивался из тяжелейшего состояния. Короче, время для визитов было самое неподходящее, разве какое срочное дело привело к нам гостей.

Фьюрейя по-прежнему шипела у моих ног, а я попросил Джулию, наблюдавшую из-за ограды лагеря, – кто бы ни приехал, разъяснить ситуацию и потребовать удалиться. Что касается меня, то я буду рад назначить

гостям встречу на берегу реки Питсани, как только ситуация со львами это позволит.

Джулия направилась к воротам, встретила машину и передала мое сообщение. Я ждал, что машина отъедет, но вместо этого голоса ее пассажиров зазвучали еще громче. К тому же я опасался, как бы между Батианом и Фьюрейей не разразился скандал, и это едва не вывело меня из себя. Тут вернулась Джулия – я чувствовал, что увижу ее взволнованной, да так оно и оказалось.

– Это мистер Ю (член Комитета землевладельцев Тули) и его друзья. – сказала она. – Я разъяснила ему ситуацию, а он настаивает: «Сообщи Гарету что приехал мистер Ю и хочет поглядеть на Батиана».

Я был вне себя от ярости. Уже сколько времени, как было оговорено, что процесс работы со львами предусматривает сведение к минимуму контактов между ними и людьми, кроме нас с Джулией. Между тем Батиан продолжал продвигаться вперед, шипение позади меня усиливалось, и я попросил Джулию объяснить господину Ю, что ввиду сложившейся ситуации допустить его с друзьями в лагерь нет никакой возможности, и повторить, что, как только позволят обстоятельства, я буду рад встретиться с ним на берегу реки Питсани. Наконец машина уехала прочь, Джулия вернулась ко мне. Вид у нее был хмурый.

Видимо, из-за сорвавшегося визита в «Тавану» этот важный господин из Йоханнесбурга уронил свой авторитет в глазах друзей, оттого и уехал злой как черт. Этот инцидент подлил масла в огонь обиды, которую землевладельцы Тули затаили на нас с Джулией. Время было вдвойне напряженное, так как Комитет землевладельцев Тули навязал мне условия, по которым, прежде чем опубликовать любую работу о заповеднике (включая публичные интервью и обращения к правительству Ботсваны), я должен был сперва согласовать это с Комитетом – такова была

реакция Комитета землевладельцев на мои прочувствованные апелляции к общественности, призывающие обратить внимание на положение дел в Тули!

* * *

Примечательно, что уже на четвертую неделю после кровавой драки и операции Батиан снова стал на целые дни уходить далеко от «Таваны». Его опасные раны хорошо заживали, он снова набрал вес, и мускулы его сделались, как прежде, отчетливыми и упругими.

Кое – кто подумывал, что Батиан уже никогда не сможет адаптироваться к жизни дикого льва; были и такие, кто внушал мне, что потеря хвоста сильно уронит его авторитет среди других львов.

Тем не менее Батиан адаптировался к нормальной жизни. Пришло время, и он уже мог бегать быстро и без затруднения.

Впрочем, один из негативных эффектов потери хвоста вскоре стал очевиден: ему больше нечем стало сгонять со своей спины назойливых мух. Мухи наседали, а он мог только беспомощно вертеть обрубок, от которого толку было чуть. Не в силах видеть, как мухи мучают несчастного льва укусами, я, стиснув зубы, сгонял их сам.

Тело Батиана заживало быстро, и я не уставал удивляться его мужеству. Ни неравный бой, ни травма не расшатали ему нервную систему, не подорвали дух, не разрушили в нем чувство хозяина своей территории – ведь после таких передраг иные львы со страхом глядят на забредающих на их территорию соперников. Напротив – как только его раны затянулись, он снова стал громко рычать, оповещая всех на многие километры о своем присутствии, и снова стал метить

любимые кусты, восстанавливая владение долинами «Таваны» и Питсани.

Я с гордостью и облегчением наблюдал за его поведением. Своей отвагой в бою, выздоровлением после травмы и смелой борьбой за восстановление территориальных прав он учил меня мужеству – подлинному мужеству, которое через каких-нибудь несколько месяцев поможет мне совладать с накатившимся на нас горем и скорбью...

Но вернемся к сестрам моего славного друга. Однажды вечером, когда Батиан ушел в северном направлении – не иначе как на поиски своей львицы, – я повел Фьюрейю туда, где находилась Рафики с детенышами; я решил, что, поскольку Рафики меня так хорошо приняла, то она так же примет и остальных членов прайда. Но когда мы подошли к материнскому гнездышку Рафики, я заметил, что Фьюрейя стала недвусмысленно отставать от меня, с опаской осматриваясь вокруг. Первое, что я подумал – что она, возможно, почуяла леопарда, и я сделал к ней несколько шагов назад. Тут я увидел, как Рафики глядит на меня из своего логова. Я тихо подал ей знак голосом и сел на землю. Тут я увидел позади себя Фьюрейю, которая по-прежнему нервничала. Едва сел я, уселась и она. Я понял, что она нервничала именно потому, что подходила к чужому материнскому гнездышку. Мы вместе подошли к тому «наблюдательному пункту» на берегу русла, откуда я вел наблюдение за детенышами Рафики. Когда мы пришли на место и я уселся для наблюдения, Фьюрейя, к моему удивлению, разлеглась прямо у меня в ногах. Рафики не спускала глаз со своей сестры и пару раз поднимала верхнюю губу, корча гримасу, которая на львином языке означает: оставьте меня в покое, как вы мне надоели! Я понял, что, согласно львиному этикету (или только с точки зрения Рафики), даже сестре не

следует навещать свою сестру, когда детеныши такие крохотные. Мы с Фьюрейей встали и удалились.

Фьюрейя шла и терлась о мои ноги; перед уходом она даже не бросила сестре прощального взгляда. Она была явно рада, что мы уходим. Только когда мы уже достаточно далеко ушли, ее поведение изменилось и она снова стала веселой и доверчивой, как всегда.

* * *

К счастью, как только Батиану стало лучше, отношение сестер к нему изменилось. Все шипенья и ворчанья – в архив! Снова возобладало здоровое и игривое настроение. Как-то вечером я с радостью наблюдал, как Батиан приветствовал Фьюрейю. Она потерлась головой о его лоб, затем игриво дала шлепка и тут же прыгнула на огромную косматую голову. Потом она отпрыгнула в сторону, но не настолько далеко, чтобы он не мог догнать. Потом они катались по земле, обнюхивали друг друга и играли, словно вспоминая об отрочестве. В другой вечер я наблюдал такую сцену: как только Рафики припала к земле и принялась пить воду из миски, он уверенным шагом двинулся к ней и, к моему потрясению, попытался оседлать. Та, в перерыве между алчными глотками (у нее два дня ни капли воды во рту не было), прыгала, шипела, отталкивая братца мокрым подбородком.

Фьюрейя родила месяц спустя после Рафики. Как и следовало ожидать от ее независимой натуры, она устроила себе гнездо не вблизи лагеря, а примерно в восьми километрах к востоку от него. Она появилась в лагере примерно через пять дней после рождения детенышей, как совсем недавно Рафики – похудевшая, но томящаяся от жажды и с сосцами, полными молока. После того как я два дня проискал ее материнское

гнездышко, она сама меня к нему сводила. Я пошел за ней следом к восточному откосу, потом через самое высокое место Долины браконьеров, потом по скалистому плато, с которого открывался вид на широкую долину Шаше. Там я потерял ее след на устилавших в этом месте землю оранжевых камнях. Битый час я безуспешно всматривался в овраги и расщелины. Вдруг неожиданно я услышал, как она меня зовет, и увидел ее на открытом пространстве примерно в полтора метра от себя. Мы встретились, и она повела меня в другой каменистый овраг, останавливаясь в пути, как и Рафики, чтобы я мог догнать ее. Мы спустились в овраг, и теперь я уже шел за ней, не отставая. Повернув вправо, она шагнула на ветки – это и было гнездышко с ее детенышами. Лучи золотого света играли на их маленьких крапчатых фигурках, и, расшалившись, трое львят явно давали понять, что обрадовались возвращению своей мамы.

Гнездо Фьюрейи многим отличалось от гнезда Рафики – в этом тоже отразились главные различия в характерах обеих сестер. В отличие от гнезда Рафики гнездо Фьюрейи не было полностью затенено, и детеныши лежали не на мягкой почве, как у Рафики, а на камнях и высохших ветках. Однако общим было то, что оба гнезда были хорошо замаскированы.

Фьюрейя, как и Рафики, полностью приняла мое присутствие. Я наблюдал с расстояния в три шага, как она, сидя на неудобных камнях, принялась вылизывать детенышей, которые, несмотря на то что им не исполнилось и недели, начали громко протестовать. После гигиенической процедуры они подползли к ее животу, насосались и уснули – три золотисто-коричневых комочка прижались к матери, возле которой чувствовали себя в полной безопасности...

К июлю Батиан полностью оправился от ран и, к моему изумлению, все чаще стал убегать в южном направлении через долину Питсани на территорию прайда Нижнего Маджале, где в последние десять лет безраздельно властвовал Темный. Темный продержался во главе прайда необыкновенно долго. Да, это был особенный лев, но тот факт, что Батиан все больше стал интересоваться его владениями, указывал на то, что царствование пожилого монарха подходило к концу и мой принц искал пути занять его место во главе правда.

Жизнь Темного была окутана тайной. Каким-то образом он столько лет избегал пуль южноафриканских охотников и бесчисленных браконьерских капканов. Порой он казался бессмертным – столько его спутниц, дочерей и сыновей погубил человек, а он все жил. Постоянно ускользая от опасностей, старина прожил много долгих лет.



Исчезновение Темного было так же окутано мраком, как и его жизнь. Не нашли даже его останков – он просто исчез, и больше его никто не видел. Когда это случилось, Батиан мог без страха странствовать по всем его бывшим владениям. Возможно, в конце концов охотники из Южной Африки переманили Темного за реку с помощью приманок и подражания звукам кормящихся львов, которыми они годами заманивали львов, чтобы отстреливать. Впрочем, я предпочитаю думать, что старина Темный просто умер своей

смертью. К 1991 году ему было около шестнадцати лет – невиданный возраст для самца в условиях дикой природы. Большинство самцов – не без участия человека – погибает или исчезает где-то в возрасте восьми лет. Возможно, Темный просто тихо заснул где-нибудь в укромном месте на территории Тули. Но после него осталось большое наследство – его кровь текла в большинстве львов, ходивших по просторам Тули, большинство из них прямо или косвенно приходились ему родней. Даже детеныши Рафики и Фьюрейи были его потомками: ведь их отец – кто-то из двоих Близнецов – был, по всей вероятности, сыном Темного.

Когда Батиан наносил визиты в «Тавану», то подвергался скрупулезному обнюхиванию со стороны сестер. Фьюрейя и Рафики обнюхивали его с пристрастием, выведывая по запаху, с кем это он общался и любезничал.

Но чем больше я радовался за Батиана, стремившегося занять трон Темного, тем больше мной овладевал страх за него. Южная граница территории, занимаемой прайдом Нижнего Маджале, проходила по пересыхающей большую часть года реке Лимпопо, а по ту ее сторону начиналось царство человека – охотничьи хозяйства и меткие ружья. Обуреваемый страхом за своего питомца, я ходил его искать всякий раз, когда он уходил в сторону Лимпопо. В этих случаях я обычно находил его растянувшимся под Деревом пастухов. Когда я подходил к нему, он горячо приветствовал меня. Затем я садился рядом с ним в круглой тени дерева, пока солнце не начинало клониться к закату и воздух не начинал холодеть. Тогда я вставал, гладил его по огромной голове, и мы вместе шли на север, в направлении «Таваны». Мы шли на север по широким долинам, покинув опасный мир человека, лежавший на юге.

Иной раз, когда я находил следы Батиана на юге, я въезжал на машине на верх невысоких холмов и звал его, двигаясь в то же время на север. Поздней порой, отвечая на мои призывы, он появлялся в лагере, и теперь уже я просыпался от его зова, выходил к нему, гладил по голове и думал про себя: только бы его снова не потянуло на юг, где опасность! Какое там! Настоящему мужчине свойственно искать самок. Его действия были инстинктивной реакцией на создавшуюся вакансию вожака прайда. Природа не терпит пустоты, и Батиан, стремясь на юг, хотел спасти ее от формирующегося в этом месте вакуума.

* * *

... Но вот в конце июля небольшая группа львов, принадлежавших к прайду Нижнего Маджалале, неожиданно перешла русло Лимпопо и оказалась в Южной Африке. У меня не было никаких сомнений в том, что не обошлось без приманок и звуков кормящихся львов, передаваемых южноафриканскими охотниками по громкоговорительным установкам. Мне доложили о том, что молодую львицу насмерть переехало машиной, а один лев был незаконно отстрелен. Я тут же связался с соответствующими лицами и представителями власти в Ботсване и в Южной Африке и в спешном порядке предложил немедленно отловить оставшихся львов из этого прайда и организовать их возвращение на территорию Тули.

Утром я узнал, что нескольких львов видели в охотничьем хозяйстве в десяти километрах ниже по течению Лимпопо. Я тут же связался по телефону с управляющим этого хозяйства и попросил его дать мне время на организацию их возвращения. Он согласился.

А вечером того же дня он вместе с владельцем хозяйства застрелил молодого самца, которого приманили тушей осла.

Батиана застрелили насмерть.

«У льва не было хвоста», – эти слова преследуют меня и будут преследовать до конца моих дней. Дальше мне подтвердили, что у льва не было хвоста.

Я не могу описать свалившееся на нас горе. Эта боль не утихла и сейчас.

Когда я узнал, что погиб именно Батиан, я вышел из лагеря и направился туда, где сливались две реки – туда, где росло могучее дерево и находилась небольшая котловина, где всегда была вода. Здесь мы всегда отдыхали во время прогулок со львами, сидя лицом к западу и наблюдая заход солнца.

С этим спокойным местом было связано много воспоминаний. В тот день я вырыл яму под двумя деревьями и собрал со дна русел рек самые красивые камни. У меня не было тела моего льва, только одеяло, на котором он лежал, поправляясь после схватки. Я положил это одеяло в яму и сложил пирамиду из камней. На следующий день я принес туда плиту из песчаника, на которой мы с Джулией выгравировали надпись:

БАТИАН ИЮЛЬ 1988 - ИЮЛЬ 1991

Ему было всего три года, когда он погиб.

... Почти через год, когда его убийцы были признаны виновными в незаконном отстреле льва и наказаны ничтожным штрафом, и после того, как я столько обивал пороги бесчувственных чиновников из природоохранных учреждений Южной Африки, требуя выдать останки Батиана, я наконец перевез его к месту успокоения. В этот день после полудня мы с Джулией

отправились к поминальной пирамидке из камней, туда, где я положил одеяло, и похоронили череп и шкуру Батиана. Слезы застилают мне глаза, когда я пишу эти строки, но я должен писать, чтобы всем стала понятна бессмысленность и жестокость, с которой убивают львов по всей Африке – ради спортивного интереса, на потеху человеку. Это происходит и тогда, когда вы читаете эти строки.

После смерти Батиана я каждый день приходил к пирамидке и садился рядом. Я задавал себе вопрос: чего стоит моя работа, если, несмотря на все мои усилия, львов Тули продолжают убивать, если я не смог предотвратить гибели от рук человека моего льва, моего Батиана?! Но именно у могилы Батиана я однажды получил ответ на свой вопрос.

Однажды вечером Фьюрейя, прежде чем возвращаться к своим детенышам, пошла со мной на могилу Батиана. Когда на западе занялся закат, я сел по одну сторону пирамиды, а Фьюрейя по другую. Было необычно тихо, и, я думаю, мы оба ощущали присутствие Батиана. С запада на восток проскочило стадо импал, но они не заметили ни меня, ни Фьюрейю. Львица подняла голову, и мы оба стали наблюдать за пробегающим стадом. Когда стадо удалилось прочь, мы встали и медленно двинулись навстречу лучам заката.

На следующий день я пришел к могиле Батиана один. Я неожиданно увидел возле нее следы львицы и детенышей.

Накануне ночью здесь проходила Рафики с детенышами. Я сел у основания пирамиды и всмотрелся в крошечные следы львят, окружавшие меня. Я трогал маленькие отпечатки на земле, и на душе у меня стало светлее. Ответ на мой вопрос был написан этими следами на этой земле. Я глядел в будущее. Будущее, в котором будут жить львы – и эти львята, и их еще не рожденные дети. Я так нуждался в мужестве, чтобы

продолжать свою работу со львами, – и этому мужеству научил меня мой великолепный лев, которого звали Батиан.



Глава двенадцатая

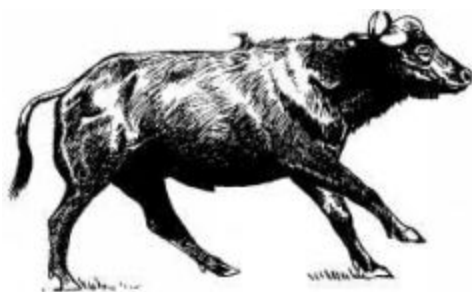
Надвигается тьма

Он соорудил Батиану памятник и просиживает там почти все вечера. Сердце кровью обливается, когда он выходит за ворота, – я знаю, что он идет к Батиану, чтобы побыть рядом с ним. Но, видно, мне дано испытать лишь долю того чувства, что испытывает он.

(Из дневника Джулии)

Вечерний путь к поминальной пирамидке стал почти ритуалом. Тихо выходя за ворота лагеря, я глубоко задумывался над всем, что произошло. Дойдя до пирамидки, я садился рядом, плакал – когда немного, когда в голос, – затем вставал и уходил. Как ни странно, пребывание у поминальной пирамидки меня успокаивало и даже возвращало мне силы.

О гибели Батиана широко писали в прессе – сначала на юге Африки, а потом и по всему свету. Мне не хотелось рассказывать о его гибели, но я был вынужден. Я был вынужден привлечь как можно больше внимания к убившим его негодяям в надежде, что, когда людям станет известно, какой смертью он погиб, это убережет от подобной смерти других львов. Но пока мое послание дойдет до всех, пройдет немало времени. Желание убивать, стремление ощутить свое превосходство над львом, странная жажда тщеславия, выражающаяся в страсти убить символ Африки, прочно укоренились в сознании иных людей.



Нечего было и думать, что убийцы Батиана раскаялись. Они разговаривали с представителями прессы наглым, вызывающим тоном. Они чуть ли не с гордостью говорили о том, как убили Батиана. Но всем этим они заклеили себя еще до того, как состоялся суд.

Вот интервью, данное убийцей:

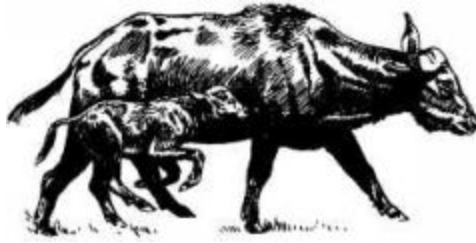
– Плевать я хотел на все ваши слезы и эмоции! Если я снова увижу, как какой-то лев крадется к моей дичи или угрожает ей, я его шлепну.

В другом репортаже было процитировано следующее:

– Если я увижу льва в буше, я не стану говорить: мол, миленький, подожди здесь, я схожу в природоохранные органы и выхлопочу разрешение тебя убить. Я даже не считаю это нужным.

В конце концов владельцу охотхозяйства и его управляющему было инкриминировано следующее: охота на льва без разрешения; недонесение о содеянном; незаконное использование приманки, а именно туши осла, для привлечения львов.

В это время я часами висел на телефоне на берегу Лимпопо, отвечая на вопросы журналистов. Как только средства массовой информации распространили сведения о случившемся, общественность была ошарашена. Мы получили множество сочувственных писем из Южной Африки и других стран.



Я стремился сосредоточить свои усилия на судьбе львов Тули, которые еще оставались в Северном Трансваале, и следил за сообщениями о том, где их видели. Точное число львов определить не удалось, но я знал наверняка, что на том берегу реки по-прежнему находились две пожилые львицы из племени Темного и три львенка. Я снова сообщил чиновникам из Департамента охраны природы Трансвааля о своей готовности организовать отлов оставшихся львов и доставку их назад в Ботсвану. Но чиновники ответили мне, что дадут добро на это только при полном согласии со стороны землевладельцев, на чьей территории обнаружены эти львы, – а таковыми были тот самый владелец охотхозяйства, который убил Батиана (этот согласился), и компания «Де Бирс», владеющая заповедником «Венеция». Управление «Венеции» воспротивилось выдаче львов для возвращения в Ботсвану, изъявив желание сохранить их в своем заповеднике (исконно обитавшие в этой части Северного Трансвааля львы были истреблены свыше пятидесяти лет назад).

На мой взгляд, такое отношение управления заповедника «Венеция» не было продиктовано ничем иным, кроме эгоизма. Как вновь образованное предприятие они хотели иметь львов у себя в заповеднике, потому что львы входят в «большую пятерку» самых престижных зверей (включающую львов, леопардов, бизонов, слонов и носорогов). При этом они не могли гарантировать львам полной защиты, и именно поэтому я чувствовал, что они не смогут

работать в интересах львов. Я был расстроен, когда они информировали меня, что не согласны с моим предложением, но сообщили, что соорудят на границах заповедника ограду, которая предотвратит миграцию хищников туда, где они могут быть убиты и где уже гремели выстрелы.

Но такую ограду нельзя построить за одну ночь, и я чувствовал, что может произойти, когда львы покинут территорию заповедника «Венеция».

Увы, мой страх за львов оказался не напрасным. Через какие-нибудь три недели после гибели Батиана тот же землевладелец, что убил его, совершил новое злодеяние. «Владелец охотфермы застрелил еще двух львов. На сей раз убийца Батиана действовал по разрешению» – кричал заголовок с газетной полосы. В голове не укладывается, но чиновники из природоохранных инстанций Трансвааля выдали убийце Батиана разрешение на отстрел двух львов. Я слышал, что владелец охотхозяйства наткнулся на пятерых львов у водопоя на своей территории, был «атакован одним из львов и принужден был стрелять», как сообщил мне генеральный директор Департамента охраны природы Трансвааля. Убийце Батиана были выданы разрешения на отстрел львов, потому что «хищники представляли серьезную угрозу его средствам к существованию». И это несмотря на мои предложения по безопасной доставке львов назад в Тули. Я был вне себя от ярости.

Тот же генеральный директор, как писала пресса, сообщил, что осуществление моего предложения об отлове львов и доставке их в Тули не представлялось возможным, так как «определить их (львов) местонахождение чрезвычайно трудно: они бегают на большие расстояния». Это было, мягко говоря, неверно: львы подпускают к себе человека, не пугаются машин, поддаются перевозке, и, исходя из моего опыта, их

легко было бы отловить. Перед тем как совершился отстрел по разрешению, я предупреждал чиновников, что в случае отстрела взрослых львиц погибнут и детеныши, не способные прокормить себя. Несмотря на мои предупреждения, разрешение на отстрел было выдано.

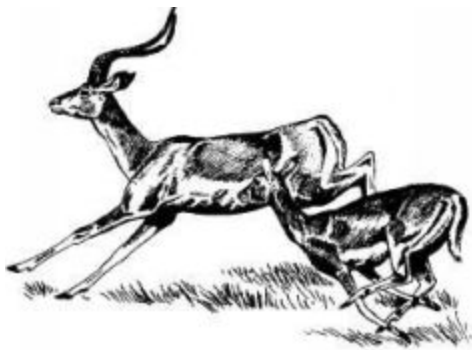
Убийца Батиана застрелил одну львицу в упор, а другая, как писали в прессе, «раненная, уползла в буш под защиту охотничьего хозяйства „Де Бирс“. Охотник подстрелил львиц с полного благословения природоохранных чиновников.

Вот на скольких людей я затаил обиду: на чиновников Трансвааля, на управление заповедника «Венеция» (за то, что они не дали добро на возвращение львов) и на некоторых людей в самом Тули. Управляющий одного из крупнейших заповедников в Тули, чей бизнес во многом зависел от львов как средства привлечения туристов, заявил буквально следующее: «По-моему, весь этот шум возник под влиянием не чего иного, как эмоций». Не горькая ли насмешка, что эти слова так похожи на те, что бросил убийца Батиана, назвав реакцию на свое злодеяние «эмоциями»...

Батиан погиб. Одну львицу, как утверждается, «переехала машина». Еще одна застрелена. Третья ранена. Детеныши остались сиротами. А управляющий заповедником и убийца Батиана пренебрежительно называют реакцию на случившееся одним и тем же словом – «эмоции»... «Как же природоохранное дело докатилось до этого? Какие люди им заправляют?» – в сердцах спрашивал я себя. Я снова сталкивался с чопорным, прагматичным, бездушным отношением, преобладающим в Южной Африке. К тому же я не получил поддержки предложения о доставке львов назад в Тули от большинства самих же землевладельцев Тули. В этот период они словно воды в

рот набрали. Возможно, их молчание носило «дипломатический» характер – им просто не хотелось конфликтовать с компанией «Де Бирс», с которой они вели переговоры о продаже ей слонов Тули для восстановления поголовья в заповеднике «Венеция», да еще с доставкой их туда вертолетами.

Публичные заявления ряда южноафриканских природоохранных деятелей были столь же хладнокровны, как и те, что приходили из Северного Трансвааля и Тули. Сообщалось, что уполномоченный Южно-Африканского общества дикой природы (насчитывающего огромное число членов из числа общественности) сказал, что ему понятно, на каких основаниях выдаются разрешения и что «львы не являются исчезающим видом». Газеты сообщали, что он заявил следующее: «Конечно, я не в восторге от того, что львов убивают, но я считаю, что власти действовали весьма ответственно». По иронии судьбы, как раз перед тем, как были убиты львы, в журнале, издаваемом Обществом дикой природы, была опубликована передовая статья, посвященная «проблемным животным», вывод которой гласил, что если продолжится огульное уничтожение хищников, то это ясно докажет, что проблемой в конечном счете является сам человек. Я чувствовал, что попал в Зазеркалье, как Алиса.



Хотите увидеть последствия «весьма ответственного» подхода к такому щепетильному делу,

как охрана дикой фауны? Зайдите в мастерскую таксидермиста [мастер по изготовлению чучел животных и птиц] в городке Олддейз на севере Трансвааля. Там вы увидите чучело львицы. Девять тысяч рандов. Когда-то эта львица была подругой Темного, матерью его детей, потом с ней искал дружбы Батиан – она и погибла, как он. Некогда эта львица свободно рыскала по залитым лунным светом долинам Питсани, как когда-то ее предки. Теперь ее нет в живых. Осталось лишь странное подобие, сделанное человеком. Некое факсимиле, представляющее не то, чем она была, а то, как иные люди воспринимают ее саму и ее племя.

Горестно, что история повторяется. Пять лет назад львов в Тули убивали так же, как и теперь. Лев, которого я знал с двухнедельного возраста, был застрелен, подобно Батиану и многим другим, и его чучело выставлено в той же самой мастерской. Тогда я написал следующее:

«Его морде был придан пугающий оскал, его тело искажено и недвижно застыло... Если оболочку льва можно оценить в денежном выражении, то живой лев, конечно же, ничего не стоит. Кажется странным, что к шедевру, созданному человеком – возьмем для примера античную скульптуру, – человек относится как к священной реликвии. Зато шедевр, созданный самой природой, форма жизни гораздо более старшая, чем человеческая раса – лев, – и ныне нещадно уничтожается ради удовольствия. Странное отношение иных людей».

Эти прочувствованные слова – всего лишь эхо прошло-то, эхо того, что чувствовал и о чем писал Джордж Адамсон за тридцать лет до этого. А писал он вот что:

«Однажды вечером нам встретила
величественная львица, восседавшая на скале и

озиравшая долины. Она была слеплена лучами заходящего солнца, как если бы она была частью гранита, на котором лежала. Я подумал: сколько же львов лежало на этой же самой скале в продолжение бесчисленных столетий с тех самых пор, когда человеческая раса была еще в колыбели. При мысли об этом я задумался: почему цивилизованный человек, тратя несметные богатства на сохранение старинных зданий и произведений искусства, созданных рукой человека, уничтожает эти существа, которые являют собой само совершенство неувядаемой в веках красоты и грации. И делает он это не ради чего иного, как ради хвастовства своей доблестью, силой оружия, изобретенного человеком для убийства человека же».

Проходили недели, и противостояние продолжалось. Я и директор Департамента охраны природы Трансвааля были приглашены на диспут, устроенный Южно-Африканским телевидением. Как видно, два наших интервьюера предвкушали напряженную битву, и порой наша дискуссия действительно доходила до точки кипения. Наиболее острым моментом в нашем споре было различие мнений относительно роли хищников и различие взглядов на индустрию охотничьих хозяйств в целом. Директор начал с того, что хотя лев и утратил свое жизненное пространство, но благодаря индустрии охотничьих хозяйств дикой фауны живет теперь больше, нежели в прошлом. Когда же ему указывали на то, что в результате конфликта с владельцами охотничьих хозяйств гибнут и самые близкие к исчезновению виды – гепард и дикая собака, – он намекал на то, что главная роль его департамента – защищать интересы владельцев охотхозяйств.

Я согласился с тем, что в настоящее время ареал льва (как и ареалы других крупных хищников) представляет собой лишь долю того, чем он был два

столетия назад, но подчеркнул, что, хотя сейчас охотничьи хозяйства вытесняют фермы по разведению домашнего скота, следует признать, что владелец охотничьего хозяйства так же не жалуется хищников, как и его предшественник – владелец скотоводческой фермы. Он рассматривает их в том же свете, что и владелец домашнего скота – как угрозу экономике индустрии, которая подается публике под вывеской «природоохранной». Кроме того, я указал на то, что небольшие, огражденные заборами охотничьи хозяйства часто нежизнеспособны в экологическом смысле, потому что препятствуют свободному передвижению диких животных и в них отсутствует та существенная роль, которую в дикой природе играет хищник. Этот и другие факторы делают охотничьи хозяйства лишь суррогатами настоящей дикой природы – этой теме я коснусь чуть ниже.



На вопрос в упор, почему его Департамент выдал убийце Батиана разрешение на дальнейший отстрел львов, директор заявил, что решение об этом было принято после полномасштабных консультаций со всеми окрестными владельцами охотничьих хозяйств и другими землевладельцами. Я чувствовал, что он кривит душой: если бы он спросил мнение руководства заповедника «Венеция», то встретил бы строгие возражения, потому что те безусловно хотели, чтобы оставшиеся львы выжили – предпочтительно в их собственном заповеднике.

Директор также подчеркнул, что убийца Батиана жаловался на то, что на его земле лев загрыз жирафа, а стоимость жирафа, по расценкам индустрии охотничьих хозяйств, – семь тысяч рандов. Якобы это и послужило обоснованием для выдачи разрешения. Я высказал сомнение в обоснованности такой жалобы. На территории Тули жирафов не было в течение столетия, и их возвратили на эту землю около девяти лет назад. Хотя численность жирафов со временем увеличилась, львы на них никогда не охотятся. Так с какой же стати, спросил я, львы Тули, перейдя границу Южной Африки, вдруг станут охотиться именно на жирафов?

Когда директору был задан вопрос, почему львы перешли на территорию Южной Африки, он сказал, что это могло явиться следствием внедрения «львов из-за границы» (то есть моих львов) на территорию Тули. Я же возложил вину за переход львов на такие факторы, как приманки и звуковые сигналы, использованные человеком. Иначе с какой же стати львицы, исконно проживавшие на территории, насыщенной дичью, вдруг бросят свои вотчины и уйдут в зону повышенной человеческой активности, где добыча не столь доступна и ничего, кроме опасностей, их не ждет?

Но настоящие дебаты разгорелись уже после того, как теледискуссия закончилась. Они разгорелись уже в фойе телестудии. Я содрогнулся, равно как и бывшая со мной Джулия, когда директор принялся высказывать некомпетентные заявления не только по вопросу о львах, но и по теме Тули в целом. Было похоже на то, что теперь, когда он говорил в неофициальном порядке, ему просто хотелось отвести душу. Так всегда бывает, когда правительственный чиновник, в обычных условиях сдерживаемый официальными рамками, получает возможность выпустить пар.

Мы не просто держались противоположных взглядов. Мы представляли два разных мира.

Смерть Батиана выявила и продолжает выявлять тех владельцев охотничьих хозяйств, которые просто прикрываются вывеской охранителей природы, а на деле являются врагами хищников. Этим они могут стать злейшими врагами самим себе. Сейчас, когда Южная Африка выходит из политической изоляции, имевшей место в прошлом, владельцы охотничьих хозяйств, борцы за охрану природы и ответственные за природоохранное дело чиновники должны снять шоры и заглянуть вперед. Огульный отстрел хищников в охотничьих хозяйствах – хотя им самой природой ведено там появляться – будет восприниматься не иначе как с осуждением общественностью стран Запада, то есть потенциальными туристами, которые могли бы посетить Южную Африку. Если такое отношение к хищникам не изменится, то этот фактор, как и ряд других аспектов ведения охотничьих хозяйств, серьезно навредит их владельцам. Индустрия охотничьих хозяйств может стяжать на международной арене печальную славу кровожадной и алчной.

Ежегодно около семидесяти тысяч диких животных отлавливается в этих хозяйствах. Аспекты этой индустрии уже становились объектом критики. Например, условия, в которых содержатся эти животные во время аукционов охотфауны, заставляют задуматься, каковы же в действительности мотивы «ревнителей охраны природы», которые не устают повторять, что дикие животные «должны себя окупать».

Как раз после гибели Батиана популярный журнал опубликовал результаты исследования в области ведения охотничьих хозяйств в Южной Африке. Результаты были шокирующими и вызвали настоящее возмущение общественности. Было установлено, что

«гордость Южной Африки – наследие благородной фауны – превращается в призрачный кошмар». Диких животных отлавливают в дикой природе, перевозят на аукционы, держат там в тесных загонах, затем продают и увозят в совершенно новую среду обитания. В этом исследовании сообщалось, что из целой «партии» диких животных стоимостью в семьдесят пять тысяч рандов только одно животное – зебра – прижилось в новых условиях. Сообщались и другие леденящие душу истории: о полумертвых от голода антилопах, так и не приспособившихся принимать пищу в условиях неволи – ребра у них выпирали через кожу; о содержавшейся в загоне выкинувшей самке зебры, у которой по-прежнему свисал послед – никто не оказал ей ветеринарную помощь; о белом носороге, которого купили, привезли в охотхозяйство и выпустили, но при перевозке так напичкали наркотиками, что он едва мог ходить, шатаясь, – не то что убежать от пули клиента владельца охотхозяйства.

Сообщалось также, что при перевозке из охотхозяйства животным так туго связывают ноги нейлоновыми чулками, что в ногах полностью прекращается кровообращение, и нескольких антилоп пришлось пристрелить. Кроме того, более половины газелей погибает из-за стресса, вызванного неволей и перемещением. В заключение говорилось: «Индустрия ведения охотничьих хозяйств в целом должна признать, что, если она хочет существовать, не вызывая негодования общественности, должны быть приняты и строго исполняться правила отлова и перевозки». Все правильно, но это лишь отдельные аспекты, на которые необходимо обратить внимание индустрии, моральный долг которой – очистить свою деятельность от греха.

Должна быть пересмотрена вся концепция использования охотфауны на частных землях. Необходимо довести до понимания владельцев

небольших огороженных территорий, что разделение угодий на крошечные участки и огораживание их приводит к нарушению экосистемы. Если заборы будут сняты и частными владельцами будут учреждены общества по охране фауны, дикие животные смогут передвигаться значительно свободнее. Будут возвращены хищники для выполнения своей важной роли поддержания хитросплетенных взаимоотношений с теми видами, на которые они охотятся. Крупные общества смогут поддерживать «большую пятерку» животных, на которых поедут любоваться туристы. Сами же землевладельцы, а также население территорий, окружающих их земли, окажутся в выигрыше от экотуризма. Рай не будет потерян, но будут возрождены и вновь открыты куски подлинной Африки.

Д-р Джордж Шаллер так проиллюстрировал важнейшую роль хищника в окружающей его жизни:

«Хищники – лучшие регуляторы дикой фауны... Они уничтожают больных и старых особей, благодаря им стада остаются живыми и здоровыми. Красота антилопы, ее воздушность, грация и исполненность жизнью обязаны эволюционирующему воздействию хищника, поедавшего флегматичных и медленных особей. Есть надежда, что человек извлек уроки из своих прошлых ошибок и набрался мудрости для понимания необходимости льва и других хищников, ради изобилия и здоровья тех, на кого они охотятся».

... В скорбное время, переживаемое нами после гибели Батиана, лучом надежды и вдохновения оставались Рафики, Фьюрейя и их детеныши. В это трудное время Джулия написала строки, в которых подводится итог истории ПОСЛЕДНИХ ИЗ СВОБОДНЫХ:

«После нескольких дней отсутствия мы с Гаретом вернулись в лагерь. После семичасового пути мы были покрыты пылью, изнывали от жары и усталости. Гарет

больше всего волновался за львов, которых не видел десять дней. (Хотя это доказательство их полной независимости, это и причина для беспокойства, особенно после случившегося с Батианом).

Мы проехали знак «ЛАГЕРЬ „ТАВАНА“. БЕЗ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАЗРЕШЕНИЯ ВЪЕЗД ВОСПРЕЩЕН» и свернули на километровый отрезок пути, ведущий к нашему дому. Как только мы сделали поворот непосредственно перед въездом в лагерь, мы увидели неподалеку в кустах Рафики. Мы остановились у ворот. Гарет вышел из машины и открыл их, а когда я въехала, закрыл за мной.

Едва я вышла из машины и оглянулась назад, туда, где за воротами оставались Гарет и Рафики, я была вознаграждена вдохновеннейшим зрелищем. Я наблюдала – и меня переполняла гордость за Гарета, за его львиную стаю. Все усилия, травмы, в буквальном смысле слова кровь, пот и слезы были вознаграждены этими краткими счастливыми мгновениями, которые сказали мне все.

Когда Рафики что-то проскулила Гарету в знак приветствия, он нагнулся, чтобы дать ей возможность потереться об его голову своей. Тут из-за кустов позади к Гарету бросилась Фьюрейя, выступая своим характерным уверенным шагом, чтобы он ей тоже сказал «здравствуйте». Обе львицы терлись о ноги Гарета, толкали его, соперничая между собой за ласку и внимание. Я наблюдала за этой сценой из-за ограды лагеря, и тут из кустов показались пять небольших крапчатых фигур и по одному, волнуясь, выползли наружу. Осторожно выйдя из кустов, детеныши вскоре расселись по старым спиленным сучьям железного дерева, свесив лапки и помахивая хвостиками.

Не хватает слов, чтобы пересказать увиденную мной картину – Гарет со своим прайдом. Этот вечер, как и типичный вечер в Тули, был окрашен золотым светом, и

вскоре Фьюрейя, Рафики и Гарет, довольные жизнью, уселись вместе, а рядом виднелись мордочки детенышей.

Воцарилась атмосфера полного благоденствия, и это был тот момент, который навсегда врезался в мое сознание. Он напоминал о себе всякий раз, когда мне приходилось бороться с горестями».

* * *

ТОГДА ТЫСЯЧЕНАЧАЛЬНИК ПОДОШЕЛ К НЕМУ, СКАЗАЛ: «СКАЖИ МНЕ, ТЫ РИМСКИЙ ГРАЖДАНИН?» ОН СКАЗАЛ: «ДА».

ТЫСЯЧЕНАЧАЛЬНИК ОТВЕЧАЛ: «Я ЗА БОЛЬШИЕ ДЕНЬГИ ПРИОБРЕЛ ЭТУ СВОБОДУ».

ПАВЕЛ ЖЕ СКАЗАЛ: «А Я БЫЛ РОЖДЕН СВОБОДНЫМ».

Деяния 22; 27-28

От автора

История львов, взлелеянных Джорджем Адамсоном, и история бушей Тули на этом не завершается...

Именно поэтому я умышленно заканчиваю книгу временем смерти Батиана. Я чувствую, что его трагедия подвела черту под главой моего сказания, к которому приложила руку Джулия, приложили лапу львы, носящиеся по просторам заросших кустарником земель.

О том, чему суждено было случиться далее, – впереди большой рассказ. Как раз сейчас я пишу продолжение «Последних из свободных», в котором речь пойдет обо всем, что произошло за два года после смерти Батиана (надо сказать, за эти два года было немало черных дней) и чем ныне богата жизнь Последних из свободных.

В прошлом бытовало мнение, что мои записки могут отрицательно сказаться на развитии туризма в этих краях. Позвольте с этим не согласиться – особенно в том, что касается «Последних из свободных». Напротив, я надеюсь, что книга «Последние из свободных» станет ценным вкладом для развития этого замечательного, но малоизвестного уголка дикой природы.

